

А. Ю. Бондаренко
Н. Н. Ефимов

Утаенные

Страницы

Советской

Истории

Книга 2

**А. Ю. Бондаренко
Н. Н. Ефимов**

Утаенные страницы советской истории

Книга 2

Москва
Кучково поле
2011

УДК 94
ББК 63.3(2)7
Б81

Президиум Союза ветеранов госбезопасности выражает благодарность за активное участие в выпуске данного издания:

Бучумову В. П., Графову П. В., Егорову Б. А., Ершову Н. Н.,
Ершову В. Н., Захарову В. Н., Касьяну С. П., Колотенко В. Д.,
Коротченко Е. В., Ларикову А. Т., Логинову В. Ю.,
Мелкумяну А. Ю., Мельнику Е. Н., Минкину М. А.,
Нумерову О. Н., Пильгуну А. И., Полякову Ю. М.,
Сазонову Ю. А., Сасс И. Г., Смирнову Д. В., Френкелю Б. Е.

Б81 **Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н.**

Утаенные страницы советской истории. Книга 2. —
М.: Кучково поле, 2011. — 384 с.

ISBN 978-5-9950-0149-2

Это издание является продолжением книги «Утаенные страницы советской истории». Читатель снова сможет перечитать малоизвестные страницы истории Советского государства. Свидетельства очевидцев и участников событий, эксперты, архивные материалы помогают авторам воссоздать картины прошлого. Размышления авторов позволяют лучше представить скрытый от масс механизм формирования реальной политики, причины взлета и падения СССР, распад которого стал величайшей катастрофой XX столетия.

УДК 94
ББК 63.3(2)7

ISBN 978-5-9950-0149-2

© Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н., 2011
© Кучково поле, 2011

Предисловие

В 2007 году «Кучково поле» выпустило в свет книгу «Утаенные страницы советской истории», подготовленную журналистами газеты «Красная звезда» — ее главным редактором Николаем Ефимовым и членом редколлегии специальным корреспондентом Александром Бондаренко. Книга, повествующая о малоизвестных событиях нашего недавнего прошлого, вызвала большой читательский интерес и не только была уже пять раз переиздана, но и широко представлена в сети Internet. Кстати, вслед за ней в «Кучковом поле» увидели свет — также неоднократно — книги этих же авторов «Загадочные страницы русской истории» и «Тайные страницы Великой Отечественной».

Теперь Александр Бондаренко и Николай Ефимов вновь возвращаются к первой теме своей совместной работы, предлагая читателям очередной труд — «Утаенные страницы советской истории. Книга вторая».

Новая книга посвящена событиям, происходившим с 1930-х годов и практически до самого крушения Советской империи. В нее, как и в первую книгу, вошли отнюдь не столь сейчас модные «исторические версии» и «смелые гипотезы», но научно-публицистические материалы, подготовленные на основании рассекреченных документов и свидетельств активных участников и компетентных очевидцев произошедших событий. Основной

темой этих материалов стала борьба за власть, за место на кремлевском олимпе — тот самый скрытый и, как оказалось, непрерывный процесс, что начался еще до октября 1917 года и, в конце концов, привел к крушению великой Советской державы. Да, именно он, а не официально декларируемая сейчас «тупиковость» прежнего пути социалистического развития! Можно сколько угодно рассуждать про этот «тупик», однако даже Великой Китайской стеной нельзя отгородиться от успехов лидирующего в мировой экономике Китая, не отказавшегося от реализации идей социальной справедливости. И не зря те же китайцы еще в древности говорили, что лучше стадо баранов, предводительствуемое львом, нежели стая львов, ведомая бараном... Народ наш в подавляющем своем большинстве трудолюбив и бескорыстен, мудр и терпелив, однако, как свидетельствует история, в борьбе за власть обычно побеждали люди, наделенные совсем иными качествами. Об этой борьбе, о личностях, в ней побеждавших, а также о тех, кто «оставался за бортом», рассказано в ряде материалов этой книги.

Большой ее раздел посвящен анализу событий предыстории и первых месяцев Великой Отечественной войны, до сих пор до конца не рассекреченных и не понятых и потому представляющих обширное поле для разного рода политико-исторических спекуляций. Читателю не следует искать здесь «жареные факты» и «сенсационные открытия», зато можно существенно расширить свое представление о причинах, виновниках и подлинных масштабах произошедшей катастрофы.

Ряд материалов традиционно касается деятельности спецслужб, и вот здесь можно найти совершенно неожиданные материалы, касающиеся не только событий 1930-х и начала 1960-х годов, но и самого «заката эпохи». Недавно рассекреченные, они еще не успели стать достоянием широких слоев общества.

Достаточно разнообразна и жанровая подача материала. Кроме статей, очерков и исследований в книгу вошли интервью с известными политическими деятелями, военачальниками и ведущими российскими историками, а также недавно введенные в научный оборот документы и страницы из воспоминаний, публикуемых впервые.

Как и во всех предыдущих работах, авторы второй книги «Утаенных страниц советской истории» относятся к своим читателям с уважением и доверием, а потому, предлагая им эксклюзивный материал, они не стремятся навязывать свою точку зрения, свое собственное отношение к событиям и людям и не злоупотребляют однозначными оценками произошедшего.

ЧАСТЬ 1

Революция пожирает своих детей

СУДЬБА РАЗВЕДЧИКА

Счастлив человек, который может все успеть и все делает вовремя! Но в нашей жизни часто так бывает, что одни дела перекрывают другие, планы нередко приходится корректировать, откладывая что-то, как говорится, на потом, а затем оказывается, что это «потом» по той или иной причине уже никогда не наступит. Помню, как несколько лет назад к нам в «Красную звезду» пришел Лев Парпаров, сын легендарного советского разведчика-нелегала. Был долгий интересный разговор, Лев Федорович много рассказывал о себе и особенно о своем отце, Федоре Карповиче. Договорились встретиться, но что-то помешало, встреча отложилась, а потом я узнал, что Льва Федоровича больше нет.

И вдруг недавно — неожиданная встреча с молодой и красивой женщиной Марией Максимовой, дочерью Льва Федоровича. То, что я беседовал с ее отцом, для Марии оказалось полной неожиданностью, однако наш разговор получился на те же самые темы.

— Мария, объясните, пожалуйста, почему вы обратились к судьбе своего деда, которого никогда не видели?

— От моего отца мне достались очень интересные документы... Дело в том, что еще в начале февраля 2000 года архив ФСБ России передал ему ряд материалов из следственного дела Федора Карповича. Вот один из них: решение об аресте отца с резолюциями наркома Ежова и его заместителя Фриновского. Тогда же ему

передали шестьдесят писем, которые он писал родителям в 1936–1937 годах из Швейцарии — их конфисковали во время обыска в Москве 28 мая 1938-го, и тюремную фотокарточку деда. Отец рассказывал, что большинство страниц следственного дела оказались опечатанными: это было связано с теми сведениями, которые не подлежат огласке и поныне...

— *Вам, видимо, хорошо известна биография вашего деда?*

— Думаю, она типична для многих и многих людей его поколения. Федор Карпович родился 23 ноября 1893 года в городе Велиже Псковской губернии, в простой еврейской семье. Отец его был приказчиком по лесному делу, и он сам начал с 16 лет работать в лесозэкспортной компании в Риге учеником. Потом был конторщиком в банке. В 1918-го был принят в РКП(б), в 1919-м добровольцем пошел в Красную армию рядовым красноармейцем. Затем перешел на партийную работу — политинспектором 5-й армии, комиссаром штаба Енисейской дивизии, комиссаром инженерных войск 5-й армии.

— *Восточный фронт — это бои против чехословацких мятежников, Колчака и барона Унгерна?*

— Да, именно так. Тогда он познакомился с начальником инженерных войск армии Дмитрием Михайловичем Карбышевым. Вроде они даже подружились — есть такая семейная легенда! Я точно знаю, что, когда в декабре 1986 года мой папа — руководитель делегации Советского комитета ветеранов войны — побывал в бывшем гитлеровском концлагере Маутхаузен, где находился в плену, руководил подпольной работой и погиб Герой Советского Союза генерал-лейтенант Карбышев, он возложил венок к памятнику на месте его гибели. Но вернемся к Федору Карповичу. В 1920 году его свалил сыпной тиф — болезнь всех войн и революций. В результате он демобилизовался и был направлен в Наркомпрос на должность заместителя

начальника административного управления наркомата. Одновременно учился на отделении права МГУ, которое окончил в 1924 году.

— После этого, соответственно, был направлен в разведку?

— Сначала его еще из партии исключили — только не думайте, что он был какой-то диссидент! Дед был человеком своего времени и, скажу так, продуктом своей эпохи. Вот посмотрите, что написано в этой характеристике: «Во время партийной чистки в 1921 году был исключен из ВКП(б) как чуждый элемент. Отец Парпарова работал приказчиком у лесопромышленников».

— Потом восстановили, конечно?

— Конечно! И в 1925 году отец поступил в Наркомвнешторг и в феврале того же года выехал с семьей, то есть с мамой и сыном, моим отцом, которому тогда и года еще не было, в Берлин. Официально это была командировка по линии Внешторга, неофициально — по линии разведки.

— Как известно, в 1919–1933 годах, в период существования Веймарской республики, Берлин был «шпионской столицей» Европы — как Западный Берлин впоследствии...

— В своих записках мой папа пишет, что торговое представительство размещалось в монументальном здании, расположенном на Унтер-ден-Линден, неподалеку от советского посольства, и являлось в то время главной европейской базой растущего аппарата нашей разведки. Именно в двадцатые годы под прикрытием торгпредства начался бурный рост разведывательной активности 4-го (разведывательного) управления штаба РККА и ИНО ОГПУ по добыче технологических секретов германской промышленности для достижения целей, намеченных в первом сталинском пятилетнем плане. Раппальский договор 1922 года между РСФСР и Германией предусматривал немедленное восстановление дипломатических отношений в полном объеме, руководствуясь принципом

наибольшего благоприятствования. Это позволило нашей стране под прикрытием германо-советских торговых компаний, проводящих законные коммерческие операции, осуществлять разведывательную деятельность под «крышей» советского торгпредства.

— *Правильно. Все так делают — в особенности сегодня.*

— В 1929 году в ИНО ОГПУ было создано подразделение по промышленной разведке, в его задачи входило получение нелегальными способами того, что Наркомату внешней торговли не удавалось заполучить путем легальных контрактов или экономического лицензирования... Известно, что увеличивающийся размах разведывательной деятельности, центром которой было советское торговое представительство, причинял берлинской полиции большое беспокойство. Там было создано специальное подразделение для борьбы с промышленным шпионажем, которое обнаружило троекратное увеличение числа зарегистрированных случаев такового: в 1929 году было 330, в 1930-м — более 1000. Во многих случаях следы вели к немецким коммунистам, составлявшим значительную часть хорошо организованной агентурной сети... Официальные опровержения со стороны нашего посольства и торгпредства всерьез не принимались. К тому же некоторые арестованные агенты-коммунисты полностью сознались в том, каким образом похищали информацию для СССР.

— *Изначально наша разведка в различных странах использовала в качестве своих помощников местных коммунистов, потом от этой ошибочной практики категорически отказались.*

— Отец говорил, что золотое правило советских секретных служб гласило: разведывательные сети и местные компартии должны быть разделены непроницаемой перегородкой. Провал советской агентуры и мягкие приговоры, вынесенные фигурантам этого дела, профсоюзному лидеру Эриху Штеффену и его соратникам — по несколько меся-

цев тюрьмы, — вызвали возмущение общества. Нацисты создали себе политический капитал на снисходительности правительства и добились ужесточения наказаний за промышленный шпионаж.

— *До какого уровня, не знаете?*

— 9 марта 1932 года президент Гинденбург подписал указ «О защите национальной экономики», который увеличивал до пяти лет максимальный срок тюремного заключения за хищение промышленных секретов для иностранной державы. А в следующем году, когда Гитлер стал канцлером Германии, за промышленный шпионаж была введена смертная казнь.

— *Сурово! Особенно для мирного времени.*

— К счастью, практика размещения «легальных» резидентур ОГПУ в посольствах и торгпредствах превращала их в громоотводы, когда приходила беда и агентов разоблачали, сотрудникам же как максимум грозила высылка из страны. Спасал дипломатический иммунитет.

— *Не секрет, что «легальные» резидентуры любой страны находятся под посольской «крышей».*

— Однако любой провал агентурных сетей приводил к тому, что на головы советских дипломатов обрушивались обвинения в неподобающем поведении, а связанные с ними люди из местных компартий получали ярлыки шпионов, только маскирующихся под политическую партию. Советской разведке надлежало реорганизовать свои операции на территории других стран таким образом, чтобы в случае провала агентов следы не вели в посольство или торгпредство и чтобы советское правительство получило возможность отрицать любые связи с разоблаченной разведывательной группой. Поэтому в начале 1930-х годов советские разведслужбы стали практиковать новый способ действий, основывающийся на «нелегальной» резидентуре, которая была полностью отделена от официальных представительств.

— *Это решение, видимо, отразилось на судьбе вашего деда?*

— Да, высоко оценив его работу под «крышей» торгпредства, Центр в феврале 1930 года принял решение вызвать его в Москву для месячной переподготовки и последующего вывода в Германию на самостоятельную работу — уже по линии нелегальной разведки. Как «невозвращенца». Это позволило не менять фамилию отца и одновременно иметь защищенную легенду.

— *То есть Федор Карпович возвратился в торгпредство, а потом заявил германским властям о своем желании попрощаться с «Совдепией», как тогда говорили?*

— Именно так и было. Насколько я знаю, все прошло успешно. В тот период поток эмигрантов из Советского Союза еще не иссяк, и власти многих стран относились к этому весьма лояльно... Получив вскоре вид на жительство в Германии, дед, бабушка и мой отец обосновались в Берлине в районе Шарлоттенбург, на Филиппштрассе, дом 10 — на частной квартире, неподалеку от парка Лицензее. Федор Карпович первоначально работал посредником в нескольких германских фирмах, а затем создал собственную фирму по импорту и экспорту, имевшую право выхода на границу в качестве комиссионера. Это была его официальная «крыша». Дела пошли успешно, и он создал филиалы своей фирмы в ряде стран Западной и Восточной Европы, а также в Северной Африке, Турции, Персии и Афганистане. Это позволяло ему, прикрываясь бизнесом, свободно выезжать в интересующие Москву регионы для выполнения разведывательных заданий.

— *Но ведь он, очевидно, не сразу стал гражданином Германии?*

— Он вообще не был гражданином Германии! Находясь в Западной Европе с 1925 по 1937 год, дед пользовался четырьмя видами заграничных паспортов. Сначала он

имел паспорт «лица без гражданства», в 1931 году приобрел румынский паспорт, потом снова паспорт «лица без гражданства», так как в продлении румынского паспорта ему было отказано. В 1933 году, с приходом Гитлера к власти, ему пришлось приобрести коста-риканский паспорт, обеспечивающий консульскую защиту. Однако, не знаю почему, коста-риканские паспорта были на подозрении у немецкой полиции, и она их отбирала.

— *Просто так отбирала — и все?*

— Мой отец рассказывал, что когда в 1934 году его мама — моя бабушка — обратилась в полицейско-президиум на Александерплац в Берлине с просьбой предоставить ей визу на временный выезд из страны, полицейские вместо выдачи визы вообще отобрали у нее паспорт. Дед пришел выручать изъятый документ, но и от него полицейские потребовали сдать коста-риканский паспорт. Ситуация принимала критический оборот. Если бы Федор Карпович уступил нажиму полиции, они оба сразу оказались бы под угрозой потери статуса иностранных граждан, что в условиях возрастающей фашизации жизни в Германии могло бы обернуться самыми тяжелыми последствиями.

— *Что же он тогда сделал?*

— Он поступил так, как и должен был поступить, если бы его паспорт был выдан ему на законном основании. Не знаю, какие отношения отец имел с коста-риканским консульством в Берлине, но он туда обратился, и ему удалось официально подтвердить в этом представительстве легитимность обоих паспортов. Дело было урегулировано, полицейско-президиум возвратил документы. В августе 1935 года дед получил новые коста-риканские паспорта в консульстве Коста-Рики в Барселоне — сейчас эти документы хранятся в Кабинете истории внешней разведки.

— *Можно предположить, что это была далеко не единственная опасная ситуация, в которой оказывался ваш дед, работая в гитлеровской Германии?*

— Лев Федорович рассказывал, что разного рода опасности подстерегали его отца практически на каждом шагу. Так, в начале 1934 года он был вызван в полицейский президиум по доносу какого-то соглядатая, обвинившего его не только в причастности к коммунистической деятельности, но и «вызывающе широком» образе жизни. Представленные отцом полицейским чинам доказательства его работы в коммерческой сфере нейтрализовали донос. Гестапо произвело вторичный опрос доносчика, но тот уже не подтвердил свой первый донос. И дело было закрыто.

— Ну да, «стукачество» при фюрере было поставлено на высокий уровень.

— Мне кажется, от нелегалов 1930-х годов требовалось исключительное самообладание, только благодаря которому и можно было действовать оперативно, расчетливо и решительно. Гибкость и мобильность также были необходимыми свойствами работы того времени.

— Как говорят люди этой уникальной профессии, подобные качества необходимы им в любое время. То, что ваш дед работал под своим именем, очевидно, позволяло ему поддерживать какие-то связи с родственниками в СССР?

— Да, отец рассказывал со слов своей двоюродной сестры, что письма моей бабушки к ее сестрам, фотографии или открытки воспринимались как большое событие, а приходившие посылки становились настоящим праздником для всех. В те времена, когда в Москве то вводились, то отменялись продуктовые карточки, а полки магазинов были пусты, батончик сухой колбасы или плитку шоколада делили между детьми, а флакончик духов — аптекарской мензуркой между сестрами. Хотя, как вы знаете, «связи» советских граждан с заграницей в то время регламентировались очень строго, тем не менее эти послания доходили до адресатов. Кто-то в Москве следил и за этим.

— В общем, дед ваш успешно вошел в новую для себя роль?

— Да, и в подтверждение этого у отца хранился очень интересный документ — оценивая начальный период работы отца, Центр сделал следующее заключение: «Закончилась программа вживания, выполнена она блестяще. Сам он серьезный и опытный разведчик. Имеет возможность ездить по странам. Планируем поручить ему связь с наиболее ценной агентурой. Его следует использовать для завершения вербовок лиц, предварительная работа с которыми закончена». Так Федор Карпович стал профессионалом разведки.

— А чем, кстати, занимался в это время Лев Федорович?

— Когда ему исполнилось шесть лет, он пошел в муниципальную школу недалеко от дома. Проблем с немецким языком не было — его же привезли в Берлин в годовалом возрасте. Поэтому даже дома он общался с родителями на немецком, хотя имел опыт общения и на русском языке — когда его водили в детский сад при торгпредстве... Отец вспоминал, что в садике они много рисовали цветными карандашами, а также акварелью, вырезали иллюстрации из красочных журналов, прежде всего портреты вождей, чтобы потом наклеивать их на листы ватмана, украшая портреты советской символикой. Ему очень нравилось рисовать атрибуты социалистической символики: красную звезду и серп и молот, в чем он поднаторел и впоследствии пользовался этим умением в дни предвыборных кампаний 1932 года, когда улицы превратились в арену регулярных стычек между коммунистами и членами набиравшей силу партии нацистов.

— Что же он тогда делал?

— Рисовал эти эмблемы разноцветным мелом на стенах домов — и он, и его товарищи-однолетки были преисполнены гордостью за тайно проделанную «работу». Федор

Карпович об этом не знал. Но однажды обнаружил нарисованные сыном советские эмблемы на большом листе ватмана. Дед как-то очень спокойно уговорил его больше этого не делать...

Свидетельства минувшего века

Из воспоминаний Льва Парпарова, сына советского разведчика-нелегала Федора Карповича Парпарова

Знакомство с Москвой

В морозный день зимы 1937–1938 годов мы с мамой приехали в Москву. Отец вернулся в тот же день другим маршрутом, кажется, через финскую границу и Ленинград. Нас поселили в гостинице «Националь» в центре Москвы и зарегистрировали под фамилией Ростовцевы. Чужая фамилия, видимо, понадобилась для того, чтобы не значиться под фамилией Парпаровых в гостинице, где было много иностранцев. Возможно, еще не исключалось возвращение отца за границу. Нам помогли устроиться сотрудники центрального аппарата НКВД — Игорь Кедров и молодая миловидная Ася (ее фамилии я тогда не знал). Это была Ксения Сергеевна Проскурникова, ушедшая из жизни в конце 1990-х годов.

Гостиница мне тогда показалась несовременной, лишенной изящества, апартаменты и их обстановка старомодными, ошеломляющими своей купеческой роскошью, претенциозными и поэтому безвкусными.

Я начал знакомиться с Москвой. Прежде всего посетил ближайшее окружение гостиницы: Красную площадь и Мавзолей В. И. Ленина у Кремлевской стены, которые представлялись мне краеугольным основанием не только столицы, но и советского строя, осматривал я также Охотный Ряд, начало улиц Горького (ныне Тверская) и Петровки. Все это мне показывал муж моей тети Веры,

сестры мамы — Григорий Аграновский, заместитель директора Московского цирка.

Московская улица от любой европейской тогда отличалась цветом. И дома, и прохожие — все казалось в тусклых серых тонах. Поражали строгость и невзрачность домов, серовато-мутные витрины магазинов, отсутствие яркой рекламы, разноцветных витрин и иллюминации. Еще не было сталинского ампира и маленковского барокко. Я чувствовал себя неловко в своих брюках-гольф, широко распространенных среди молодежи на Западе, но привлекавших любопытное внимание окружающих в Москве.

Через некоторое время нас переселили в гостиницу «Москва», расположенную напротив и рассчитанную в отличие от «Националя» на советских постояльцев. Жили мы на десятом этаже в просторном двухкомнатном номере 1001 уже под своей фамилией. Окна этого номера смотрели на Исторический музей и Красную площадь.

Нас навещали родственники родителей, в частности младший брат отца — Борис, один из руководителей Березниковского химкомбината. Запомнились его высокие бурки, до этого неизвестный мне вид обуви. Часто у нас бывал В. С. Гражуль, до этого работавший за рубежом, кажется, в Бельгии. Его дочь Марго владела французским языком, так что можно было общаться с ровесницей: русского языка я тогда почти не знал. Мы иногда посещали кинотеатр «Москва» на Пушкинской площади (сейчас на этом месте стоит новое здание газеты «Известия»).

Появлялся на своем мотоцикле и мой двоюродный брат Люсик Прудовский, сын дяди Саши, брата мамы. Он только что окончил танковое училище, был лейтенантом. Зимой 1942 года Люсик погиб под Сталинградом.

Постоянно курировали нашу семью Игорь и Ася. Они приглашали меня на различные детские мероприятия в клуб НКВД, в воскресные дни — на лыжные вылазки за город.

Однажды в гостиницу отец вернулся поздно вечером. Его начальник — комиссар госбезопасности 2-го ранга А. А. Слуцкий — был найден мертвым в кабинете замнаркома НКВД М. П. Фриновского. По официальной версии, смерть начальника ИНО наступила 17 февраля 1938 года в результате острой сердечной недостаточности. По сообщению газеты «Правда» от 18.02.38, он «умер на боевом посту».

Похоронили Слуцкого торжественно, отец, который уважал Слуцкого как опытного руководителя советской разведки, стоял у гроба в почетном карауле. У меня долго хранилась траурная нарукавная повязка, которую отец принес в тот вечер. Помню, как отец говорил, что лицо покойника было неестественно сине-багрового цвета, одутловатое, когда его открытый гроб стоял на постаменте в Центральном клубе НКВД, и что смерть Слуцкого наступила вдруг, неожиданно, ибо накануне отец присутствовал на приеме у своего начальника, который, как известно, был хроническим сердечником, однако чувствовал себя вполне прилично и даже шутил. Тогда ничто не свидетельствовало о его недомогании. Впрочем, когда смерть приходит не вдруг?..

П. А. Судоплатов в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы» так пишет на эту тему: «Обстоятельства смерти Слуцкого до сих пор относятся к числу неразгаданных тайн сталинского времени и судеб руководителей НКВД. Слуцкий был тяжелобольным сердечником, он, в частности, принимал посетителей в затемненном кабинете, лежа на диване. Думается, он был обречен на уничтожение в ходе осуществленной Сталиным расправы с руководством госбезопасности, работавшим с Ежовым. Ежов, как следует из допросов, на следствии показал, что Слуцкий был ликвидирован путем инъекции яда, осуществленной начальником токсикологической лаборатории НКВД Алехиным. Однако для меня это пред-

ставляется маловероятным. Зачем нужно было разыгрывать спектакль с насильственным уколом известному всем тяжелобольному сердечнику в кабинете заместителя наркома НКВД Фриновского при нескольких свидетелях.

И наконец самое главное, младший брат Слуцкого, сотрудник оперативного отдела ГУЛАГа НКВД, также тяжелобольной сердечник, умер в том же возрасте в 1946 году от острого сердечного приступа во время обеда в столовой, на глазах сослуживцев. Поэтому я с большим сомнением отношусь к показаниям Ежова, Фриновского, Алехина об обстоятельствах смерти Слуцкого, данными ими в ходе следствия, которое велось с применением к ним в 1938–1940 годах пыток, именованных в официальных документах «мерами физического воздействия».

Никаких представлений о терроре 1937 года я не имел. Сейчас это кажется странным, но именно такими были обстоятельства нашей жизни. В интернатах не принято было интересоваться политикой. Дома о делах в СССР почти не говорилось. В Москве в нашей семье тоже политические вопросы не обсуждались. Газет на русском языке я читать не мог, также как и слушать радио из-за непонимания в должной мере русской речи.

Родители, конечно, осознавали, в какую страну они возвратились. Отец читал парижскую эмигрантскую газету «Последние новости» и был в курсе событий, а первые же дни в Москве еще больше открыли глаза на действительность. К тому времени жертвой произвола уже стал муж одной из маминых сестер. Исчезали один за другим папины коллеги. Этот период террора получил название «ежовщина».

С началом весны я начал ходить в Парк культуры и отдыха им. Горького. Там были спортивные площадки, где я сдавал нормы на значок БГТО по прыжкам и бегу, играл в настольный теннис и шахматы. В шахматном павильоне парка я познакомился с немецким мальчиком, который

хорошо играл в шахматы. Я знакомству обрадовался, ибо появился ровесник, с которым можно было общаться на немецком языке. Мы несколько раз встречались. От него я узнал, что он живет в доме, в котором почти все немцы арестованы, в том числе его отец. Через несколько дней мой отец спросил меня об этом мальчике и предупредил, чтобы я перестал встречаться с ним. Я был удивлен и огорчен. Оказывается, за мной следили... Бессмертен в этом мире сыск! И тогда я впервые понял, что близкий контакт с иностранцами может обернуться неприятностью, даже если этот иностранец прибыл к нам в поисках убежища от фашистского террора.

Арест отца

На 27 мая 1938 года отцу был назначен прием у наркома Ежова. Отец к встрече тщательно готовился, был сосредоточен и радостно волновался, ибо мучительно переживал свое долгое бездействие. Он не собирался кичиться проделанной работой. Упорным трудом и талантом отец достиг главной цели, которая стоит перед любой разведкой. У него были на связи ценнейшие агенты, он проник в высшие эшелоны немецкой политической и военной иерархии, сумел завербовать резидента «Сикрет интеллидженс сервис», одной из старейших разведывательных служб в Европе, подданного британской короны, который вел работу по Германии.

Отец работал исключительно из высоких идейных побуждений, не ждал от Ежова награды или чекистского звания, хотя не был аттестован с самого начала своей работы за рубежом и, безусловно, был достоин высокой награды государства. Упомянул, правда, своего хорошего знакомого В. С. Гражуля, разведчика-нелегала, врача по образованию, который незадолго до этого был награжден орденом Красного Знамени и получил звание капитана госбезопасности за участие в похищении группой захва-

та в сентябре 1937 года на перекрестке парижских улиц, среди бела дня, бородатого царского генерала Евгения Миллера, руководителя антибольшевистского Русского общевоинского союза. Вениамина Семеновича вскоре уволили из органов, направили на должность главного врача гражданской клиники. Вернулся он в кадры внешней разведки через несколько лет — начальником учебного отдела разведывательной Школы особого назначения в Балашихе.

Мы с мамой долго ждали возвращения отца с приема у наркома, потом легли спать. В 4 часа утра нас разбудил стук в дверь. На пороге стояли двое сотрудников НКВД — Иванов и Ландин — и какие-то гражданские. Нам объявили, что отец арестован как враг народа. Они провели обыск спокойно и деловито, несмотря на растерянность и боль, переживаемую мамой и мной.

Ничего подозрительного ночные визитеры не нашли, однако забрали мои письма к родителям и записные книжки мамы, пишущую машинку с латинским шрифтом, отцовский фотоаппарат «Лейка» и мой «Кодак-Ретина», а также валюту различных стран.

Утром пришел Игорь. Он был угрюм и, как всегда, немногословен. Помогал маме во время сборов, так как мы были вынуждены покинуть гостиницу. Вслед за ним на первое занятие по русскому языку пришел немолодой преподаватель, с которым накануне была достигнута договоренность о частных уроках со мной. Мама попыталась заплатить ему за несостоявшееся занятие, однако преподаватель, извинившись, быстро удалился. Он все понял и казался испуганным. Потом я выпустил щегла из клетки. Щегол из окна гостиничного номера улетел в сторону Кремля. Игорь молча наблюдал за мной... Мое сердце разрывалось, я еле сдерживал рыдания... Сочувствия, казалось, было ждать не от кого. До этого мое детство было безоблачным и беззаботным.

Много лет спустя, во время посещения Музея СВР в Ясенево, увидев фотографию Игоря на одном из стендов, я спросил у сопровождающего меня полковника о судьбе Игоря Кедрова, которого я хорошо помнил и к которому питал уважение. Мне было сказано, что его нет в живых. После обращения в адрес Сталина и ЦКК с заявлением о нарушениях социалистической законности Кедров в 1940 году был расстрелян. Мне стала понятна грусть в глазах Игоря во время нашей последней встречи утром 28 мая 1938 года.

***Наша справка.** Кедров Игорь Михайлович (1908–1940). Сын Михаила Сергеевича Кедрова, одного из руководителей ВЧК в годы Гражданской войны (1878–1941). Сотрудник центрального аппарата ИНО ОГПУ, начальник отделения третьего отдела ГУГБ НКВД. В феврале 1939 года вместе со своим другом старшим уполномоченным КРО ГУГБ НКВД лейтенантом госбезопасности В. П. Голубевым (1913–1940) обратился в адрес Сталина и ЦКК с заявлением о нарушениях социалистической законности и недостатках в работе органов НКВД. Репрессирован.*

Сначала мы нашли приют у маминой сестры Розы. Она заведовала аптекой № 20 на улице Баумана и ее филиалом в ЦАГИ на улице Радио. Тетя Роза жила одна, муж ее недавно умер, а сын Гриша жил у жены с дочкой по другому адресу. Он, как и его жена, были стахановцами метростроя. В 1942 году Гриша погиб под Сталинградом, а его жена сошла с ума и скончалась в психбольнице в конце войны. У тети Розы была маленькая комната в мезонине старого двухэтажного неблагоустроенного дома во дворе Большого Ивановского переуллка в районе улицы Солянки. Мне было очень тяжело. Что же будет дальше? Теперь от нас отвернутся многие; предстоит тяжелое время. Никто прямо не скажет ничего, но почувствуется отчуждение. И чем помочь отцу, которого я обожал, в честности которого я не сомневался?

Мама, обливаясь слезами, пыталась меня успокоить, утверждала, что скоро выяснится: арест отца — недо-разумение, ошибка.

Мы начали наводить справки о судьбе отца и отправились в бюро пропусков НКВД на Кузнецком Мосту, дом 24. Около двух недель мы ежедневно наведывались туда, долго стояли в очереди у окошка, однако получали стереотипный ответ: сведений о нем никаких нет. Наконец нам сказали, что отец в тюрьме «Лефортово», значит, жив, и мы отправились туда, чтобы узнать о правилах передачи весточек и продуктов. У приемного окошка тюрьмы мы застали печальные фигуры с авоськами и корзинками. Пока мы стояли в молчаливой длинной очереди, я подобрал на дорожке, ведущей к окошку, камешек, который больше года хранил рядом с фотографией отца.

Тогда я написал свое первое письмо Сталину с просьбой разобраться в деле моего отца, который, как я знаю, не мог быть врагом народа, будучи честным патриотом советской родины. Письмо на немецком языке я опустил в почтовый ящик в бюро пропусков на Кузнецком Мосту. Ответа так и не было.

До перевода в одиночную камеру СИЗО «Лефортово» отец содержался во внутренней тюрьме, связанной туннелем со зданием Наркомата внутренних дел на площади Дзержинского. Его несколько суток держали в узком вертикальном ящике, в котором невозможно было даже пошевелиться, лишали сна, морили голодом, не давали пить. Помогло то, что у него были туфли большого размера, ибо ноги распухли до крайнего предела. Избивали, угрожали расстрелом...

Когда отца перевели из внутренней тюрьмы НКВД в «Лефортово», условия его содержания в первое время не улучшились. В знак протеста против произвола и применения физических пыток при следствии отцу пришлось объявить голодовку и рапортом на имя начальника тюрьмы потребовать замены следователя. Отца убеждали оговорить себя. Обещали «всего десять лет лагерей» и в этом случае «не тронуть жену и сына». Мы, конечно, не

знали, что с ним происходит. Весточек от него мы ни разу не получали. И писать он об этом не стал бы...

Много тяжелых испытаний, духовных и физических, перенес отец в тюрьме. Он был мужественным, бесстрашным человеком, и у него был сильный характер. Отец не сломался и не согнулся. Спина отца была изуродована следами побоев, но он не оговорил ни себя, ни других.

Как это делают все заключенные в мире, отец ходил взад-вперед по своей камере и мучительно думал о том, что могло послужить основанием для ареста, инкриминируемых ему преступлений.

Сегодня мы знаем больше. Надо было не так много, чтобы поддаться укоренившемуся в те годы пороку подозрительности и шпиономании. Основание? Только выбирай: левый уклон, правый уклон, троцкизм, слабость к деньгам, слишком большой интерес к женщинам, небезразличное отношение к мужчинам, связь с иностранной разведкой... Резидент, дела которого идут плохо, подозревается в саботаже; если же его агентура работает хорошо — бдительность, должно быть, он завербован, ведь противоестественно, что у него нет провалов.

Как позже мне стало известно, отец был отозван в Советский Союз в связи с предательством в 1937 году В. Кривицкого, бывшего офицера Разведупра Красной армии, нелегального резидента НКВД в Нидерландах, знавшего отца лично.

Я прочитал книгу-исповедь В. Кривицкого «I was Stalin's agent» («Я был агентом Сталина»), вышедшую на русском языке в 1998 году. В книге нет упоминания о работе отца, — судя по книге, он его не выдал. Однако он предал целый ряд известных ему разведчиков. Свои мемуары он писал в попытке самооправдания. Раскрытие перед читателем закулисной политической борьбы в Кремле, жестоких методов работы НКВД, драм, пережитых советской разведкой накануне Второй мировой

войны, на наш взгляд, не дают основания оправдать автора написанной в США в 1939 году книги. Он предатель, перебежавший на Запад. 11 февраля 1941 года невозвращенец В. Кривицкий был найден горничной с разрывной пулей 38-го калибра, которая прошла череп и засела в стене его номера в вашингтонском отеле «Бельвью». Рядом с трупом лежал пистолет. Записки, оставленные Кривицким около постели в комнате № 532, позволили заключить в результате полицейского расследования, что его смерть была результатом самоубийства, совершенного в состоянии тяжелой депрессии.

Как теперь известно, агенты НКВД держали Кривицкого под наблюдением, но только до 11 февраля 1939 года. Как видно из документов его дела, первые сведения о смерти этого перебежчика были получены в Москве через американские средства массовой информации, и это дает основание предполагать, хотя и не доказывает неопровержимо, что смерть предателя была самоубийством.

Причиной ареста отца, как ему позже объяснили, была совместная работа с арестованными сотрудниками ИНО ОГПУ Б. М. Гордоном, бывшим резидентом «легальной» резидентуры внешней разведки в Берлине, К. И. Силли — оперработником этой же резидентуры, которые были расстреляны в 1937 году и впоследствии реабилитированы посмертно. Причиной ареста отца было также то, что для закордонной работы в разведке рекомендации ему дали уже репрессированные к нашему возвращению в Москву Т. Д. Дерibas и И. Н. Смирнов.

Наша справка. Дерibas Т. Д. (1883–1938), член РСДРП с 1903 года, в 1917-м — один из руководителей борьбы за советскую власть в Оренбургской губернии. С 1920 года — в ВЧК — ОГПУ — НКВД. Кандидат в члены ЦК партии с 1934 года. В сентябре 1937 года был обвинен в участии в правотроцкистском заговоре. Расстрелян.

Смирнов И. Н. (1881–1936), член РСДРП с 1899 года, участник Гражданской войны. Нарком почты и телеграфа РСФСР (1923–1927). В 1933 году осужден на пять лет как участник троцкистской оппозиции. В августе 1936 года по делу об «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» приговорен к расстрелу.

В декабре 1938 года был назначен новый нарком внутренних дел СССР — Л. П. Берия. Появилось известное постановление ЦК ВКП(б) о перегибах — и надежда, что допущенные перегибы будут выправлены. Весной 1939 года я написал второе письмо Сталину с просьбой тщательно разобраться в деле моего отца — верного сына нашей родины. Письмо, как я помню, было коротким и в этот раз на русском языке. Я его тоже опустил в почтовый ящик в бюро пропусков НКВД на Кузнецком Мосту.

Много лет спустя я прочитал книгу Н. Рубина «Лаврентий Берия: миф и реальность». Там есть следующее упоминание: «Характерно, что наиболее успешно действовали агенты, находившиеся в Европе как минимум несколько лет, именно те, которых Берии удалось спасти от массовых репрессий, приостановленных по его инициативе в конце 1938 года. В Германии это были такие профессионалы, как Белкин, Парпаров, Гиршфельд, супруги Зарубины и многие другие...»

Я, кстати, не мог и не могу сегодня согласиться с устойчиво распространенными смехотворными выдумками и абсурдными обвинениями Н. С. Хрущева, будто Берия был агентом четырнадцати иностранных разведок. Мой отец имел с ним ряд встреч, в том числе в 1945 году на Потсдамской конференции, и всегда считал его умным, но вместе с тем и жестоким государственным деятелем, высококомпетентным в вопросах разведки и контрразведки, великолепным организатором.

Снова о Марте

После подписания Мюнхенского соглашения 1938 года и последовавших затем германо-французской и англо-германской деклараций правящие круги Великобритании и Франции стремились направить нацистскую агрессию на Восток — против СССР. Мюнхенский сговор имел явно антисоветскую направленность. Международная обстановка быстро ухудшалась. Тень германского орла с зажатой в когтях фашистской свастикой нависла над Европой.

Неизбежность войны с нацистской Германией становилась для Москвы все более очевидной. В этих условиях была крайне необходима точная информация о положении дел в Германии и о дальнейших планах Гитлера.

Для восстановления связи с Мартой (женой германского дипломата, передававшего Ф. К. Парпарову до его отъезда в Москву конфиденциальную информацию. — *Авт.*) была послана опытная разведчица Елизавета, супруга талантливого разведчика-нелегала В. М. Зарубина. Восстановление связи с ней, особо ценным источником политической информации, представлялось тогда важнейшей задачей Центра. Елизавета установила контакт с ней, передала письмо отца, напечатанное на машинке и подписанное им в тюремной камере. Из отчета Елизаветы: «...Письмо очень взволновало ее. Она сказала: почему письмо напечатано на машинке, он мне всегда писал от руки? Она явно подозревала, что письмо написано не самим Федором, а еще кем-то. Она потребовала почти в ультимативной форме, чтобы я немедленно вызвала Федора, по возможности телеграфно, поскольку она должна повидать его в ближайшее время. На следующей встрече через неделю я сказала Марте, что Федора могут послать в такую страну, откуда в течение пары лет он не сможет приехать к ней. Марта ответила, что верит только Федору, не хочет с ним расставаться надолго и, кроме того, опасается неосторожности со стороны новых людей».

Потом пришло написанное от руки письмо отца, и переписка между ним и Мартой возобновилась. В архивах сохранились ее письма отцу, в которых она не скрывала своих чувств. Она писала, например: «Я работаю в труднейших условиях, работаю как автомат. Ты сам увидишь, когда будешь в М. И ты знаешь, что я это делаю только ради тебя. Если я буду расхолаживаться, я могу утратить активность».

Марта делилась своими мыслями о будущем и выражала надежду, что войны между Германией и СССР удастся избежать, что судьба еще улыбнется ей: «Мужа снова хотят использовать на работе в центральном аппарате МИД, и это дает нам много больше и будет много важнее, чем его нынешний пост за границей. До сих пор все было хорошо. И дальше все будет хорошо. Только надо быть умнее... Я очень довольна, что Молотов побывал в Берлине. Было бы ужасно, если бы между нашими странами возникли конфликты, которые привели бы к войне. Я надеюсь, что хорошие отношения возобновятся...»

Заставляют задуматься некоторые даты в судьбе отца и крупных политических изменений в стране. Федор Парпаров был арестован 27 мая 1938 года, освободили его из тюрьмы 31 июля 1939-го. Такое случалось крайне редко. Ровно в середине этого срока вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия от 17 ноября 1938 года, был снят с должности нарком внутренних дел Ежов, его заменил Берия, репрессии временно пошли на убыль. При Ежове отец был в заключении полгода. Этого по тем жесточайшим временам было достаточно, чтобы учинить над ним расправу — осудить и привести приговор в исполнение. Дело к этому шло. Но почему же машина не сработала в данном случае в решении участи человека, об исчезновении которого знал бы очень ограниченный круг лиц?

Конечно, первая причина состояла в том, что отец не был ни в чем виноват. Но эта причина не могла быть тогда решающей. Вторая причина — стойкость и несокрушимая воля отца, его отказ от навязывавшейся ему следствием системы самооговора и поклепа на других. Он не согласился ни себя признать виновным в чем-либо порочащем его как разведчика и честного гражданина, ни подвергнуть подозрению других. Однако и при таких обстоятельствах чекисты, не признававшие за собой вины, приговаривались к расстрелу, если оказывались в руках следователя.

Значит, могли быть еще какие-то обстоятельства, останавливающие руки палачей. Что за обстоятельства? Раскрытые на сегодня архивы бывшего НКВД не дают ответа на такой вопрос. Возникают версии. Одна из них с элементами романтического характера приводит вновь к истории отношений Федора с Мартой. Ценность Марты как источника информации не вызывала у Центра сомнений. Поэтому приговор для Федора, возможно, был отложен на то время, пока не удастся наладить связь с Мартой через другого человека.

Если бы это удалось сделать, если бы Марта приняла кого-нибудь или согласилась поверить письму, напечатанному на машинке, а не написанному рукой Федора, судьба отца могла быть мигом решена. Но Марта такие контакты игнорировала. Она потребовала рукописных писем Федора. А это значило, что отец должен был участвовать в обмене посланиями. Жизнь его на какой-то срок была сохранена.

Тем временем был снят Ежов, произошел пересмотр незавершенных при нем дел. Действуя интуитивно или по какому-то ведомому только ей расчету, Марта спасла Федору жизнь, хотя и не для себя. Такова романтическая версия. Далека или близка она от истины, теперь уже едва ли кто скажет с абсолютной точностью.

«ДЕЛО ТУХАЧЕВСКОГО»: ФАКТЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Исследование обстоятельств «дела Тухачевского» представляется продуктивным только в контексте международных отношений того периода и внутривосточных процессов в самом Советском Союзе. С трагедией красного маршала, личности, безусловно, неординарной, переплелись судьбы десятков исторических персонажей в СССР и за рубежом.

Все началось с Радека

В начале 1920-х годов, еще при жизни Ленина, руководители Советской России взяли курс на укрепление отношений с Веймарской Германией, которая рассматривалась как противовес державам Антанты и поддерживаемой ими Польше. Кроме того, народное хозяйство страны, сильно пострадавшее в годы Гражданской войны, остро нуждалось в партнере, сильном в экономическом и научно-техническом отношениях.

Сотрудничество с СССР отвечало и интересам Германии, стремившейся обойти унижительные для немцев условия Версальского мира. На территории Советского Союза была развернута сеть немецких военно-учебных центров и военно-технических лабораторий. Советские и немецкие военные быстро нашли общий язык. Их объединяли неприязнь к Западу и стремление к модернизации национальных вооруженных сил. Несмотря на противостояние в годы мировой войны, антагонизма между военными элитами двух государств не было. Со времен первых Романовых прогерманские настроения всегда были достаточно сильны в российском руководстве. И если бы не преждевременная смерть государя Александра III и мастерство английской дипломатии, Санкт-Петербург вряд ли был бы втянут в конце XIX века в коалицию Великобритании и Франции против Германии и Австро-Венгрии.

Начало сотрудничеству между Советской Россией и Германией по военной линии положило загадочное освобождение большевика Карла Радека из немецкой тюрьмы в 1919 году, которому немецкие военные позволили беспрепятственно вернуться в Москву. Радек способствовал установлению прямых контактов председателя Реввоенсовета республики Льва Троцкого с руководством Германии, благодаря которым и стали возможными подписание договора в Рапалло между Германией и Советской Россией и развитие советско-германского военного сотрудничества.

Еще в 1921 году в германском военном ведомстве была создана в обстановке повышенной секретности «Зондер-группа Р» для налаживания военного сотрудничества с Россией. Так на территории СССР возникла довольно разветвленная сеть немецких военно-учебных центров и лабораторий, что позволяло рейхсверу обходить запреты, наложенные на Германию Версальским миром.

Под Казанью, например, функционировала школа «Кама», которая готовила немецких танкистов. Ее неоднократно посещал Гудериан, ставший в годы Второй мировой войны одним из наиболее известных германских генералов. Под Липецком возник центр германских ВВС. Немцам разрешалась даже разработка химического оружия, для чего в Саратове создали школу химической войны. Советские военные, включая Тухачевского, неоднократно выезжали в командировки в Германию, выступали с лекциями в ее военно-учебных заведениях, сами учились у генералитета Германии. Будущий командующий войсками Белорусского военного округа Иероним Уборевич провел среди немецких военных весь 1928 год.

За десять лет советско-германского военного сотрудничества между ведущими военными двух стран сложились достаточно доверительные личные отношения, которые не прервались и после прихода Гитлера к власти и свертыва-

вания в связи с этим немецких военных центров в СССР. Часть представителей советской и немецкой военной элиты объективно сближали антизападные настроения. Известно также, что офицерский корпус Германии весьма настороженно относился к национал-социалистической идеологии и к самим вождям Третьего рейха. В СССР же многие представители военного руководства также без восторга воспринимали решения партийного руководства, особенно после проведенной с перегибами коллективизации и участвовавших в начале 1930-х годов политических судебных процессов.

К числу военачальников, имевших свое видение будущего СССР, относился Михаил Тухачевский — одна из самых ярких и амбициозных фигур в советской элите того времени. Михаил Николаевич, любивший литературный труд и считавшийся в СССР военным теоретиком, одним из первых в советском руководстве интуитивно осознал, что будущая война станет «войной моторов», не похожей ни на минувшую мировую, ни на Гражданскую войну. Понятно, что его скептическое отношение к будущему кавалерии в какой-то мере раздражало Ворошилова и особенно Буденного, командовавшего легендарной 1-й Конной армией.

Впрочем, различие во взглядах на роль кавалерии не было определяющим в отношениях советских военачальников, тем более что и Ворошилов, и Буденный не были такими уж «консерваторами», как порой их представляют современные публицисты. Кстати, опыт Великой Отечественной войны показал, что в ряде случаев кавалерийские соединения оказались действительно незаменимыми и в период «войны моторов».

В 1927 году Тухачевский, будучи на должности начальника Штаба РККА, «столкнулся» с Климентом Ворошиловым в подходе к строительству вооруженных сил и управлению ими. Нарком не согласился с его пред-

ложениями по ускорению технического перевооружения армии, трактуя их как нереальные, не учитывающие экономические возможности страны. Воспротивился Ворошилов и реорганизации Штаба РККА в целях повышения его статуса. По мнению начальника Штаба, он являлся в то время только «техническим аппаратом» наркомата. Этому властолюбивому Михаилу Николаевичу было мало.

Справедливости ради надо отметить, что реформаторские предложения Тухачевского диктовались не только и не столько интересами дела, сколько желанием обратить на себя внимание Сталина, доказать ему, что он лучше наркома знает военное дело. Предложение принять на вооружение 50–100 тысяч (!) танков носило, несомненно, авантюристический характер, так как не учитывало реальных возможностей советской экономики. Стране еще предстояло пройти этап индустриализации. Да и с точки зрения военной целесообразности отсутствовала потребность в принятии на вооружение 50 тысяч танков. Хотя само направление размышлений Тухачевского о будущем облике армии и новых способах боевых действий было в общем-то правильным.

Конфликт с наркомом вынудил амбициозного начальника Штаба РККА написать рапорт об освобождении от должности, который Сталин удовлетворил. Так Тухачевский в мае 1928 года оказался в Ленинграде на должности командующего войсками ЛенВО.

Последующие события показали, что позиция Тухачевского все же отвечала веяниям нового времени, и на партийном олимпе также думали об укреплении боеспособности РККА — правда, более реалистично. 15 июля 1929 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии обороны СССР», в котором шла речь и об улучшении технического оснащения армии.

Воодушевленный этим Тухачевский направил в январе 1930 года наркому Ворошилову докладную записку, где

изложил свои предложения по реализации постановления ЦК. Речь шла об увеличении числа дивизий, развитии бронетанковых сил, артиллерии и авиации. И хотя, возможно, Тухачевский вновь переоценивал экономические возможности страны, его предложения заслуживали внимательного анализа со стороны руководства наркомата обороны. Но осторожный Ворошилов предпочел отмолчаться. Не получив ответа, неугомонный командующий войсками ЛенВО направил в апреле 1930-го письмо самому Сталину, видимо, в расчете на его благосклонное отношение.

Это письмо с предложениями об усилении РККА Тухачевский передал Генеральному секретарю ЦК через благоволившего военачальнику Серго Орджоникидзе, который направил его Сталину с припиской: «Сосо. Прочти этот документ. Серго».

В те же дни записку Тухачевского переслал Сталину в Кремль и Ворошилов, высказавшийся против предложения командующего войсками ЛенВО. Вождь предпочел поддержать Климента Ефремовича, в чьей политической лояльности и личной преданности у него уже не раз была возможность убедиться. Тем более что на отклонение предложений Тухачевского были и весомые экономические основания. Государству требовались огромные средства на развитие тяжелой промышленности, неважно обстояли дела в сельском хозяйстве.

На расширенном заседании Реввоенсовета СССР Ворошилов огласил ответное письмо Сталина Тухачевскому. Командующий войсками ЛенВО обвинялся в немарксистском подходе и выдвигании нереализуемых идей. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) утверждал, что принятие предложений Тухачевского приведет к свертыванию социалистического строительства и его замене системой «красного милитаризма». «Я думаю, — указывал Сталин, — что «план» т. Тухачевского является результатом модного увлечения «левой» фразой, результатом

увлечения бумажным, канцелярским максимализмом... «Осуществить» такой план — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции».

Казалось, Михаилу Николаевичу после публичной и унижительной «порки» следовало бы успокоиться и на время притихнуть. Так бы и поступили на его месте другие. Но не Тухачевский, который всю жизнь «искал бури» и рвался на первые роли, начиная с Александровского военного училища, где он буквально по трупам товарищей стремился стать фельдфебелем или старшим портупей-юнкером, доведя до самоубийства трех юнкеров.

В канун нового, 1931 года Тухачевский вновь пишет Сталину из Ленинграда довольно дерзкое письмо и заявляет вождю, что оценка его предложений исключает для него дальнейшую «возможность вынесения на широкое обсуждение ряда вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности». Сталин от ответа воздерживается. Казалось, военная карьера Тухачевского подходит к концу.

Однако жизнь человека всегда полна неожиданностей и зависит от множества факторов, которые невозможно учесть. В мае 1931-го Тухачевский неожиданно получает письмо от Сталина, который приносит извинения (!) за неправильную оценку его предложений. «Ныне... — отмечает Сталин, — когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными, я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма — не во всем правильными... Мне кажется, что мое письмо на имя т. Ворошилова не было бы столь резким по тону, и оно было бы свободно от некоторых неправильных выводов в отношении Вас, если бы я перенес тогда спор на эту новую базу. Но я не сделал этого, так как, очевидно, проблема не была еще достаточно ясна для меня. Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты своего письма с некоторым опозданием».

Тухачевский возвращается

В середине июня 1931 года Тухачевский назначается начальником вооружений РККА в ранге заместителя наркома. Сегодня, по прошествии почти 80 лет, трудно однозначно сказать, что повлияло на такое резкое изменение позиции Сталина, тем более что у генсека не было личных оснований с симпатией относиться к заносчивому военачальнику, потомственному дворянину, чей род уходил своими истоками в XII век. Генсек не мог не помнить, как он, находясь на Юго-Западном фронте, в 1920 году незаслуженно подвергся упрекам в том, что замедлил передачу 12-й и 1-й Конной армий Западному фронту под командованием Тухачевского и «сорвал» взятие Варшавы. Сталин тогда даже был освобожден от должности члена военного совета Юго-Западного фронта.

Тухачевский в лекциях, прочитанных в 1923 году в Военной академии РККА, в качестве одной из причин неудач поражения на берегах Вислы указал именно на отсутствие взаимодействия двух фронтов. Ответственность за отсутствие этого взаимодействия Михаил Николаевич возлагал, естественно, на командование Юго-Западного фронта. Он не считал себя одним из основных виновников страшного поражения РККА на берегах Вислы, ставшего следствием реализации авантюристического плана прорыва в Германию через центральные районы Польши. Стремившийся зафиксировать для современников и потомков свою «правоту», Тухачевский сам взялся за редактирование трехтомника «Гражданская война. 1918–1921».

Сталин не стал вступать в публичную полемику с Тухачевским. Хотя он, пожалуй, был единственным в партийном руководстве, кто предостерегал в июне – июле 1920 года об опасности «марша на Варшаву», о чем свидетельствуют его ответы в те дни на вопросы корреспондентов «Правды» и УкрРОСТА.

Скорее всего, Сталина подвигла на решение о возвращении Тухачевского в Москву оценка тенденций развития военно-политической ситуации. Судя по некоторым выступлениям генсека, в начале 1931 года он пришел к выводу о необходимости ввиду внешнеполитических обстоятельств ускорить укрепление оборонного потенциала страны. В феврале 1931 года Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Не исключено, что возвращению Тухачевского в Москву способствовали и его хорошие отношения с рядом близких к генсеку людей. Их поддержкой, наверное, можно отчасти объяснить и «смелость» Тухачевского в отношениях с Ворошиловым и самим Сталиным. Его поддерживал, в частности, член Политбюро Валериан Куйбышев, ставший в 1930 году председателем Госплана СССР. До революции Тухачевский учился в первом Московском кадетском корпусе с его младшим братом Николаем, с самим Валерианом Владимировичем он близко познакомился в 1918 году на Восточном фронте.

Со времен гражданской войны у Тухачевского сложились хорошие отношения и с Григорием Орджоникидзе, избранным в 1930 году членом Политбюро. Известно, что после смерти Фрунзе Тухачевский публично высказывался за назначение Орджоникидзе — первого секретаря Закавказского крайкома партии, являвшегося по совместительству членом военного совета республики, новым наркомом обороны. Интересно, что Орджоникидзе покровительствовал и Уборевичу, другому члену «военно-троцкистского заговора». В письме от 17 августа 1936 года Уборевич, считавший себя недооцененным со стороны наркома обороны, писал Орджоникидзе: «Ворошилов не считает меня способным выполнять большую военную и государственную работу... Нужно тут же сказать, что еще

хуже оценивает он Тухачевского. Тухачевский, по-моему, от этих ударов и оценок потерял много в прежней своей работоспособности... Если т. Ворошилов считает меня малоспособным командиром для большой работы, то я очень резко и в глаза и за глаза говорю о его взглядах на важнейшие современные вопросы войны».

Важную роль в судьбе Михаила Тухачевского играл Авель Енукидзе, с 1918 года являвшийся секретарем президиума вначале всероссийского ЦИК, затем — ЦИК СССР. Именно Енукидзе в марте 1918 года помог Михаил Николаевичу, бывшему офицеру, бежавшему из немецкого плена, устроиться на работу в военный отдел ВЦИК. В мае того же года по рекомендации Енукидзе Тухачевского назначили военным комиссаром Московского района обороны Западной завесы. И в дальнейшем Авель Сафронович опекал молодого военачальника.

Сегодня мало кто знает, что Орджоникидзе и Енукидзе входили в неформальную, но очень влиятельную «бакинскую группу», объединявшую старых большевиков, создававших революционные организации в Закавказье. В нее входил и Анастас Микоян. «Бакинцы» в середине 1930-х годов пытались оттеснить с авансены политической жизни Вячеслава Молотова, сменившего в 1930-м Рыкова на должности председателя Совнаркома. Молотов был одним из основных ортодоксов в партии, на которого «бакинцы» возлагали основную ответственность за перегибы в коллективизации и внутренней политике в те годы. Поэтому в период XVII съезда партии, в 1934 году, Орджоникидзе и Микоян активно участвовали в консультациях старых партийцев по вопросу замены Молотова Сталиным на посту предсовнаркома и избрания близкого к «бакинцам» Сергея Кирова на должность Генерального секретаря ЦК. При этом имелось в виду, что ключевой фигурой в стране и партии останется Сталин, то есть фактически произойдет возврат к ленинской модели управления, когда Ленин как

председатель Совнаркома председательствовал на заседаниях Политбюро. Интересно, что эту же схему работы государственного руководства хотели применить после смерти Сталина Маленков и Берия, когда предполагалось, что вести заседания Президиума ЦК будет председатель Совета министров СССР...

Вернувшись в 1931-м в Москву, Тухачевский невольно оказался вовлеченным в систему сложных межличностных отношений в советской элите. И в то время когда его партийные покровители старательно интриговали против «второго человека» в государстве — Молотова, Михаил Николаевич продолжил «подковерную» борьбу против наркома обороны. В 1936 году Тухачевский, казалось, был близок к успеху: он становится первым заместителем Ворошилова, и Сталин поручает ему руководить организацией боевой подготовки в РККА. Это свидетельствует о доверии, которое генсек испытывал тогда к маршалу, несмотря на его тяжелый характер и склонность к интригам.

В личных отношениях этих двух сильных личностей много неясного — и порой из области психологии, а не политики. Это и безжалостное отношение к людям, даже к своим близким. Широко известно, что вторая жена Сталина Надежда Аллилуева покончила жизнь самоубийством, но мало кто знает, что первая жена Тухачевского также покончила жизнь самоубийством в годы Гражданской войны — прямо в личном поезде командующего. Конфликт вышел из-за нежелания Михаила Николаевича помочь ее родителям продуктами...

Хотя в годы Гражданской войны между Сталиным и Тухачевским не раз происходили конфликты, бывали в их отношениях и моменты «просветления». Так, 3 февраля 1920 года Сталин по телеграфу радостно сообщил Буденному и Ворошилову: «Я добился отставки Шорина и назначения комфронтом Тухачевского — завоевателя Сибири и победителя Колчака...» Насколько далека эта

оценка от истины, сегодня известно — отнюдь не одному Михаилу Николаевичу принадлежала заслуга в разгроме войск белых в Сибири.

Сам же Михаил Николаевич в те годы искренне считал себя великим полководцем. В декабре 1919 года он в докладе Ленину дал уничижительную оценку высшему командному составу РККА: «У нас принято считать, что генералы и офицеры старой армии являются в полном смысле слова не только специалистами, но и знатоками военного дела... На самом деле русский офицерский корпус не обладал ни тем, ни другим качеством. В своей большей части он состоял из лиц, получивших ограниченное военное образование, совершенно забитых и лишенных всякой инициативы... Хорошо подготовленный командный состав, знакомый основательно с современной военной наукой и проникнутый духом смелого ведения войны, имеется лишь среди молодого офицерства».

Этот доклад был воспринят в Кремле благожелательно, и Тухачевскому поручили выступить в Академии Генерального штаба, где он прочитал лекцию «Стратегия национальная и классовая». Красный командарм безапелляционно заявил преподавательскому составу, что старшие офицеры старой армии потому плохо воюют на фронтах гражданской, что плохо понимают ее классовую суть, а потому-де подлежат замене молодежью.

Тухачевский, не командовавший в русской армии даже ротой, испытывал к старшим представителям ее офицерского корпуса устойчивую неприязнь. В подтверждение приведем еще одну докладную командарма в Реввоенсовет (июль 1919 года), чем-то похожую на донос: «Эта война слишком трудна и для хорошего командования требует светлого ума и способности к анализу, а этих качеств у русских генералов не было... Среди старых специалистов трудно найти хороших командующих. Уже пришло время заменять их коммунистами...»

Наша справка. В период Гражданской войны в РККА все начальники штабов фронтов (22 человека) были кадровыми офицерами старой армии, из 20 командующих фронтами — 17, из 100 командармов — 82, из 93 начальников штабов армий — 77. На посту главнокомандующего также находились кадровые военные (И. И. Вацетис и С. С. Каменев). К концу войны из общей численности начальствующего состава (до 180 тысяч человек) около 40% составляли военные специалисты (более 70 тысяч бывших офицеров).

Искать «устаревших» военачальников Тухачевский не переставал и в 1930-е годы. В мае 1936-го Тухачевский на квартире у Ворошилова, воспользовавшись присутствием Сталина и Молотова, обрушился с упреками в адрес наркома обороны и маршала Буденного в неверном ведении дел в наркомате обороны. По требованию Сталина спор военачальников был вынесен на заседание Политбюро, где Тухачевского поддержали Иона Якир (командующий войсками Киевского военного округа) и Ян Гамарник (начальник политуправления РККА). Но по итогам обсуждения Тухачевскому пришлось снять свои упреки в адрес наркома.

Очевидно, что нездоровая нравственная атмосфера среди руководителей РККА явно не шла на пользу армии и затрудняла работу наркомата обороны. Яростные споры военачальников вызвало и обсуждение в Кремле в июле 1936 года стратегии действий в Испании. Как утверждают некоторые исследователи, в советском руководстве имелось мнение о целесообразности посылки на помощь республиканцам нескольких дивизий РККА. Однако Тухачевский, вопреки позиции Ворошилова, настоял на ограничении военной помощи испанскому правительству, мотивируя это тем, что не стоит раскрывать немцам сильные и слабые стороны РККА (с точки зрения военной стратегии, операция выглядела авантюрой: перебросить войска на другой конец Европы без гарантий устойчивого тылового обеспечения).

Почему Тухачевский, ярый сторонник наступательной классовой войны, вдруг проявил такую осторожность и умеренность, когда представился, казалось бы, благоприятный случай «экспортировать» пролетарскую революцию в Западную Европу, остается загадкой...

В плане интеллектуальном Тухачевский, надо признать, видимо, превосходил тогдашнего наркома обороны. Сказывались его домашнее воспитание и образование, эрудиция, увлечение книжными новинками, знакомство с зарубежной периодикой. Несоответствие Ворошилова занимаемой должности проявилось в ходе советско-финской войны, что побудило Сталина освободить близкого ему члена Политбюро с поста наркома, несмотря на его безусловную политическую лояльность. Так что Тухачевский, Якир, Уборевич были в чем-то правы, утверждая, что нарком обороны не справляется со своими обязанностями.

На фоне «политического наркома» Тухачевский как военный деятель выглядел предпочтительнее. Хотя внимательное знакомство с военно-теоретическими работами маршала вызывает вопрос: а справился бы сам Михаил Николаевич с обязанностями наркома в предвоенные годы? Обращают на себя внимание увлеченность автора революционной фразеологией, абстрактность рассуждений, придумывание «искусственных» и бесполезных новых терминов. Впрочем, это, возможно, было всего лишь данью времени. Оглянемся в недавнее прошлое, в 1980-е годы: мог ли командующий войсками округа да и просто командир дивизии не сослаться на служебных совещаниях на труды классиков марксизма-ленинизма, выступления Генерального секретаря ЦК? В 1930-е годы без партийной схоластики и использования марксистской терминологии военачальник тем более мог ставить на себе крест.

У Тухачевского революционная фразеология и приверженность к абстрактным марксистским схемам была выражена явно. Правда, Тухачевским, дворянином по

происхождению, возможно, двигал инстинкт самосохранения, ему хотелось казаться самым «пролетаристым» военачальником, как грузин Сталин стремился казаться «самым русским» государственным деятелем.

На эту особенность мышления Михаила Николаевича обращал внимание и польский маршал Юзеф Пилсудский. В своем труде «1920 год» победитель Тухачевского, ознакомившись с его литературным творчеством, так пишет о советском военачальнике: «Чрезмерная абстрактность книги дает нам образ человека, который анализирует только свой мозг или свое сердце, намеренно отказываясь или просто не умея увязывать свои мысли с повседневной жизнедеятельностью войск, которая не только не всегда отвечает замыслам и намерениям командующего, но зачастую им противоречит... Многие события в операциях 1920 года происходили так, а не иначе именно из-за склонности пана Тухачевского к управлению армией как раз таким абстрактным методом...»

Если же подходить к оценке Тухачевского и Ворошилова в нравственном отношении, то здесь сравнение не в пользу первого. В плане человеческих качеств и личной порядочности луганский слесарь Ворошилов, судя по воспоминаниям его современников, был выше подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка. Неслучайно именно ему жаловалась на несносное поведение мужа в быту вторая жена Тухачевского и просила повлиять на ситуацию ради сохранения семьи (ее личное письмо Клименту Ефремовичу хранилось в середине 1980-х годов в одном из московских архивов).

Понятно, что для характеристики любого политика понятие порядочности может быть применено лишь условно. Ворошилов тоже был сыном своего времени, и ему приходилось не раз вершить судьбы людей. Инициативы в развертывании репрессий в РККА нарком не проявлял, но когда в Кремле обострилась борьба за власть, он решительно встал на сторону Сталина и «расстрельные списки»

из НКВД не раз подписывал. Да и в Гражданскую войну на совести Ворошилова немало жестоких решений. Будущий нарком обороны, как считают некоторые историки, причастен к расстрелу командира 1-го Конно-сводного корпуса Бориса Думенко.

Но все же Ворошилов никогда не был «ястребом», как и партийным догматиком. Молотов под конец жизни вспоминал, что в конце 1920-х годов, когда обострилось противостояние Сталина и группы Бухарина, — Рыкова, Ворошилова и Калинина «качало» вправо. Ворошилову, как и многим ветеранам революционного движения, претила ортодоксальность Молотова, Кагановича, Кирова, их безжалостность по отношению к «старым большевикам».

Обычно Климент Ефремович делал выбор плыть по течению, предпочитая колебаться, как порой говорили в СССР, вместе с линией партии. Природное чутье подсказывало ему, что революциям свойственно пожирать своих особо прытких детей. Вскоре в этом убедился на собственном опыте не в меру активный Тухачевский. Этого, несомненно, одаренного и образованного человека погубили личные амбиции и карьеризм. В борьбе за кресло наркома обороны он, как думается, растратил свой потенциал, хотя мог, несмотря на «завихрения» и ошибки в выборе приоритетов в военно-технических вопросах, немало сделать в плане подготовки армии к отражению немецкой агрессии в 1941 году.

К личностным качествам Михаила Николаевича относилось и сибаритство. Красный маршал не отказывал себе в земных удовольствиях, любил пожить себе в радость. Часами он занимался изготовлением скрипок, собственноручно изготавливал морилки и лаки. Его перу принадлежит даже специальная работа на эту тему: «Справка о грунтах и лаках для скрипок». Еще одним увлечением заместителя наркома, довольно странным для человека его положения, была дрессировка мышонка в служебном

кабинете, о чем оставил свое свидетельство потомкам его личный врач Л. Кагаловский: «Михаил Николаевич приучил мышонка в определенное время взбираться на стол и получать свой ежедневный рацион...»

К весне 1937 года номенклатурные «подпорки» Тухачевского существенно ослабли. В марте 1935 года Енукидзе, заподозренный Сталиным в причастности к организации убийства Кирова, был освобожден от обязанностей секретаря президиума ЦИК. В тот же год внезапно умер Куйбышев. В феврале 1937 года застрелился Орджоникидзе. Соответственно, шансы на получение поста наркома обороны у Тухачевского значительно уменьшились.

Не ладилась у него отношения не только с Ворошиловым, но и с начальником Генерального штаба Александром Егоровым. Еще в декабре 1919 года, когда Тухачевский прибыл с Восточного фронта на должность командующего 13-й армией Южного фронта, командующий фронтом подполковник старой армии Егоров воспротивился этому назначению. Целый месяц Михаил Николаевич пробыл при штабе фронта и так и не был допущен военным советом к командованию армией.

В январе 1920 года он был назначен командующим Кавказским фронтом, где членом военного совета стал Орджоникидзе. «Злые языки» позднее утверждали, что своим военным успехам на Северном Кавказе будущий красный маршал был обязан толковому начальнику штаба — выпускнику Академии Генштаба бывшему подполковнику В. Любимову. Через несколько месяцев Тухачевский вновь столкнулся с Егоровым — на этот раз на польском направлении: Егоров командовал Юго-Западным фронтом, а Михаил Николаевич — Западным.

В апреле 1936 года взгляды Тухачевского и Егорова вновь не совпали. Тогда в наркомате обороны проводилась большая командно-штабная игра. Иероним Петрович Уборевич, командующий войсками Белорусского военного

округа, играл за «красных», а Тухачевский — за «синих». Его союзником выступал командующий войсками Киевского военного округа Иона Эммануилович Якир, игравший за польские войска — 30 дивизий, которые выступили на стороне немцев (после заключения в 1934 году пакта о ненападении между Германией и Польшей внешняя политика Польши становилась все более прогерманской).

Генеральный штаб, возглавляемый маршалом Егоровым, исходил из того, что немцы сумеют отмобилизовать не более 100 дивизий, из них 50–55 будут действовать к северу от Полесья. Тухачевский же считал и, как выяснилось в июне 1941-го, справедливо (возможно, хорошее знание Тухачевским возможностей вермахта объяснялось его многолетним общением с немецким генералитетом), что Германия выставит против СССР около 200 соединений, в том числе севернее Полесья — до 80. В 1941 году враг отмобилизовал около 190 дивизий, из них 79 ударили к северу от Полесья. Но в 1936-м Генштаб отверг оценки Тухачевского, как и его мнение о возможности внезапного для РККА нападения. Егоров считал, что силы вермахта и РККА будут приблизительно равны и внезапности удара немцы не достигнут.

Самолюбивый Тухачевский ощущал себя непонятым, и все это болезненно сказывалось на его внутреннем мире и состоянии психики. Человек, бесспорно, высокого интеллекта и властный, он продолжал безуспешно стремиться к должности наркома. Упорство Сталина, отстаивающего Ворошилова, все более озлобляло маршала, делало его податливым на заманчивые предложения противников генсека в партии.

Призраки Ингольштадта

Внутренний мир Тухачевского, судя по свидетельствам некоторых его современников, значительно сложнее, чем его принято представлять. С детства хорошо знающий во-

енную историю, походы великих полководцев древности, он мечтал и о своих Каннах, и о своем Тулоне. Его воображение занимали глобальные геополитические проекты. Возможно, сказывалось и его знакомство с Львом Троцким и его идеей мировой революции, и пребывание в немецком плену (в баварской крепости Ингольштадт), где пленный русский подпоручик познакомился с самобытными людьми, открыв для себя много нового и загадочного в мировоззренческом отношении. Одному из своих товарищей по несчастью — французскому офицеру Реми Руру — молодой Тухачевский признался: *«Я ненавижу социалистов, евреев и христиан...»* В несчастьях России он винил киевского князя Владимира, который-де допустил на Русь «чужую веру». По словам француза, русский подпоручик заявил: *«Мы выметим прах европейской цивилизации, запорошивший Россию»*. Антихристианство и германофильство объективно могли создавать питательную почву для симпатий Михаила Николаевича к Германии, где к власти пришли нацисты, стремившиеся к «новому порядку» на обломках европейской цивилизации.

Возможно также, что еще в детстве на мировоззрение и самовосприятие будущего маршала повлияли рассказы его отца об истории старинного дворянского рода Тухачевских. В семье Михаила Николаевича бережно хранили предание о том, что по линии отца они якобы ведут род от некоего графа Индриса, выехавшего вместе с сыновьями в середине XIII века из Византийской империи («цесарской земли») в Черниговское княжество, где он служил тамошнему правителю. Затем один из их потомков перебрался в Московское княжество, где великий князь Московский Василий II Темный жаловал ему в качестве вотчины Тухачев и Тухачевскую волость. Отсюда, кстати, и фамилия — Тухачевский.

Отец Тухачевского, а вслед за ним и Михаил Николаевич считали, что Индрис был сыном графа Фландрии

Балдуина (Бодуэна) IX, участника четвертого Крестового похода и первого императора Латинской империи, возникшей на месте поверженной западноевропейскими крестоносцами Византийской империи.

Если к этому добавить, что Бодуэн, в свою очередь, вел происхождение от легендарной династии первых франкских королей Меровингов, то становится ясно, что самолюбие красного маршала исподволь подпитывалось детскими воспоминаниями о рассказах отца о древних аристократических корнях рода Тухачевских, особой роли его предков в европейской истории.

В немецком плену судьба Тухачевского удивительным образом оказалась переплетена с жизненным путем выдающегося государственного деятеля Франции Шарля де Голля. Они вместе томились в Ингольштадтской крепости в Верхней Баварии, где капитан де Голль учил русского подпоручика французскому языку. Оба затем продолжили офицерскую карьеру, стали видными военными теоретиками, отстаивающими новые способы ведения «войны моторов». И если принять во внимание проявленные де Голлем в зрелые годы антиатлантические настроения и приверженность идее единой Европы «от Атлантики до Урала», то не кажется такой уж невероятной версия некоторых исследователей, утверждающих, что Тухачевский и де Голль вступили, находясь в германском плену, в некую эзотерическую организацию евразийской направленности. Французский писатель Жан Парвулеско называл ее «Орденом Полярных», противостоящим будто бы геополитическим устремлениям туманного Альбиона.

Может быть, уже тогда у Тухачевского зародилась идея русско-германского союза, сторонниками которой оказались и многие руководители большевиков, начиная от Ленина и Троцкого. Пользуясь служебными возможностями, маршал продолжал и после 1933 года поддерживать связи с немецкими генералами, у которых был свой резон

в альянсе с РККА и которые также были не прочь нанести решающее поражение «загнивающей Европе». Должность наркома обороны открывала перед честолюбивым Тухачевским новые горизонты.

В начале 1936 года Тухачевский по решению Политбюро ЦК ВКП(б) совершил поездку в Великобританию, чтобы присутствовать на похоронах короля Георга V. В Лондоне он имел встречу с советским военным атташе Витовтом Путной, что само по себе вполне естественно: кто, как не военный атташе, должен встречать и сопровождать заместителя наркома. Но на беду Тухачевского, Путьна уже подозревался НКВД, и возможно небезосновательно, в связях со сторонниками Троцкого и его сыном Седовым, проживающим в Западной Европе. Нетрудно представить, как Сталин мог отнестись к информации НКВД о контактах советских военачальников с ближайшим окружением его злейшего идеологического и политического противника. Троцкий, неоднократно дававший в своих работах унижительные оценки Сталину, стал для Генерального секретаря ЦК личным врагом № 1.

Участие в похоронах английского монарха позволило Тухачевскому побывать проездом в Германии и Франции. В Германии, по утверждению Пауля Шмидта, высокопоставленного сотрудника германского МИДа, не раз выступавшего переводчиком Гитлера и выпустившего под псевдонимом книгу воспоминаний в США (*Carell P. Hitler Moves East. N. Y., 1967*), красный маршал встретился с ведущими немецкими военачальниками и вел речь о позиции Германии в случае смены власти в СССР и о создании германо-советского союза. Лгать бывшему германскому дипломату и намеренно дискредитировать Тухачевского, представляемого западными и советскими СМИ безвинной жертвой сталинского террора, особой выгоды вроде бы не было. Более того, утверждения Шмидта в какой-то мере оправдывали Сталина и его жестокие меры в 1937 году.

Хотя к свидетельствам Шмидта, как и начальника VI управления (внешняя разведка) Главного управления имперской безопасности Вальтера Шелленберга и других высокопоставленных нацистов, надо все же относиться крайне осторожно. Их судьба после войны находилась во власти западных спецслужб, и не исключено, что публикация воспоминаний побежденных нацистов стала частью хитроумных операций по дезинформации СССР и мировой общественности (известно, что появление некоторых книг советских перебежчиков стало результатом активных мероприятий иностранных разведок).

Кстати, вольно или невольно частью усилий по дискредитации Тухачевского и других советских военачальников стала книга эмигранта Романа Гуля «Красные маршалы», появившаяся на Западе в 1932 году. Автор своими голословными утверждениями о стремлении высшего командного состава РККА освободиться из-под партийного контроля зарождал в умах советских руководителей сомнение в лояльности военачальников. В качестве возможных руководителей антикоммунистического военного переворота в книге прямо назывались Тухачевский и Блюхер. Искажая факты, Гуть утверждал, что Тухачевский являлся ставленником Троцкого, обеспечившего бывшему поручику стремительную карьеру в Советской России. Нетрудно представить, как Сталин, человек с обостренным чувством подозрительности, воспринимал подобную информацию о положении в Красной армии.

«Медвежью услугу» Кремлю оказали и отечественные контрразведчики, «перемудрившие» с акциями по дезинформации западных спецслужб и белогвардейской эмиграции. Так, чекисты создали в качестве приманки для антисоветских элементов и иностранных разведок некое «Монархическое объединение Центральной России». Руководителем его военной организации был назван Тухачевский, от имени которого в Польшу, Германию и

Францию направлялись документы о положении в РККА и участии военнослужащих в подготовке антисоветского выступления. Спустя какое-то время просоветски настроенные эмигранты, не будучи в курсе «игры» чекистов, сигнализировали на родину о предательстве некоторых военачальников Красной армии. За более чем десяток лет существования легендированных организаций ложь так смешалась с правдой, что различить настоящих и мнимых контрреволюционеров не могли порой и сами организаторы контрразведывательных операций, тем более что часть из них погибла или вынуждена была покинуть органы НКВД.

Тухачевский и сам давал Сталину повод для подозрений. По пути в Лондон в 1936 году он сделал краткие остановки в Варшаве и Берлине, где встречался с польскими и немецкими генералами. В ходе конфиденциальных разговоров не скрывал своих взглядов на возможность перемен в СССР. На обратном пути маршал остановился в Париже. На обеде в советском посольстве военачальник, к немалому удивлению окружающих, не скрывал своей прогерманской ориентации. Министру иностранных дел Румынии Н. Титулеску он советовал «вернуться лицом к новой Германии» и не связывать судьбу своей страны с такими странами, как Франция и Англия. Это высказывание было записано присутствовавшим на обеде заведующим отделом печати румынского посольства в Париже. Оно звучало так: «Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых конченных государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для нас всех».

Разумеется, спецслужбы Германии, Франции и других западных стран внимательно отслеживали контакты

и беседы красного маршала. Возвышение прогермански настроенного Тухачевского не сулило ничего хорошего Франции и Великобритании. Для Лондона приход к власти в Германии националистически настроенных генералов, готовых к реваншу в союзе с Россией, был на порядок страшнее, чем установление нацистской диктатуры Гитлера. С фюрером же, провозгласившим в «Майн кампф» идею похода на Восток и покорения славянства, английский и французский истеблишмент имел шанс договориться, придав военной активности немецких нацистов антисоветскую направленность. Так, по крайней мере, считали в Париже и Лондоне.

В западноевропейских столицах на то были серьезные основания. «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени, — писал Гитлер в «Майн кампф». — Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке. Мы прекращаем наконец колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания.

Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба как бы указывает этот путь».

В игру вступает Гитлер

Перспектива германо-советского военного союза и отстранения Гитлера от власти, естественно, путала планы тех кругов западного мира, что способствовали приходу нацистов к власти. На этот счет известно немало высказываний западных политиков. Так, близкий к президенту США Рузвельту американский дипломат У. Буллит откровенно признался польскому послу в Вашингтоне:

«Для демократических стран было бы желательно, чтобы дело дошло до военного столкновения между Германией и Россией». Смысл геополитической игры наднациональных финансовых кругов заключался в том, чтобы ввергнуть европейские страны в континентальную войну и максимально ослабить их для вывода Соединенных Штатов Америки на первые роли в мировой политике. На роль «богоизбранного народа» XX века были назначены американцы.

В свою очередь, Гитлеру, обеспокоенного антинацистскими настроениями своих генералов, внешнеполитическая активность Тухачевского также объективно мешала. Информация о планах советских военных, по версии Шелленберга, стала поступать фюреру в конце 1936 года, а в марте следующего года германская служба безопасности тайно добыла из архивов немецкого Генштаба документы о сотрудничестве военных двух стран, скрыв свое проникновение в военные учреждения пожарами. И тогда якобы Гитлер принял решение о передаче компрометирующих Тухачевского материалов Сталину. Такова версия Шелленберга, и к ней мы еще вернемся. А пока заметим, что Вальтер Шелленберг — личность весьма темная. Будучи руководителем внешней разведки имперской службы безопасности, он одновременно являлся акционером и одним из директоров американской телефонной корпорации ИТТ.

Вскоре после обновления Сталиным командования РККА Гитлер проводит в феврале 1938 года собственную чистку генералитета. Он отправляет в отставку главнокомандующего сухопутными войсками генерала Вернера фон Фрича и ряд других высокопоставленных военных. Военное министерство ликвидируется, и вместо него создается верховное командование вермахта, верховным главнокомандующим становится сам фюрер. При этом немецкие спецслужбы шли на провокации, чтобы по-

лучить повод для «зачистки» генералитета. Прусского аристократа фон Фрича, например, обвинили в... гомосексуальной связи с неким уголовником. И хотя армейское подразделение отбило у гестапо провокатора, спрятав его в надежном месте как свидетеля невинности фон Фрича, Гитлер санкционировал «санацию» рейхсвера: более сорока генералов были смещены со своих постов.

В операции же против советских военных, по словам уже упомянутого Шелленберга, имперская служба безопасности задействовала «в темную» президента Чехословакии Э. Бенеша, который не был заинтересован в изменении геополитического статус-кво в Европе. В 1935 году Чехословакия даже заключила с СССР договор о взаимной помощи, и приход к власти в Москве германофилов радикально менял военно-политическую ситуацию для маленькой Чехословакии. В январе 1937 года посланник Чехословакии в Берлине Мастный с тревогой сообщал в Прагу, что немцы не торопятся с проведением германо-чехословацких переговоров по спорным вопросам, ожидая в ближайшее время изменения советского внешнеполитического курса.

В те годы чехословацкие политики и военные помнили, как летом 1918 года 1-я армия Восточного фронта под командованием Тухачевского нанесла поражение чехословацкому корпусу на Волге. Так что оснований симпатизировать первому заместителю наркома обороны СССР у Бенеша не было, а вот поставить крест на его карьере у Праги резон в общем-то был.

Версия Шелленберга об использовании немцами Бенеша и передаче Сталину частично сфабрикованных документов о тайных связях Тухачевского с германским генералитетом выглядит вроде бы правдоподобно и логично. Но некоторые неточности наводят на мысль, что бывший немецкий разведчик, возможно, обманывал читателей. Утверждается, ГПУ по требованию имперской службы

безопасности заплатило за компромат на Тухачевского три миллиона золотых рублей, которые будто бы стали использоваться для финансового обеспечения немецких агентов в СССР. Но, дескать, начались провалы агентуры, так как чекисты переписали номера купюр.

Однако в середине 1930-х годов никакого ГПУ не существовало! И Шелленбергу по долгу службы полагалось бы это знать. К 1937 году не было в обращении и золотых червонцев, тем более что на них никогда не было номеров! Ни в каких архивных документах советских органов безопасности, касающихся Тухачевского, нет упоминаний о «немецком следе». Это признает, например, Павел Судоплатов, курировавший перед войной, как заместитель руководителя разведки НКВД, германское направление.

Судя по некоторым свидетельствам, фашистская верхушка Германии не владела информацией о скрытых пружинах событий 1937 года в СССР, и возможности немецких спецслужб сильно преувеличиваются многими историками до сих пор. В одной из своих застольных бесед с приближенными Гитлер признал: «До сих пор так и не выяснено, действительно ли разногласия между Сталиным, с одной стороны, и Тухачевским и его сообщниками — с другой, зашли настолько далеко, что Сталину пришлось всерьез опасаться за свою жизнь, угроза которой исходила от этого круга лиц» (*Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. М., 1993).

Версия о «немецком следе» как ни странно была введена в оборот Никитой Хрущевым в 1961 году. «Жертвами репрессий стали такие видные военачальники, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Егоров, Эйдеман и другие, — говорил Хрущев. — Это были заслуженные люди нашей армии, особенно Тухачевский, Якир и Уборевич, они были видными полководцами. А позже были репрессированы Блюхер и другие видные военачальники.

Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами немецкого Генерального штаба. Этот «документ», якобы секретный, попал к президенту Чехословакии Бенешу, и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми намерениями, переслал его Сталину. Якир, Тухачевский и другие товарищи были арестованы, а вслед за тем и уничтожены».

Эта версия по странному совпадению близка к утверждениям бывших приближенных Гитлера Шмидта и Шелленберга, укрывшихся на Западе не без участия спецслужб держав-победительниц.

Сам факт направления Бенешем письма Сталину, как утверждают некоторые исследователи, сегодня можно считать установленным. Чехословацкий президент вроде бы подписал письмо в Кремль 8 мая 1937 года, а 24 мая состоялось постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о «заговоре в РККА», опиравшееся на материалы НКВД и личное послание Бенеша. К сожалению, сам текст этого послания до сих пор не найден. Молчат и наши, и чехословацкие архивы. Не опубликовано и постановление Политбюро, в котором должна была идти речь о планах военных заговорщиков свергнуть Сталина и советское правительство.

Не ясно также, можно ли верить чехословацкому посланнику в Берлине Мастному, сообщившему Бенешу о беседе с одним из германских представителей. На тайных переговорах между Берлином и Прагой в конце 1936 года граф Траунсмансдорф, объясняя проволочки в переговорном процессе, якобы поведал, что «действительной причиной решения канцлера (Гитлера. — *Авт.*) о переносе переговоров является его предположение, основывающееся на определенных сведениях, которые он получил из России,

что там в скором времени возможен неожиданный переворот, который должен привести к устранению Сталина и Литвинова и установлению военной диктатуры».

Нет никаких гарантий, что чешский дипломат стал объектом целенаправленной дезинформации, притом необязательно немецкой разведки. Известно, что игру вели на «советском поле» и другие разведки, имевшие своих людей и в германском МИДе, и в гитлеровских спецслужбах. Нелишне напомнить, что Каганович в разговоре с Чуевым о судьбе Тухачевского обронил фразу, которую позднее он никогда не развивал.

ЧУЕВ: «Сейчас пишут, что показания выбиты из них чекистами».

КАГАНОВИЧ: «Дело не в показаниях, а в тех материалах, которые были до суда».

ЧУЕВ: «Но их подбросили немцы Сталину через Бенеша».

КАГАНОВИЧ: «Говорят, английская разведка. Но я допускаю, что он был заговорщиком. Тогда все могло быть».

Конечно, свидетельства старого Кагановича — тоже не истина в последней инстанции, но на некоторые мысли его воспоминания наводят. Передавали немцы Сталину материалы на Тухачевского или информация об этом целенаправленно распространялась после войны разведкой «третьей страны», например, британской?..

Решительный и волевой Тухачевский, имевший в войсках серьезный авторитет, встань он действительно на путь антиправительственного переворота, гипотетически мог представлять угрозу для Сталина. В отличие от партийных говорунов типа Бухарина и Зиновьева он был человеком действия, к тому же склонным к авантюризму, без чего перевороты редко бывают успешными. Со времен Гражданской войны было известно и о беспощадности этого военачальника, который без особых сантиментов

относился к собственному народу. Он командовал в 1921 году войсками, подавлявшими Кронштадтский мятеж и восстание крестьян в Тамбовской губернии, широко использовал практику расстрела заложников, намеревался применить газовые атаки против непокорных крестьян.

Сохранилось любопытное указание Тухачевского начальнику штаба войск, боровшихся с тамбовскими повстанцами, от 8 июля 1921 года: «Немедленно взять из населения деревень, вблизи которых расположены важные мосты, не менее пяти заложников, коих в случае порчи моста надлежит немедленно расстреливать».

Еще как-то можно понять систему с заложниками на вражеской территории, практиковавшуюся в прошлые века. Но страшную жестокость будущего маршала по отношению к соотечественникам можно объяснить только безразличием к судьбе простого народа и карьеристскими побуждениями. Впрочем, первому поколению красных военачальников, сгинувших в 1930-е годы, национальное чувство не было присуще. Они, как и их политические лидеры, руководствовались меркой классовой целесообразности...

Бывший переводчик Гитлера Шмидт в своих воспоминаниях утверждал, что заговор военных в СССР не удался из-за промедления Тухачевского, который решил перед переворотом еще раз встретиться с немецкими генералами. Для этого представился удобный повод: Тухачевскому вновь поручили участвовать в церемонии коронации нового английского короля Георга VI, намеченной на 12 мая 1937 года. Это, по словам Шмидта, и привело к отсрочке переворота на три недели, которых хватило НКВД для завершения приготовлений к арестам руководителей военного заговора.

Утверждения некоторых авторов о возможности переворота в мае 1937 года выглядят весьма дискусионно, если принять во внимание реальную внутривнутриполитиче-

скую ситуацию в СССР весной 1937 года: после смерти Орджоникидзе в руководстве ВКП(б) не осталось оппонентов генсека. НКВД, во всяком случае его московский аппарат, уже находился под полным контролем ставленника Сталина Ежова, ввести в Москву несколько верных заговорщикам полков было невозможно при наркоме обороны Ворошилове и неослабном контроле Особого отдела НКВД за войсками. В самой столице располагались надежные части органов внутренних дел.

Отстранение от власти Сталина можно было провести годом раньше, когда НКВД возглавлял Ягода, отвечавший и за охрану Кремля. И если уж говорить об опоздании возможных заговорщиков, то опоздали не на три недели, а на год. И если они действительно решили действовать в мае 1937-го, то это говорит или об их крайнем авантюризме, или что кто-то неизвестный подталкивал их на заведомо самоубийственную акцию.

С причиной срыва второй поездки Тухачевского в Лондон, о которой писал Шмидт, многое неясно. Под надуманным, как считает большинство историков, предлогом — подготовки немецкой разведкой покушения на него — Политбюро приняло решение направить в Лондон заместителя наркома обороны В. Орлова.

Интересна резолюция Сталина на записке наркома внутренних дел Ежова: *«Членам ПБ. Как это ни печально, приходится согласиться с предложением товарища Ежова. Нужно предложить товарищу Ворошилову представить другую кандидатуру. И. Сталин»*. Ворошилов, получив от Сталина документ НКВД, пишет на записке: *«Показать М. Н. 23.IV.37 г. КВ»*.

Историки считают, что Ежов выдумал предлог, чтобы не выпустить Тухачевского из СССР, и ссылаются на отсутствие в архивах КГБ СССР материалов о подготовке террористического акта против Тухачевского. Этот вывод представляется достаточно дискуссионным. И дело даже

не в том, что архивы спецслужб никогда не будут в полном объеме доступны исследователям. Гитлер объективно был заинтересован в гибели Тухачевского как одного из советских военных руководителей.

Поэтому гипотетически можно предположить, что Гитлер мог поручить службе безопасности акцию по устранению опасного для него советского военачальника. Фюреру это было не впервой. 9 октября 1934 года с санкции Гитлера в Марселе было организовано убийство французского министра иностранных дел Барту и югославского короля Александра. Находившийся в Германии проездом Тухачевский мог стать легкой добычей профессиональных убийц, среди которых, по данным Ежова, должен был находиться поляк. Сам факт гибели советского военачальника, воевавшего в свое время против Польши, от руки поляка отвел бы подозрения от немецкой разведки.

В версии бывших приближенных Гитлера есть немало «слабых мест». Бывший шеф германской внешней разведки Шелленберг утверждает, например, что компрометирующие Тухачевского материалы были переданы представителям НКВД в середине мая 1937 года, т. е. уже после того, как Сталин принял решение о переводе Тухачевского в Куйбышев на должность командующего войсками Приволжского военного округа. Значит (даже если Шелленберг не лукавит, что весьма вероятно, принимая во внимание его «чепуху» о ГПУ и золотых червонцах), отнюдь не немецкие документы послужили основанием для чистки РККА.

9 мая 1937 года на стол Сталину легла записка наркома обороны Ворошилова в Политбюро ЦК ВКП(б), в которой предлагалось провести серию новых назначений в верхнем эшелоне командного состава (такие масштабные перестановки явно были им заблаговременно «проговорены» со Сталиным, ибо вряд ли сверхосторожный нарком решился на кадровую самодеятельность). И уже на следующий

день, 10 мая, состоялось решение Политбюро: маршал Егоров переводился с должности начальника Генерального штаба на должность первого заместителя наркома обороны, командующий войсками ЛенВО Шапошников становился начальником Генштаба, командующего войсками Киевского военного округа Якира переводили на пост командующего войсками ЛенВО, а Тухачевский назначался в Куйбышев.

Молотов предостерегает

Разгадка внезапного и быстрого решения Сталина содержится, видимо, в признании Молотова писателю Феликсу Чуеву в начале 1970-х годов: «Мы и без Бенеша знали о заговоре, нам даже была известна дата переворота».

Это объясняет в какой-то мере и причину резкого выступления Молотова в 1937 году на февральско-мартовском пленуме ЦК, где он фактически призвал неожиданно для многих к чистке командного состава РККА. Касаясь ситуации в армии, предсовнаркома заявил: «...Пока там небольшие симптомы обнаружены вредительской работы, шпионско-диверсионно-троцкистской работы. Но я думаю, что и здесь, если внимательно подойти, должно быть больше... Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей».

Заявление Молотова прозвучало диссонансом выступлению наркома Ворошилова, который, возможно, не был еще полностью в курсе планов Сталина (правда, не исключен и иной вариант: у вождя тогда намерений радикальной чистки РККА и не было, и он стал ужесточать позицию только в процессе противостояния своим оппонентам в руководстве партии, по мере поступления компромата на военачальников). На февральско-мартовском пленуме нарком обороны бодро рапортовал о том, что «к настоя-

щему моменту армия представляет собой боеспособную, верную партии и государству вооруженную силу... отбор в армию исключительный».

Судя по всему, импульсы к чистке армии шли не от Ворошилова, как пытаются представить некоторые исследователи и, возможно, даже не от Сталина. Преданный генсеку Ворошилов вряд ли позволил себе давать оценки ситуации в РККА вопреки мнению вождя, но это мог себе позволить Молотов — второй человек в Кремле.

Заключительное слово Молотова гипотетически могло подтолкнуть Тухачевского к форсированию событий. Оставшись без поддержки ушедших из жизни Орджоникидзе и Куйбышева, он, видимо, понимал, что слова председателя Совета народных комиссаров СССР не пустая угроза. Тем более что аресты в РККА уже начались.

В июле 1936 года арестовали командира механизированной бригады Киевского военного округа Дмитрия Шмидта, 14 августа — заместителя командующего войсками ЛенВО Виталия Примакова. Спустя шесть дней на Лубянке оказался и приехавший из Лондона в Москву Витовт Путна, который 12 июля беседовал в британской столице с представителем Русского общевойскового союза генералом Скоблиным и, как предполагается, ввел его в курс намечавшихся в Москве перемен, будучи уверенным в лояльности агента НКВД антисталинским планам (Путна знал, что Скоблин сотрудничает с Иностранным отделом НКВД, где ключевые позиции продолжали тогда занимать сторонники Ягоды). Оппозиционно настроенных военных не спасало то, что наркомом внутренних дел был близкий к Бухарину и Енукидзе Ягода (его сняли с должности в сентябре 1936 года).

Почему Ягода допустил арест Примакова и Путны или не устранил их на Лубянке, прежде чем они заговорили, не выяснено. Это поведение Ягоды ставит под сомнение версию о его активной вовлеченности в заговор Тухачевского —

Троцкого и еще более запутывает политическую интригу, приведшую к гибели группы военачальников РККА.

Тухачевский, если принимать в расчет показания арестованных «контрреволюционеров» и воспоминания оставшегося на Западе высокопоставленного сотрудника НКВД Александра Орлова, занервничал после арестов Путны и Примакова и сентябрьского снятия Ягоды с поста руководителя НКВД. В ноябре 1936 года, на VIII Чрезвычайном съезде Советов, Тухачевский будто бы встретился с Николаем Крестинским, замом наркома иностранных дел, и заявил ему: «Начались провалы, и на этом дело не остановится». Маршал якобы ратовал за начало решительных действий.

Сам факт того, что Тухачевский не решается на самостоятельные действия и обращается к Крестинскому, связанному с Троцким, говорит о том, что красный маршал и не мыслил себя новым вождем. Он советуется с теми, кого привык считать с Гражданской войны старшими товарищами и кому он обязан своей карьерой. Крестинский, в свою очередь, пользуясь своими возможностями одного из руководителей МИДа, решает проконсультироваться с Троцким и дважды направляет ему письма. В конце декабря Лев Давидович дает наконец согласие на использование своими сторонниками военных.

Тем временем Тухачевского ждали новые неприятности. 24 января 1937 года на открытом судебном заседании по делу троцкистского «параллельного центра» обвиняемый Карл Радек неожиданно назвал имя Тухачевского: заместитель наркома обороны Тухачевский направлял-де Путну по служебным делам в Берлин, а тот, используя подвернувшуюся возможность, вел переговоры с троцкистами. Вроде бы Тухачевский и не связан напрямую с троцкистами, но «врага народа» Путну не разглядел. В этот же день на партийной конференции Белорусского военного округа его командующий Уборевич, близкий к Тухачевскому на

платформе неприятия Ворошилова, был подвергнут жесткой критике в нескольких выступлениях.

В этой нервной для оппозиционеров обстановке в Москве состоялось несколько встреч Крестинского, Розенгольца, Тухачевского, Гамарника. Военные предложили следующий вариант действий: они под каким-либо предлогом убедят Ворошилова в необходимости проведения в Кремле большого совещания по военным вопросам с участием Сталина. Прибывшие на него представители военных округов, вовлеченные в планы заговорщиков, арестуют и тут же расстреляют Сталина. По показаниям Розенгольца, в Кремле предполагалось, как в октябре 1917-го, захватить телефонную станцию и здания, где размещены кабинеты и квартиры советских руководителей.

В это же время начальник Политуправления РККА Ян Гамарник во главе вооруженного отряда должен был захватить здание НКВД и арестовать там «головку» чекистов. Одновременно по тревоге поднимались воинские части, расквартированные в Москве, и военно-учебные заведения. Видимо, считалось, что после убийства Сталина и его ближайших сподвижников сопротивление НКВД было бы быстро сломлено военными, недовольными чистками в РККА.

***Наша справка.** В период 1924–1936 годов из армии было уволено 47 тысяч бывших офицеров императорской армии. Только за период 1934–1936 годов, говорил Ворошилов, «мы выбросили из армии по разным причинам, но главным образом по причинам негодности и политической неблагонадежности, около 22 тыс. человек, из них 5 тыс. человек были выброшены, как оппозиционеры, как всякого рода недоброкачественный в политическом отношении элемент». С 1 января по 30 марта 1937 года из РККА было уволено по политическим мотивам еще 577 человек, а с 1 апреля по 11 июня — 4370 человек.*

На сегодняшний день, подчеркнем это особо, никаких документов, подтверждающих конкретную подготовку

Тухачевским и другими военачальниками ввода войск в Москву и ареста Сталина, не обнародовано. Молотов о деталях военного заговора и имевшихся у Сталина источниках информации не распространялся даже на склоне лет. В 1950–1960-е годы бывшие работники НКВД предпочитали официально признавать надуманными обвинения Тухачевского в подготовке к военному перевороту.

С другой стороны, отечественный и мировой опыт учит, что заговоры организуются, как правило, узкой группой доверяющих друг другу единомышленников, предпочитающих доверительно, без составления каких-либо документов, договариваться о сценарии дворцового переворота и последующем распределении руководящих постов. Так, в частности, поступили в 1964 году участники заговора против Хрущева. Поэтому утверждать, что Тухачевский и группировавшиеся вокруг него военачальники, недовольные политикой Молотова и Сталина, не замыслили отстранения Сталина от власти, только на основании отсутствия разработанного ими детального письменного плана переворота и списка его участников, нелепо. Тухачевский не был наивным человеком. С марта 1937 года, когда новый нарком внутренних дел Ежов «вычистил» сторонников Ягоды из центрального аппарата НКВД, маршалу и его единомышленникам приходилось быть настороже.

Поэтому, когда мы пытаемся понять причины тех событий, вряд ли оправданно огульное отрицание показаний репрессированных противников Сталина. Непредвзятое прочтение протоколов допросов участников «военно-фашистского заговора» и системный анализ всех показаний арестованных все же дают крупницы информации. Конечно, в застенках НКВД военачальников били, стремясь получить максимум показаний. Многие свидетельства были фальсифицированы.

Но с поправкой на вымыслы карьеристски настроенных следователей и самооговоры арестованных показания

военных и партийных деятелей заслуживают все же более глубокого анализа. Ведь применительно к другим эпохам, например, временам Петра Великого, исследователи спокойно принимают во внимание показания подвергнутых пыткам стрельцов, бояр, друзей несчастного сына императора царевича Алексея.

Чисто теоретически, если принять во внимание все конкретно-исторические обстоятельства и личностные качества Тухачевского, можно только предполагать, что он мог решиться на организацию антиправительственного выступления. Но ключевой вопрос в том, шла ли речь о заговоре? Или о сговоре группы военачальников с целью смещения Ворошилова? И был ли Тухачевский марионеткой в руках Троцкого?

Тухачевский, надо отметить, всегда был убежденным сторонником советского строя. Его взгляды по принципиальным внешнеполитическим вопросам в целом совпадали с воззрениями Сталина. Не случайно в марте 1935 года вождь сам взялся за редактирование статьи Тухачевского в «Правду» на тему военного строительства в Германии. Примечательно, что Сталин вычеркнул из материала пропагандистские штампы, вроде утверждений о том, что никто не сможет «победить нашей социалистической колхозной страны... с ее великой коммунистической партией и великим вождем тов. СТАЛИНЫМ». При анализе всех хитросплетений событий 1930-х годов появляется предположение, а не боролся ли Тухачевский не против Сталина, а за близость к нему? И кто-то третий сыграл, по своим соображениям, на подозрительности Сталина и карьеристских устремлениях маршала?

Кстати сказать, современный анализ статьи Тухачевского для «Правды» показывает, что в ней приводились завышенные данные о военных возможностях Германии. Фактически Тухачевский дезинформировал и Сталина, и

общественность, значительно преувеличивая потенциал германских ВМС и ВВС. Так, не было у немцев в 1935-м никаких танковых частей, как и самих танков. Что касается немногим более 200 танкеток Т-1 с противопульной броней, то они серьезной опасности не представляли. Возможно, кто-то, предоставив заместителю наркома обороны ошибочные сведения, просто-напросто подставлял амбициозного военачальника, демонстрируя всему миру его некомпетентность и непрофессионализм. Ведь трудно поверить, что советская военная разведка тогда не знала, что у нацистской Германии не было девяти (!) линкоров, как утверждал Тухачевский...

Как показали дальнейшие события, советский вождь, как и Тухачевский, был склонен к достижению договоренностей с Германией, даже под властью Гитлера. Сталин до конца дней не доверял правящим кругам Великобритании, которые, впрочем, платили ему тем же. В Кремле, благодаря эффективной работе разведслужб НКВД и наркомата обороны в 1930-е годы, были отлично осведомлены о намерениях влиятельных западных кругов спровоцировать военное нападение нацистской Германии на СССР. Да те этого особенно и не скрывали.

Очевидно, что возможность сближения Сталина и Тухачевского не устраивала многих и в СССР, и за рубежом. И попытки скопрометировать Тухачевского под надуманным предлогом в глазах Сталина тоже исключать нельзя. Возможно, что и Тухачевского пытались настроить против генсека. В свете этого предположения несколько иначе воспринимается рассказ бежавшего в США работника НКВД А. Орлова, утверждавшего, что руководитель НКВД Украины Балицкий передал через Якира Тухачевскому и Гамарнику некие компрометирующие Сталина материалы, якобы свидетельствующие о его связях с царской охранкой. Эти документы должны были мотивировать организацию военного переворота.

Были ли эти документы на самом деле, сказать сегодня однозначно невозможно. Ни российские, ни зарубежные историки не располагают материалами, подтверждающими сотрудничество Сталина с Департаментом полиции. Что же касается документа Департамента полиции от 12 июля 1913 года, обнародованного в журнале «Лайф» в 1956 году — по случайному (?) совпадению после XX съезда КПСС, — то его недостоверность уже давно признана всеми серьезными исследователями...

Несмотря на оперативные мероприятия, к 1 мая 1937 года НКВД еще не располагало существенным компроматом на Тухачевского. Показания арестованных сотрудников НКВД на военных были малоубедительны. Бывший же шеф НКВД Ягода, сам оказавшийся в апреле 1937-го в тюремной камере, отказался оговорить военачальников, заявив на допросе, что «никого из них я вербовать не пытался». Лукавил ли он, сказать сложно. Возможно, бывший шеф НКВД просто не хотел лгать, но и не исключено, что он на что-то надеялся. Отстранение от власти или убийство Сталина военными было бы для него единственной надеждой на спасение.

У близкого к Ягоде Бухарина и других партийных бонз ленинского призыва Тухачевский полным доверием никогда не пользовался. И если даже предположить, что маршал действительно замыслил переворот и успешно реализовал его, жить ему осталось бы недолго.

На процессе 1938 года Бухарин и его единомышленники многое, конечно, говорили под диктовку ежовских следователей, но далеко не все было плодом «домашних заготовок» НКВД, кое-что подсудимые обнародовали из того, что ими проговаривалось в ходе кулуарных встреч на свободе. Так, Николай Бухарин, которого Ленин называл «любимцем партии», заявил: *«Поскольку речь идет о военном перевороте, то в силу самой логики вещей будет необычайно велик удельный вес именно военной группы за-*

говорщиков... и отсюда может возникнуть своеобразная бонапартистская опасность, а бонапартисты, я, в частности, имел в виду Тухачевского, первым делом расправятся со своими союзниками, так называемыми вдохновителями, по наполеоновскому образцу. Я всегда в разговорах называл Тухачевского «потенциальным наполеончиком», а известно, как Наполеон расправлялся с так называемыми идеологами». Поэтому Бухарин и Томский, по утверждениям первого, размышляли о том, как направить военный путч в нужное им русло, а затем устранить Тухачевского и его ближайших помощников, обвинив в измене.

В ходе следствия были выявлены факты, свидетельствующие о финансовой поддержке высланного за рубеж Троцкого симпатизировавшими ему советскими руководителями (как-никак вместе прошли Гражданскую, давили «контру», мечтали о мировой революции...). Валюта (в суммах от 20 до 300 тыс. долларов) пересылалась бывшему члену Политбюро по линии Внешторга (нарком А. Розенгольц), наркомата финансов (нарком Г. Гринько) и даже НКВД с санкции самого Ягоды.

Но на сегодняшний день нет никаких оснований (кроме полученных в камерах НКВД показаний арестованных) утверждать, что Троцкий в сговоре с Крестинским и Бухариным планировал военный переворот с участием Тухачевского. Но логично предположить, что старым большевикам, вместе с Лениным и Сталиным организовавшим Октябрьскую революцию, было обидно оказаться нагло отодвинутыми от власти новым лидером страны, который к тому же проявлял большой интерес к их собственности за рубежом и их счетам в иностранных банках (открытыми на «черный день»). Поэтому, прогуливаясь на дачах, они вполне могли обсуждать между собой варианты отстранения Сталина от власти, в том числе с привлечением недовольных Ворошиловым военачальников.

А недовольных в РККА было немало, притом не только в окружении Тухачевского. В годы Гражданской войны в составе РККА помимо двух конных армий существовал славный 1-й конный корпус червонного казачества под командованием Виталия Примакова, к середине 1930-х годов ставшего заместителем командующего войсками ЛенВО. Выходцы из этого корпуса считали себя незаслуженно обойденными «первоконниками». К примеру, Илья Дубинский (написавший немало интересных книг о червонном казачестве) командовал всего лишь 4-й танковой бригадой в Киевском военном округе, а Дмитрий Шмидт — там же 8-й механизированной бригадой. Шмидт, в 1920-е яростный сторонник Троцкого, вошел в советскую историю тем, что накануне XV съезда партии, в 1927 году, приехал в Москву, взбешенный решением об исключении своего кумира из партии. В одном из перерывов между заседаниями съезда он, как гласила молва, отыскал Сталина и, выругавшись, публично пригрозил: «Смотри, Коба, уши отрежу!» Сталин проявил тогда выдержку и даже позволил Шмидту продолжать служить в армии.

Шмидт, Примаков и другие «обиженные» тянулись к Тухачевскому, видя в нем противовес выходцам из 1-й Конной. В советской исторической литературе описывается такая сцена: из кабинета маршала Ворошилова выходит расстроенный разговором с наркомом командир бригады Дмитрий Шмидт. Ему навстречу по коридору шествует маршал Тухачевский: «Что, Митя, не любит вас нарком? Не горюйте, он и меня не терпит». Такая нравственная атмосфера существовала тогда в наркомате обороны...

После традиционного первомайского (1937) парада на праздничном обеде на квартире Ворошилова Сталин в присутствии военачальников произнес угрозы в адрес врагов в армии, однако конкретных имен, фактов не привел. Сохранилось письмо присутствовавшего на обеде С. Урицкого (тогда начальника Разведуправления РККА)

Ворошилову от 27 сентября 1937 года, в котором воспроизводятся майские слова Сталина о том, что «враги будут разоблачены, партия сотрет их в порошок».

«Признания» комбрига Медведева

С доказательствами существования военного заговора у следователей было по-прежнему туго. 6 мая НКВД арестовал комбрига запаса М. Медведева, уже несколько лет оторванного от военного руководства. До 1934 года он занимал пост начальника ПВО РККА и был исключен из партии за разбазаривание государственных средств. 10 мая (на следующий день после внесения Ворошиловым предложений о кадровых перестановках в РККА) из него «выбили» показания об организации, ставившей своей целью «свержение советской власти, установление военной диктатуры с реставрацией капитализма, чему должна была предшествовать вооруженная помощь интервентов». К числу руководителей военного заговора Медведев отнес Тухачевского, Якира, Путну, Примакова и начальника Военной академии имени М. В. Фрунзе Корка. Позднее, 16 июня 1937 года, Медведев на судебном заседании военной коллегии Верховного суда СССР нашел в себе мужество назвать свои показания о заговоре в РККА ложными. Но было поздно: Тухачевский уже был расстрелян, вскоре расстреляли и Медведева...

8 мая 1937 года следователям удалось сломать Примакова, который написал заявление на имя наркома внутренних дел Ежова и признал свое участие в троцкистской работе. Из показаний военачальника можно сделать вывод, что в его допросе участвовал, по всей видимости, сам Сталин. 14 мая Примаков заявил, что Якир рассматривался «троцкистской организацией» на пост наркома обороны вместо Ворошилова, а 21 мая он назвал Тухачевского руководителем заговора, связанного с Троцким.

В результате ночного допроса 14 мая показания на Тухачевского дал и Путна. Выяснилось, что он передал маршалу в 1935 году письмо от Троцкого, после ознакомления с которым Михаил Николаевич якобы произнес, что Троцкий может на него рассчитывать. А в 1936 году Тухачевский при посредничестве Путны встретился в Лондоне с Седовым — сыном Троцкого.

В ходе допросов психологически сломленные военачальники не только писали под диктовку следователей о коварных замыслах «военно-троцкистских заговорщиков» и своих связях с иностранными разведками, но и предоставили немало полезной Сталину информации о взаимоотношениях внутри командного состава РККА. Любопытна, например, характеристика комкором Н. В. Куйбышевым (младшим братом Куйбышева) наркома Ворошилова. По словам Примакова, Куйбышев говорил: «Ворошилову нужны либо холуи, вроде Хмельницкого, либо дураки, вроде Кулика, либо на все согласные старики-исполнители, вроде Шапошникова...»

При всем уважении к Клименту Ефремовичу надо признать, что так думали тогда многие командиры РККА. Сохранилась дневниковая запись от 15 марта 1937 года Кутякова, возглавившего после гибели Чапаева его дивизию: «Пока «железный» будет стоять во главе, до тех пор будет бестолковщина, подхалимство и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться».

В те трагические дни Тухачевский еще находился на свободе в Москве. Он готовился к поездке в Куйбышев, к своему новому месту службы. 13 мая у него состоялась встреча в Кремле со Сталиным. О чем говорили генсек и опальный маршал, остается неизвестным. Сам факт беседы можно рассматривать как доказательство того, что на тот день Сталин не был однозначно уверен в виновности Тухачевского. По словам одного из старых товарищей Тухачевского, побывавшего у него на квартире в те дни,

Сталин объяснил маршалу необходимость временного перевода в Куйбышев арестом его знакомой Кузьминой и бывшего порученца по обвинению в шпионаже.

Санкцию на арест Тухачевского и других остающихся на свободе «участников заговора» Ежов запросил у Политбюро 20 мая при представлении протокола допроса арестованного заместителя командующего войсками Московского военного округа Бориса Фельдмана. Решение об аресте опального маршала принималось «четверкой»: Сталиным, Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым (к ознакомлению с материалами следствия генсек допускал только этих трех членов Политбюро).

Сталин в те дни находился в тяжелом психологическом состоянии. 13 мая у него тяжело заболела мать, а жесткий правитель был, на удивление, заботливым и внимательным сыном. Об этом свидетельствуют сохранившиеся его письма в Грузию к Екатерине Джугашвили.

«Маме — моей — привет! — писал он в мае 1937-го. — Присылаю тебе шаль, жакетку и лекарства. Лекарства сперва покажи врачу, а потом прими их, потому, что дозировку лекарства должен определять врач.

*Живи тысячу лет, мама — моя!
Я здоров.*

Твой сын Сосо.

Дети кланяются тебе».

4 июня Екатерина Джугашвили умерла, но Сосо не рискнул покинуть столицу даже на один день — на ее похороны, хотя главные «заговорщики» уже сидели в камерах. Видимо, обстановка в Москве казалась тогда Сталину крайне напряженной и опасной для его позиций в Кремле. То, что нервы правителя были на пределе, показывает и его крайне сбивчивое и сумбурное выступление (что не было типично для волевого и умеющего логично

выступать Сталина) на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны СССР 2 июня.

И дело было не только в опасениях относительно позиции армии. Куда более серьезная и реальная угроза исходила для него от партийного аппарата. Любопытную версию на сей счет выдвинул доктор исторических наук Юрий Жуков (автор незамеченной широкой общественностью книги «Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков»). По его мнению, Сталин в начале 1930-х годов, после прихода нацистов к власти в Германии, замыслил радикальный поворот внутренней политики СССР. Предполагалось изменить саму модель политической власти в стране: за партийным аппаратом предполагалось сохранить только две основные функции — участие в подборе кадров, а также пропаганды и идеологического воспитания населения (нечто подобное предлагал весной 1953-го Берия).

Юрий Жуков утверждал, что обнаружил в архивах вариант избирательного бюллетеня, который Сталин планировал использовать при организации выборов в Верховный Совет СССР первого созыва. Выборы с тайным голосованием должны были пройти на альтернативной основе. Правом выдвижения кандидатов наделялись не только партийные органы, но и широкий спектр общественных организаций (этим приемом Сталина в 1989 году умело воспользовался в борьбе со своими оппонентами в партии Горбачев, организовав выборы на Съезд народных депутатов на альтернативной основе).

5 декабря 1936 года на VIII чрезвычайном Всесоюзном съезде советов была принята новая Конституция СССР, которая позволяла уже на следующий год изменить систему управления страной. 9-ю главу Конституции «Избирательная система» написал лично Сталин, который, кстати, после XVII съезда партии (1934) не занимал уже поста Генерального секретаря ЦК ВКП(б) и к 1937 году

был де-юре лишь членом Политбюро и одним из пяти секретарей ЦК — наряду с членами Политбюро Андреем Андреевым и Лазарем Кагановичем, кандидатом в члены Политбюро Андреем Ждановым и наркомом внутренних дел, председателем Комиссии партийного контроля Николаем Ежовым. Лидерство Сталина определялось лишь тем, что он вел заседания Политбюро.

В середине 1930-х годов Иосиф Виссарионович был первым среди равных, но еще не вождем и даже не единоличным правителем. Сохранилась фотография 1935 года, запечатлевшая момент подписания в Москве советско-чехословацкого договора о взаимной помощи. На заднем плане снимка видны два портрета на стене: на одном — первый руководитель Советского правительства Ленин, на втором — предсовнаркома СССР Молотов. Традиции вывешивать портреты партийного лидера товарища Сталина тогда еще не существовало.

Еще один малоизвестный факт: в 1934 году в беседе с представителями Чехословакии Сталин похвастался, что вскоре боеспособность РККА существенно возрастет в результате принятого решения о ее техническом перевооружении. Информация от немецкой агентуры среди чехов попала в Берлин. Об утечке информации в немецкую разведку узнали и в Москве и вскоре выяснили, что секретную информацию выдал Сталин (кстати, активную роль в «разоблачении» будущего вождя тогда, по поручению Куйбышева, сыграл замнаркома обороны Тухачевский). По инициативе Куйбышева и Орджоникидзе состоялся «разбор полетов» на закрытом заседании Политбюро, и если бы не заступничество Калинина и Молотова, Сталина грозило партийное взыскание. Самолюбие Сталина многие его соратники тогда не щадили. И, как вскоре выяснилось, напрасно...

Партия в новой, «сталинской», Конституции определялась как «ядро общественных организаций». Руково-

дьящая роль компартии основным законом советского государства тогда не была зафиксирована. Конституционное положение о руководящей роли компартии ввели в основной закон СССР значительно позднее — при Леониде Брежнев.

Выборы в Верховный Совет СССР первого созыва Сталин предполагал провести по новой избирательной системе сразу же после принятия Конституции. Но планы перестройки системы управления встретили сопротивление партийного аппарата, который лишился возможности вмешиваться в работу советских органов и судебной системы. Первые секретари региональных комитетов ВКП(б), обоснованно опасавшиеся не быть избранными депутатами Верховного Совета на альтернативной основе, всячески противились назначению даты выборов, оттянув их проведение на целый год.

Под давлением представителей партийной элиты Сталин пошел на попятную. Соотношение сил в партийном аппарате в 1937 году было не в его пользу, что вынуждало хитрого Иосифа Виссарионовича маневрировать. Тогда он мог рассчитывать только на поддержку НКВД и так называемой «центристской группы» в Политбюро, группировавшейся вокруг председателя Совнаркома СССР Вячеслава Молотова. Армия, даже после арестов Тухачевского и его единомышленников, представлялась ему политически не слишком надежной. Доверять он мог только «первоконникам» — группе Ворошилова — Буденного, и то без стопроцентной гарантии.

Поэтому на июньском (1937) пленуме ЦК Сталин был вынужден согласиться с предложением кандидата в члены Политбюро ЦК, первого секретаря Западно-Сибирского крайкома партии Роберта Эйхе о создании печально знаменитых «троек» (первый секретарь регионального комитета партии, начальник управления НКВД и прокурор). Они, по требованию региональных партийных секретарей, на-

делялись чрезвычайными полномочиями для борьбы с антисоветскими элементами, которые, по мнению Эйхе, способны были негативно повлиять на результаты выборов (т. е. не Сталин, а партийные секретари, считает историк Юрий Жуков, требовали развертывания новой волны репрессий против населения собственной страны). А в октябре 1937-го, на следующем партийном пленуме, уже сам Сталин не возражал против решения провести 12 декабря 1937 года выборы на безальтернативной основе.

Уместно будет отметить, что борец с культом личности Сталина Никита Хрущев, возглавлявший московские городскую и областную организации ВКП(б), одним из первых региональных партийных секретарей обратился в Политбюро с просьбой санкционировать массовые аресты и последующие расстрелы или выселение «антисоветских элементов» по решению «троек» — в июльских (1937) списках Хрущева было более 41 тысячи человек...

Дело «Клубок»

В период борьбы между группой Сталина (Молотов, Каганович, Ворошилов) и догматиками, продолжавшими мечтать о мировой революции, последние, судя по косвенным данным, рассчитывали на поддержку некоторых военачальников. По мнению доктора исторических наук Ю. Н. Жукова, заговор против Сталина внутри самого партийного аппарата стал вызревать в 1934–1935 годах, его раскрытие и вылилось в так называемое следственное дело «Клубок», которое пока недоступно ученым. Как утверждает Жуков, протоколы допросов секретаря президиума ЦИК Авеля Енукидзе, а также бывшего наркома внутренних дел Ягоды и коменданта Кремля Петерсона свидетельствуют, что заговорщики планировали арестовать Сталина непосредственно в Кремле.

Согласно показаниям Петерсона, для «нейтрализации» Сталина и его ближайших сторонников в Политбюро ему

требовалось не более 10–15 человек. После этого предполагалось созвать пленум ЦК и предложить на нем одному из известных военачальников, героев Гражданской войны стать «временным диктатором». И Петерсон, и Енукидзе назвали следователям НКВД двух кандидатов на этот пост — Тухачевского и Путну.

Подчеркнем, так выглядит версия доктора исторических наук Ю. Н. Жукова. В целом она мало расходится с результатами нашего журналистского расследования событий 1937 года. Вовсе не Тухачевский был инициатором интриг против Сталина. На партийном олимпе шли ожесточенные споры о путях дальнейшего развития страны перед лицом прихода нацистов к власти в Германии и краха надежд на пролетарскую революцию в Западной Европе. Видя, что линия Сталина берет верх, ортодоксы, возможно не без идейного влияния и подсказок Троцкого, решились на заговор, в который они попытались вовлечь популярных в стране военных.

Амбициозный и считавший себя недооцененным Тухачевский гипотетически мог согласиться на участие в антисталинской акции, рассчитывая затем избавиться от «говорунов». Впрочем, и «идеологи», о чем свидетельствуют показания Бухарина на судебном процессе, также рассматривали военных как временных союзников, опасаясь появления «красного Бонапарта».

Из протокола допроса Г. Г. Ягоды в НКВД СССР 26 мая 1937 года

ЯГОДА. Весь 1935 год я тормозил, саботировал, оттягивал требование ЦК громить центры троцкистско-зиновьевских организаций и правых. Когда по прямому предложению Сталина я вынужден был заняться делом «Клубок», я долго его тянул, переключил следствие от действительных виновников, организаторов заговора в

Кремле — Енукидзе и др., на «мелких сошек» — уборщиц и служащих, и тем самым опять спас свое положение.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кстати, о деле «Клубок» и о Енукидзе. На допросе 4 мая вы показали, что во время следствия по этому делу к вам явился Карахан с предложением «выручить» Енукидзе и не проваливать его в этом деле. Как теперь устанавливается, вы были лично связаны с Енукидзе, и вовсе непонятно, зачем вам нужен посредник, Карахан, в ваших делах с Енукидзе? Вы, значит, где-то напутали, неправду сказали?

ЯГОДА. Нет, я говорил правду и в одном, и в другом случае. Верно, что я был лично связан с Енукидзе как членом общего центра заговора, и верно также, что Карахан приходил ко мне, когда началось дело «Клубок», по поручению Енукидзе.

Дело обстояло таким образом. Я уже говорил, что инициатива дела «Клубок» принадлежит Сталину. По его прямому предложению я вынужден был пойти на частичную ликвидацию дела. С самого начала мне было понятно, что тут где-то порвалась нить заговора Енукидзе в Кремле, что, если основательно потянуть за оборванный конец, вытянешь Енукидзе, а за ним и всех нас — участников заговора.

Так или иначе, но Енукидзе я считал в связи с этим проваленным, если не совсем, то частично. Поэтому было бы неосторожно с моей стороны продолжать свои встречи с Енукидзе именно в этот период, когда шло следствие по делу «Клубок». Поэтому я прекратил бывать у Енукидзе, как и он (по тем же соображениям) перестал звонить и приглашать меня. Но Енукидзе, должно быть, не очень в меня верил и опасался, что я могу его окончательно провалить. Поэтому он прислал Карахана для разговора со мной. А до этого по его поручению со мной говорил Петерсон.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. О чем вы беседовали с Петерсоном?

ЯГОДА. С Петерсоном я до этого несколько раз встречался у Енукидзе. Он знал о том, что моя связь с Енукидзе носит заговорщический характер. На сей раз, это было весной 1935 года, Петерсон сам начал разговор. Он заявил, что Енукидзе и он сам очень обеспокоены материалами о заговоре, которые попали в НКВД. Он говорил мне, что некоторые факты об их заговорщической деятельности, которые прорывались в стенах Кремля, он задержал у себя и никому их, конечно, не показывал. Я ознакомил его с данными НКВД, сказал ему, что особых причин к беспокойству нет, что я стараюсь выгородить его и Енукидзе. Наряду с этим я попросил, чтобы он прислал мне все имеющиеся у него материалы. Петерсон прислал. Это были отдельные рапорты и сводки о контрреволюционных высказываниях сотрудников Кремля и т. п. О материалах этих я докладывал в ЦК, заявив, что они были мною изъяты при нелегальном обыске в столе у Петерсона.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Зачем вы это сделали? Вы же обещали Петерсону выгородить его из дела?

ЯГОДА. В следствии я действительно покрыл Петерсона, но мне надо было его скомпрометировать, чтобы снять его с работы коменданта Кремля. Я все время стремился захватить охрану Кремля в свои руки, а это был удобный предлог. И мне это полностью удалось. Кроме того, я сообщил тогда же в ЦК, что Петерсон подслушивает правительственные разговоры по кремлевским телефонам (кабинет Петерсона находился рядом с телефонной станцией Кремля). Узнал я об этом из агентурных материалов, и мне вовсе не хотелось, чтобы и мои разговоры по телефонам контролировались Петерсоном. Петерсон был после этого снят, вместе с ним из Кремля была выведена школа ЦИК. В Кремль были введены войска НКВД.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Известно, что по делу «Клубок» в качестве обвиняемых были привлечены Каменев и Зиновьев.

вьев. Что вы сделали для того, чтобы скрыть их участие в заговоре?

ЯГОДА. По отношению к Зиновьеву и Каменеву у меня была двойственная политика. Я не мог допустить, чтобы следствие по их делу далеко зашло. Я боялся их откровенных показаний. Они могли бы выдать весь заговор. Поэтому Молчанов рассказ об их участии в деле «Клубок» свел к антисоветским разговорам, которые имели место между Каменевым и его братом Розенфельдом.

Наряду с этим положение Зиновьева и Каменева, осужденных и находящихся в изоляторе, все время меня беспокоило. А вдруг они там что-либо надумают, надоест им сидеть, и они разразятся полными и откровенными показаниями о заговоре, о центре, о моей роли (Каменев, как участник общего центра заговора, несомненно, знал обо мне и о том, что я являюсь участником заговора). Я говорю, что это обстоятельство все время меня тревожило. Правда, я принял все меры к тому, чтобы создать Зиновьеву и Каменеву наиболее благоприятные условия в тюрьме: книги, бумагу, питание, прогулки — все это они получали без ограничения. Но чем черт не шутит? Они были опасными свидетелями. Поэтому, докладывая дело в ЦК, я, чтобы покончить с ними, предлагал Зиновьева и Каменева расстрелять. Это не прошло потому, что данных для расстрела действительно не было. Так обстояло с делом «Клубок».

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Выше вы показали, что во время следствия по делу «Клубок» вы из конспиративных соображений не встречались с Енукидзе. Следствие по «Клубку», как известно, началось с 1935 года. До этого вы виделись с Енукидзе?

ЯГОДА. С Енукидзе я виделся после убийства Кирова, вскоре после ареста Зиновьева, Каменева и других в Москве. Разговор происходил, как обычно, в кабинете у Енукидзе. Он спрашивал меня, как обстоят дела в Ленин-

граде, нет ли опасности полного провала, и выражал свое негодование по поводу партизанских действий троцкистов и зиновьевцев, выразившихся в убийстве Кирова.

* * *

Так или иначе, Сталин был вынужден, борясь за сохранение власти, пойти при поддержке шефа НКВД Николая Ежова (бывшего, кстати, партийного работника, а не кадрового контрразведчика) на нейтрализацию группы военачальников, потенциально способных поддержать его оппонентов. Эти действия «на упреждение» вскоре привели, однако, к широкой волне увольнений и арестов. Нарком приобрел в ходе «чисток» огромную власть, будучи одновременно народным комиссаром внутренних дел, секретарем ЦК ВКП(б) и председателем Комиссии партийного контроля.

После основательной «зачистки» наркомата и его территориальных подразделений от «людей Ягоды» и успешного завершения «дела Тухачевского» позиции Ежова во властной пирамиде значительно окрепли. Он мог позволить себе самостоятельно принимать решения об аресте влиятельных лиц «кремлевского ареопага». В частности, арестовать члена Политбюро Власа Чубаря — первого заместителя Молотова по Совнаркому, попытаться задержать первого секретаря ЦК компартии Грузии Лаврентия Берию, чудом спасшегося благодаря чрезвычайной аппаратной изворотливости и хитрости.

В этих условиях безжалостная логика борьбы за политическое (и не только) выживание требовала от Сталина «византийской игры», умения хладнокровно бить врагов — реальных и потенциальных — поодиночке, что он и продемонстрировал в 1936–1939 годах. Вначале удар был нанесен по некоторым чересчур амбициозным и неуживчивым военачальникам, затем по той части партийной номенклатуры, что противилась модернизации системы

государственного управления и не желала считаться с новыми политическими реалиями, и, наконец, по НКВД, чей руководитель Ежов начал выходить из-под контроля.

Сталин, хорошо знавший историю, помнил о судьбе последнего российского императора Николая II и поэтому мог подозревать своих оппонентов в попытке использовать военных. Сегодня уже не секрет, что отречься от престола государя заставила группа высших военачальников русской армии, прежде всего генералы от инфатерии Михаил Алексеев — начальник штаба Ставки верховного командования и главнокомандующий армиями Северного фронта Николай Рузский, действовавшие во взаимодействии с политической оппозицией в столице. Через председателя Военно-промышленного комитета Гучкова и его единомышленников они имели выходы на французского и английского послов в Петрограде.

Знал Сталин и о предательстве одного из руководителей царского МВД генерала Джунковского. Тот, будучи товарищем министра внутренних дел, в 1913 году принял решение о ликвидации сети районных охранных отделений (аналог советских структур КГБ. — *Авт.*) фактически на всей территории империи. Жандармский генерал входил в тот же круг лиц, что и Алексеев с Рузским. В 1938 году Сталин вдруг вспомнил о старичке Джунковском, спокойно проживавшем в Москве, и он получил «свое»... (не спасли его и прежние заслуги — в первые годы советской власти генерал консультировал Дзержинского). Что касается Рузского, то его расстреляли еще в октябре 1918-го в Пятигорске с ведома того же Сталина.

История с отстранением Николая II от власти была еще свежа в памяти — с февраля 1917-го прошло всего двадцать лет. А на ошибках других Сталин учиться умел.

Сегодня в оценке историками политических процессов 1937–1938 годов доминирует точка зрения об их фальсифицированном характере. Не отрицая надуманность

многих обвинений, все же хочется обратить внимание на то обстоятельство, что большинство следователей НКВД пришли на ответственные посты буквально за несколько месяцев до начала трагических событий. Они заполнили вакансии, образовавшиеся в результате арестов выдвиженцев Ягоды. Поэтому не стоит переоценивать интеллектуальный уровень и опыт новых следователей — многие из них не были способны на хитромудрые фальсификации.

Показания арестованных выглядят по многим позициям вполне логичными и объяснимыми, если принять во внимание реалии того времени. Вот, например, что говорил на процессе 1938 года бывший нарком внешней торговли СССР А. Розенгольц: сторонники Троцкого большие надежды в планах по свержению Сталина возлагали на «группу Тухачевского», связь с которой поддерживал первый заместитель наркома иностранных дел Н. Крестинский (обратим внимание — и Розенгольц, и Крестинский по роду работы имели возможность регулярно выезжать за рубеж, что позволяло им тайно встречаться с эмиссарами Троцкого). В конце марта 1937 года на квартире Розенгольца собираются Крестинский, Тухачевский и сам Розенгольц (в 1923–1924 годах — член Реввоенсовета СССР, начальник главного управления ВВС). Тухачевский сообщает товарищам, что рассчитывает на возможность переворота в первой половине мая. У него имеется несколько вариантов возможных действий.

Все это выглядит весьма правдоподобно. Все недозволенные Сталиным знакомы со времен Гражданской войны, вместе мечтали о революции в Западной Европе, поддерживали взгляды Троцкого на необходимость наступательных действий против «мировой буржуазии».

Конечно, многое о тех судебных процессах могли бы прояснить записи Сталина, которые он вел в своих рабочих тетрадах на всех заседаниях Политбюро и Совнаркома, в ходе встреч с соратниками, в том числе и в 1937-м. По-

следние годы жизни вождь хранил эти рабочие тетради на ближней даче в Кунцево, где предпочитал проводить большую часть времени. Сразу же после его смерти Берия, ставший вновь руководителем МВД, распорядился провести тщательнейший обыск дачи и изъять все документы. Были уничтожены сталинские тетради, хранившие ответы на многие загадки того времени, или где-то перепрятаны — до сих пор неизвестно...

У последней черты

22 мая 1937 года Тухачевский был арестован в Куйбышеве в перерыве заседания окружной партконференции и 24 мая доставлен в Москву. Протоколы его первичных допросов и очных ставок не обнародованы. Судя по показаниям других арестованных, маршал поначалу отрицал свое участие в «заговоре». Но жесткие методы допроса быстро сделали свое дело.

Арестованный в 1938 году — после прихода в НКВД Берии — помощник начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитан госбезопасности Ушаков (настоящая фамилия — Ушамирский) показал на допросе: *«Фельдман Б. М. у меня сознался в участии в антисоветском военном заговоре... 25 мая мне дали допрашивать Тухачевского, который сознался 26-го, а 30 я получил Якира. Ведя один, без помощников (или «напарников»), эту тройку и имея указания, что через несколько дней дело должно быть закончено для слушания, я, почти не ложась спать, вытаскивал от них побольше фактов, побольше заговорищков. Даже в день процесса, рано утром, я отобрал от Тухачевского дополнительное показание об Апанасенко и некоторых др.»*

26 мая Тухачевский написал письмо наркомуну внутренних дел Ежову: *«Будучи арестован 22 мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня, 26 мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и что я был во главе его. Обязуюсь*

самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа.

Основание заговора относится к 1932 году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна и др., о чем я подробно покажу дополнительно».

29 мая его допрашивал сам Ежов, после чего маршала окончательно «сломали». Некоторыми исследователями утверждается, что на отдельных листах его показаний (от 1 июня) были обнаружены в 1956 году, когда разворачивалась борьба с «культом личности», пятна крови. Однако в действительности пятна крови присутствуют не на собственноручных показаниях маршала, а на третьем экземпляре машинописной копии.

Приведем фрагмент показаний Тухачевского: *«Еще в 1928 году я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 году я лично связался с Бухариным, с немцами я установил шпионскую связь с 1925 года, когда ездил в Германию на учения и маневры... При поездке в 1936 году в Лондон Путна мне устроил свидание с Седовым...»*

Признательные показания маршала, написанные его собственной рукой, составляют 143 страницы. В этих показаниях, вырванных у маршала в результате психологического давления, а возможно, и физического воздействия, приводится немало фактов, которые сегодня невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Были ли встреча с находящимся в опале Бухариным в 1934 году, беседа с Львом Седовым — сыном Троцкого?! Возможно, эти встречи были зафиксированы сотрудниками НКВД, но архивные документы по этим вопросам современным историкам неизвестны.

Сегодня невозможно документально подтвердить также свидетельство генерала А. И. Деникина о тайной встрече в Париже Тухачевского с руководителем Русского общевойска союза генералом А. П. Кутеповым

в 1929 году и информацию о доверительной беседе между советским военным атташе Путной и агентом НКВД бывшим командиром Корниловской дивизии генералом Н. В. Скоблиным в Лондоне в июле 1936-го.

Невыяснены и обстоятельства появления в 1960 году в итальянском журнале «Джорнал д'Италия» статьи некоего эмигранта Виктора Александрова «Дело Тухачевского», который без ссылки на источник информации утверждал, что генерал Скоблин встретился в 1936 году с главой имперской службы безопасности Германии Гейдрихом и, стремясь подтолкнуть немцев к провокации против Тухачевского, сообщил нацисту, что маршал не только заклятый враг национал-социализма, но и «масон 23-й степени».

Нет также документального подтверждения показаниям арестованных советских военачальников, якобы признававшихся следователям на допросах, что они во время официальных дипломатических приемов передавали военному атташе Германии в Москве секретные сведения об оборонном потенциале СССР. Уже после войны, в 1947 году, в МГБ СССР был подвергнут допросам генерал-майор вермахта Карл Шпальке, который служил в немецкой военной разведке и руководил отделом, занимавшимся шпионажем против РККА. Немецкий разведчик показал, что военный атташе Германии в Москве Кестринг не получал никаких агентурных материалов от советских «врагов народа» и его информация в Берлин основывалась на официальных данных и сообщениях немецких офицеров, приезжавших в СССР для участия в военных маневрах РККА.

Не способствует исследованию обстоятельств гибели Тухачевского и тот факт, что он привлекался к проведению тайных операций против белой эмиграции в Западной Европе. Еще с санкции Дзержинского советской контрразведкой на территории страны создавались «антисоветские

организации» — приманки для эмигрантов и внутренних врагов советской власти, к участию в которых для «солидности» и правдоподобия привлекали военачальников из числа бывших царских офицеров. Поэтому вопрос о зарубежных контактах Тухачевского с представителями эмигрантских центров весьма запутан.

Встречи между Тухачевским и секретарем президиума ЦИК СССР Енукидзе, настроенным оппозиционно по отношению к Молотову и Кагановичу, естественно, могли происходить и происходили (и здесь следователям не надо было ничего придумывать), особенно если учесть их знакомство с весны 1918 года. Но втягивал ли Енукидзе военачальника в «правую организацию» — это вопрос, тем более что деятелям, недовольным политической линией предсовнаркома Молотова и секретаря ЦК Сталина, незачем было создавать какие-либо организации. Складывались неформальные группы, и шла скрытая от посторонних глаз аппаратная борьба сторонников различных взглядов на методы решения стоящих перед страной задач. И лишь изредка она становилась гласной на пленумах ЦК, заседаниях Политбюро и Совнаркома. При этом, если Енукидзе и других «бакинцев» не устраивала жесткая линия Молотова внутри страны, то Тухачевского внутриполитические проблемы мало интересовали. Хотя известен факт, когда Ворошилов вместе с Тухачевским и Гамарником на заседании Политбюро выступили за ослабление репрессий в деревне в период коллективизации, чтобы сохранить надежность и управляемость армии.

Но подобные выступления Тухачевского были скорее исключением из правил. Его куда больше занимала внешнеполитическая проблематика. Несостоявшийся победитель Польши был одержим идеей сокрушения Запада наступательной классово-войной и, быть может, именно за это и поплатился жизнью, попав в хитро расставленную западню неких спецслужб.

Антизападными и прогерманскими устремлениями Тухачевского и были продиктованы, видимо, далеко не всегда санкционированные Ворошиловым и Сталиным контакты с представителями вермахта. Сам факт ознакомления немецкого генералитета с оперативным планом РККА, о чем 2 июня 1937 года говорил Сталин в своем сумбурном выступлении на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны СССР, можно трактовать не как проявление шпионской деятельности Тухачевского, а как его стремление согласовать усилия двух армий в случае войны с Польшей или Францией.

Надо учитывать и то, что и немецкие генералы также знакомили Тухачевского со своими оперативными планами, что позволяло ему лучше других советских военачальников разбираться в возможностях вооруженных сил Германии. Это подтвердила командно-штабная игра в наркомате обороны в 1936 году.

Из тюрьмы Тухачевский направил Сталину письмо, вторая часть которого была озаглавлена «План поражения». Судя по всему, этот документ был подготовлен маршалом самостоятельно, без участия следователей НКВД. Письмо выдержано в спокойном тоне, содержит многочисленные фактологические данные, к нему были приложены карты. Фактически показания Тухачевского — это завещание военачальника, в котором изложены его соображения относительно возможных направлений боевых действий немецкой армии против РККА и стратегических операций на первых этапах войны. Хотя до конца непонятно, как Тухачевский предполагал начало войны между Германией и СССР, разделенными территорией суверенной Польшей, которая к 1937 году начинала все более тяготеть к военному сотрудничеству с Францией. Видимо, он исходил из того, что Польша выступит все же против СССР в союзе с Германией.

На позицию Сталина письмо Тухачевского никак не повлияло. 5 июня Сталин вместе с Молотовым, Кага-

новичем и Ежовым отобрал из большой группы арестованных военачальников восемь подсудимых, которым было суждено войти в историю как участникам «военно-троцкистского заговора». Из русских по национальности там оказался один Тухачевский.

Надо отметить, что весной 1937-го с психикой Сталина что-то происходило. И, возможно, дело не только в болезни его матери. Интересную версию странностей поведения советского лидера выдвинул в Интернете некий автор, скрывающийся под псевдонимом Алекс Норк. Он утверждает, что в марте 1936 года в Москву по дипломатическому паспорту в порядке очередной ротации работников посольства Германии прибыл *«странный маленький человек в закрывавших половину лица очках»* («наружка» занесла в отчет его описание: *«человек японского или монголоидного типа»*). С территории посольства он ни разу не выходил вплоть до начала войны.

Той же весной 1936-го германское посольство в Москве получило большие грузы. Советскому наркомату иностранных дел объяснили, что ввозятся различные книги, предназначенные для проживающих в СССР этнических немцев, чтобы их дети не забывали язык предков. Спустя пять лет, всего за два дня до начала войны, германские дипломаты срочно вывезли в Берлин несколько контейнеров с близкими весовыми параметрами. И уже после 22 июня при осмотре посольства были найдены непонятного назначения металлические каркасы — саму начинку каких-то технических устройств немцы успели вывезти.

Предполагается, что немцы из посольства пытались как-то дистанционно влиять на Сталина. Версия выглядит, признаем, фантастически. Но куда сгинул человек японского или монголоидного типа (как стали догадываться в 1970-х — тибетец), прибывший в Москву из Берлина, до сих пор неизвестно. Высказывается предположение, что он был исключительно одаренным экстрасенсом, использо-

ванным немецкой спецслужбой для попыток управления сознанием подозрительного Сталина и внушения ему выгодных Берлину мыслей. Специальная аппаратура, скрытно доставленная в Москву, усиливала этот «волновой энергетический поток».

Версия выглядит, повторимся, неправдоподобно. Но известно, что в ближайшем окружении Гитлера в качестве его советника в 1930–1940-е годы был таинственный «лама в голубых перчатках», а в личной охране фюрера — «тибетские братья», переодетые в немецкую военную форму. Все они погибли в апреле 1945-го, предпочитая плену смерть. Существовавшая в нацистской Германии организация СС, оплот режима Гитлера, по сути была тайным оккультным орденом, построенным по типу тибетского братства...

«Сначала расстрелять...»

Обстоятельства гибели Тухачевского неизвестны. Официально он расстрелян 12 июня 1937 года. Когда маршал погиб на самом деле, неизвестно. Заместитель начальника Иностранного отдела НКВД Александр Шпигельглас, рассказывая в октябре 1937 года в Испании своему коллеге А. Орлову о «деле Тухачевского», привел слова заместителя наркома внутренних дел М. Фриновского: *«Весь советский строй висел на волоске. Действовать обычными методами мы не могли — сначала провести процесс, а затем — казнь. В данном случае нам пришлось сначала расстрелять, а затем вынести приговор».*

Но не всех военачальников, проходивших по делу Тухачевского, ждал расстрел. Удивительно, но жизнь сохранили начальнику Военно-химического управления наркомата обороны Якову Фишману — тому самому, на полигоне которого маршал Буденный нашел в 1937-м спрятанные винтовки и пулеметы.

Яков Моисеевич Фишман был одной из самых загадочных и колоритных личностей в наркомате обороны.

Участвовал в революционном движении в рядах эсеров. В 1906 году его арестовали по обвинению в подготовке покушения на председателя одесского отделения Союза русского народа и сослали в Туруханский край. Из ссылки он бежал и оказался в Италии, где окончил химический факультет Неаполитанского университета. После событий февраля 1917 года вернулся в Россию, участвовал как член Военно-революционного комитета в свержении Временного правительства в Петрограде, вошел в состав ЦК партии левых эсеров.

В 1918 году собственноручно изготовил бомбу, которой небезызвестный Яков Блюмкин убил в Москве посла Германии графа Мирбаха, дав сигнал к началу левозеро-вского мятежа. Но друзья в среде большевиков почему-то простили Якова Моисеевича (как тогда и Блюмкина) и даже приняли в 1920 году в свою партию. С 1921 по 1925 год он работал по линии разведуправления РККА в Германии и Италии, затем возглавил Военно-химическое управление наркомата обороны, стал доктором химических наук. Как «главный химик» РККА участвовал в налаживании военно-технического сотрудничества с рейхсвером Веймарской Германии, был в курсе всех совместных проектов по созданию и производству боевых ОВ.

5 июня 1937 года Фишмана арестовали, но осудили его только мае 1940-го — на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, а в 1947 году освободили. Яков Моисеевич стал заведующим кафедрой химии Саратовского института механизации сельского хозяйства. В 1949 году он был вновь арестован и отправлен в ссылку в Норильск. Там, за полярным кругом, Фишман в должности заместителя начальника цеха на химическом заводе и получил в 1955 году известие о своей реабилитации и присвоении воинского звания генерал-майора-инженера. О спрятанном стрелковом оружии на химическом полигоне уже никто не вспоминал...

Разгром «военно-троцкистского заговора» усилил кадровые перестановки в РККА. За 1937–1939 годы из ее рядов было уволено по различным причинам, включая болезни, смерть, возраст, моральное разложение, около 37 тысяч офицеров. Из них по политическим мотивам — 29 тысяч. Многие из уволенных жаловались на незаслуженную отставку. И к 1 января 1941 года около 13 тысяч из двадцати девяти были возвращены в армию. Из оставшихся 16 тысяч красных командиров приблизительно половина была арестована (по разным оценкам, от 6 до 8 тысяч), а убито — 3–4 тысячи. По политическим мотивам уволили 10% командиров полков, 26% комдивов, 27% комкоров. Так что «обезглавливания» РККА, по сути, все же не произошло.

Из этих 3–4 тысяч расстрелянных командиров только несколько десятков могли быть в курсе каких-то замыслов Тухачевского, если таковые были. Подавляющее большинство из расстрелянных стали жертвами маховика «правоохранительной» машины, которую, по всей видимости, все сложнее становилось контролировать и самому Сталину. Начался лавинообразный процесс арестов и допросов, в ходе которых появлялись все новые «враги народа». В раздувании размаха «измены» был заинтересован в первую очередь Николай Иванович Ежов, что поднимало его в глазах Сталина.

В 1939 году арестованный следователь НКВД Радзиловский показал, что заместитель наркома внутренних дел Фриновский потребовал от него «развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной армии... с раскрытием которого была бы ясна огромная роль и заслуга Ежова и Фриновского перед лицом ЦК». Другой бывший следователь НКВД Суровницких в 1961 году признался, что в ходе допросов по делу о военном заговоре следователи подсказывали арестованным фамилии их «соучастников», чтобы закрепить *«нужную Ежову «солидность и серьезность» заговора»*.

Раздражение Сталина вызвала «недалекость» Ежова: вместо того чтобы целенаправленно выявлять и «точечно» нейтрализовывать противников лидера партии, он организовал бессистемные массовые аресты. В тюрьмах и лагерях оказались десятки тысяч преданных государству людей, которые не сомневались в правильности курса Сталина. Тем временем страна, стоящая на пороге военных испытаний, остро нуждалась в опытных специалистах. «Главным преступлением Ежова, — говорил Молотов писателю Феликсу Чуеву, — было то, что он стал назначать большое количество врагов народа на области, а области — на районы. За это его и расстреляли». Конечно, несколько наивное объяснение, стремящееся обелить высшее руководство (о разнарядках знали и Молотов, и Сталин), но вина Ежова бесспорна.

Маховик репрессий сбавил обороты только после изгнания из НКВД «опьяненного» властью Ежова и основательной чистки органов госбезопасности, которую в 1939–1940 годах провел прагматик Лаврентий Берия. Тогда из тюрем и лагерей было освобождено немало командиров РККА. Действовал нарком НКВД, разумеется, не по своей инициативе. Вождю стало ясно, что Ежов со товарищи явно перестарались в искоренении «фронды».

Не лучшим образом показали себя в 1937-м и многие красные герои Гражданской войны. В апреле-мае 1937 года НКВД ежедневно представлял Ворошилову и Гамарнику на санкцию списки подлежащих аресту командиров и политработников. И они безропотно визировали сотни таких представлений, несомненно, понимая, на что обрекают людей. Бывали, правда, случаи, когда нарком кого-то вычеркивал из списков, но это были скорее «исключения из правил» (так, в 1934 году Ворошилов добился освобождения из тюрьмы начальника штаба Северо-Кавказского военного округа А. И. Верховского, бывшего военного министра Временного правительства).

Если быть объективными, то надо признать, что человеческих трагедий было бы, видимо, значительно меньше, если бы в те годы не было распространено такое отравительное явление, как доносы. Об этом как-то не принято сегодня говорить, но это было. В архивах НКВД хранится значительное число омерзительных писем «сознательных граждан», доносивших на своих коллег по работе, соседей по дому. Кем-то двигали карьеристские устремления, кем-то зависть и подлость. Это — не черта нашего прежнего, советского образа (доносчиков хватало на Руси и при Иване Грозном, и при царе Петре Алексеевиче), а та страшная теневая сторона человеческой природы, которую не может обуздать пока ни одна религия, ни одна идеология.

Так что, как это ни грустно, многие арестованные командиры и политработники стали жертвами доносов своих же сослуживцев и подчиненных, стремящихся на этом сделать себе карьеру. В армии и на флоте воцарилась после «дела Тухачевского» атмосфера страха и неуверенности, командиры боялись проявлять инициативу, что пагубно сказалось в июне 1941-го. Начальник Главного управления политической пропаганды РККА Лев Мехлис рассказывал на XVIII съезде партии (1939 год) трагикомический случай: *«Уполномоченный особого отдела одного полка заявил комиссару, что он хочет забрать начальника клуба политрука Рыбникова. Комиссар Гашинский шепнул об этом партийной организации, и Рыбников был исключен низовой парторганизацией из партии. Вскоре выяснилось, что Рыбников неплохой большевик и что особисты хотели взять его... к себе на работу. Ошибка была исправлена...»* Смешно, но страшно. Сколько таких Гашинских коверкали судьбы честных людей. И сколько таких ошибок исправлено не было...

К сожалению, нынешнее поколение вряд ли узнает всю правду о событиях 1937 года. Многие интересные документы остаются недоступными исследователям, в частности, информация о Тухачевском, переданная в

Москву дочерью бывшего военного и морского министра Временного правительства А. И. Гучкова, материалы по генералу Скоблину (проливающие свет на контакты расстрелянного маршала с белой эмиграцией).

Далеко не выяснена и подлинная роль Троцкого в «деле Тухачевского». Вряд ли можно согласиться с мнением, что после высылки из СССР Лев Давидович «отошел от дел» и не жаждал мести. Судя по имеющимся свидетельствам, он не ограничивался литературным трудом и продолжал плести интриги против Сталина. Известно, что бывший председатель Реввоенсовета пытался вести секретную переписку со своими соратниками в Советском Союзе. В 1929 году через чекиста Якова Блюмкина Троцкий передал письмо Карлу Радеку. Но тот предпочел не искушать судьбу и передал нераспечатанный пакет в ОГПУ Яну Агранову (впрочем, это только на несколько лет отсрочило его расстрел).

Троцкий был в состоянии провоцировать мнительного Сталина на репрессии против военачальников, подбрасывая ему через западные спецслужбы и их двойных агентов дезинформацию об антиправительственных настроениях в РККА. Изгнанник мог просто блефовать, набивая себе цену перед немцами утверждениями о своем влиянии на Тухачевского и других советских военачальников. К сожалению, историкам неизвестно содержание контактов представителей нацистской Германии с Троцким и некоторыми другими опальными деятелями, не обнародованы свидетельства оказания им финансовой помощи.

На безбедную жизнь за границей и IV Интернационал Троцкому и его окружению требовались деньги, и получить их от немцев можно было только под планы развала Советского государства изнутри. Опыт подобной комбинации у противников династии Романовых в 1905 и 1917 годах уже был. И Троцкий об этом был прекрасно осведомлен. Он и сам вернулся в революционную Россию

из США с чемоданом долларов, которые заокеанские банкиры предоставили ему не на мороженое...

Загадка «дела Тухачевского» до сих пор не разгадана. Слишком много факторов — внутривластных, зарубежных, личностных — сплелось в плотный «клубок», и слишком влиятельные силы заинтересованы в том, чтобы это «дело» так и осталось одной из тайн ушедшего века. Поэтому пока только версии, догадки, гипотезы.

ПОСЕЕШЬ ВЕТЕР...

Наш собеседник — Арсен Беникович Мартиросян, офицер в отставке, в свое время — сотрудник одной из советских спецслужб. Благодаря своему нестандартному подходу к исследованию событий нашего советского прошлого он приобрел широкую известность среди интересующихся тайнами мировой истории. У нашего собеседника есть свой особый взгляд на трагические события 1937 года и роль британских спецслужб в тех событиях. По его мнению, правящие круги англосаксонского Запада «конвертировали» последствия «заговора Тухачевского» в Мюнхенский договор 1938 года с Гитлером, что в конечном счете привело ко Второй мировой войне.

— Арсен Беникович, надо ли опять поднимать тему 1937-го?

— Со времен XX съезда КПСС и выступления на нем Никиты Хрущева в нашем общественном сознании существует мнение, что-де «без Сталина, может, и войны бы не было». В последующие десятилетия в круговерти исследований о войне появилось якобы историческое объяснение этой мысли. Так, в интервью писателю Константину Симонову один уважаемый участник военных событий заявил, что «без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел...»

— *А можно ли верить появившимся в перестроечные и постсоветские годы многочисленным интервью, беседам, воспоминаниям уже ушедших из жизни военачальников и политиков? Посмертные мемуары, беседы, не публиковавшиеся ранее фрагменты воспоминаний, якобы изъятые из первых прижизненных изданий...*

— Это обширное поле для увлекательных журналистских расследований, как и для всевозможных инсинуаций. Много неясного в обстоятельствах появления воспоминаний Хрущева, Микояна, Судоплатова и других. К примеру, у Судоплатова более чем странные нестыковки по вопросам предвоенной деятельности советской разведки. Не хочу утверждать, что то были, как говорят профессионалы, активные мероприятия... А что творится со всякого рода дополнениями к мемуарам Жукова — ни пером описать, ни словами рассказать. Такое впечатление, что кто-то овладел искусством вызывать дух Георгия Константиновича и постоянно с ним согласовывает новые дополнения, естественно, с оглядкой на текущую конъюнктуру — как политическую, так и в исторических исследованиях о войне.

— *В 1937-м, утверждают многие современные исследователи, высшее командование РККА было буквально выкошено в результате раскрытия «военно-фашистского заговора» и прочих громких дел.*

— Под чьим же тогда командованием наша армия сорвала нацистский блицкриг? Под чьим руководством были осуществлены контрнаступление под Москвой, победоносные Сталинградская и Курская битвы? Что, солдаты сами по себе дотопали до Берлина?

— *Вы хотите сказать, что репрессии не нанесли армии существенного вреда?*

— Даже в так называемый период репрессий иностранные военные атташе в Москве докладывали своему начальству, что высоко оценивают боевой потенциал Красной армии. В апреле 1938 года — в разгар чисток — француз-

ский военный атташе Паласс сообщал в Париж, что РККА вполне в состоянии защитить собственную территорию, а ее наступательная мощь, хотя и является ограниченной, может нанести врагу серьезный урон. То же самое и тогда же сообщал в Лондон британский военный атташе Файэрбрейс: «Я по-прежнему считаю, что Красная армия явится внушительным противником». В докладе от 20 апреля 1938 года американский военный атташе Феймонвилл достаточно высоко оценивал шансы Советского Союза противостоять нападению на него «коалиции агрессивных держав» — как с точки зрения подготовленности армии, так и обеспечения страны всем необходимым для ведения войны. Кто мог заставить военных атташе давать такие оценки?

— *Возразить трудно...*

— Утверждение, что без 1937-го не было бы 1941-го, необъективно. По завершении чисток вооруженные силы оказались качественно усилены — в том числе командными кадрами, была повышена оснащенность войск современной боевой техникой. Руководство СССР проводило громадную работу в целях повышения обороноспособности страны.

— *Вы невысоко оцениваете репрессированных военачальников...*

— Тухачевский и иже с ним не были ни гениальными, ни бездарными стратегами. Это были заурядные, нахватавшиеся вершущек военных знаний командиры незаслуженно высокого ранга. Кто-то из них был лучше, кто-то хуже, однако их общий уровень был таков, что всерьез говорить о каких-то «стратегических талантах» просто нельзя. Вся молва об их полководческой славе пошла со времен Гражданской войны.

Если обратиться к серьезным исследованиям, то станет очевидным следующее: Тухачевский, Уборевич, Якир, Блюхер, Федыко, Дыбенко, полуштатские «герои» типа Сокольникова, Лашевича, Смильги, Муралова, Мрачковского талантливыми полководцами себя не проявили. Всеми

своими успехами они обязаны кадровым офицерам, перешедшим на службу в РККА. По данным Кавтарадзе, автора уникальной научной монографии («Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг.». — *Авт.*), в Красной армии к концу Гражданской войны служили примерно 75 тысяч военспецов.

— *Можно поконкретнее?*

— В период Гражданской войны все главкомы Красной армии были военными специалистами. Из 20 командующих фронтами 17 являлись военспецами, то есть 85%, среди командующих армиями — 82%, среди начальников штабов армий — 90%, среди начальников штабов дивизий — 70%. Правда, из 75 тысяч военспецов 65 тысяч были офицерами военного времени. То есть сугубо кадровыми, обладавшими настоящим военным образованием, было всего 10 тысяч человек. Это столько же, сколько их было у Колчака, в два раза больше, чем у Юденича, однако в три раза меньше, чем у Деникина, кадровый офицерский состав армии которого насчитывал 30 тысяч человек. Преобладание среди военспецов офицеров военного времени объясняется прежде всего тем, что они представляли более демократические слои российского общества, чем кастовое кадровое офицерство.

Десятитысячный корпус кадровых офицеров оказался очень внушительной силой. Занимая посты начальников штабов и помощников командующих, эти офицеры и генералы были подлинными руководителями фронтов, армий, корпусов и дивизий. Именно они являлись организаторами побед Красной армии.

— *Как вы считаете, почему они шли служить большевикам?*

— Служили они не коммунистам, а России, которую, по их разумению, могла спасти от расчленения твердая государственная власть, на вершину которой взгромоздились лидеры большевиков. Приход офицеров в Красную

армию был обусловлен не принуждением, хотя и призывали военспецов в ряды РККА, а мощным всплеском русского патриотизма, вызванным наглым вооруженным вмешательством Антанты в Гражданскую войну. Бывшие царские генералы и офицеры понимали, что от Антанты, покровительствовавшей сепаратистам и ярим врагам России, хорошего ждать не приходилось. Они выбрали сильную и независимую от иностранцев национальную армию, хотя и с чуждой им идеологией.

Наша справка. Некоторые современные исследователи считают, что захват власти большевиками в Петрограде в октябре 1917 года был невозможен без содействия военной разведки России и симпатий со стороны части генералитета. Генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов (фактический руководитель военной разведки) сотрудничал с большевиками с июля 1917 года. Согласно воспоминаниям большевика М. С. Кедрова, знавшего Потапова с юношеских лет, «после июльских дней генерал Потапов Н. М., помощник начальника Главного штаба и генерал-квартирмейстер, предложил через меня свои услуги Военной организации большевиков (и оказывал их)». Аналогичную позицию заняли военный министр генерал-майор А. И. Верховский, главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии В. Н. Клембовский, командующий Балтийским флотом контр-адмирал А. В. Развозов, комендант Могилевского гарнизона (там располагалась Ставка Верховного главнокомандующего) генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич. Разумеется, генералы были увлечены не марксизмом, а видели в большевистской партии единственную на тот момент силу, способную отстранить от власти Временное правительство, политика которого, с их точки зрения, представляла угрозу территориальной целостности России и ставила под вопрос сохранение ею государственности.

— Они и за кадром остались по идеологическим причинам?

— Тухачевский и компания отблагодарили военспецов, принесших им незаслуженную полководческую славу, что называется, от всей души, спровоцировав дело «Весна», в

результате которого многие бывшие царские генералы и офицеры были репрессированы еще в 1930 году. Кадровые офицеры, прекрасно знавшие стратегию и тактику иностранных армий, были изгнаны из армии, а очень многие угодили тогда за решетку.

— *Это дело, с которого фактически начинались репрессии в РККА, сейчас как-то не очень вспоминается...*

— Эти аресты предшествовали массовой чистке времен Ежова. Тухачевский сам посеял ветер... Кстати, у выдающегося исследователя и публициста Вадима Кожина, ныне покойного, в работе «Великая война России» есть заслуживающие внимания наблюдения по поводу арестов 1937–1938 годов.

Цитата из его книги будет весьма уместна в тексте нашей беседы: «Господствует мнение, что в результате репрессий 1937–1938 годов место зрелых и опытных военачальников заняли молодые и неискушенные, и это привело к тяжелейшим поражениям в начале войны. В действительности же на смену погибшим пришли в основном люди того же поколения, но другие — и с иным опытом. Так, скажем, Я. Б. Гамарник, В. М. Примаков, М. Н. Тухачевский, И. Ф. Федько, И. Э. Якир родились в 1893–1897 годах, и в те же самые годы, в 1894–1897-х родились Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. К. Рокоссовский, Ф. И. Толбухин. Но первые, исключая одного только Тухачевского, провоевавшего несколько месяцев в качестве подпоручика, не участвовали в Первой мировой войне, а вторые (кроме окончившего школу прапорщиков Толбухина) начали на ней свой боевой путь простыми солдатами. Далее, первые оказались вскоре после революции на наиболее руководящих постах (хотя им было тогда всего от 21 до 25 лет...) — без сомнения, по «идеологическим», а не собственно «военным» соображениям, а вторые, медленно поднимаясь по должностной лестнице, обретали реальное умение управлять войсками».

— *Выходит, армия в руках не прошедших должной выучки деятелей, которых принято считать героями Гражданской войны, боеспособной силы собой не представляла?*

— Вот архивный документ — я цитирую: «Плохая боевая выучка войск времен Уборевича и Якира была обусловлена не только низкой квалификацией командиров РККА, но и плохим воинским воспитанием. Об уровне последнего можно судить, например, по коллективному портрету комсостава 110-го стрелкового полка БВО, сделанному комдивом К. П. Подласом в октябре 1936 года: «Млад[шие] держатся со старшими фамильярно, распущенно... сидя принимают распоряжение, пререкания... Много рваного обмундирования, грязные, небритые, в рваных сапогах...»

— *Вы считаете, именно по этим причинам и начались чистки в армии?*

— Знаете, еще за 12 лет до чисток РККА была точно в таком же состоянии. Из-за этого руководство СССР, предварительно выгнав Троцкого со всех военных постов, вынуждено было начать глубокую военную реформу. Но спустя дюжину лет — опять то же самое: при всех реформах, при всем переоснащении оружием и техникой, повышении общеобразовательного уровня военнослужащих, резком улучшении материального положения, особенно командного состава, — тот же беспорядок.

— *Считаете, что чистки были вполне оправданны?*

— Ну, а если эти люди даже порядок в войсках поддерживать не могли? Да и чем вообще были ценны эти военачальники для армии? Тухачевский вчистую проиграл польскую кампанию 1920 года и потом, до самого расстрела, доказывал, что в этом виноват кто угодно, кроме него. Блюхер был арестован после фактического поражения в дебюте советско-японского вооруженного конфликта на озере Хасан. Что же касается непосредственно самой

сути утверждений об обезглавливании Красной армии, то вранье об этом на орбиту пропагандистской войны против СССР вывел Троцкий. Именно он еще в июне 1937 года, едва только получил сведения о приведении в исполнение сурового приговора Тухачевскому, пустил по миру этот миф. Его статья, опубликованная в «Бюллетене оппозиции», так и называлась: «Обезглавливание Красной армии». Когда с трибуны XX съезда партии заговорил в унисон с ним Хрущев...

— А может, все-таки Хрущева впечатлили факты? 40 тысяч командиров РККА...

— Якобы уничтоженных? Эта цифра появилась в докладе Хрущева XX съезду. Между тем подлинные цифры были опубликованы еще в 1951 году в книге «Военные кадры Советского Союза в Великой Отечественной войне». Там говорилось не о сорока тысячах уничтоженных, речь шла о том, что 36 898 человек до начала войны были уволены из РККА по разным причинам — в том числе по болезням, пьянству, хищениям... Ознакомьтесь с документами из военного архива. Это справки, в апреле 1940 года подписанные заместителем наркома обороны, начальником Управления по командному и начальствующему составу РККА Ефимом Афанасьевичем Щаденко. Вот какие выводы там делаются:

«1. В 1937 г. по политическим мотивам (арестованные, исключенные из ВКП(б) за связь с заговорщиками) составляют — 15 578 или 85% к общему числу уволенных в 1937 г.

2. В 1938 г. по тем же мотивам — 8162 чел. или 52% к общему числу уволенных в 1938 г., т. е. почти в два раза меньше против 1937 г.

Если сравнить общее количество уволенных за два года (1936–1937 гг.), составляющее 24 335 чел., с количеством уволенных за 1938–1939 гг. — 18 240 чел., то получается, что за первые два года (1936–1937 гг.) уволено — 8,6% к

списочной численности, за 1938–1939 гг. — 3,9% к списочной численности.

В общем числе уволенных как за 1936–1937 гг., так и за 1938–1939 гг. было большое количество арестовано и уволено несправедливо. Поэтому много поступало жалоб в Наркомат обороны, в ЦК ВКП(б) и на имя т. Сталина. Мною в августе 1938 г. была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных командиров, которая тщательно проверяла материалы уволенных путем личного вызова их, выезда на места работников Управления, запросов парторганизаций, отдельных коммунистов и командиров, знающих уволенных, через органы НКВД и т. д. Комиссией было рассмотрено около 30 тысяч жалоб, ходатайств и заявлений».

Как видите, приведены цифры, согласно которым из уволенных в 1937 году был восстановлен в рядах РККА 4661 человек, в 1938-м — 6333, в 1939-м — 184. Такого содержания подлинных документов. Уверен, что только обращаясь к документам, можно прекратить распространение далеко не безвредных мифов.

Свидетельства минувшего века

Президент Чехословакии Эдуард Бенеш: «В Москве расстреливают изменников»

Бенеш продержал меня с разговором 2,5 часа, причем все время говорил сам почти исключительно на тему о внутренних процессах, происходящих в СССР. Он начал разговор вопросом, что я думаю о значении процесса над Тухачевским и компанией, но после нескольких довольно общих фраз с моей стороны прервал заявлением, что он хочет обстоятельно изложить мне свое понимание для того, чтобы мне было ясно, какими мотивами он руководствуется в своей политике по отношению к СССР.

В качестве первой предпосылки ко всему дальнейшему разговору Бенеш выставил утверждение, что так

называемые события в СССР ничуть его не удивили и совершенно не испугали, ибо он давно их ожидал. Он почти не сомневался и в том, что победителем окажется «режим Сталина»... Он приветствует эту победу и расценивает ее как укрепление мощи СССР, как победу сторонников защиты мира и сотрудничества Советского государства с Европой...

Бенеш заявил, что последние годы он расценивает советскую внешнюю политику как ставку СССР на западноевропейскую демократию французского, английского и чехословацкого типа, как на союзника в борьбе с фашизмом за мир...

Бенеш особо подчеркнул, что, по его убеждению, в московских процессах, особенно в процессе Тухачевского, дело шло вовсе не о шпионах и диверсиях, а о прямой и ясной заговорщицкой деятельности с целью ниспровержения существующего строя. <...> Тухачевский, Якир, Путьна (Бенеш почти все время называл только этих трех), конечно, не были шпионами, но они были заговорщиками. Тухачевский — дворянин, офицер, и у него были друзья в официальных кругах не только Германии, но и Франции (со времени совместного плена в Германии и попыток Тухачевского к бегству). Тухачевский не был и не мог быть российским Наполеоном.

Но Бенеш хорошо представляет себе, что перечисленные качества Тухачевского плюс его германские традиции, подкрепленные за советский период контактами с рейхсвером (Бенеш по привычке называл рейхсвером вооруженные силы Германии, именовавшиеся с 1935 года вермахтом. — *Авт.*), могли сделать его очень доступным германскому влиянию и в гитлеровский период. Тухачевский мог совершенно не осознавать, что совершает преступление поддержкой контакта с рейхсвером. Особенно если представить себе, что Тухачевский видел единственное спасение Родины в войне рука об руку с Германией против

остальной Европы, в войне, которая осталась единственным средством вызвать мировую революцию, то можно даже представить, что Тухачевский казался сам себе не изменником, а даже спасителем Родины...

В связи с изложенным следует отметить, что Бенеш под большим секретом заявил мне следующее: во время пребывания Тухачевского во Франции в прошлом году Тухачевский вел разговоры совершенно частного характера со своими личными друзьями французами. Эти разговоры точно известны французскому правительству, а от последнего и Бенешу. В этих разговорах Тухачевский весьма серьезно развивал тему возможности советско-германского сотрудничества и при Гитлере, так сказать, тему «нового Рапалло». Бенеш утверждает, что эти разговоры несколько обеспокоили Францию.

Развивая тезис «субъективного фактора», Бенеш, между прочим, говорил, что ряд лиц мог руководствоваться такими побуждениями, как неудовлетворенность положением, жажда славы, беспринципный авантюризм и т. д. В этой связи он упомянул еще раз Якира и Путну. О последнем Бенеш знает, что он был под Варшавой со своей 27-й дивизией и, очевидно, «не мог помириться с тем, что от него ускользнула слава покорителя Варшавы».

В связи с этим же Бенеш упомянул о Ягоде. Он высказал предположение, что Ягода знал все о заговоре и занимал выжидательную позицию, что из этого выйдет. Пьяница, развратник и беспринципный человек, Ягода мог бы попытаться сыграть роль Фуке (Фуше, французский министр полиции во времена Наполеона. — *Авт.*) из эпохи Великой французской революции... Бенеш прямо заявил, что политическая полиция во всех государствах представляет собой сборище бандитов и двойников.

Бенеш был уверен в победе «сталинского режима» именно потому, что этот режим не потерял морали, в то время как крикуны о перманентной революции явно не

были на моральной высоте. В Москве расстреливают изменников, и т. н. европейский свет приходит в ужас. Это лицемерие. Бенеш не только отлично понимает, но и прямо одобряет московский образ действий. Москва продолжает жить в эпоху революции...

Бенеш напомнил, что в разговоре со мной (кажется 22.IV. с. г.) он говорил: почему бы СССР и не договориться с Германией? Я ответил, что помню, и признался, что меня тогда очень удивила эта часть разговора, как совершенно выпадающая из рамок обычного рода мыслей Бенеша. Лукаво смеясь, Бенеш ответил, что теперь может объяснить мне скрытый смысл своего тогдашнего разговора. Свои объяснения Бенеш просил считать строго секретными и затем рассказал следующее: начиная с января месяца текущего года Бенеш получал косвенные сигналы о большой близости между рейхсвером и Красной армией. С января он ждал, чем это закончится.

Чехословацкий посланник Мастный в Берлине является исключительно точным информатором. <...> У Мастного в Берлине было два разговора с выдающимися представителями рейхсвера. Мастный их сфотографировал, видимо, сам не понимая, что они обозначают. Бенеш даже сомневается, сознавали ли эти представители рейхсвера, что они выдают свой секрет. Но для Бенеша из этих разговоров стало ясно, что между рейхсвером и Красной армией существует тесный контакт. Бенеш не мог знать о том, что это контакт с изменниками. Для него возникала проблема, что делать, если советское правительство действительно вернется к какой-нибудь политике «нового Рапалло».

В этой связи Бенеш задал риторический вопрос, где средство для защиты Чехословакии, и без обиняков отвечал на этот вопрос, что тогда Чехословакия тоже должна была бы заключить соглашение с Германией. Это было бы началом чехословацкой зависимости, но другого выхода

не было. Гитлер вовсе не стремится к тому, чтобы физически немедленно уничтожить Чехословакию, но он хочет «союза» с ней. На чехословацком языке это означало бы зависимость, вассальное состояние, а Бенеш не для того потратил столько лет на освобождение от австрийского ига, чтобы принять германское ярмо.

Бенеш говорил, что Москва должна самым серьезным образом оценить эти его заявления и раз и навсегда понять, что Чехословакия хочет быть свободной в полном смысле слова. Она не примет никогда никакого диктата, но она будет драться за свою свободу, за демократию, за европейский мир. Насколько это является и задачей СССР, постольку Чехословакия безоговорочно является союзником Москвы, постольку бенешевская политика как аксиому принимает неизменность советско-чехословацких дружественных взаимоотношений. Никакие расстрелы, никакие внутренние изменения не могут потрясти эту дружбу...

Из записи беседы советского полпреда в Чехословакии Александровского с президентом Бенешем 4 июля 1937 года в Праге.

Иосиф Сталин: «Этим дуракам казалось, что мы такие слепые»

Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами.

Ругают людей: одних — мерзавцами, других — чудаками, третьих — помещиками.

Но сама по себе ругань ничего не дает. Для того чтобы это зло с корнем вырвать и положить ему конец, надо его изучить, спокойно изучить, изучить его корни, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь таких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось...

Часто говорят, в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно. Человек мог быть молодым, просто не разобрался, был задира. Дзержинский голосовал за Троцкого, не просто голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист, и все ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось...

Самое лучшее — судить о людях по их делам, по их работе. Были люди, которые колебались, потом отошли, отошли открыто, честно и в одних рядах с нами очень хорошо дерутся с троцкистами. Дрался очень хорошо Дзержинский, дерется очень хорошо товарищ Андреев. Есть и еще такие люди. Я бы мог сосчитать десятка два-три людей, которые отошли от троцкизма, отошли крепко и дерутся с ним очень хорошо. Иначе и не могло быть, потому что на протяжении истории нашей партии факты показали, что линия Ленина, поскольку с ним начали открытую войну троцкисты, оказалась правильной...

Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Из них десять человек — шпионы. Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они поверили, что у меня, Троцкого, есть люди...

Гамарник. У нас нет данных, что он сам информировал, но все его друзья, ближайшие друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский — занимались систематической информацией немецкого Генерального штаба...

Дальше, Тухачевский... Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое-святых — передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Для благовидности на Западе этих жуликов из западноевропейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы-то по-русски знаем, что это просто шпион. Якир систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени. Может быть, он выдумал себе эту болезнь, а может быть, она у него действительно была. Он ездил туда лечиться. Уборевич не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал...

Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну, уж конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путь бомбардирует, Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой. Мы его не знаем, в чем тут дело? Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализировали, созываем совещание в зале ЦК.

Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается. Была маленькая группа. Возьмем Котовского, он никогда ни армией, ни фронтом не командовал. Если

люди не знают своего дела, мы их обругаем — пошлите к черту, у нас не монастырь. Поставьте людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют, — нехорошо...

Тухачевский особенно, который играл благородного человека, на мелкие пакости не способного, воспитанного человека. Мы его считали неплохим военным, я его считал неплохим военным. Я его спрашивал: как вы могли в течение 3 месяцев довести численность дивизии до 7 тысяч человек? Что это? Профан, не военный человек. Что за дивизия в 7 тысяч человек? Это либо дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это — срам. Как может быть такая дивизия? Я у Тухачевского спрашивал: как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность дивизии довести до 7 тысяч человек и вместе с тем требовать, чтобы у нас дивизия была 60–40 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько-то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов. Здесь одно из двух — либо вы должны всю эту технику к черту убрать и одних стрелков поставить, либо вы должны только технику поставить. Он мне говорит: «Товарищ Сталин, это увлечение». Это не увлечение, это вредительство, проводимое по приказам германского рейхсвера...

Должно быть, они часто колебались и не всегда вели свою работу. Я думаю, мало кто из них вел свое дело от начала до конца. Я вижу, как они плачут, когда их привели в тюрьму. Вот тот же Гамарник. Видите ли, если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он не поступил бы так, потому что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают. Эти же люди были не что иное, как невольники германского рейхсвера...

Этим дуракам казалось, что мы такие слепые, что ничего не видим. Они, видите ли, хотят арестовать правительство в Кремле. Оказалось, что мы кое-что видели. Они хотят в Московском гарнизоне иметь своих людей и вообще поднять войска. Они полагали, что никто ничего не заметит, что у нас пустыня Сахара, а не страна, где есть население, где есть рабочие, крестьяне, интеллигенция, где есть правительство и партия. Оказалось, что мы кое-что видели.

И вот эти невольники германского рейхсвера сидят теперь в тюрьме и плачут. Политики! Руководители!

...Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках, Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами, Московский округ, Корк и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели...

Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми, как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле слова также — в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ГПУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас...

Каждый член партии, честный беспартийный гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда хотя бы на 5 процентов, то и это хлеб. Обязаны посылать письма

своему наркому, копию в ЦК. Как хотите. Кто сказал, что обязывают только наркому писать? Неправильно.

Я расскажу один инцидент, который был у Ильича с Троцким. Это было, когда Совет обороны организовывался. Это было, кажется, в конце 1918 или 1919 года.

Троцкий пришел жаловаться: получают в ЦК письма от коммунистов, иногда в копии посылаются ему как наркому, а иногда даже и копии не посылаются, и письма посылаются в ЦК через его голову. «Это не годится».

Ленин спрашивает: «Почему?»

«Как же так, я нарком, я тогда не могу отвечать».

Ленин его отбрил, как мальчишку, и сказал: «Вы не думайте, что вы один имеете заботу о военном деле. Война — это дело всей страны, дело партии». Если коммунист по забывчивости или почему-либо прямо в ЦК напишет, то ничего особенного в этом нет. Он должен жаловаться в ЦК. Что же вы думаете, что ЦК уступит вам свое дело? Нет. А вы потрудитесь разобраться по существу эту жалобу...

Мы для чего организовали Генеральный штаб? Для того, чтобы он проверял командующих округами. А чем он занимается? Я не слыхал, чтобы Генеральный штаб проверял людей, чтобы Генеральный штаб нашел у Уборевича что-нибудь и раскрыл все его махинации. Вот тут выступал один товарищ и рассказывал насчет кавалерии, как тут дело ставили, где же был Генеральный штаб. Вы что думаете, что Генеральный штаб для украшения существует? Нет, он должен проверять людей на работе сверху. Командующие округами не Чжан Цзолин, которому отдали округ на откуп...

Конечно, бывает иногда, что идут люди против течения и против шерсти гладят. Но бывает и так, что не хотят обидеть командующего округом. Это неправильно, это гибельное дело. Генеральный штаб существует для того, чтобы он изо дня в день проверял людей, давал бы ему советы, поправлял. Может, какой командующий округом

имеет мало опыта, просто сам сочинил что-нибудь, его надо поправить и прийти ему на помощь. Проверить как следует.

Так могли происходить все эти художества — на Украине Якир, здесь, в Белоруссии, — Уборевич.

И вообще нам не все их художества известны, потому что люди эти были предоставлены сами себе, и, что они там вытворяли, Бог их знает!

Генштаб должен знать все это, если он хочет действительно практически руководить делом. Я не вижу признаков того, чтобы Генштаб стоял на высоте с точки зрения подбора людей...

Не обращали достаточного внимания, по-моему, на дело назначения на посты начальствующего состава. Вы смотрите, что получается. Ведь очень важным вопросом является, как расставить кадры. В военном деле принято так: есть приказ — должен подчиниться. Если во главе этого дела стоит мерзавец, он может все запутать. Он может хороших солдат, хороших красноармейцев, великолепных бойцов направить не туда, куда нужно, не в обход, а навстречу врагу. Военная дисциплина строже, чем дисциплина в партии. Человека назначили на пост, он командует, он главная сила, его должны слушаться все. Тут надо проявлять особую осторожность при назначении людей.

Я сторонний человек и то заметил недавно. Каким-то образом дело обернулось так, что в механизированных бригадах чуть ли не везде стоят люди непроверенные, нестойкие...

У них какая уловка практиковалась? Требуется военный атташе, представляют семь кандидатур, шесть дураков и один свой, он среди дураков выглядит умницей. Возвращают бумаги на этих шесть человек — не годятся, а седьмого посылают. У них было много возможностей. Когда представляют кандидатуры 6 дураков и одного умного, поневоле его подпишешь...

Они боялись народа. Если бы прочитали план, как они хотели захватить Кремль, как они хотели обмануть школу ВЦИК. Одних они хотели обмануть, сунуть одних в одно место, других — в другое, третьих — в третье и сказать, чтобы охраняли Кремль, что надо защищать Кремль, а внутри они должны арестовать правительство. Днем, конечно, лучше, когда собираются арестовывать, но как это делать днем? «Вы знаете, Сталин какой! Люди начнут стрелять, а это опасно». Поэтому решили лучше ночью. Но ночью тоже опасно, опять начнут стрелять.

Слабенькие, несчастные люди, оторванные от народных масс, не рассчитывающие на поддержку народа, на поддержку армии, боящиеся армии и прятавшиеся от армии и от народа. Они рассчитывали на германцев и на всякие свои махинации: как бы школу ВЦИК в Кремле надуть, как бы охрану надуть, шум в гарнизоне произвести. На армию они не рассчитывали — вот в чем их слабость.

Из выступления Иосифа Сталина на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны СССР 2 июня 1937 года (неправленная стенограмма).

**Генерал-лейтенант МГБ
Павел Судоплатов:
«Тухачевский в борьбе за влияние
на Сталина попался на его удочку»**

В настоящее время существуют три версии, почему Сталин пошел на эту расправу. В соответствии с первой, судьбу этих людей решила дезинформация германских и чехословацких спецслужб, убедившая подозрительного Сталина и его наркома обороны Ворошилова, что Тухачевский и ряд других военачальников поддерживали тайные контакты с немецкими военными кругами...

Но контакты с немцами следует рассматривать на фоне тесного германо-советского военного сотрудничества в 1920–1930 годах. Длительный период военного сотрудничества Германии и Советского Союза был в 1933 году внезапно прерван Сталиным под явно сфабрикованным предлогом, что немцы тайно делятся с французами информацией о своих связях с нами. Между тем группа советских военных деятелей во главе с маршалом Тухачевским отмечала полезность этих контактов с немцами и надеялась использовать их технологические военные новинки у нас. Со стороны Германии также существовал известный интерес к продолжению связи с СССР, хотя и совсем по другим соображениям.

Высокопоставленные военные, выходцы из Восточной Пруссии, были последователями основателя вермахта генерала Ганса фон Секта. После поражения в Первой мировой войне генерал фон Сект долгие годы занимался воссозданием немецкой военной машины и разработкой новой стратегической доктрины. Именно он выступал перед германским руководством за улучшение отношений с СССР, указывая, что главная цель германской политики в случае войны — не допустить военных действий на двух фронтах.

В соответствии со второй версией, жертвами стали те военные, которые по своему интеллектуальному уровню значительно превосходили Ворошилова и имели собственное мнение по вопросам военного строительства. Тухачевский и его группа якобы не сошлись со Сталиным и Ворошиловым по вопросу стратегии военных реформ, а посему Сталин, опасаясь соперников, которые могут претендовать на власть, решил разделаться с ними.

Согласно третьей версии, военных ликвидировали из-за давней вражды между Тухачевским и Сталиным, которые имели разные точки зрения на то, кто несет ответственность за ошибки, допущенные в войне с белополяками в 1920 году. Тухачевский считал, что Красная армия

потерпела поражение на подступах к Варшаве потому, что Сталин и Ворошилов якобы отказались перебросить в помощь Тухачевскому кавалерийские части.

Мой взгляд на эту трагедию отличается от всех известных версий. Помню, как в августе 1939 года приятно удивили меня сообщения из Германии, из которых явствовало, что немецкое военное руководство высоко оценивало потенциал Красной армии. В одном из документов высшего германского командования, перехваченном нами, причиной гибели маршала Тухачевского назывались его непомерные амбиции и разногласия с маршалом Ворошиловым, беспрекословно разделявшим все взгляды Сталина.

Утверждая сводку материалов разведки для Сталина, Берия включил туда фразу из этого документа: «Устранение Тухачевского наглядно показывает, что Сталин полностью контролирует положение дел в Красной армии», — возможно, для того чтобы польстить вождю, подчеркнув тем самым его дальновидность в своевременном устранении Тухачевского.

Помнится мне также комментарий Берии и Абакумова, в годы войны начальника военной контрразведки Смерш, отвечавшего и за политическую благонадежность вооруженных сил. И тот, и другой говорили о заносчивости Тухачевского и его окружения, которые смели думать, будто Сталин, по их предложению, снимет Ворошилова.

...Мне представляется, что Тухачевский и его группа в борьбе за влияние на Сталина попались на его удочку. Во время частых встреч со Сталиным Тухачевский критиковал Ворошилова, Сталин поощрял эту критику, называя ее «конструктивной», и любил обсуждать варианты новых назначений и смещений. Нравилось ему и рассматривать различные подходы к военным доктринам. Тухачевский позволял себе не только свободно обсуждать все это за закрытыми дверями, но и распространять слухи о якобы предстоящих изменениях и перестановках в руководстве

Наркомата обороны. Словом, он и его коллеги зашли, по мнению Сталина, слишком далеко...

Уголовное дело против Тухачевского целиком основывалось на его собственных признаниях, и какие бы то ни было ссылки на конкретные инкриминирующие факты, полученные из-за рубежа, начисто отсутствуют. Если бы такие документы существовали, то я, как заместитель начальника разведки, курировавший накануне войны и немецкое направление, наверняка видел бы их или знал об их существовании...

Насколько я помню, в литерном деле «Хутор» есть ссылки на то, что Бенеш в апреле 1937 года, накануне снятия Тухачевского, намекнул полпреду Александровскому и нашему резиденту в Праге Петру Зубову, что не исключает возможности военного соглашения между Германией и Советским Союзом, вопреки их нынешним разногласиям, отчасти из-за хороших связей между Красной армией и вермахтом, установленных Тухачевским в 1920-х и 1930-х годах. Однако только 4 июля 1937 года, уже после казни Тухачевского, Бенеш рассказал Александровскому о «неких» контактах чешского посла в Берлине с немецкими военными представителями, которые якобы имели место в январе 1937 года. По его словам, Бенеш не сообщил нам о том, что чехи имеют информацию о наличии в Германии влиятельной группы среди военных, выступавших за продолжение тайных германо-советских военных связей, установленных еще в 1920-е годы.

От своего посла в Берлине Бенеш получил доклад, содержавший смутные намеки немецких генералов об их конфиденциальных отношениях с руководством Красной армии. Цель этой немецкой дезинформации заключалась в том, чтобы напугать чехов и заставить их поверить, что им нельзя рассчитывать на поддержку Красной армии в их конфронтации с Германией по вопросу о судьбе Судет.

Из воспоминаний П. Судоплатова «Разведка и Кремль».

Лев Троцкий, руководитель IV Интернационала: «Бойня имела превентивный характер»

...Ввиду приближения военной опасности наиболее ответственные командиры не могли не относиться с тревогой к тому факту, что во главе вооруженных сил стоит Ворошилов. Можно не сомневаться, что в этих кругах выдвигали на его место кандидатуру Тухачевского. В первой своей стадии генеральский «комплот» пытался, вероятно, опереться на Сталина, который давно уже вел привычную ему двойственную игру, эксплуатируя антагонизм между Тухачевским и Ворошиловым. Тухачевский и его сторонники, видимо, переоценили свои силы. Поставленный в последнюю минуту перед необходимостью выбора Сталин предпочел Ворошилова, который до сих пор оставался только покорным орудием, и выдал с головой Тухачевского, который мог стать соперником. Обманутые в своих надеждах и раздраженные «изменой» Сталина, генералы могли вести разговоры о том, что следовало бы вообще освободить армию от опеки Политбюро. Отсюда еще далеко до прямого заговора. Но в обстановке тоталитарного режима это уже первый шаг к нему.

Если правильно взвесить прошлое расстрелянных и физиономию каждого из них, то трудно допустить, чтоб они были связаны какой-либо общей политической программой. Но часть из них, во главе с Тухачевским, могла иметь свою программу в области обороны страны. Не забудем, что после воцарения Гитлера Сталин делал все, чтоб сохранить с Германией дружественные отношения. Советские дипломаты не скупались по отношению к фашизму на предупредительные заявления, которые звучат сегодня как скандал. Философия этой политики дана была Сталиным: «Прежде всего надо оградить строительство социализма в нашей стране. Фашизм и демократия —

близнецы, а не антиподы. Франция на нас не нападет, а угрозу со стороны Германии можно нейтрализовать лишь сотрудничеством с ней».

По данному свыше знаку руководители армии старались поддерживать дружественные связи с немецкими военными атташе, инженерами, промышленниками и внушать им мысль о полной возможности сотрудничества между обеими странами. Некоторые из генералов тем охотнее восприняли эту политику, чем более им импонировали немецкая техника и «дисциплина».

Сталин оказался вынужден, однако, дополнить «дружественные» отношения с Германией оборонительным соглашением с Францией. На это Гитлер не мог пойти. Ему необходимо иметь руки развязанными в ту или другую сторону. В ответ на сближение Москвы с Парижем он демонстративно оттолкнул Сталина. Вслед за ним сделал то же и Муссолини. Наперекор первоначальным намерениям Сталину пришлось отбросить свою философию о «близнецах» и взять курс на дружбу с западными «демократиями». В Министерстве иностранных дел произведена была символическая смена: заместитель Литвинова Крестинский, бывший советский посол в Германии, был удален; его место занял Потемкин, бывший советский посол во Франции. На верхах офицерства поворот не мог совершиться с такой легкостью, по самому характеру военной касты, гораздо более многочисленной и менее подвижной, чем дипломатия.

Если допустить, что Тухачевский действительно придерживался до последних дней прогерманской ориентации (я в этом не уверен), то во всяком случае не как агент Гитлера, а как советский патриот, по стратегическим и экономическим соображениям, разделявшимся недавно и Сталиным. Некоторые из генералов должны были к тому же чувствовать себя лично связанными своими

предшествующими дружественными заявлениями по адресу Германии. Так как Сталин долго лавировал, сохраняя обе двери открытыми, то он сознательно не давал генералам сигнала к отступлению. В расчете на его поддержку генералы могли пойти дальше, чем первоначально собирались.

...В наших соображениях о причинах обезглавливания армии есть и элемент догадки. В деталях, которые станут известными не скоро, дело могло происходить иначе. Но политический смысл новой бойни ясен уже теперь. Если б Сталин хотел спасти генералов, он имел бы полную возможность своевременно открыть для них мосты отступления. Но он не хотел. Он боится проявить слабость. Он боится армии. Он боится собственной бюрократии.

...Когда бюрократия освобождается от контроля народа, военная каста неизбежно стремится освободиться от опеки гражданской бюрократии. Бонапартизм всегда имеет тенденцию принять форму открытого господства сабли. Независимо от действительных или мнимых амбиций Тухачевского офицерский корпус должен все больше проникаться сознанием своего превосходства над диктаторами в пиджаках. С другой стороны, Сталин не может не понимать, что полицейское командование над народом, которое он выполняет при помощи иерархии партийных секретарей, проще и непосредственнее может осуществлять один из «маршалов» через военный аппарат. Опасность слишком очевидна. Заговора, правда, еще не было. Но он стоит в порядке дня. Бойня имела превентивный характер. Сталин воспользовался «счастливым» случаем, чтоб дать офицерству кровавый урок.

*Троцкий Л. Обезглавливание Красной армии. 17 июня 1937 г.
Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев), № 56–57.*

КТО ПРАВИТ МИРОМ

В начале 1938 года в СССР состоялся процесс над участниками «антисоветского правотроцкистского блока». Отношение к нему среди российских исследователей сегодня самое различное. Диаметрально противоположны оценки оказавшихся на скамье подсудимых «старых большевиков», многие из которых боролись за советскую власть вместе с Лениным. Обратимся к личности одного из обвиняемых и его показаниям.

Наша справка. Раковский Христиан Георгиевич родился в 1873 году в Болгарии, в семье зажиточного торговца. Учился на медицинских факультетах университетов ряда европейских городов. Диплом получил в Женевском университете. Участвовал в социал-демократическом движении Болгарии, Швейцарии, Германии, Франции и Румынии. Прошел службу в румынской армии. В 1917 году вступил в РСДРП(б) и находился на партийной работе в Одессе и Петрограде. Участник Гражданской войны, один из организаторов советской власти на Украине. В 1918 году — председатель Верховной коллегии по борьбе с контрреволюцией на Украине, затем председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. С 1919 по 1923 год — председатель Совнаркома и нарком иностранных дел Украины.

С 1923 года — полпред СССР в Англии, в 1925–1927 годах — во Франции, одновременно с 1923 года — заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1927 году исключен из партии XV съездом ВКП(б) как один из участников троцкистской оппозиции. С 1928 года — в ссылке. С 1934 года — начальник управления средних медицинских учебных заведений Наркомата здравоохранения РСФСР. В 1935 году был восстановлен в партии и стал председателем советского общества Красного Креста. В январе 1937 года арестован, признал себя виновным в участии в различных заговорах, а также в том, что «был английским и японским шпионом». Приговорен в 1938 году к 20 годам тюремного заключения. После начала Великой Отечественной войны, 8 сентября 1941 года, заочно приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и расстрелян.

Раковский в ходе следствия заявил в НКВД, что хочет дать важные показания по вопросам, касающимся международной политики. Ему пошли навстречу, и 26 января

1938 года его допросил Гавриил Гаврилович Кузьмин, который фигурировал в протоколе допроса как Габриэль. Разговор шел на французском языке, и его текст в переводе на русский язык был оперативно доложен Сталину.

Личность Габриэля не менее интересна, чем самого Раковского. Историк Арсен Мартиросян утверждает со ссылкой на друга своего отца — в прошлом многолетнего сотрудника аппарата Сталина (его исследователь называет в своих книгах Константином Мефодиевичем), что Кузьмин — он же Рене Дюваль — принадлежал к неизвестной до сих пор спецслужбе, подчинявшейся лично Сталину. Вопрос о достоверности существования такой закрытой структуры — отдельная тема, которая в наши дни всплывает все чаще и чаще...

Почему Раковского допрашивали на французском языке? Дело в том, что он, хотя и входил долгое время в состав советского руководства, русский язык знал плохо. Поэтому допрос мог на самом деле вестись на французском языке.

К переводу протокола допроса на русский язык был привлечен фармацевт НКВД Иосиф Ландовский, свободно владевший французским. Он присутствовал на допросе, и, помимо прочего, его задачей было добавлять в напиток Раковского легкий наркотик, чтобы сделать его более разговорчивым и следить за самочувствием допрашиваемого. Ландовский, по бытующей версии, якобы сделал для себя третий экземпляр протокола допроса. Зимой 1942 года Ландовский погиб под Ленинградом, а его дневник вместе с копией протокола попал в руки некоего «испанского добровольца». Тот каким-то образом сумел сохранить бесценный документ, а уже после войны, вернувшись на родину, опубликовал его в Барселоне в середине 1950-х годов отдельной книгой под названием «Красная симфония». В 1968 году книга вышла на русском языке в Аргентине.

Такова, так сказать, устоявшаяся версия появления в обороте исследователей «протокола допроса Раковского».

Исторических фальшивок сегодня гуляет более чем достаточно, и поэтому к документу надо отнестись осторожно. В то же время интересно, что никто из представителей академической науки ни в советское время, ни сегодня не объявил протокольную запись фальсификацией.

Честно говоря, в существующую версию «спасения» протокола верится с трудом. Ландовский, принимая во внимание строжайший режим обеспечения секретности в НКВД, не мог сделать третий экземпляр протокола допроса. Тем более не понятно, как «фармацевт НКВД» оказался на фронте в частях действующей армии и зачем он взял с собой столь «взрывоопасный» документ? Не менее загадочны обстоятельства появления книги — в начале на испанском в Барселоне, а затем на русском.

Интерес вызывает и то, что «героя книги» Раковского, в отличие от других сторонников Троцкого, сразу не расстреляли в 1938-м — он получил 20 лет тюрьмы. По официальной версии он погиб в сентябре 1941 года, но бытует также мнение, что Сталин с оглядкой на влиятельные международные круги, с которыми был связан Раковский, пощадил его, и он якобы умер своей смертью в Сибири в 1958 году. Последнее, скорее всего, миф...

Судя по всему, документ, именуемый протоколом допроса, какие-то силы решили довести до мировой ответственности. Если это фальсификация, то очень умелая, опирающаяся на реальные факты и знание тайн европейской политики. Если протокол подлинный, значит, кто-то очень влиятельный в СССР и имеющий доступ к закрытым архивам постарался после смерти Сталина и начавшейся кампании по разоблачению «культы личности» обнародовать откровения одного из сторонников Троцкого. В любом случае в это «активное мероприятие» было вовлечено немало людей и вложены средства.

Зачем это делалось? По этому поводу можно только строить догадки. Не ясно и то, кто или что стоит за рас-

пространением слухов о «личной разведке Сталина». На сегодняшний день известно несколько каналов распространения этого утверждения. Георгий Жеребчиков, выпустивший под именем Игоря Белого книгу «Заговор Сатаны» («Исповедь контрразведчика»), которая была издана в Омске странно большим, по нашим временам, тиражом в 10 тысяч экземпляров. Уже упомянутый Арсен Мартиросян, автор нескольких книг на военно-историческую тематику. Писатель Александр Байгушев, написавший книгу «Партийная разведка». Полковник в отставке Станислав Лекарев, который после увольнения из одной из силовых структур активно выступает в российских СМИ. Наконец, можно указать на книгу «Личная секретная служба И. В. Сталина: Стратегическая разведка и контрразведка. Сборник документов», выпущенную в 2006 году издательством «Сварогъ». И если с Белым-Жеребчиковым, называющим себя «генералом армии» и «дважды Героем Советского Союза», все в общем-то ясно, то в отношении мотивов остальных авторов есть вопросы...

Вернемся к «протоколу допроса Раковского». Документу, надо подчеркнуть, очень интересному, предлагающему принципиально иную концепцию мировой истории конца XIX — первых десятилетий XX века. Итак, 26 января 1938 года Христиан Раковский беседует на французском языке в довольно непринужденной обстановке с доверенным лицом Сталина Гавриилом Гавриловичем Кузьминым.

Но прежде чем ознакомить читателей с откровениями представителя «старой гвардии» большевиков, заострим внимание на ключевых моментах в его показаниях. Раковский (или человек, сфабриковавший эти показания), судя по всему, хорошо знаком с жизнью за кулисами мировой политики и мировых финансов. Из показаний следует, что уже в XIX веке на Западе, помимо национальных государств, субъектом большой политики являлось со-

общество банкиров, которых Раковский называет «финансовым интернационалом». Это сообщество обладало собственными корпоративными интересами в политической сфере, которые в чем-то совпадали с устремлениями «интернационала коммунистического». И тот, и другой отрицали «буржуазное национальное государство», но если «коммунисты-интернационалисты» были нацелены на его преобразование в «коммунистическое государство», то «финансистам-космополитам» оно мешало в силу интернациональной сущности денег.

Именно поэтому, по версии Раковского, мировые финансовые круги и оказали содействие в свержении династии Романовых и приходе к власти в России большевиков, во главе которых они предпочли бы видеть не Ленина или Сталина, а Троцкого. Раковский приоткрывает завесу над некоторыми тайнами отношений между большевистскими лидерами — кстати, эта информация подтверждается и из других источников.

Любопытна характеристика Раковским «Фининтерна»: «Они» — это не государство. «Они» — это то, чем был до 1917 года Интернационал, то, чем он еще пока что является: ничем — и одновременно всем». По словам Раковского, «не Москва будет навязывать свою волю демократиям (западноевропейским странам. — *Авт.*), а Нью-Йорк, не «Коминтерн», а «Капинтерн» на Уолл-стрит».

В завершающей части своих показаний Раковский, утверждая, что нацистам помогли прийти к власти западные финансовые круги и что нападение Германии на СССР неизбежно, предлагает представителю Сталина рискованную геополитическую комбинацию. Речь идет о том, чтобы, заручившись благосклонностью «финансового интернационала», направить «гитлеровское наступление не на восток, а на запад», т. е. «достигнуть того, что капиталистические государства уничтожат друг друга, если столкнуть их два крыла: фашистское с буржуазным». А для

начала надо подтолкнуть Гитлера к нападению на Польшу, на защиту которой встанут Франция и Великобритания.

И еще один примечательный момент в показаниях Раковского. Он указывает на исключительно важную роль в мировой политике событий 24 октября 1929 года, связанных с крахом биржи в Нью-Йорке: «Придет время, когда этот день будет для истории революции более важным днем, чем октябрь 1917 года. В день 24 октября произошел крах биржи в Нью-Йорке, начало так называемой «депрессии», настоящая революция... В феврале 1933 года происходит последний толчок кризиса с закрытием банков. Трудно сделать больше, чем сделал капитал для того, чтобы разбить «классического американца», находящегося еще в своем индустриальном оплоте и в экономическом отношении поработанного Уолл-стрит.

Известно, что всякое обеднение в экономике, будь то в отношении общества или животных, дает расцвет паразитизма, а капитал — это крупный паразит. Но эта американская революция имела в виду не одну только цель — увеличить власть денег для лиц, имеющих право пользования ими; она претендовала на большее. Хотя власть денег и является политической властью, но до этого таковая применялась только косвенным образом, а теперь она должна была превратить ее в непосредственную прямую власть. Человек, через посредство которого пользовались такой властью, был Франклин Рузвельт... Заметьте себе следующее: в этом 1929 году, первом году американской революции, в феврале выезжает из России Троцкий; крах происходит в октябре месяце... Финансирование Гитлера договорено в июле 1929 года. Вы думаете, что все это случайно?»

По мнению Раковского, от предлагаемой им геополитической стратегии в выигрыше окажутся и СССР, и США. «Идеологически и экономически, — говорит он, — России и Америке желательно разрушение европейского колониального империализма, будь он прямой или кос-

венный. Соединенным Штатам желательно это даже еще больше. Если бы Европа потеряла в новой войне всю свою мощь, то Англия, не имеющая своих собственных сил, с исчезновением Европы как силы, как власти с первого же дня легла бы всей тяжестью со всей своей империей, говорящей на английском языке, на Соединенные Штаты, что было бы неизбежно и в политическом, и в экономическом отношении».

Заметим, что по итогам Второй мировой войны так фактически и произошло. Мощь Великобритании и Франции значительно ослабла, они утратили к началу 1960-х годов большую часть своих колониальных владений, и державой № 1 в мире стали США.

В ходе разговора Раковский высказывает мысль, что США заинтересованы в затяжке предполагаемой войны между Германией и «европейскими демократиями» и поэтому могли бы помогать последним. Довольно точна и характеристика стратегии, к которой прибегали США при вступлении в войну в XX веке. «Америка, — замечает Раковский, — не вступала раньше и никогда не вступит в войну, если она не подвергнется нападению. Ее правители смогут устроить так, что на них нападут, если это будет им удобно. В этом я вас уверяю. В тех случаях, когда провокация не имела успеха и враг на нее не реагировал, то агрессия изобреталась. В первой своей интернациональной войне, в войне против Испании (1898 год. — *Авт.*), в поражении которой не сомневались, они придумали агрессию, или вернее ее изобрели «Они»... Эта великолепная американская техника, которую я приветствую, в любой момент подчиняется одному условию: чтобы агрессия произошла в подходящий момент, т. е. в момент, нужный подвергшимся нападению Соединенным Штатам, — это значит тогда, когда они будут иметь вооружение. Есть ли сейчас налицо это условие? Вполне очевидно, что нет. В Америке имеются сейчас немного меньше ста тысяч

человек под ружьем и посредственная военная авиация, у нее есть только внушительная эскадра».

Возможно, параллель между 1898 и 1941 годами и не совсем уместна, но все же укажем на обстоятельства вступления США во Вторую мировую войну. Общеизвестно, что произошло оно как ответ на внезапное нападение Японии на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе 7 декабря 1941 года. Но в последние годы у историков появляется все больше оснований предполагать, что нападение не было таким уж внезапным для группы высших государственных и военных руководителей США. Они, возможно, предпочли пожертвовать жизнями своих военнослужащих ради обретения возможности вступить в войну за обретение статуса «первой державы» на благоприятном пропагандистском фоне, созданном вероломным японским нападением.

***Наша справка.** Для государственного руководства США нападение японцев на Перл-Харбор не было, по сути, неожиданным, так как к этому времени американцам удалось расшифровать японские коды и они могли в течение нескольких месяцев читать все японские сообщения. Командование базы было предупреждено о неизбежности войны с Японией еще 27 ноября 1941 года, т. е. на следующий день после того, как оперативное соединение японского флота взяло курс на Перл-Харбор. Примечательно и то, что все четыре американских авианосца «по счастливой случайности» отсутствовали на базе в момент нападения: три из них вышли в море, один ремонтировался в Калифорнии. Странным образом американское командование не насторожило и то, что в ночь на 7 декабря у Перл-Харбора начали действовать японские сверхмалые подводные лодки, две из них были обнаружены и уничтожены американскими патрульными силами за несколько часов до начала авиационной атаки.*

Для того чтобы читатель мог сам сложить мнение о «признаниях Раковского», приведем некоторые выдержки из переведенной на русский язык стенограммы весьма продолжительного разговора с некоторыми пояснениями.

«Мы не являемся шпионами Гитлера»

КУЗЬМИН. Согласно тому, как мы договорились на Лубянке, я ходатайствовал о предоставлении вам последней возможности; ваше присутствие в этом доме обозначает то, что я этого добился. Посмотрим, не обманете ли вы нас.

РАКОВСКИЙ. Я не желаю и не собираюсь этого делать.

КУЗЬМИН. Но предварительно: благородное предупреждение. Теперь дело идет о чистой правде. Не о правде «официальной», той, которая должна выявиться на процессе в свете признаний всех обвиняемых... Нечто, как вы знаете, подчиняющееся целиком политическим соображениям или «соображениям государственным», как бы выразились на Западе. Требования интернациональной политики заставят нас скрыть всю правду...

РАКОВСКИЙ. Мы не являемся шпионами Гитлера, мы ненавидим Гитлера так, как можете ненавидеть его вы, так, как может ненавидеть его Сталин; пожалуй, еще больше, но это вещь очень сложная...

КУЗЬМИН. ...Вы, троцкисты, имели контакт с немецким штабом. Не так ли?

РАКОВСКИЙ. Да.

КУЗЬМИН. С каких пор?..

РАКОВСКИЙ. Я не знаю точной даты, но вскоре после падения Троцкого. Разумеется, до прихода к власти Гитлера.

КУЗЬМИН. Значит, уточним: вы не являлись ни личными шпионами Гитлера, ни его режима.

РАКОВСКИЙ. Точно. Мы ими были уже раньше.

КУЗЬМИН. И с какой целью?.. С целью подарить Германии победу и несколько русских территорий? (Странное для коммуниста того времени выражение: «русские территории»; в 1938-м в СССР говорили иначе: советские территории. — *Авт.*).

РАКОВСКИЙ. Нет, ни в коем случае.

КУЗЬМИН. Значит, как обыкновенные шпионы, за деньги?

РАКОВСКИЙ. За деньги?.. Никто не получал ни одной марки от Германии... Разве у Ленина не было высших соображений при получении помощи от Германии для въезда в Россию? И нужно ли признавать верными те клеветнические вымыслы, которые были пущены в ход для его обременения? Не называли ли его также шпионом кайзера? Его сношения с императором и вмешательство немцев в дело отправки в Россию разрушителей — большевиков — очевидны...

КУЗЬМИН. Правда это или неправда — все это не имеет отношения к вопросу.

РАКОВСКИЙ. Нет, разрешите докончить. Не является ли фактом, что деятельность Ленина вначале была благоприятна для немецких войск?.. Вот сепаратный мир в Бресте, на котором Германии были уступлены огромные территории СССР. Кто объявил поражение в качестве оружия большевиков в 1913 году?

...Ленин. Я знаю на память его слова из письма к Горькому: война между Австрией и Россией была бы очень полезной вещью для революции, но вряд ли возможно, чтобы Франц-Иосиф и Николай представили нам этот удобный случай. Как вы видите, мы, так называемые троцкисты, избретатели поражения в 1905 году, продолжаем на данном этапе ту же самую линию, линию Ленина.

КУЗЬМИН. С маленькой разницей, Раковский; сейчас в СССР существует социализм, а не царь.

РАКОВСКИЙ. Вы в это верите?

КУЗЬМИН. Во что?

РАКОВСКИЙ. В существование социализма в СССР?

КУЗЬМИН. Разве Советский Союз не социалистический?

РАКОВСКИЙ. Для меня только по названию. Вот тут-то и кроется настоящая причина оппозиции... И если для триумфа коммунизма оправдывается поражение, то тот, кто считает, что коммунизм сорван бонапартизмом Сталина и что он ему изменил, имеет такое право, как и Ленин, стать пораженцем. ...В данный момент оппозицию не может интересовать поражение и падение Сталина, поскольку мы не имеем физической возможности заместить его.

Революции щадят банки

РАКОВСКИЙ. Выслушайте меня в порядке конфиденциальности. С марксизмом получается точно так же, как с древними эзотерическими религиями. Их приверженцы должны были знать только все самое элементарное и грубое, поскольку у них этим нужно было вызвать веру, т. е. то, что абсолютно необходимо как в деле религии, так и в деле революции...

Заметьте, с какой пронизательностью делает Маркс выводы при наличии в его время зачаточной английской индустрии об ее плодах, т. е. о современной колоссальной индустрии; как он ее анализирует и клеймит; в каком отталкивающем виде рисует он образ промышленника. В вашем воображении, как и в воображении масс, встает чудовищный образ капитализма в его человеческом воплощении: толстопузый промышленник с сигарой во рту, как его обрисовал Маркс, самодовольно и злобно выкидывающий жену или дочь рабочего... Не так ли?

Одновременно припомните умеренность Маркса и его буржуазную ортодоксальность при изучении вопроса о деньгах. В вопросе о деньгах у него не появляются его знаменитые противоречия. Финансы не существуют для него как вещь, имеющая значение сама в себе; торговля и циркуляция денег являются последствиями проклятой системы капиталистического производства, которая под-

чиняет их себе и целиком определяет. В вопросе о деньгах Маркс — реакционер; к величайшему удивлению, он им и был; примите во внимание «пятиконечную звезду», подобную советской, сияющую во всей Европе, звезду из пяти братьев Ротшильдов с их банками, обладающими колоссальным скоплением богатств, когда-либо слышанных... И вот этот факт, настолько колоссальный, что он вводил в заблуждение воображение людей той эпохи, проходит незамеченным для Маркса. Нечто странное. Не правда ли?

Возможно, что от этой, столь странной, слепоты Маркса и происходит феномен, общий для всех последующих социальных революций. А именно: все мы можем подтвердить, что когда массы овладевают городом или государством, то они всегда проявляют что-то вроде суеверного страха перед банками и банкирами. Убивали королей, генералов, епископов, полицейских, священников и прочих представителей ненавистных привилегированных классов; грабили и сжигали дворцы, церкви и даже центры науки; но хотя революции были экономически-социальными, жизнь банкиров была уважаема, и в результате великолепные здания банков оставались нетронутыми.

Деньги заменили для них Бога и нацию

РАКОВСКИЙ. Понимание того, как финансовый интернационал постепенно, вплоть до теперешней эпохи, сделался хозяином денег, этого магического талисмана, ставшего для людей тем же, чем был для них Бог и нация, есть нечто, что превышает в научном интересе даже искусство революционной стратегии, ибо это тоже искусство и тоже революция. Я вам это истолкую. Историографы и массы, ослепленные воплями и помпой Французской революции, народ, опьяненный тем, что ему удалось отнять от короля — от привилегированного — всю его власть, не заметили, как горсточка таинственных осторожных и незначительных людей овладела настоящей королевской

властью, властью магической, почти что божественной, которой она овладела, сама этого не зная.

Не заметили массы, что эту власть присвоили себе другие и что они вскоре подвергли их рабству более жестокому, чем король, ибо тот в силу своих религиозных и моральных предрассудков был неспособен воспользоваться подобной властью. Таким образом, получилось, что высшей королевской властью овладели люди, моральные, интеллектуальные и космополитические качества которых позволили им ею воспользоваться. Ясно, что это были люди, которые от рождения не были христианами, но зато космополитами.

КУЗЬМИН. Что же это за мифическая власть, которой они овладели?

РАКОВСКИЙ. Они присвоили себе реальную привилегию чеканить деньги... Я сказал: деньги; ясно, что в вашем воображении моментально изобразились очертания реальных денег из металла и бумаги. Но это не так. Деньги — это теперь уже не то; реальная циркулирующая монета — это настоящий анахронизм. Если она еще существует и циркулирует, то только в силу атавизма, только потому, что удобно поддерживать иллюзию, чисто воображаемую фикцию на сегодняшний день. ...Финансы господствуют над буржуазным производством. Так оно есть и так было еще до Маркса и Энгельса, что финансы были самой мощной машиной революции, а Коминтерн при них был не более чем игрушкой.

...Если человеку доставляет что-либо полное удовлетворение, то это удовлетворение его честолюбия. И больше всего — удовлетворение властолюбия. Почему бы им — этим людям, — банкирам, не обладать импульсом к господству, к полному господству? Понимаете ли вы, что те, которые уже частично господствуют над нациями и земными правительствами, претендуют на абсолютное господство?

КУЗЬМИН. Давайте закончим, кто они такие?

РАКОВСКИЙ. Вы так наивны, что думаете, что если бы я знал, кто «Они» такие, так я сидел бы здесь пленником?

КУЗЬМИН. Вы ведь сказали, что это банкиры?

РАКОВСКИЙ. Я — нет, припомните, что я всегда говорил о финансовом интернационале, а персонализируя, всегда говорил «Они» и больше ничего. Если вы желаете, чтобы я откровенно вас информировал, то я только сообщу факты, а не имена, ибо я их не знаю. Думаю, что я не ошибусь, если скажу вам, что ни один из «Них» не является человеком, занимающим политическую должность или должность в мировом банке. Как я понял, после убийства Ратенау в Раппале, «Они» раздают политические и финансовые должности только людям-посредникам. Ясно, что людям, заслуживающим доверия и верным, что гарантируется на тысячу ладов. Таким образом, можно утверждать, что банкиры и политики — это только «соломенные чучела»... хотя они и занимают очень высокие посты и фигурируют как авторы выполненных планов.

Троцкий и революция

РАКОВСКИЙ. «Они» изолировали дипломатически царя для русско-японской войны, и Соединенные Штаты финансировали Японию; говоря точно, это сделал Яков Шифф, глава банка «Кун, Леб и К°», являющегося наследником дома Ротшильдов, откуда и происходил Шифф. Он имел такую власть, что добился того, что государства, имеющие колониальные владения в Азии, поддержали создание Японской империи, склонной к ксенофобии; и эту ксенофобию Европа уже чувствует на себе. Из лагерей пленных прибыли в Петроград лучшие борцы, натренированные как революционные агенты; они были туда посланы из Америки с разрешения Японии, полученного через лиц, ее финансировавших.

Русско-японская война, благодаря организованному поражению царской армии, вызвала революцию 1905 года, которая хотя и была еще преждевременная, но чуть-чуть не завершилась триумфом; если она и не победила, то создала необходимые политические условия для победы в 1917 году.

Скажу еще больше. Читали ли вы биографию Троцкого? Припомните ее первый революционный период. Он еще совсем молодой человек; после своего бегства из Сибири жил некоторое время среди эмигрантов в Лондоне, Париже и Швейцарии. Ленин, Плеханов, Мартов и прочие главари смотрят на него только как на обещающего новообращенного. Но он уже осмеливается во время первого раскола держаться независимо, пытаясь стать арбитром объединения.

В 1905 году ему исполняется 25 лет, и он возвращается в Россию один, без партии и без собственной организации. Прочитайте отчеты о революции 1905 года, не «очищенные» Сталиным, например Луначарского, который не был троцкистом. Троцкий является первой фигурой во время революции в Петрограде. Это действительно так и было. Только он один выходит из нее, обретя влияние и популярность. Ни Ленин, ни Мартов, ни Плеханов не завоевывают популярности. Они только сохраняют ее или даже несколько утрачивают.

Как и почему возвышается неведомый Троцкий, одним взмахом приобретающий власть более высокую, чем та, которую имели самые старые и влиятельные революционеры? Очень просто: он женится. Вместе с ним прибывает в Россию его жена — Седова. Знаете вы, кто она такая? Она дочь Животовского, объединенного с банкирами Варбургами, компаньонами и родственниками Якова Шиффа, т. е. той финансовой группы, которая, как я говорил, финансировала также революцию 1905 года. Здесь причина, почему Троцкий одним махом становится во главе революционного списка. И тут же вы имеете ключ к его настоящей персональности.

Сделаем скачок к 1914 году. За спиной людей, покушавшихся на эрцгерцога, стоит Троцкий, а это покушение вызвало европейскую войну. Верите ли вы действительно тому, что покушение и война — это просто только случайности?..

Проанализируйте в свете «неслучайности» развитие боевых действий в России. «Пораженчество» — это образцовое дело. Помощь союзников царю была урегулирована и дозифицирована с таким искусством, что дала право союзным посланникам выставить это как аргумент и добиться от Николая, благодаря его глупости, самоубийственных наступлений — одного вслед за другим. Масса русского пушечного мяса была колоссальна, но не неисчерпаема. Организованный ряд поражений привел за собой революцию. Когда угроза нависла со всех сторон, то нашлось средство в виде установления демократической республики — «Посольской республики», как назвал ее Ленин, т. е. это обозначало обеспечение безнаказанности для революционеров.

Но это еще не все. Керенский должен спровоцировать будущее кровопролитное наступление. Он реализует его с той целью, чтобы демократическая революция вышла из берегов. И даже еще больше: Керенский должен сдать целиком государство коммунизму, и он это и завершает. Троцкий имеет возможность «неприметным образом» оккупировать весь государственный аппарат. Что за странная слепота! Вот это-то и есть реальность в столь воспеваемой Октябрьской революции. Большевики взяли то, что «Они» им вручили.

КУЗЬМИН. Вы осмеливаетесь говорить, что Керенский был сообщником Ленина?

РАКОВСКИЙ. Ленина — нет. Троцкого — да; правильнее сказать — сообщником «Их». ...Поверьте мне: несмотря на статуи и мавзолеи, коммунизм обязан Керенскому гораздо больше, чем Ленину.

КУЗЬМИН. Вы хотите сказать, что Керенский был сознательным и добровольным пораженцем?

РАКОВСКИЙ. Да, для меня это очевидно. Поймите, что я во всем этом лично принимал участие. Но я вам скажу еще больше. Знаете ли вы, кто финансировал Октябрьскую революцию? Ее финансировали «Они», в частности через тех же самых банкиров, которые финансировали Японию и революцию в 1905 году, а именно Якова Шиффа и братьев Варбургов; это значит, через великое банковское созвездие, через один из пяти банков — членов Федерального резерва, через банк «Кун, Леб и К°»; здесь же принимали участие и другие американские и европейские банкиры...

Я случайно (выделено мной. — Авт.) там был, там — в Стокгольме, и принимал участие в перемещении фондов. Пока не прибыл Троцкий, я был единственным человеком, который выступал посредником с революционной стороны...

«Им» удалось вытащить Троцкого-пораженца из канадского лагеря в Англию и доставить его в Россию, дав ему возможность свободно пройти через все контроли союзников; другие из «Них» — некто Ратенау — добиваются проезда Ленина через враждебную Германию... Со времени своего прибытия в Петроград Троцкий был открыто принят Лениным. Как вы знаете достаточно хорошо, за время в промежутке между двумя революциями между ними имелись глубокие разногласия. Все забывается, и Троцкий оказывается мастером своего дела в деле триумфа революции, хочет этого Сталин или не хочет. Почему?

Этот секрет известен жене Ленина — Крупской. Ей известно, кто такой Троцкий в действительности; это она уговаривает Ленина принять Троцкого. Если бы он его не принял, то Ленин остался бы заблокированным в Швейцарии. Уже это одно было для него серьезной причиной, и, кроме того, он знал о том, что Троцкий доставлял деньги и способствовал получению колоссальной интер-

национальной помощи. Доказательством этого служил заплombированный вагон. Затем делом Троцкого, а не результатом железной непоколебимости Ленина, было также и объединение вокруг незначительной партии большевиков всего левого революционного крыла, социал-революционеров и анархистов...

Ленина убили?

РАКОВСКИЙ. Я не буду излагать вам того, что слишком хорошо известно насчет борьбы, развернувшейся в Москве между приверженцами и противниками Брестского мира. Я только укажу вам на то, что уже здесь определилось и выявилось и что потом было названо троцкистской оппозицией, т. е. это люди, часть которых в данный момент уже ликвидирована, а другая часть должна быть ликвидирована; все они были против подписания мирного договора. Этот мир был ошибкой и бессознательной изменой Ленина интернациональной революции. Представьте себе большевиков, заседающих в Версале на мирной конференции, а затем в Лиге наций, очутившимися внутри Германии с Красной армией, вооруженной и увеличенной союзниками. Советское государство должно было включиться с оружием в руках в немецкую революцию... Совсем другой получилась бы тогда европейская карта.

Но Ленин, опьяненный властью, при содействии Сталина, который тоже уже попробовал сладость власти, поддерживаемые национальным русским крылом партии, располагая материальной силой, навязали свою волю. Тогда вот и родился «социализм в одной стране», т. е. национал-коммунизм, достигший на сегодняшний день своего апогея при Сталине. Само собой разумеется, что происходила борьба, но только в такой форме и в таких размерах, чтобы коммунистическое государство не было разгромлено; условие это было обязательным для

оппозиции на все время ее последующей борьбы вплоть до сегодняшнего дня. Это и была причина нашей первой неудачи и всех тех, которые за ней последовали.

Но борьба была жестокая, хотя и скрытая, с той целью, чтобы не скомпрометировать наше участие во власти. Троцкий организовал при помощи своих связей покушение Каплан на Ленина. По его приказу Блюмкин убил посла Мирбаха. Государственный переворот, готовившийся Спиридоновой с ее социал-революционерами, был согласован с Троцким...

Благодаря Гражданской войне мы отказались от конспиративных и террористических методов, ибо нам предоставлялась возможность держать в наших руках реальные силы государства, поскольку Троцкий сделался организатором и начальником советской армии; до этого армия беспрерывно отступала перед белыми, и территория СССР уменьшалась до размеров прежнего Московского княжества. Но тут, как по мановению волшебной палочки, она начинает побеждать. Как вы думаете, почему?.. Посредством магии или по случайности?..

Я вам скажу: когда Троцкий взял на себя высшее командование Красной армией, то он, таким образом, уже имел в своих руках силы, необходимые для захвата власти. Ряд побед должен был увеличить его престиж и силы: белых уже можно было разгромить. Считаете ли вы правдивой ту официальную историю, каковая приписывает разоруженной и недисциплинированной Красной армии тот факт, что при ее содействии был достигнут ряд советских побед?

КУЗЬМИН. А кому же тогда?

РАКОВСКИЙ. На девяносто процентов они обязаны этим «Им». Вы не должны забывать, что белые были по своему демократичны. С ними были меньшевики и остатки всех старых либеральных партий. Внутри этих сил «Они» всегда имели на службе много людей сознательных и несознательных. Когда Троцкий начал командовать, то эти

люди получили приказ начать систематически изменять белым и одновременно обещание на участие — в более или менее скором времени — в советском правительстве. Майский был одним из таких людей, одним из немногих, для которых это обещание было выполнено; но он смог добиться этого только после того, как Сталин убедился в его лояльности. Этот саботаж в соединении с прогрессивным уменьшением помощи союзниками белым генералам, которые, помимо всего этого, были несчастными идиотами, заставил их терпеть поражение за поражением.

Наконец, Вильсон ввел в свои знаменитые 14 пунктов пункт № 6, наличия которого было достаточно для того, чтобы раз и навсегда прекратить попытки белых воевать с СССР. Гражданская война укрепила позиции Троцкого для наследования Ленину. Так оно и было, вне сомнения. Старому революционеру можно было уже умереть, будучи прославленным. Если он остался в живых после пули Каплан, то он не вышел живым после тайного процесса для насильственного прекращения его жизни, которому он был подвергнут.

КУЗЬМИН. Троцкий сократил его жизнь? Это большой гвоздь для вашего процесса! Не Левин ли лечил Ленина?

РАКОВСКИЙ. Троцкий? Пожалуй, он принимал участие, но вполне точно то, что он об этом знал. Ну а что касается технической реализации, это несущественно; кто это знает? «Они» располагают достаточным количеством каналов для того, чтобы пробраться туда, куда они хотят.

...Если Троцкий не наследовал Ленину, то не потому, что по человеческим соображениям в плане чего-нибудь не хватало. Во время болезни Ленина у Троцкого в руках находились нити власти, более чем достаточные для того, чтобы он мог наследовать Ленину. И даже были приняты меры для объявления смертного приговора Сталину. Троцкому-диктатору достаточно было бы иметь в руках

письмо Ленина против его тогдашнего шефа Сталина, которое вырвала у своего супруга Крупская, чтобы ликвидировать Сталина (заметим, что о письме Ленина к съезду партии, где он критически высказался о Сталине, за рубежом в 1950-е годы почти ничего не было известно. Это говорит в пользу версии о достоверности протокола допроса. Правда, о письме знали Троцкий и его ближайшие сторонники, а также, возможно, некоторые западные спецслужбы. — *Авт.*).

Но глупая случайность, как вы знаете, разрушила все наши планы. Троцкий случайно заболевает и в решительный момент, когда умирает Ленин, он делается неспособным к какой-либо деятельности на срок в несколько месяцев. Несмотря на наличие у него огромных преимуществ, препятствием явилась наша организация дела, т. е. персональная централизация. Ясно, что такая личность, как Троцкий, подготовленная для миссии, каковую он должен был реализовать, не может быть создана вдруг, по импровизации. Никто из нас, даже Зиновьев, не обладали нужной подготовкой и способностями для этого дела. С другой стороны, Троцкий, опасаясь, чтобы его не смогли вытеснить, не желал сам никому способствовать. Таким образом, когда после смерти Ленина нам пришлось стать лицом к лицу со Сталиным, развившим лихорадочную деятельность, то мы уже тогда предвидели свое поражение в Центральном комитете.

Мы должны были импровизировать решение: таковым было решение объединиться со Сталиным, сделаться сталинистами больше, чем он сам, преувеличивать во всем, а следовательно, саботировать. Остальное вам уже известно: это наша непрерывная подпольная борьба и постоянный провал ее перед Сталиным, каковой выявляет гениальные полицейские способности, абсолютно не имея равных себе в прошлом. И даже больше: Сталин, обладая национальным атавизмом, который не был в нем искоренен его начальным

марксизмом, по-видимому, по этой причине подчеркивает свой панруссизм, а в связи с этим возрождает класс, с которым мы должны были покончить, а именно класс национал-коммунистов — в противовес коммунистам-интернационалистам, каковыми являемся мы...

Как появился Гитлер

РАКОВСКИЙ. «Они» в конце концов увидели, что Сталин не может быть низвергнут путем государственного переворота, и их исторический опыт продиктовал им решение «гергис» (повторение) со Сталиным того, что было сделано с царем. Имелось тут одно затруднение, казавшееся нам непреодолимым. Во всей Европе не было государства-агрессора. Ни одно из них не было расположено удобно в географическом отношении и не обладало армией, достаточной для того, чтобы атаковать Россию.

Если такой страны не было, то «Они» должны были создать ее. Только одна Германия располагала соответствующим населением и позициями, удобными для нападения на СССР, и была способна нанести Сталину поражение. Вы можете понять, что Веймарская республика не была задумана как агрессор ни с политической, ни с экономической стороны; наоборот, она была удобна для вторжения.

На горизонте голодной Германии заблестала скоротечная звезда Гитлера. Пара пронизательных глаз остановила на ней свое внимание. Мир явился свидетелем его молниеносного возвышения.

...В 1929 году, когда национал-социалистическая партия начинает переживать кризис роста и у нее не хватает финансовых ресурсов, «Они» отправляют туда своего посла. Я знаю даже его имя: это был один из Варбургов. В прямых переговорах с Гитлером договариваются о финансировании национал-социалистической партии, и этот последний за пару лет получает миллионы долларов, пересланных ему с Уолл-стрит, и миллионы марок от не-

мецких финансистов через Шахта. Содержание СА и СС, а также финансирование происходивших выборов, давших Гитлеру власть в руки, делается на доллары и марки, присланные «Ими»...

Если верно то, что «Они» финансировали Гитлера, то это не обозначает того, что они раскрыли ему свое существование и свои цели. Посланник Варбург представился ему под фальшивым именем... Он также солгал насчет того, чьим он является представителем. Он сказал ему, что послан финансовыми кругами Уолл-стрит, заинтересованными в финансировании национал-социалистического движения в целях создания угрозы Франции, правительства которой ведут финансовую политику, вызывающую кризис в США.

КУЗЬМИН. И Гитлер поверил этому?

РАКОВСКИЙ. Мы этого не знаем. Это не было так важно, поверил он или нет нашим объяснениям; нашей целью была провокация войны, а Гитлер — это была война.

* * *

Таковы некоторые выдержки из протокола «допроса Раковского» представителем «спецслужбы Сталина» (мы специально используем кавычки, чтобы подчеркнуть отсутствие официальных подтверждений не только достоверности такой беседы, но и самого существования личной разведки вождя). Гипотетически можно предположить, что показания «всплыли» на Западе после 1953 года, как реакция неких представителей ближайшего круга Сталина, его доверенных лиц на начатую Хрущевым кампанию десталинизации. А разговоры о случайном обнаружении каким-то «испанским добровольцем» — легенда для прикрытия подлинного канала вброса информации. Но это — лишь версия, как версией является и утверждение о том, что «признания Раковского» — это мистификация, своего рода новое «завещание Петра I».

Процесс над участниками «антисоветского правотроцкистского блока», среди которых был Раковский, состоялся в начале 1938 года. В это период послом США в Москве был Джозеф Дэвис — друг президента Рузвельта. В 1941 году вышла его очень интересная книга «Миссия в Москву», где он, человек весьма богатый и, значит, самодостаточный (это позволяло ему высказывать собственное мнение без оглядки на последствия), очень откровенно поделился своими впечатлениями от судебных процессов над «врагами народа». В воспоминаниях Дэвис приводит выдержку из своего письма на родину, датированного апрелем 1938 года. В частности, высказывается такое мнение: «...Едва ли найдется зарубежный наблюдатель, который бы, следя за ходом процесса, усомнился в причастности большинства обвиняемых к заговору, имевшему цель устранить Сталина».

В той же книге Дэвис цитирует отрывок из своего письма государственному секретарю США: «13 марта 1938 года примерно в 5 часов утра все обвиняемые на процессе были признаны виновными и выслушали приговор. Трех приговорили к тюремному заключению, а остальных — к смертной казни через расстрел. Восемь человек, получивших расстрел, — это видные деятели, бывшие члены советского правительства, включая бывшего премьера, шесть бывших членов кабинета, одного из наиболее видных партийных лидеров и члена Политбюро и, кроме того, президента одной из союзных республик. К тюремному заключению приговорены бывший посол в Англии и Франции, бывший советник советского посольства в Берлине и один известный специалист в области сердечных заболеваний... По общему суждению тех дипломатов, кто присутствовал на процессе, с полной очевидностью установлено существование значительной по своему характеру политической оппозиции и серьезного заговора, что в какой-то степени проясняет непо-

нятное развитие событий в Советском Союзе в течение последнего полугода...»

Примечательно, что в ходе допроса Раковский рекомендовал Кузьмину установить контакт именно с послем Дэвисом для достижения Кремлем договоренностей с наднациональными финансовыми кругами, которые он называл «Они». И судя по пояснениям Ландовского к протоколам, такой контакт был установлен. При этом Дэвис «осторожно намекнул на прошлые процессы и даже дошел до намеков на то, что много было бы выиграно в общественном мнении американцев в случае помилования в ближайшее время Раковского» (Раковский, напомним, не был расстрелян в 1938 году, он получил 20 лет заключения).

И еще один любопытный исторический факт, о котором рассказал Арсен Беникович Мартиросян. 2 марта 1938 года на рассвете в Москве соответствующими советскими радиотехническими службами была принята радиограмма из-за рубежа, посланная с какой-то мощной радиостанции. Ее текст гласил: «Помилование или возрастет угроза нации». Текст был закодирован при помощи дипломатического шифра советского посольства в Лондоне (!). Некоторые исследователи считают, что тем самым влиятельные мировые круги пытались оказывать давление на Сталина, стремясь спасти от расстрела «своих людей», оказавшихся на скамье подсудимых в Москве.

А буквально накануне оглашения приговора по делу «Антисоветского правотроцкистского блока», 12 марта 1938 года, войска нацистской Германии вошли в Австрию. «Они», следуя своему сценарию геополитической игры, вели Гитлера и хотели, чтобы Сталин перед лицом угрозы германского вторжения внял их пожеланиям.

ТАЙНЫЕ ПЛАНЫ И МАРШАЛ ТУХАЧЕВСКИЙ

Тема Тухачевского широко обсуждается в последние годы на страницах газет и в эфире центральных телевизионных каналов. Но читая и слушая порой несколько сбивчивые рассуждения историков о «военно-фашистском заговоре», понимаешь, что ничего нового узнать нам уже не удастся... Возможно, кто-то и верит, что однажды откроются двери всех архивов, и мы узнаем все тайны минувшего. Напрасно!

Главные тайны вообще бумаге не доверяют. Поэтому хотим предупредить, что все вышесказанное о Тухачевском — это логические рассуждения, основанные на имеющихся фактах и историческом опыте. В завершение этой темы постараемся понять, что могло быть, чего не могло и почему все именно так получилось...

Нам совершенно неинтересно, что делал бы Наполеон Бонапарт, живи он в какое-то иное время — допустим, при «короле-солнце» Людовике XIV, правившем Францией с 1643 по 1715 год и превратившем ее в самое сильное из государств Европы. Ну, отличился бы он в нескольких сражениях, дослужился до генерала, пополнив своей фамилией тот список имен, которые должны заучивать французские школьники, — и все. Но не было бы ни империи, ни Триумфальной арки на площади Этуаль, ни гробницы в Доме инвалидов... И ведь сколько таких наполеонов, появившихся не в свое, скажем так, время, всю жизнь прозябали в гарнизонах Валанса или Суассона?

История распорядилась так, что он появился на ее сцене тогда, когда «лодка», именуемая Францией, оказалась уже предельно раскачена — и Бонапарт сумел встать у ее руля. Он не свергал короля, не шел в первой революционной шеренге. Зато, вознесенный революцией, он появился в период кризиса, спас Францию сначала от внешних врагов, потом — от мятежников, затем на штыках своих

солдат понес революционные лозунги в Италию, завоевал известность, популярность, славу и пришел к власти в ноябре 1799 года, на десятом году революции.

Повезло со временем рождения и Тухачевскому. В 1914 году он окончил московское Александровское военное училище — в питерское Павловское ему поступить не удалось. Продолжать службу Тухачевский мечтал в гвардии: Петербург, императорский двор, стремительная карьера. В гвардии начинали службу подавляющее большинство русских генералов. Но эта служба требовала известного состояния и основательных связей, а ничего этого у него не было... К тому же в русской армии было принято, что непосредственно в гвардию распределялись только выпускники Пажеского корпуса и Николаевского кавалерийского училища, а прочим приходилось надевать армейские эполеты и некоторое время считаться прикомандированными к полку...

Однако с началом Первой мировой войны все стало по-иному. Белоэмигрант, офицер и писатель Роман Борисович Гуль в книге «Красные маршалы» — одна из ее глав посвящена Тухачевскому, которого он знал еще юнкером, — пишет так: «На помощь переходящему в манию, нечеловеческому честолюбию... фельдфебеля пришла сама история: выстрелил Принцип». Вот и получилось, что в результате убийства в Сараево Михаил Николаевич был выпущен в лейб-гвардии Семеновский, а не какой-нибудь там 486-й Верхнемедведицкий пехотный полк. Поэтому даже потом, в «стане революции», заполненном армейскими прапорщиками, он явился заметной фигурой! Ведь почти все гвардейцы оказались на «белой» стороне...

Кстати, о традициях. В одной из телепередач не без одобрительного сочувствия говорилось, как Тухачевский, ловко обманув немцев, бежал из плена. Они-то, дураки, поверили его честному слову, а он пошел из лагеря «в увольнение» и убежал... Тогда, правда, пострадал какой-

то другой военнопленный, остававшийся в качестве заложника, но это уже детали. Тухачевский оказался на свободе...

Факт побега стоит запомнить, как важный штрих к портрету будущего «красного маршала». Биографию Михаила Николаевича мы пересказывать не будем, равно как и не станем ни отрицать, ни оспаривать его заслуг. Гражданская война и последующие события имели свою особенную логику, которую не понять с позиций сегодняшнего дня, а к толпе бездумных разрушителей памятников и легкомысленных ниспровергателей авторитетов мы не принадлежим. Поэтому речь сейчас идет совершенно о другом.

А именно: мог ли в 1930-е годы возникнуть в стране военный заговор? Ответ однозначно утвердительный: мог. Но это совсем не значит, что мы на все сто процентов уверены в наличии такового. К тому же мы категорически отрицаем возможность так называемого «военно-фашистского заговора».

Итак, несколько перефразировав, повторю сказанное ранее: «лодка», именуемая Россией, казалась предельно раскаченной... Достаточно перечислить «Шахтинский процесс» 1928 года, дело «Промпартии» 1930-го, «Процесс меньшевиков» 1931-го, убийство Кирова в 1934-м, процесс над Л. Б. Каменевым и Г. Е. Зиновьевым в 1936-м... Создается впечатление, что в стране существовала мощная оппозиция, власть большевиков находилась под угрозой.

Сейчас любят рассуждать, что все понимали суть сфальсифицированных обвинений. Однако наш народ издавна привык слепо верить «официозу» и, несмотря ни на что, любить своих вождей... Поэтому, думаю, большинство как раз и верило.

Вот, кстати, реакция на осуждение Каменева и Зиновьева представителей руководства страны: «Что расстреляли собак — страшно рад», — писал К. Е. Ворошилову

Н. И. Бухарин. А В. А. Антонов-Овсеенко пошел еще дальше, выразив в письме к Л. М. Кагановичу готовность «выполнить любое поручение партии» в отношении Каменева и Зиновьева. Читай — самолично привести приговор в исполнение...

К этой мнимой или реальной политической нестабильности следует добавить «революционную традицию» — то, что «процесс пошел» еще в 1917 году. Известно ведь, что труднее всего сделать первый шаг, а дальше гораздо легче. Вспомним российский XVIII век, вошедший в историю «эпохой дворцовых переворотов», когда государи дважды поднимались на окровавленный трон, а законный император Иоанн VI 23 года (!) отсидел в тюрьме... Уверены, это было бы невозможно, если бы не убийство царевича Алексея Петровича. Не только потому, что он наследовал бы престол после отца, но и потому, что тогда впервые стала очевидной возможность пролития царской крови. А ведь революции и перевороты рождают в честолюбивых сердцах соблазн: почему не я, почему не мне, чем я хуже?

«Мы все глядим в Наполеоны», — сказал Александр Сергеевич Пушкин. Русское офицерство, в большинстве своем состоявшее из людей небогатых и незнатных. Наполеона очень даже любило — как символ, перспективу, мечту. Мгновенный взлет через боевые подвиги на самую вершину власти. Кто бы отказался?

«Наполеоновский комплекс» жил и в душе Тухачевского. Уверен, что и он, и люди, к нему близкие, не отказались бы взлететь на вершину «кремлевского олимпа». Впрочем, видимо, не они одни — многие в стране считали себя способными сменить Сталина, который в ту пору отнюдь не пользовался таким авторитетом и уважением, как после войны... Тем более что был он не «божий помазанник», а, говоря по-большевистски, «первый среди равных». Вчера Ленин, сегодня Сталин, кто завтра? И кто еще сможет в этой ипостаси принести большую пользу?

Сталин, методически уничтожающий своих политических противников, или некий герой Гражданской войны?

Предположим, что Тухачевский действительно претендовал на место вождя. Что именно мог бы он сделать для достижения своей цели? В приговоре, вынесенном Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР от 11 июня 1937 года, предлагается такой вариант: *Михаил Николаевич и другие подсудимые, «являясь руководителями антисоветской военно-фашистской организации, нарушили свой воинский долг (присягу), изменили Родине, установили связь с военными кругами Германии и с врагом народа Троцким, по их указанию готовили поражение Красной армии в случае нападения на СССР иностранных агрессоров — в частности фашистской Германии, и в целях подрыва обороноспособности СССР занимались шпионажем и вредительством в частях РККА и на предприятиях оборонного значения».*

Простая логическая оценка показывает, что эти утверждения не стоят выеденного яйца. Прежде всего, честолюбивый маршал вряд ли взялся бы добывать власть для Троцкого. Да, Лев Давидович когда-то ему патронировал, помог сделать карьеру... Теперь же он фактически никто, а мертвый медведь, как известно, в лесу не хозяин... Вообще, во имя чего рисковать? Чтобы отдать Троцкому первый пост в государстве, а самому сделаться военным министром? Так это могло прийти и от товарища Сталина. Вождь, как явствует из некоторых документов, относился к Михаилу Николаевичу тепло...

Второй момент — подготовка поражения Красной армии. Категорически невозможно! Если бы Бонапарт попытался прийти к власти во Франции, опираясь на английские или любые иные чужеземные штыки, то он никогда бы не стал великим Наполеоном. Это была бы марионетка, имя которой давным-давно позабылось бы, или предатель национальных интересов — типа позднейшего Петена.

Знал Тухачевский и то, что в России любое иноземное нашествие (под какими бы лозунгами ни шли агрессоры) вызывает всенародный отпор и ведет к консолидации общества. Нет, вряд ли Тухачевского могла увлечь такая перспектива.

Не выдерживает никакой критики и утверждение про «шпионаж и вредительство в частях РККА». Основной силой и гарантом военного переворота является армия — какой же дурак будет рубить сук, на котором сидит? Наоборот, чтобы взять власть в свои руки, Тухачевский должен был укреплять армию, при этом как можно больше подчиняя ее себе.

История свидетельствует, что чем слабее правитель, тем хуже он относится к армии, тем больше боится военачальников и считает войско главной для себя угрозой... А сильный и мудрый правитель видит в вооруженных силах главный гарант независимости государства. «Хочешь мира — готовься к войне», — говорили древние. А император Александр III, завещавший сыну, что «у России есть лишь два верных союзника — ее армия и ее флот», вошел в историю под именем царя-миротворца.

Так что тем путем, что предлагает приговор Специального судебного присутствия, Тухачевский пойти не мог. Тогда каким же? Впрочем, и пошел ли? Сегодня этого не знает никто. И вот почему...

Декабрист П. И. Пестель написал «Русскую правду», а декабрист Н. М. Муравьев — «Конституцию»... Они, как и их единомышленники, мечтали о коренном переустройстве российского общества. Спустя сто с лишним лет ни Тухачевский, ни другие наши военачальники к переустройству общества не стремились. Им не было нужды вновь возвращать власть капиталистам и помещикам, их вполне устраивал социализм со всеми его возможностями — как для народа, так и для высшей военной номенклатуры. К тому же их запросы не шли ни в какое сравнение

с аппетитами сегодняшних нуворишей... Так что искать в архивах планы государственного переустройства СССР не имеет никакого смысла.

Ну а планы самого переворота? Они-то были? Думаю, что тоже нет. Опыт Октябрьской революции свидетельствовал, что после победы в столице в действие вступил «принцип домино» — и советская власть на местах установилась как бы сама собой. В СССР было еще легче: один портрет на стене в кабинете секретаря обкома заменить на другой. И все.

К тому же в этом случае нужен был бы не ленинский план 1917 года со взятием банков, вокзалов и Центрального телеграфа, а паленский 1801-го — с ударом по виску табакеркой и шарфом на шею... «Государь Иосиф Виссарионович скончался! Ура государю!..» Вот и весь переворот. Разве что на всякий случай нужно арестовать наркома внутренних дел Ежова, наркома обороны Ворошилова и еще кого-то...

Не имело смысла и составлять списки заговорщиков. Ведь в заговор — если он существовал — вошли прекрасно друг другу известные военачальники примерно одного ранга. Это были заместители наркома, командующие войсками Белорусского и Киевского округов, начальник академии — люди зрелые, прошедшие Гражданскую войну. Среди них не было юных офицериков, к вечеру обалдевающих от своей смелости, а поутру бегущих каяться; не было неудачников, смертельно завидующих удачникам; не было беспринципных карьеристов, любым путем стремящихся подняться повыше — каждый фактически достиг «потолка»... В общем, если заговор действительно был и ограничивался кругом восьми высших военачальников, то это был идеальный заговор, и раскрыть его можно было только в случае прямого предательства одного из них.

Судя по тому, каких «собак» в процессе следствия и суда вешали друг на друга герои Гражданской войны, так,

очевидно, и произошло... Ведь комбриг Медведев, который, как утверждается, вывел на след «заговорщиков», был осужден вместе с ними.

Тут можно возразить, что агентурная разработка Тухачевского была начата еще в 1920-е годы. Что ж, скорее всего, в качестве агентов выступали люди ближайшего окружения — шоферы, адъютанты, официантки, уборщицы... Однако каждому военному человеку известно элементарное правило не вести служебных разговоров при посторонних. Это входит в привычку, и военачальник без всякой задней мысли прервет любой разговор на то время, пока убирают его кабинет или приносят почту...

Но, может, сохранились хотя бы планы переворота? Документально известно, что Тухачевский ратовал за создание сильной армии. А силу армии не в последнюю очередь определяют ее дисциплинированность и управляемость. Каждый солдат, офицер, генерал должен быть готов, не задумываясь, выполнить любой приказ. И если солдата посылают в атаку — он должен идти вперед, даже понимая, что идет на верную смерть.

Именно эта готовность выполнить приказ командира и вызывала в разные времена опасения советского руководства! У армии — свои законы, чего, порой, не понять некоторым гражданским людям и отчего они инстинктивно боятся армии и военных...

Логически «сценарий» переворота мог быть таков: несколько групп военнослужащих получают приказ в такое-то время прибыть в назначенные места, в случае необходимости нейтрализовав там охрану. Затем им передают приказ арестовать и доставить в Наркомат обороны такого-то. Приказы, разумеется, выполняются неукоснительно — и очередная страница истории государства Российского перевернута... Такова логическая выкладка.

Но, к сожалению, даже на самом высоком уровне историю у нас знают из рук вон плохо. Между тем в России не

произошло ни одного военного переворота! Да, претенденты на престол опирались на штыки гвардии, но ни один военачальник (как, например, генерал Бонапарт) путем переворота к власти не пришел. Когда Суворову, весьма обиженному на Павла, предложили свергнуть императора, он отказался с негодованием.

Документов, кроме «признательных» показаний участников «военно-фашистского заговора», не осталось. Признаниям же заговорщиков доверять рискованно. Еще опыт следствия по делу декабристов свидетельствует, что они показывают именно то, что нужно властям предерживающим, а совсем не то, что было на самом деле. Знать правду бывает невыгодно не только подследственным, но и следователям.

Один из следователей НКВД, позднее арестованный за «незаконные методы», сообщал: *«Лично я видел Тухачевского, которого вели на допрос к Леплевскому, одет он был в прекрасный серый штатский костюм, а поверх него был надет арестантский армяк из шинельного сукна, а на ногах — лапти. Как я понял, такой костюм на Тухачевского был надет, чтобы унижить его».*

Унизить его или в его лице унижить всю армию? Ту армию, которую так боялось тогда руководство? Недалом же вскоре прокатилась по РККА мощнейшая волна репрессий, и, выступая на заседании Военного совета при наркомате обороны 29 ноября 1938 года, К. Е. Ворошилов с гордостью заявил: «Весь 1937–1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды».

...На место репрессированных в армию, разведку и контрразведку пришли скороспелые «выдвиженцы 1937 года». Может быть, в этом одна из причин того, что первый период Великой Отечественной войны был «провален»?

ЧАСТЬ 2

Великая война

СЛУЧАЙ ПОД МЦЕНСКОМ

Чем дальше от нас события Второй мировой войны, чем меньше остается с нами участников тех великих событий, тем больше появляется возможностей для исторических фальсификаций, искажений и домыслов. Об этом — разговор с Арсеном Мартиросяном.

— Арсен Беникович, о контактах американцев с гитлеровцами весной 1945-го большинство наших соотечественников узнало из фильма «Семнадцать мгновений весны». А потом вдруг заговорили, что еще в 1941–1943 годах имели место тайные контакты советских представителей с доверенными людьми Гитлера относительно возможности заключения сепаратного мира между СССР и нацистской Германией. Делаются даже ссылки на копии сохранившихся документов...

— Такой миф о тайных переговорах появился в конце XX века. К глубокому сожалению, к его распространению сумели привлечь уважаемого в нашей стране человека, фронтовика, ставшего известным писателем. Суть мифа в следующем. Якобы по указанию Сталина первый заместитель наркома внутренних дел Меркулов 20 февраля 1942 года провел в городе Мценске тайную встречу с представителями германских спецслужб, где обсуждались вопросы установления сепаратного перемирия, а затем

и заключения сепаратного мира между СССР и гитлеровской Германией и даже совместной борьбы с США и Англией.

— *Вы полностью исключаете такую возможность?*

— В двух своих книгах «22 июня. Правда генералиссимуса» и «Трагедия 22 июня: блицкриг или измена. Правда Сталина» я постарался самым детальнейшим образом проанализировать этот миф. Кстати говоря, аналогичную работу провел и признанный ас публицистики Владимир Сергеевич Бушин...

— *Но ведь сторонники, как вы говорите, мифа ссылаются на авторитетный источник...*

— На авторитетный? Разве можно назвать таковым одну ущербную газетку? Рожденная этим изданием фальшивка стала гулять по информационному пространству, звучать и по радио, и по телевидению. Повторюсь, что, к глубокому сожалению, какие-то силы сумели вовлечь в свою акцию даже пожилого писателя-фронтовика.

— *Но ведь писатель утверждал, что он самолично ознакомился с документами по данной теме...*

— Да, в июне 2007 года он так сказал обозревателю газеты «Комсомольская правда»: «Это было еще при СССР, в тот период, когда я готовил к первому изданию своего «Генералиссимуса». Я был тогда членом ЦК КПСС и имел доступ к секретным документам. Попросил показать мне кабинет Сталина в Кремле и хранившийся там архив. Во время работы в архиве смотрел описи хранившихся в нем документов. Тогда и обнаружил материалы, относящиеся к Мценску. <...> Там были сургучные печати, подписи...»

— *Вы хотите сказать, что все это, мягко говоря, придумано?*

— К сожалению. Начнем с того, что подготовка книги к изданию шла уже после распада СССР. А во времена Советского Союза «рядовой член ЦК», скажем так, не имел права допуска к документам особой важности, к которым

по определению должны относиться документы о сверхтайных переговорах. К тому, что относилось к материалам «Особой папки Политбюро», без специального разрешения Генерального секретаря не могли приблизиться даже члены Политбюро!

— *Согласитесь, я должен верить вам на слово...*

— Далее писатель утверждает, что смотрел в архиве описи документов, там были сургучные печати и подписи — все якобы чин чином. Но на описях документов в архивных делах сургучные печати не ставят! Их ставили только на специальных конвертах — тех самых, в которых фельдъегерской связью перевозятся секретные и особо секретные документы. И подписи на описях не ставили тоже. Подписи могут быть только на листе учета лиц, ознакомившихся с тем или иным архивным делом. Вы работали в архивах, знаете...

— *Но все-таки могли быть какие-то контакты с нацистскими представителями во время войны? Ведь Судоплатов в своих воспоминаниях...*

— Если вы имеете в виду лето 1941-го, то по поручению Сталина Лаврентий Берия через Судоплатова имел контакты с агентом советской разведки — послом царской Болгарии в СССР Стаменовым. Но это были не переговоры, а попытка через каналы болгарской дипломатии довести до сведения Гитлера, что если он посмеет применить на Восточном фронте химическое оружие, к чему в июле 1941-го нацисты уже были готовы, то советская дальняя авиация зальет рейх отравляющими веществами. Это была попытка устрашения нацистского руководства и только.

— *Вернемся все же к Мценску. Что говорят на эту тему представители архивов?*

— Архивисты отрицают наличие каких-либо документов, подтверждающих переговоры в Мценске. В вышеупомянутом номере «Комсомолки» опубликовано интервью с директором Российского государственного архива

социально-политической истории Кириллом Андерсоном, который без обиняков, в самой категоричной форме заявил: «Таких материалов нет. Мы сто раз проверяли». Более того, на вопрос, что он думает о тех материалах, которые приводятся в книге «Генералиссимус», глава архива категорично ответил: «Это липа!»

— *Я думаю, писателю известна такая точка зрения?*

— О том, что это фальшивка, ему говорили очень многие авторитетные лица. Но при очередном издании книги он, по-прежнему приводя фальшивые документы, снял только все подписи под ними. Кстати, именно подписи более всего и свидетельствовали, что это фальшивка.

— *Можно вспомнить, что недавно в обиход введена еще одна фальшивка, которую относят к событиям 1938 года...*

— Вы имеете в виду миф о том, что 11 ноября 1938 года Сталин санкционировал Берии заключение тайного соглашения с гестапо? Это откровенная фальшивка, рассчитанная на массового читателя, незнакомого с историей и структурой спецслужб. Подробно говорить на эту тему не буду, интересующиеся могут почитать об этом в моих книгах. Обращу внимание только на несколько ляпов. Поражает безграмотность фальсификаторов, перемудривших с названиями учреждений и должностью подписанта с германской стороны. В «шапке» так называемого генерального соглашения он указан как «Главное управление безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии (гестапо)». Осмелюсь заметить, что службы с таким названием просто не было.

— *Ну да, конкретно в то время существовало Главное управление безопасности рейхсфюрера СС...*

— А «подписант» — легендарный после «Семнадцати мгновений весны» «папаша Мюллер» — по состоянию на 11 ноября 1938 года не являлся начальником 4-го управления, потому как гестапо стало 4-м управлением

только 27 сентября 1939 года, когда было учреждено РСХА — Reichssicherheitshauptamt — Главное управление имперской безопасности.

— *А как же документ снабжен подлинными подписями Лаврентия Павловича Берии и того же Мюллера?*

— Думаете, так трудно подделать? Подпись Берии не есть что-либо сверхсекретное, в архивах тысячи документов с его автографами. И вот что интересно: за пример для подделки фальсификаторы взяли подпись Берии как минимум образца 1944 года. Можно сравнить! К подписи Мюллера тоже есть вопросы. Хотя мне пока не удалось разыскать не вызывающих сомнения образцов его подлинной подписи конца 1930-х годов, но одно могу сказать совершенно определенно: подпись Мюллера подделывал именно русскоязычный умелец. Потому что начальная буква фамилии Мюллер — М — написана в русском стиле. Как, впрочем, и первая буква имени Генрих — Н. Немцы не пишут букву Н с большого разбега. Над второй буквой в фамилии Мюллер на немецком языке — над латинской буквой u — не поставлен умляут (две точки). Ни один мало-мальски грамотный немец не допустит такой ошибки.

— *Да, действительно, заметно...*

— Обращу ваше внимание и на то, что в соответствии с издавна установившимися в международной договорной практике правилами, применявшимися и в те времена, прежде всего указывается, что такой-то документ составлен (а не отпечатан!) в стольких-то экземплярах и на таких-то языках. Анекдотично указание на то, что-де «отпечатано на русском и немецком языках в единственном экземпляре»! Анекдотично и упоминание того, что-де документ еще и «прошнурован»!

— *А как должно быть написано?*

— В соответствии с нормальной договорной практикой должно было быть указано как минимум следующее:

«Составлено в двух экземплярах, на немецком и русском языках, в Москве 11 ноября 1938 года». Именно в такой последовательности, что есть непрменный элемент обязательной протокольной вежливости принимающей стороны по отношению к иностранной. Как наиболее оптимальный вариант: «Настоящее соглашение составлено в двух оригиналах, на немецком и русском языках, каждый из которых аутентичен, в Москве 11 ноября 1938 года». Нормальной формулировкой — «составлено в двух оригиналах на немецком и русском языках» — завершился, кстати, Договор о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года.

— *Насколько я знаю, у историков вызывает сомнение и сама дата подписания документа — 11 ноября 1938 года...*

— А вы вспомните, что происходило в то самое время. Начнем с того, что 24 июня 1938 года истек пролонгированный срок действия Договора о нейтралитете и ненападении между СССР и Германией от 24 апреля 1926 года. За 42 дня до якобы даты подписания соглашения между НКВД и гестапо была совершена грязная сделка Запада с Гитлером, более известная из истории как Мюнхенская, против которой со всей решительностью протестовал Советский Союз. В том же 1938 году в СССР позакрывали все германские консульства, оставив только консульский отдел в посольстве в Москве. И в таких условиях Сталин пошел на сотрудничество между спецслужбами двух государств?

— *Нелогично, мягко говоря.*

— Теперь вспомните, что в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года в Третьем рейхе была проведена кровавая операция «Красный петух», более известная в мировой истории как «Хрустальная ночь». Произошли массовые антиеврейские погромы в нацистской Германии, устроенные нацистскими главарями в отместку за убийство ев-

рейским семнадцатилетним юношей из Польши третьего секретаря германского посольства в Париже Эрнста фон Рата. Этой гнусной операцией руководил непосредственно Генрих Мюллер.

— *И сразу после этого — на встречу с Берией? Опять-таки нелогично...*

— Конечно же, нет! 10 и 11 ноября вместе с начальником Главного управления полиции безопасности и СД группенфюрером СС Райнхардом Гейдрихом Мюллер подводил итоги этой кровавой операции. Соответственно, в указанный день он физически не мог находиться в Москве. У него и в Берлине хватало забот... Да и чтобы Сталин на следующий же день после прогремевших на весь мир антиеврейских погромов открыто солидаризировался с нацистами на уровне спецслужб? Да еще и на грязной стезе юдофобии, чем Сталин вообще не страдал! Уж на что ярые антисталинисты известные исследователи братья Жорес и Рой Медведевы, но и они в один голос твердят, что подобного за Сталиным не числилось!

Специально занимавшийся данной проблемой Жорес Медведев даже издал книгу «Сталин и еврейский вопрос» и как человек, глубоко изучивший проблему, совершенно однозначно и категорически заявил в одном из интервью: «Ни антисемитом, ни тем более юдофобом Сталин не был. <...> У Сталина этого не было. Нет ни одного высказывания ни в официальных его выступлениях, ни в архивных документах, которое можно было бы процитировать как антисемитское».

— *Некоторые исследователи указывают, что еще на заре советской власти в нашей стране также проводились исследования в области евгеники...*

— В СССР, тем более в конце 1930-х годов, никто не занимался надуманными проблемами «оздоровления» белой расы и создания евгенических механизмов расовой гигиены. Тогда за это запросто можно было схлопотать как

минимум «четвертак», то есть 25 лет колымских лагерей усиленного режима или, что было бы еще более уместно и справедливо, «высшую меру» за разжигание межнациональной розни в особо тяжких формах. Во времена Сталина с этим не церемонились.

***Наша справка.** Термин «евгеника» (от греч. *eigenes* — хорошего рода) впервые предложил английский ученый Фрэнсис Гальтон во второй половине XIX века для обозначения научной и практической деятельности по выведению улучшенных сортов культурных растений и пород домашних животных. Под евгеникой в науке стало пониматься учение о наследственном здоровье человека и путях улучшения его наследственных свойств. В последующем исследования в этой области стали использовать расисты для попыток обоснования неполноценности отдельных рас и народов и оправдания национальной дискриминации.*

— Извините, я спросил не об «оздоровлении», а о занятиях наукой как таковой...

— Действительно, такие занятия были: воспользовавшись революционным разгулом, в Институте экспериментальной биологии еще в 1920 году создали отдел, который назывался «Российское евгеническое общество». Общество было создано под эгидой народного комиссара здравоохранения Семашко. А в 1921 году профессором Петроградского университета Козловым и в рамках Академии наук было создано Бюро евгеники. Близкими проблемами занимался также и специально организованный в начале 1920-х годов Институт крови.

— Скажите, а эти разработки никак не пересекались с исследованием германских ученых?

— Нет, во-первых, все эти образования возникли задолго до воцарения нацистского расизма в гитлеровской Германии. Во-вторых, по мере становления советской науки и перехода к державно осмысленным научным изысканиям все это околонуучное мракобесие было прикрито — причем не без участия органов госбезопасности,

поскольку многие исследования носили явно расистский характер, вступающий в резкое противоречие с Конституцией СССР, провозгласившей полное и абсолютное равноправие всех народов Советского Союза! К середине 1930-х годов подобные исследования были прикрыты полностью, наиболее ретивых, склонных заниматься научным расизмом ученых «расфасовали» по «медвежьим углам» необъятного ГУЛАГа, а кое-кого и вовсе к стенке поставили.

— *Кстати, Арсений Беникович, за что убили упомянутого вами третьего секретаря германского посольства в Париже?*

— Как чаще всего бывает при совершении террористических актов, Эрнст фон Рат оказался без вины виноватым...

— *Что явилось поводом для этого демонстративного убийства?*

— В марте 1938 года, после аншлюса Австрии, польское правительство объявило недействительными паспорта всех польских граждан, если они не были в Польше более пяти лет, — чиновники боялись, что 20 тысяч евреев, имевших польское гражданство и живших в Австрии, ринутся обратно. В соответствии с этим решением всякий владелец «просроченного» паспорта должен был для въезда в страну получить отметку в консульстве Польши. Это решение коснулось и 50 тысяч польских евреев, десятилетиями живших в Германии, теперь большинство этих людей должны были остаться вообще без гражданства.

— *Какой смысл имели эти решения?*

— Вы знаете, что юдофобия в Польше в 1938–1939 годах превышала зоологический антисемитизм в нацистской Германии со всеми ее так называемыми нюрнбергскими законами о расовой чистоте и массовыми юдофобскими выходками штурмовиков? Даже американский историк

Хогган вынужден был признать в 1960 году, что до начала Второй мировой войны обращение с евреями в Германии было более мягким, чем в Польше. Если до 8 ноября 1938 года из Польши бежали 600 тысяч евреев, то из Германии за то же время, то есть с 30 января 1933-го по 8 ноября 1938 года, — 170 тысяч. Многие исследователи совершенно справедливо считают, что царившая в те годы в Польше юдофобия еще должна получить соответствующую оценку...

— *Что же из всего этого в итоге получилось?*

— Общая численность подпадавших под действие этого закона польских евреев составила 70 тысяч человек. Нацистское руководство в Берлине лишилось возможности выдвинуть выходцев из Польши на их бывшую родину, так как они, по мнению Варшавы, уже не были польскими гражданами. Польско-германские переговоры ни к чему не привели, польские власти решительно отказывались признать этих людей своими гражданами.

В соответствии с приказом Гейдриха германская полиция арестовала тогда от 17 до 18 тысяч польских евреев и поездами доставила их к польской границе. Далее на границе стали разыгрываться отвратительные сцены, когда обе стороны хотели избавиться от этих несчастных — и опять-таки, как свидетельствуют зарубежные источники, по цинизму и бесчеловечности польские чиновники далеко превосходили гитлеровских.

По одной из версий, та группа польских евреев, которую эсэсовцы в ночь с 28 на 29 октября вынудили под дулом винтовок перейти на территорию Польши, попала под пулеметный огонь польских пограничников. Когда же, спасаясь от обстрела поляков, беглецы бросились назад, то попали под огонь уже германских пограничников. Среди этих людей была и семья Гриншпанов, или Грюншпанов, 17-летний сын которых — Гершель — учился в Париже.

— *Что это за семья?*

— Самая заурядная, поэтому относительно нее сохранилась весьма противоречивая информация. Одни утверждают, что в ходе обстрела погиб отец Гершеля — портной, проживавший в Ганновере с 1911 года. Другие указывают, что юноша получил от сестры открытку с описанием мытарств, которые его семья испытывала на границе. Значительная часть депортируемых лиц оказалась, в конце концов, в приграничном польском селении Збонцин, где содержалась в крайне тяжелых условиях...

Узнав о трагедии, психически неуравновешенный Гершель решил отомстить. 3 ноября 1938 года он пять раз выстрелил в третьего секретаря германского посольства в Париже Эрнста фон Рата и смертельно ранил его. По иронии судьбы Эрнст фон Рат, как и его отец, был убежденным противником преследований евреев. Шеф нацистской пропаганды Йозеф Геббельс преподнес этот трагический случай как якобы свидетельство мирового заговора евреев против Германии. В Берлине весьма ловко обыграли тогда факт неединичности такого убийства. Еще 4 февраля 1936 года венгерский (по другим данным — югославский) студент Давид Франкфуртер убил в швейцарском Давосе руководителя местной организации НСДАП Вильгельма Густлоффа.

— *Так Геббельс...*

— 9 ноября 1938 года на традиционном сборище в Мюнхене в честь очередной годовщины «Пивного путча» он, лучший после Гитлера оратор в Третьем рейхе, произнес подстрекательскую речь. И в тот же вечер в Германии начался заранее спланированный чудовищный антиеврейский погром, вошедший в историю под названием «Хрустальная ночь».

— *Да, в этой ситуации Сталин вряд ли пошел бы на заключение соглашения с нацистской спецслужбой, к тому же после Мюнхенского соглашения Гитлера с премьер-*

министрами Великобритании и Франции. Зачем же авторы фальшивки приурочили ее к ноябрю 1938-го?

— Думаю, главная цель фальшивки заключается в попытке спровоцировать сегодня зарождение в массовом сознании крайне ложного впечатления о том, что, пойдя на подписание соглашения с гестапо, Советский Союз тем самым тихо одобрил грязную мюнхенскую сделку Запада с Гитлером. Сделку, в результате которой Чехословакия была отдана на растерзание не только гитлеровцам, но и Польше, оккупировавшей ее Тешинскую область, где на тот момент проживали 156 тысяч чехов и всего 77 тысяч поляков.

— *Ну что ж, с 1938 годом ясно, а все-таки что происходило в Мценске в 1942-м? Не бывает ведь дыма без огня. Может, какой-то зондаж там проводился? У дипломатии ведь всегда есть скрытая от посторонних глаз «подводная часть»...*

— С Мценском связана другая история, но к якобы имевшим место переговорам с нацистами она не относится. Еще раз подчеркиваю: после Московского контрнаступления Сталин в тайные переговоры с Третьим рейхом не вступал. Это подлый миф, цель которого — дискредитировать внешнюю политику СССР в тот период. Таково не только мое мнение — рекомендую всем интересующимся прочитать книгу «Провокации против России» генерал-полковника Николая Федоровича Червова. Автор совершенно обоснованно называет этот опус безграмотной фальшивкой, потому как даже само место — Мценск — было непригодно для переговоров: город в то время находился на переднем крае, и на его окраине велись бои. Во всяком случае, мне документы на сей счет неизвестны.

Наша справка. *Существуют некоторые свидетельства, которые ставят под сомнение эту точку зрения. Генерал армии М. А. Гареев, в 1980-е годы занимавший должность начальника Военно-научного управления Генштаба, вспоминает: «В годы*

перестройки в СМИ был поднят большой шум по поводу этих якобы состоявшихся переговоров (в Мценске. — Авт.). В связи с этим на одном из совещаний у начальника Генштаба в начале 1987 года мной было высказано предложение: давайте не для печати, а хотя бы для себя разберемся, был такой факт или нет? Меня поддержали другие заместители начальника Генштаба. Маршал Сергей Федорович Ахромеев дал задание начальнику ГРУ: в течение двух месяцев разобраться и доложить. Генерал Ивахутин через некоторое время доложил, что инициатива этих переговоров исходила от германской стороны, записку об условиях переговоров писал Берия. Не думаю, чтобы Петр Иванович что-то скрывал от руководства Генштаба, поскольку разговор происходил в узком кругу».

— Но ведь известны вроде бы подписанные Сталиным инструкции участнику переговоров с советской стороны — первому заместителю наркома внутренних дел СССР Всеволоду Николаевичу Меркулову?

— Подлинность подписи Сталина под этим «документом» вызывает большие сомнения. Она сильно смахивает на механическую, то есть без соответствующих собственноручной подписи признаков — у Сталина она размашистая. Можно вспомнить, что до наших дней сохранился неизвестно кем контролируемый резиновый штамп с факсимильной подписью Сталина, который использовался для проставления его подписи в протоколах Политбюро в тех случаях, когда вождь не присутствовал на том или ином заседании.

— Он что, был изготовлен в единственном экземпляре?

— Да, на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 февраля 1951 года, когда Сталин был уже в преклонном возрасте и не всегда мог участвовать в заседаниях высших органов власти. Этот резиновый штамп имеет очень малый формат подписи Сталина, чтобы его было удобно ставить под протоколами Политбюро, а также на опросных листах для членов ПБ. Требовалось, чтобы подпись Сталина влезала в строчку. Такой малый формат подписи

мы и видим на фальшивке 1938 года. Кстати, резиновый штамп, изготовленный в 1951 году, а также подлинник решения Политбюро, в соответствии с которым он был изготовлен, экспонировались в 2003 году в Москве на выставке «1953 год. Между прошлым и будущим».

— Скажу, с точки зрения читателя, что смущает и время проведения переговоров — февраль 1942 года: вермахт отбросили от Москвы, наша армия почувствовала, что считавшиеся до этого непобедимыми немецкие войска можно громить...

— Вы это правильно заметили. Тогда завершалась великая битва под Москвой. Немцы отступали, неся огромные потери. Стратегическая инициатива была на стороне Советского Союза, блицкриг провалился. Как показал позднее на Нюрнбергском процессе генерал-полковник Альфред Йодль: «Гитлеру стало ясно, начиная с того момента, как зимой 1941–1942 годов разразилась катастрофа, что ни о какой победе не может быть и речи». Именно тогда под давлением обстоятельств правительства Англии и США оказались вынужденными дать обязательство открыть второй фронт в 1942 году. Завершалось юридическое оформление военного союза СССР, США и Англии. Сталин и Черчилль еще летом 1941 года договорились о том, чтобы не идти на сепаратные переговоры с Германией — по инициативе Сталина в соглашении от 12 июля было записано, что «они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия».

* * *

Российский исследователь Николай Добруха еще в 2006 году выступил с сенсационным по сути утверждением, что осенью 1941-го Гитлер хотел замирился со Сталиным. По его словам, существуют «потрясающие факты, о которых до сих пор знают только «избранные».

Это прежде всего мало кому известное, хранящееся в секретном историческом отделе Министерства армии США в Вашингтоне признание начальника Генерального штаба гитлеровской Германии Гальдера, который после обсуждения с фюрером оперативной обстановки на Восточном фронте записал в своем дневнике, что уже 19 ноября 1941 года Гитлер, казалось, уже положивший Россию на лопатки, вдруг вынужден был предложить своему окружению идею «переговоров для заключения перемирия» со Сталиным во избежание неотвратно надвигавшегося под Москвой разгрома главных немецких сил».

К сожалению, Н. Добюха не дает ссылки на источник своей информации. В опубликованном в нашей стране еще в советский период «Военном дневнике» начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Франца Гальдера упоминания об этом высказывании Гитлера нет. В дневнике есть только запись о том, что 19 ноября 1941 года, на 151-й день войны, в 13.00 Гальдер был на докладе у Гитлера. Внимания заслуживает следующий фрагмент записи: «Разговор на политические темы. Фюрер очень высоко оценивает политическое значение наших успехов в России, которые он считает невиданным достижением. Он полагает, что в результате потери важнейших источников сырья, в особенности угольного бассейна, военный потенциал русских значительно снизился, и в военно-экономическом отношении они не смогут быстро встать на ноги...

Фюрер очень доволен отставкой Вейгана во Франции (представитель коллаборационистского французского правительства в Северной Африке генерал Максим Вейган пытался противостоять влиянию Германии в африканских колониях Франции. — *Авт.*). В целом можно ожидать, что обе враждующие группы стран, не будучи в состоянии уничтожить одна другую, придут к компромиссному соглашению».

Включал ли Гитлер СССР в одну из «враждующих групп стран», сказать однозначно трудно.

А вот запись Гальдера от 24 ноября 1941 года: «Подполковник Кальден (офицер связи при штабе 2-й танковой армии) доложил об обстановке и состоянии войск армии. Командование армии намеревается наступать на Тулу, которую оно рассматривает как базу для расквартирования своих войск на зиму. Наступать дальше командование армии считает невозможным. Командование армии намерено создать у себя перед фронтом зону разрушений и полосу заграждений и надеется перезимовать под их прикрытием. Поэтому оно против мысли о дальнейшем наступлении.

Генерал-полковник Фромм (командующий армией резерва генерал-полковник Фридрих Фромм. — *Авт.*) обрисовал общее военно-экономическое положение. Падающая кривая! Он полагает, что необходимо перемирие! К 1.4 на Восточном фронте будет 180 000 человек некомплекта».

Какой смысл был вложен в слово «перемирие»? Временный переход к обороне? Достижение договоренности со Сталиным? Непонятно...

* * *

— Сомнительно, чтобы именно в этот момент, весной 1942-го, Советский Союз вдруг вознамерился нарушить свои обязательства... А что, кстати, было на противоположной стороне?

— Германия зализывала свои раны от поражения. Зимой 1941–1942 годов на полях Подмосковья, под Тихвином, Ростовом, в Донбассе и в Крыму немцы потеряли только убитыми более 830 тысяч. В Германии была объявлена тотальная мобилизация. На советско-германский фронт были направлены 800 тысяч маршевого пополнения, а с Запада переброшены 39 дивизий.

В Берлине и среди генералитета вермахта усиливались пораженческие настроения. Как стало известно после войны, 29 ноября 1941 года министр по делам вооружения и боеприпасов Германии Фриц фон Тодт обратился к Гитлеру с призывом: «Мой фюрер, войну необходимо немедленно прекратить, поскольку она в военном и экономическом отношении нами уже проиграна». Фельдмаршал фон Рундштедт, командующий группой армий «Юг», предложил Гитлеру отступить на границу с Польшей и закончить войну с Советами политическим путем. Генерал-полковник Герман Гот, командовавший в начале войны 3-й танковой группой, а с октября 41-го — 17-й армией, высказывал мнение о том, что «нападение на Россию было политической ошибкой и что поэтому все военные усилия с самого начала были обречены на провал».

— *Как вы считаете, Сталин об этом знал?*

— Да, о ситуации в стане противника ему в общем и целом было известно из донесений разведслужб. И, думаю, не требуется большого ума, чтобы понять нелепость заявления о том, что в условиях победоносного завершения Московской битвы Сталин стал искать примирения с Германией с целью совместного ведения войны против США и Англии.

— *Уместно вспомнить, что в этот период внешнеполитическая стратегия Сталина предполагала задействовать для поддержки СССР самые различные общественные организации и слои населения на Западе...*

— Несомненно. В том числе, кстати, и круги еврейской общественности, которая традиционно имеет сильнейшее влияние на правительственные и вообще правящие круги США и Великобритании. Сталин с первых же месяцев войны включил в борьбу против Германии этот фактор. Уже 24 августа 1941 года в открытом эфире Московского радио состоялся первый радиомитинг представителей

еврейского народа, который разоблачал злодеяния гитлеровцев на советской территории и призывал евреев к активной борьбе с врагом. С этого начинается предыстория Еврейского антифашистского комитета, который стал организационно оформляться в дни нашего контрнаступления под Москвой. 15 декабря 1941 года председателем ЕАК был утвержден Соломон Михоэлс, а ответственным секретарем стал Шахно Эпштейн. 5 февраля 1942 года были рассмотрены и утверждены предложения о функциях, структуре и задачах ЕАК, в числе которых числились следующие: во-первых, средствами пропаганды просоветски настраивать мировую общественность, установив контакты с еврейскими международными организациями, и во-вторых, привлечь в Россию широкий поток западной помощи...

— *Это известно. Но вы, Арсен Беникович, упомянули о какой-то истории, связанной с Мценском в годы войны. О чем же речь?*

— Любой миф, любая фальсификация в своей основе обычно имеет какой-то реальный факт. Другое дело, что он может быть сильно передернут — вплоть до полного искажения. Именно так и произошло в рассматриваемой нами истории. Весной 1942 года в оккупированном гитлеровцами Мценске приземлился советский военнотранспортный самолет, направлявшийся в город Елец. На его борту находился вновь назначенный командующим 48-й армией Брянского фронта генерал-майор Александр Георгиевич Самохин, следовавший к новому месту службы. Пилоты и пассажиры самолета попали в плен. В годы войны подобное было отнюдь не редкостью — такие случаи имели место и у нас, и у гитлеровцев, и у союзников обеих сторон. Можно было бы не акцентировать внимание на этом случае, если бы не одно «но»: генерал Самохин до войны был советским военным атташе в Югославии и под оперативным псевдонимом Софокл возглавлял легальную

резидентуру Главного разведуправления Генштаба в Белграде. Более того, после недолгого — с июля по декабрь 1941 года — командования 29-м стрелковым корпусом и пребывания в должности заместителя командующего 16-й армией по тылу в декабре 1941 года Александр Георгиевич снова был переведен в разведку. Сначала он был помощником начальника ГРУ, а затем — до 20 апреля 1942 года — начальником его 2-го управления. Таким образом, в нацистский плен трагическим образом угодил весьма осведомленный военачальник.

Наша справка. Генерал-майора Самохина можно только условно считать профессиональным разведчиком. В разведслужбе он попал в силу событий середины 1930-х годов, когда из-за борьбы за власть в руководстве ВКП(б) в Красной армии неоднократно проходили радикальные кадровые чистки, затронувшие и военную разведку. Известно, что Александр Георгиевич Самохин родился 20 августа 1902 года на хуторе Верхне-Бузиловка Донской области в семье рабочего порохового завода. Окончил сельскую школу, в 1919–1920 годах рядовым красноармейцем воевал на Восточном фронте против войск Колчака. В 1920 году стал членом Коммунистической партии. В 1921 году окончил Пензенские пулеметные командные курсы, до 1931 года командовал различными стрелковыми подразделениями. После окончания в 1934 году основного факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе был начальником штаба стрелковой дивизии (1934–1937), руководил Орджоникидзевской объединенной Краснознаменной военной школой (1937–1938; в 1938 году стала именоваться военным училищем), затем стал заместителем инспектора сухопутных военных училищ (1939–1940), несколько месяцев (март — август 1940 года) занимал должность заместителя начальника Управления военно-учебных заведений РККА. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 7 мая 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора.

В августе 1940 года был назначен военным атташе при посольстве СССР в Югославии (с октября 1940-го — также военно-воздушный атташе). Поэтому объективно, не ставя под сомнение интеллектуальные и нравственные качества генерала Самохина, можно констатировать, что к моменту назначения в Югославию он не обладал опытом разведдеятельности. После

разгрома югославской армии и оккупации Югославии германскими войсками (апрель 1941 года) А. Г. Самохин — вновь в войсках, участвовал в боях лета 1941 года. Командовал 29-м стрелковым корпусом, в который входили части бывшей литовской армии, вначале на Северо-Западном, а потом на Западном фронте, был заместителем командующего 16-й армией по тылу (июль — декабрь 1941 года). С декабря 1941-го — в центральном аппарате военной разведки. 21 апреля 1942 года назначен на должность командующего 48-й армией Брянского фронта.

— В Военной энциклопедии и энциклопедическом справочнике «Великая Отечественная война» фамилия Самохина не значится, а вот в книге бывшего руководителя «советского отдела» ЦРУ США Дэвида Мерфи «Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса» руководитель резидентуры советской военной разведки в Белграде упоминается не единожды...

— Пленение этого генерала есть подлинный факт, и без того явно искаженные слухи о котором по злой воле фальсификаторов были вторично искажены — до полной неузнаваемости! Чего-то убавили, чего-то прибавили и на тебе — доверчивое «просвещенное общественное мнение», новую фальшивку о советской внешней политике. Вот, собственно говоря, и ответ на вопрос, почему мифические советско-германские тайные переговоры «привязаны» к началу 1942 года и городу Мценску.

— Как же сложилась судьба генерала Самохина?

— Об этом кое-что известно, хотя, думается, полной правды мы никогда не узнаем.

— Итак, как же все-таки оказался в немецком плену генерал-майор Самохин?

— Версии истории пленения командующего 48-й армией разнятся в деталях... Например, военный историк Виктор Миркинский пишет: «На пути к новому месту службы его самолет приземлился в оккупированном немцами Мценске вместо Ельца». Звучит, согласитесь, двусмысленно!

— Да, то ли ошибка пилотов, то ли кто-то так захотел...

— В период работы над очередной книгой мне довелось ознакомиться частично с материалами допроса генерала Самохина в 3-м Главном управлении МГБ СССР — военной контрразведке — 26 июня 1946 года. Он говорил: «Часа через три после вылета из Москвы я заметил, что самолет перелетел передний край нашей обороны. Я приказал пилоту лететь обратно, он развернулся, но немцы нас обстреляли и подбили».

— Так что же все-таки произошло, вы можете сказать?

— Наличие нескольких версий едва ли способствует установлению истины. Да и трудно поверить, будто летчики не заметили, что они садятся на немецкий аэродром — там, думаю, как минимум пара-тройка самолетов стояла, а намалеванные на них кресты люфтваффе были хорошо видны издалека. Почему же летчик, который не мог не заметить, что садится на вражеский аэродром, не попытался развернуться и улететь подальше от немцев?

— Действительно, странно...

— Согласитесь, что просто приземлиться не там, где надо — это одно, по ошибке пилота — другое, но совсем иное — совершить вынужденную аварийную посадку из-за того, что самолет был подбит, так как летчик сбился с курса. А Самохин на допросе и вовсе показал, что садились они не в Мценске, а на пологий склон какого-то холма.

— Погодите, а известно, на каком самолете он летел?

— По тем данным, что я получил, на ПР-5 — пассажирской модификации самолета-разведчика Р-5. В этой модификации установлена четырехместная пассажирская кабина. Максимальная скорость у земли — 246–276 километров в час, на высоте 3000 метров — от 235 до 316 километров в час. Крейсерская скорость — 200 километров в

час. По показаниям Самохина получается, что через три часа полета они преодолели расстояние в 600 километров. За штурвалом самолета был пилот авиагруппы Генерального штаба. А в эту авиагруппу отбирали очень опытных летчиков. Уж они-то хорошо знали обстановку... Как могло случиться, что опытный пилот не заметил, что перелетел линию фронта? Чай, не на скорости истребителя летели. И ведь не летчик заметил ошибку, а сам Самохин. Единственное, что могло бы снять вопросы на этот счет, — это факт ночного полета.

— *Так, может, ночью и летели? Вроде бы время полета доподлинно не известно... Не так ли?*

— Вот этого я не знаю. Зато мне хорошо известно иное обстоятельство: в годы войны, как правило, перелеты командующих армиями и фронтами осуществлялись в сопровождении минимум звена истребителей, то есть трех самолетов. А уж тем более, когда этот полет осуществлялся из Москвы, да еще и с документами Ставки, если верить имеющимся версиям... Тогда каким же образом боевые летчики-истребители допустили, чтобы пилот подопечного самолета хрен знает куда полетел и к тому же оказался еще подбит над занятой немцами территорией?! Нет, что-то тут не то с этими версиями.

— *Что за документы вез с собой генерал Самохин?*

— Как уже после войны, в 1964 году, утверждал Маршал Советского Союза Сергей Семенович Бирюзов, бывший начальник штаба 48-й армии, «немцы захватили тогда кроме самого Самохина документы советского планирования на летнюю (1942) наступательную кампанию, что позволило им своевременно предпринять контрмеры». В том же году Бирюзов погиб в авиакатастрофе во время визита в Югославию. Примерно то же самое — «противник овладел оперативной картой и директивой СВГК» — утверждают и авторы справочника «Россия в лицах. ГРУ. Дела и люди».

— *Два источника дают идентичную информацию. Очевидно, можно поверить?*

— А вы не задумываетесь над тем, почему у вновь назначенного командующего всего лишь, скажу так, армией оказались на руках особо секретные документы — директива Ставки Верховного главнокомандующего и документы советского военного планирования на летнюю кампанию 1942 года? Директивы Ставки адресовались командующим фронтами. Но не армиями! А у Самохина — не просто директива Ставки, а вообще документы советского планирования на летнюю 1942 года кампанию. Это же не его уровень! В годы войны чрезвычайно жестко соблюдались правила переписки, тем более между Ставкой и фронтами, армиями. Перевозка секретных документов осуществлялась под особой вооруженной охраной органов госбезопасности.

— *То есть вы считаете, что никаких документов у него с собой не было?*

— Да нет, по данным, которые мне удалось получить, в Ельце Самохин должен был представиться командующему Брянским фронтом генерал-лейтенанту Филиппу Ивановичу Голикову, кстати, бывшему начальнику Разведуправления Генштаба РККА, передать ему пакет особой важности из Ставки и получить от командующего соответствующие указания. Странно это, потому как совершенно не вяжется с тем жесточайшим режимом секретности, который царил в годы войны. И вот что еще интересно. На допросе после войны Самохин утверждал, что все документы сжег, а остатки втоптал в грязь... Тогда на каком основании делали свои утверждения маршал Бирюзов и авторы справочника? Более того, из показаний Самохина вытекает, что немцы захватили его партийный билет, предписание о назначении командующим армией, удостоверение работника ГРУ и орденскую книжку. Более всего интересно наличие у него удостоверения работника

ГРУ. С какой стати он его не сдал, получив назначение на должность командующего армией? Ответов нет.

— *Арсен Беникович, уж вы-то знаете, сколько сегодня существует версий о различных «играх», «подставах» и т. д. Мол, и генерал Власов был агентом НКВД, и Мартин Борман работал на советскую разведку... Но все же не могла ли в данном случае осуществляться какая-то военно-разведывательная операция по дезинформации высшего командования вермахта?*

— Подтверждений этой версии нет. А без фактов — это гадание на кофейной гуще: операция по дезинформации... халатность летчика... ошибка Самохина... Допустим, что летчик действительно сбился с курса и попал в зону досягаемости средств немецкой ПВО. Но что в это время делали истребители прикрытия? Самолет был подбит и, предположим, под принуждением истребителей люфтваффе вынужден произвести аварийную посадку на вражеском аэродроме. А где были в это время наши сталинские соколы? И главное, сумел ли командующий армией уничтожить особо секретные документы Ставки? Ведь не чемодан же с документами у него был на руках? Всего-то пакет да карта! Ответ на эти вопросы я до сих пор так и не нашел.

— *Когда смотришь на карту, возникает вопрос: как можно было угодить в Мценск, имея целью назначения Елец?*

— Да, расстояние между ними свыше 150 километров... При самой максимальной скорости ПР-5 это все-таки целых полчаса лета — вряд ли можно было не заметить такую задержку. К тому же маршрут на Елец из Москвы фактически лежит строго на юг, на Мценск — на юго-запад, в направлении на Орел. Кстати, именно туда генерала Самохина и доставили вначале — в штаб 2-й танковой армии, а потом отправили на самолете в Летценскую крепость, что в Восточной Пруссии.

— *Какие меры приняла Ставка ВГК после этого происшествия?*

— Ставка вынуждена была отменить свое решение от 20 апреля 1942 года о проведении в начале мая операции на Курско-Льговском направлении силами двух армий и танкового корпуса с целью овладеть Курском и перерезать железную дорогу Курск — Льгов. Одну из этих армий должен был возглавить Самохин. Кстати, судя по всему, у него на руках находилась директива Ставки ВГК об этом наступлении, а вовсе не документы советского военного планирования на всю весенне-летнюю кампанию 1942 года. Возможно, его пленение — одна из роковых предпосылок неудачи нашего наступления под Харьковом.

— *Что же с генералом Самохиным было потом?*

— Как пишет Владимир Лота в книге «Секретный фронт Генерального штаба», Самохин числился пропавшим без вести с 21 апреля 1942 года. Но Главное управление потерь личного состава РККА почему-то лишь 10 февраля 1943 года издало приказ № 0194, согласно которому он был определен пропавшим без вести. Странно. Пропажа командующего армией, тем более вновь назначенного, — ЧП высшего разряда. То самое ЧП, из-за которого мгновенно «ставились на уши» особые отделы и зафронтовая разведка, которые как минимум ежедневно отчитывались перед Москвой о результатах поисков пропавшего. К тому же еще несколько дней назад командарм являлся высокопоставленным сотрудником ГРУ. Естественно, об этом немедленно было доложено Сталину, который не мог не дать указания органам госбезопасности и военной разведке выяснить судьбу командарма.

— *Что известно о поведении генерала Самохина в плену?*

— В очень информативной книге «Секретный фронт Генерального штаба» сообщается, что в ходе Сталин-

градской битвы был захвачен в плен младший офицер вермахта, который на допросах поведал, что он принимал участие в допросах Самохина. Пленный якобы особо подчеркнул, что самолет генерала по ошибке приземлился на захваченном немцами аэродроме — кстати, что за смысл было подчеркивать именно это? Из слов немецкого офицера следует, что Самохин скрыл свою службу в военной разведке, выдал себя за армейского генерала, служившего всю жизнь в войсках, на допросах вел себя достойно и ничего особенного немцам не сообщил, ссылаясь на то, что был назначен на должность в середине марта и только что прибыл на фронт... Скажу откровенно, как человек, кое-что смыслящий в технологиях работы контрразведки, — в такое развитие событий не верится.

— *Самохин имел опыт работы в разведке, он мог бы, наверное, придумать себе «легенду»...*

— Так ведь и в абвере не круглые идиоты сидели! Это была одна из сильнейших военных спецслужб времен Второй мировой. Уж если в плен попал советский генерал, вновь назначенный командарм, абверовцы тоже «стояли на ушах», пытаясь всеми средствами, включая физическое воздействие, выжать из такого пленника максимум сведений. К тому же о пленении генералов, тем более командармов, немедленно докладывали в Берлин. Если войсковых абверовцев Самохин еще мог как-то надуть, «навешать им лапшу на уши», да и то вряд ли, то центральный аппарат абвера — черта лысого! Все документы, в том числе и личные, были при нем, и как только в Берлине получили спецсообщение о пленении вновь назначенного командарма 48-й армии Брянского фронта, его тут же проверили по материалам учета советского генералитета, и хитрость вылезла наружу. Самохин не мог не быть идентифицирован и как бывший военный атташе в Белграде. Любая военная разведка и контрразведка тщательно собирают фотоальбомы на всех военных

разведчиков, тем более тех государств, которые считают своим противником. А Самохин-то был в Югославии совсем недавно — весной 1941-го.

— Время было драматичное: 27 марта в Белграде было свергнуто пронацистское правительство Цветковича и образовано правительство во главе с командующим ВВС генералом Симоновичем. А 5 апреля в Москве был подписан договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией...

— И на следующий день вермахт вторгся в Югославию, чья армия отчаянно сопротивлялась до 17 апреля. Этих двух недель хватило, чтобы вынудить Гитлера перенести нападение на СССР более чем на месяц — с середины мая на 22 июня. Александр Георгиевич Самохин был активным участником тех событий — почитайте воспоминания знаменитого Павла Анатольевича Судоплатова, и вам многое станет ясно. Так или иначе, фото Самохина не могло не быть в абвере, идентифицировать его не составляло труда. Тем более что на руках у него было удостоверение сотрудника ГРУ. Кстати, когда Самохина перевезли на территорию Германии, то там в контакт с ним вошел его старый знакомый из германского ВАТ в Белграде...

— 10 февраля 1943 года генерала Самохина зачислили приказом в списки без вести пропавших. Примерно в это же время из показаний пленного немецкого офицера стало известно о его судьбе. Почему же приказ был отменен лишь 19 мая 1945 года?

— Это тоже загадка. Действительно, многое о судьбе Самохина стало известно уже после Сталинградской битвы. Во время допросов захваченных в Сталинграде полковника Бернда фон Петцольда, начальника штаба 8-го корпуса 6-й армии Фридриха Шильдкнехта и начальника разведотдела 29-й моторизованной дивизии обер-лейтенанта Фридриха Манна были выяснены многие

вопросы, связанные с судьбой Самохина. По крайней мере точно известно, что он находился в руках немцев.

— *Но это все-таки устные свидетельства. А были ли какие-то документы, подтверждающие данный факт?*

— В руках у нашей военной контрразведки оказался приказ командующего 2-й танковой армией генерал-полковника Рудольфа Шмидта от 22 апреля 1942 года, в котором говорилось: «За сбитие самолета и пленение генерала Самохина я выражаю благодарность личному составу батальона. Благодаря этому германское командование получило ценные данные, которые могут благоприятно повлиять на дальнейшее проведение военных операций».

— *Итак, приказ, которым генерал-майор Самохин был определен как пропавший без вести, был отменен 19 мая 1945 года...*

— Да, через 10 дней после победного 9 мая. Тогда из плена были освобождены миллионы наших соотечественников, и чтобы так быстро провернулись шестеренки скрипучего механизма кадрового учета в армии, был нужен какой-то мощный импульс сверху. Поясню: для того чтобы отменить такой приказ, был необходим целый ряд предварительных действий. Прежде всего Самохин должен был пройти через фильтрацию советской контрразведки и полностью быть опознан и идентифицирован именно как Самохин. Затем должен быть доставлен в Москву, проверен по всем материалам, и только тогда, по логике кадровой работы того времени да с учетом всего произошедшего с ним, мог быть отменен такой приказ. Через десять дней после Победы — это даже для генерала чересчур скоро.

— *Что же было с Самохиным потом?*

— В плену, как утверждают авторы упоминавшегося выше справочника, Самохин вел себя достойно. Но после того как освобожденный советскими войсками Алек-

сандр Георгиевич прибыл в Москву в мае 1945 года, его арестовали, а 25 марта 1952 года приговорили к 25 годам заключения... Впрочем, Владимир Лота приводит иную информацию: 2 декабря 1946 года генерал-майор Самохин был уволен в запас, а 28 августа — без указания года — приказ об увольнении был отменен, Самохин зачислен слушателем Высших академических курсов при Военной академии Генерального штаба. Историк Миркинский, в свою очередь, указывает, что после возвращения на родину судьба Самохина неизвестна.

— А что знаете вы?

— Скажу пока так: послевоенная судьба генерал-майора Александра Георгиевича Самохина таит немало загадок...

БЕССМЕННАЯ ВАХТА «ЭТЬЕНА»

Имя Льва Ефимовича Маневича было раскрыто только через двадцать лет после смерти — 20 февраля 1965 года, когда ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В то время, как бы восстанавливая справедливость, «Золотые Звезды» стали давать тем, кто совершил подвиги во время Великой Отечественной войны, но не был своевременно отмечен, а также заодно и некоторым из участвовавших в ней военачальникам, партийным и государственным деятелям... Однако полковник Маневич на той войне не был да и вообще прямого отношения к ней не имел, хотя немало сделал для повышения боеспособности и технической оснащенности будущей армии-победительницы. Лев Ефимович был военным разведчиком, резидентом Разведуправления штаба РККА в Милане задолго до 1941-го.

Героическая и необычная судьба Этьена (оперативный псевдоним Маневича) тогда сразу же нашла свое отражение в очерках на страницах «Правды» и «Красной

звезды», а вскоре и в неоднократно переизданном, переведенном на многие языки и экранизированном романе Евгения Воробьева «Земля, до востребования». Однако как книга, так и все публикации имели существенный недостаток: их авторы утверждали, что Этьен был арестован 12 декабря 1936 года, между тем как описываемые события произошли за четыре года до этого. Впрочем, и сам подвиг разведчика в этих описаниях получился, можно так сказать, «упрощенным». Хотя в сегодняшних «исследованиях» вообще пишут, что Лев Ефимович *«во 2-й половине 1930-х годов выполнял задания по организации физического устранения врагов советской власти за границей (в основном белоэмигрантов и перебежчиков)»*. Подобные утверждения вообще не выдерживают никакой критики...

Лев Маневич родился 20 августа 1898 года в городе Чаусы Гомельской губернии, в многодетной семье, как тогда говорилось, мелкого служащего. Старший брат Яков, член РСДРП, после 1905 года эмигрировал в Швейцарию, а через несколько лет друзья привезли к нему Льва — потому как жить в Цюрихе было, разумеется, гораздо лучше, нежели в Чаусах. Юноша закончил техническое отделение Женевского колледжа, изучал языки — в личном деле Этьена было сказано, что он «знает французский язык, частично немецкий и английский». Познакомился он и с реалиями европейской жизни.

В 1916 году Маневич возвратился в воюющую Россию и уже в феврале 1917 года надел солдатские погоны — шла Первая мировая война, в которой он, возможно, участвовал. К сожалению, об этой странице биографии Льва Ефимовича сведений нет. Зато известно, что в апреле 1918 года он вступил в Красную армию и в составе Интернационального полка Бакинского совета участвовал в подавлении контрреволюционного восстания, был комиссаром бронепоезда, командиром

Коммунистического отряда, заместителем начальника оперативного отделения штаба 1-го Кавказского корпуса, в 1919–1920 годах участвовал в боях против войск Колчака и повстанческих формирований в Самарской и Уфимской губерниях.

Как известно, народной кровушки в Гражданскую войну ни белые, ни красные не жалели. Можно вспомнить хотя бы то, как бывший гвардейский подпоручик Тухачевский травил газами мятежников на Тамбовщине. Вот и Маневичу однажды была поставлена задача окружить село и уничтожить находившуюся там банду. Казалось бы, что ему, юноше, родившемуся в еврейском местечке и воспитанному в Швейцарии, до этих русских мужиков — обманутых заманчивыми обещаниями, запутавшихся в реалиях революции и взявшихся за оружие? Однако Лев Ефимович оставил отряд в лесу и, предупредив, что должен вернуться через час, пошел безоружным — маузер все равно бы не спас — в мятежное село. Не нужно объяснять, насколько велик был его шанс оказаться повешенным за одну только «еврейскую национальность». Но ведь он пошел, поговорил с народом и через час вывел банду из села, обратив ее на сторону новой власти!

В этой ситуации проявились сразу несколько присущих Маневичу качеств — от бесстрашия и всепобеждающей убежденности в правоте своего дела до самоотверженного, воистину жертвенного человеколюбия. Особо отметим еще и личное обаяние, которым, как кажется, Этьен был наделен сполна. Он и будущую жену Надежду Михину буквально очаровал во время своего выступления на митинге в Самаре, куда эта девушка, принадлежавшая к хоть и незнатной, небогатой, но все же дворянской семье, попала совершенно случайно.

Военная стезя требовала специальных знаний, поэтому уже в 1921 году Маневич окончил Высшую школу штабной работы комсостава, а через три года, в августе 1924-го, —

Военную академию РККА. Отметим, что поначалу в Москве семья Маневичей проживала на квартире Якова Никитовича Старостина — рабочего-железнодорожника, друга Льва Ефимовича по Гражданской войне. Об этом необходимо сказать потому, что Старостин, сам того не зная, сыграл в судьбе Маневича особую роль.

После окончания академии Маневич получил направление в Разведывательное управление Штаба Красной армии (РУ), где судьба свела его и тесно связала с Яном Карловичем (Павлом Ивановичем) Берзиным, руководителем советской военной разведки. Уже в 1925 году Маневич был направлен в первую заграничную командировку — в Германию, в легальную резидентуру. Сроки командировки можно точно определить по следующему характерному для той эпохи документу:

22 марта 1927 г.

Секретарю бюро заграничных ячеек при ЦК ВКП(б)

Прошу выдать партбилет т. Маневича, вернувшегося из зарубежной командировки, сданный под квитанцию № 58 19/XI-1925 г.

Для особых поручений при начальнике IV Управления Штаба РККА

Литвинский

Это было то время, когда, как образно сказано в «Истории Второй мировой войны», «под пошатнувшееся здание германского империализма началось подведение нового фундамента». Страны Запада начали подготовку Германии к новой войне против СССР: только за 1923–1929 годы она получила около четырех миллиардов долларов иностранных займов, причем более половины средств поступило из США. В декабре 1926 года прекратилась работа Союзной военно-контрольной комиссии, созданной странами-победительницами. С того времени процесс ремилитаризации Германии, униженной и

оскорбленной Версальским договором, стал нарастать бурными темпами.

Успешно пройдя «обкатку» за рубежом, Лев Ефимович в мае 1927 года назначается на должность начальника французского сектора РУ. Повышением по службе это не является — начальником сектора он был и до командировки, сразу после академии. Но это также совсем не значит, что он в то время занимается исключительно кабинетной работой. И вот тому свидетельство:

Начальнику IV Управления Штаба РККА

РАПОРТ

Доносу, что прибыл из командировки к месту службы 4 сентября. Порученное мне задание выполнил.

Маневич. 5.9.1927 г.

Более подробной информации на эту тему мы не имеем, хотя по ряду признаков можно подозревать, что подобные задания выполнялись Маневичем неоднократно, что он периодически бывал в Европе, и не только под своей фамилией. Но это лишь предположения.

В 1928 году Лев Ефимович получает еще одну профессию, из тех, что тогда стремительно «входили в моду», — авиатора. Его направляют на учебу на годичные курсы при Военно-воздушной академии, где он учится летать.

Однажды — а может, и не единожды, авиация дело такое, — все чуть было не закончилось катастрофой. Во время полета ненастным зимним вечером в самолете, который пилотировал Этьен, выявилась какая-то неисправность, и машина упала. Летчика спасли, во-первых, сугроб, в который свалился самолет, а во-вторых, крестьянин, проезжавший мимо на санях. Он не только откопал Маневича, но и довез его до дома — окоченевшего, обледенелого, — к ужасу и удивлению Надежды Дмитриевны, считавшей, что в академии ее муж получает исключительно теоре-

тическую подготовку. Но уже через несколько дней Лев Ефимович опять поднялся в небо.

В его выпускной аттестации значится: *«Отличных умственных способностей. С большим успехом и легко овладевает всей учебной работой, подходя к изучению каждого вопроса с разумением, здоровой критикой и систематично. Аккуратен. Весьма активен. Обладает большой способностью передавать знания другим. Дисциплинирован. Характера твердого, решительного; очень энергичен, иногда излишне горяч... Пользуется авторитетом среди слушателей и импонирует им своими знаниями... После стажировки обещает быть хорошим командиром отдельной авиачасти и не менее хорошим руководителем штаба».*

А дальше все получилось иначе: Маневича выпускают летчиком, он же идет в коммерсанты. Разумеется, стать коммерсантом Льву Ефимовичу пришлось по заданию руководства Разведупра.

В декабре 1929 года Маневича направляют на нелегальную работу в Италию. Эта фашистская страна уже тогда превратилась в «единый военный лагерь», где, как будет сформулировано несколько позже, «военное обучение должно начинаться, как только ребенок в состоянии учиться, и продолжаться до тех пор, пока гражданин в состоянии владеть оружием». Тогдашнее руководство страны взяло курс на создание главенствующей на Средиземноморье Итальянской империи, а бывшие союзники России в Первую мировую войну — в частности Англия и Румыния — стремились направить ее агрессивные устремления против Советского Союза. Притом развитая военная промышленность Италии производила боевую технику не только для своей армии, но и для дружественной Германии.

Впрочем, поначалу предполагалось направить Маневича в Соединенные Штаты — в военный атташат при

советском посольстве, о чем, как и о некоторых последующих событиях, рассказывала его дочь *Татьяна Львовна*: «Льва Ефимовича вызвал Берзин и сказал доверительно: «Я не могу тебе приказывать, но не мне тебе объяснять, какова сейчас ситуация в Европе. Мне необходимо послать в Италию человека, но только такого, который бы знал страну и язык, как ты, и владел бы также немецким. Но ты имеешь право отказаться. Поступай, как знаешь. Я даю тебе право выбора».

Известно, что подготовка разведчиков-нелегалов обычно занимает продолжительное время. Но как раз времени-то у советской военной разведки и не было. К тому же можно сказать, что вся жизнь Маневича — учеба в Швейцарии, служба на различных армейских должностях, законченные им Штабная школа и две академии, работа в легальной резидентуре в Берлине, служебные командировки — явилась подготовкой к его главному делу протяженностью в полтора десятилетия.

Надо думать, что Берзин не сомневался в том, какое решение примет его подчиненный. Однако препятствия возникли с иной стороны. Дома Этьена ожидала настоящая буря. Надежда Дмитриевна была человеком эмоциональным и обладала взрывным характером: узнав о поездке мужа, она своих чувств сдерживать не стала. Плакала навзрыд, говорила, что больше одна не останется. «С меня достаточно! Или ты остаешься, или берешь нас с собой! — потребовала она. — Я устала все время ждать, устала бояться за тебя!»

Лев Ефимович очень любил своих жену и дочь: было решено, что сначала он поедет один, а затем возвратится и заберет семью с собой. Руководство разведки это одобрило.

Маневича «выводили» через Австрию — он легализовался в Вене под именем Альберто Корнера, коммерсанта, открывшего на Мариахильферштрассе патентное

бюро. Это было замечательное прикрытие, дававшее разведчику возможность оказаться в курсе перспективных изобретений, которые к нему приносили сами авторы, чтобы оформить патент или получить лицензию. Специальность патентоведа давала также возможность Маневичу бывать на предприятиях, завязывать и поддерживать знакомство с инженерами. Более всего его интересовала авиация, и он успешно изображал летчика-любителя, что позволило ему быстро войти в контакт с пилотами, техниками и часто бывать на аэродромах. Особый интерес Этьен проявлял к людям, работающим в Италии или как-то связанным со страной его будущего пребывания.

Он также установил деловые отношения с немецкой фирмой «Нептун», производившей аккумуляторы для подводных лодок.

Через несколько месяцев Этьен прибыл за семьей в Москву.

Совсем не сложно подмечать чужие ошибки и предлагать постфактум правильные решения. Мы этим заниматься не будем и ограничимся изложением событий в форме рассказа Татьяны Львовны:

— Ехать мы должны были вместе с отцом, но жить отдельно от него, в Вене, куда он смог бы время от времени приезжать. Ситуация осложнялась тем, что мама не знала ни одного иностранного языка. Но, так или иначе, вопрос был решен. Мама имела паспорт гражданки Финляндии, и нашей «родиной» был Выборг, город на самой границе с Россией. Таким образом, наш русский язык получал естественное объяснение. Как же тщательно и терпеливо отец готовил меня к моей новой роли! Мама и я должны были свыкнуться со своими новыми именами Мария и Айно; мы должны были все время помнить о том, что малейший мой промах может стоить всем нам жизни...

Однако вряд ли можно было всего за несколько недель, если не дней, подготовить маленькую девочку к совершенно чужой для нее обстановке, предусмотреть все, с чем ей придется столкнуться уже в ближайшее время.

— В вагоне-ресторане сидящие неподалеку от нас пассажиры с удивлением повернулись на мой громкий возглас: «Ой, папа, смотри, они налили нам суп в чашки и еще туда яйцо бросили!»... А в Берлине, в гостинице, произошел еще один эпизод, который мог нам очень дорого обойтись. Я, как и отец, ужасно любила петь и распевала целыми днями. И вот однажды я бежала по коридору гостиницы и громко пела какую-то песню, которая заканчивалась словами «Ура, ура, Советская страна!». С этими словами я и влетела в наш номер... До сих пор помню побелевшие лица родителей, бросившихся ко мне. Мама, со свойственной ей горячностью, начала меня упрекать. «Надя, оставь ее, — сказал отец. — Она ведь еще ребенок»...

Вскоре Этьен перевез семью из Берлина в Вену, где Надежда Дмитриевна с дочерью поселились на съемной квартире. Лев Ефимович провел с ними несколько дней и уехал — попрощавшись, как оказалось, навсегда... Между тем жена Этьена очень скоро почувствовала, что ею интересуется контрразведка: за ней стали наблюдать на улице, а в доме вдруг начали появляться люди в штатском, выспрашивавшие о господине Корнере. Надежда Дмитриевна не без труда сумела встретиться с представителем Разведупра, сообщила о происходящем и получила приказ немедленно возвращаться в Москву. Тут уже никаких возражений с ее стороны не последовало.

— Меня до сих пор не оставляет мысль, — говорит Татьяна Львовна, — что, может быть, наша неудачная жизнь там в какой-то мере способствовала тому, что отец был заподозрен в принадлежности к иностранной разведке...

Семья уехала, а Этьен продолжил свою работу в Италии в качестве руководителя миланской резидентуры.

Официально он считался представителем ряда австрийских, немецких и чешских фирм, производящих вооружение — в том числе и вышеупомянутого «Нептуна». На связи у резидента было девять агентов, по крайней мере именно так впоследствии установил суд. Однако думается, что вряд ли итальянской контрразведке удалось проследить и установить все контакты Этьена.

О результатах работы разведчика можно судить на основании следующего официального документа: «Только в течение 1931–1932 гг. миланской резидентурой были направлены в Центр 192 информационных донесения и документа, раскрывающих планы фашистского руководства Италии. Сотрудниками резидентуры были добыты чертежи опытных самолетов СК-30, СК-32 (истребители), самолета «Капрони-80», опытного бомбардировщика-гиганта ВЕС, подробные чертежи авиамоторов АЗОР, А5-5, документы по технологии и организации литейного производства, чертежи и описания подводных лодок, различных видов стрелкового оружия и много другой ценной технической документации». К этому перечню можно добавить полученную информацию о корабельных пушках и приборах центрального управления артиллерийским огнем на боевых кораблях, а также то, что до 70 процентов полученных от Этьена документов являлись, по внутренней классификации Разведупра, «ценными» и «весьма ценными».

Официально известно, что Маневич был арестован по доносу провокатора, но вряд ли все произошло столь однозначно. Иностранец, особенно работающий с разного рода секретной информацией, всегда вызывает повышенный интерес специальных служб. Внимание итальянской контрразведки Этьен ощущал постоянно, а вскоре это начало его серьезно беспокоить.

25 марта 1932 года Лев Ефимович сообщал в Центр: *«Считаю опасным для организации мое излишне долгое пре-*

бывание здесь... Уже не один раз я сталкивался на работе с довольно серьезными неприятностями. Двое из числа тех, кого я пытался втянуть в антифашистскую работу, не оправдали доверия. Не нужно понимать меня так: грозит какая-то конкретная и немедленная опасность. Может быть, такой опасности нет, но крайней мере я ее не чувствую. Но зачем ждать, чтобы опасность, всегда возможная, обернулась бедой?..»

«Опасность, всегда возможная» — это одно из непрелюбимых условий работы любого разведчика, та особенность профессии, с которой всегда следует считаться. Чувствуя нарастание такой опасности, Маневич не требовал разрешения немедленно все бросить и эвакуироваться, но просил, чтобы ему подготовили и прислали преемника — человека, которому он бы мог передать все свои дела и связи.

Однако найти равноценную замену Этьену было непросто, о чем ему откровенно сообщили из Центра в ответной радиограмме: «Сам понимаешь, как нелегко подыскать подходящего, опытного человека, который мог бы тебя заменить. Поэтому с отъездом придется некоторое время обождать. Мобилизуй все свое терпение и спокойствие».

Пришлось «мобилизовывать», о чем Маневич докладывал в Центр через полтора месяца: «*Ко мне вернулось равновесие духа, работаю не покладая рук... Мне обещали прислать замену месяца через два. С тех пор прошло четыре месяца, но о замене ни слуху ни духу. От работы я бежать не намерен, остаюсь на своей бессменной вахте. Этьен.*

Можно сказать, что эти слова — насчет «бессменной вахты» — оказались пророческими. 25 августа Маневичу сообщили о подготовленной замене, но встретиться со своим преемником ему уже не было суждено...

Он был арестован 3 октября — взят с поличным во время встречи со своим агентом, перевербованным контр-

разведкой. Пакет с секретными чертежами стал весомым доказательством его «шпионской деятельности». Секретные документы были найдены и дома, однако господин Корнер упорно утверждал, что все объясняется его работой патентоведа, что он увлекается авиацией, что ему необходимо повышать свои технические знания. Отношение к какой-либо разведке он категорически отрицал, никаких лишних имен не называл, а на предложение признать свое советское гражданство отреагировал как на грубую провокацию. Тем самым он не дал противнику возможности развернуть большое «шпионское дело» против Советского Союза, что, несомненно, помогло бы в последующем «идеологическом обосновании» агрессии.

Избранной тактике Этъен оставался верен до самого конца следствия, а потому обвинительный приговор, вынесенный ему фашистским Особым трибуналом, был сформулирован оригинально:

«С целью военного шпионажа он получал сведения, запрещенные соответствующими властями к опубликованию. Сведения эти могли ослабить военную мощь государства и его военного союзника...»

Точное установление личности Альберто Корнера не интересует трибунал. Для Особого трибунала достаточно того факта, что личность, привлеченная к суду, является той самой личностью, которая действовала совместно с другими обвиняемыми. То, что Альберто Корнер иностранец, — несомненно, а кто он по национальности — не имеет значения при оценке содеянного преступления. Следственная комиссия полагала, что Корнер работал в пользу Советской России. Трибунал не считает, что он должен при вынесении какого-либо суждения исходить из задачи определения государства, в пользу которого велись шпионские действия...»

Впрочем, для итальянской контрразведки и без точных доказательств вопрос был ясен, поэтому наказание

было установлено максимальное: Альберто Корнер был приговорен к 16 годам тюремного заключения. Это был 1933 год, так что на свободу он мог выйти только в 1949-м, к своему 60-летию. Перспектива безрадостная, однако Этьен заботился не о себе, а об интересах дела, о товарищах и соратниках, интересах своей страны. Благодаря твердой его позиции из девяти агентов, задержанных по его делу, осуждены были только двое. Каждый — к двум годам. Все прочие привлеченные к суду по его делу лица были из-под ареста освобождены.

Лев Ефимович, отныне превратившийся в заключенного № 2722, был отправлен в тюрьму Кастельфранкодель-Эмилия, бывшую пограничную крепость в 13 километрах от Модены.

Конечно, Маневич предполагал, что руководство Разведупра сделает все возможное для скорейшего его освобождения. И действительно, такие планы разрабатывались — вплоть до попытки отбить заключенного при поддержке участников антифашистского сопротивления. Есть даже свидетельства, что Этьена уже ждали в Москве. Большим препятствием оказалось также плохое физическое состояние Маневича, больного туберкулезом.

Между тем, как отмечено в официальных документах, «путем амнистии удалось сократить срок его заключения с 16 лет до 6». Но ведь и контрразведке не хотелось выпускать «перспективного» узника (должен же он, в конце концов, «расколоться»!) из своих рук. Реально амнистия распространялась не на политических заключенных, а только на «уголовный элемент». Поэтому в октябре 1937 года Корнер был передан итальянской спецслужбе, которая могла держать государственных преступников в заключении практически бессрочно.

В романе «Земля, до востребования» рассказывается о том, как находившийся в заключении Этьен собирал через других заключенных — в основном рабочих-коммунистов,

трудившихся на оборонных заводах, — ценную военно-техническую информацию и по нелегальным каналам передавал ее в Центр.

Подобные утверждения можно найти и в ряде газетных публикаций о судьбе военного разведчика, и вот тому характерный пример: «При помощи своих товарищей, работавших на заводе «Капрони», он составил и передал чертежи нового прицела для бомбометания фирмы «Цейс». Кроме того, Лев Ефимович переслал в Москву тактико-технические характеристики непотопляемого крейсера, который строился на верфи в Генуе, данные о специфике ночных бомбометаний итальянской авиации в Абиссинии, рецепт броневой стали, переданной фирмой Круппа итальянским заводам Ансальдо. Но самым важным стало сообщение о срочном заказе на самолеты, не боящиеся морозов, полученном итальянскими авиастроителями от Японии в 1936 году...»

Все это вряд ли соответствует истине. Большую часть тюремного срока Маневич провел в одиночном заключении, не имея контактов с другими узниками, что уже исключает «налаженный поток информации». Сомнительно также, что рабочие, трудившиеся на конвейере, могли представить разведчику чертежи прибора для ночного бомбометания — они могли разве что рассказать о каких-то отдельных узлах, с которыми именно им приходилось иметь дело. Получение совершенно секретных тактико-технических данных нового крейсера абсолютно неправдоподобно: откуда они стали известны рабочим-корабелам?

Единственное, что выглядит правдоподобно, так это «срочный заказ от Японии». О том, что завод выпускает самолеты, где надписи делаются иероглифами, знали, разумеется, многие. И действительно, в Японию было поставлено 85 бомбардировщиков Фиат-ВР.20 «Чиконья» («Аист»), которые затем несли службу в Китае.

Между тем авторы, показывающие Этьена этаким «суперагентом», умудрявшимся непрерывно и результативно работать даже в тюрьме, тем самым невольно принижают значение и силу его нравственного подвига. Одно дело, когда человек остается в гуще активной жизни, приносит конкретную пользу своей родине, ощущает собственную востребованность. Совсем другое, когда он, как Маневич, оказывается запертым в четырех стенах... Единственное, что он мог делать, — это, находясь в общей камере, проводить с другими узниками «политические занятия» и лекции по международной обстановке, подавать товарищам пример стойкости, неустрашимости, категорического нежелания идти на сотрудничество с режимом. Притом никакой лишней информации он никому о себе не давал — даже не признавал себя коммунистом.

Крайне редко ему передавали письма из Москвы, от родных. Иногда он мог написать сам. Но продолжалось это недолго. Нравственный и гражданский подвиг Этьена состоит в том, что, даже потеряв связь с Центром, с родиной, получая информацию о происходящих в СССР событиях лишь из газет, тяжелобольной, он сохранял верность присяге, воинскому долгу. При этом Маневич прекрасно сознавал, что достаточно одного слова, одного признания — и ворота тюрьмы окажутся для него открыты. Однако Лев Ефимович продолжал свою «бессменную вахту».

Из письма ветеранов военной разведки председателю Советского комитета ветеранов войны Маршалу Советского Союза Семену Константиновичу Тимошенко от 3 августа 1964 года:

«В 1933–1937 гг. полковнику Григорьеву Г. П., находившемуся в спецкомандировке в Италии, по поручению командования Главного разведывательного управления удалось установить нелегальную переписку с Маневичем».

чем Л. Е. и оказывать ему в рамках, допустимых итальянскими законами, материальную помощь.

В этот промежуток времени, зная слабое состояние здоровья тов. Маневича Л. Е., командование разрешило ему обратиться к итальянским властям с просьбой о помиловании. Тов. Маневич Л. Е. отказался воспользоваться этим разрешением, не желая унижаться перед фашистами, а с другой стороны, не желая вносить смятение в ряды политзаключенных, которые восприняли бы эту просьбу как признак недостаточной партийной стойкости.

Здоровье его было не блестящим, об этом говорит тот факт, что примерно через год на предложение командования организовать его побег он ответил, что будет не в состоянии воспользоваться этим, так как физически очень слаб.

В 1937 г. связь с тов. Маневичем Л. Е. была потеряна».

Рассказывать о событиях 1937-го и ряда последующих лет, нанесших воистину сокрушительный удар и по советской военной разведке, не имеет смысла. Уточним лишь, что в 1938 году был арестован и вскоре расстрелян Ян Карлович Берзин. В 1936–1937 годах он был в Испании главным советником Республиканской армии, по возвращении награжден орденом Красного Знамени, но почему-то направлен на Дальний Восток, в Особую Краснознаменную Дальневосточную армию. Связь между гибелью Берзина и утратой связи с Этьеном весьма вероятна...

25 июля 1943 года был арестован Муссолини и в Италии была восстановлена конституционная монархия. 3 сентября войска союзников стали высаживаться на юге Апеннинского полуострова, а 8 сентября Италия капитулировала. Однако уже на следующий день Центральную и Северную Италию оккупировали немецкие войска.

События эти коснулись, разумеется, и Маневича. Немецкое командование перевезло всех заключенных — поданных Германии в концлагерь Маутхаузен. «Австриец» Корнер также считался гражданином рейха, а потому имел вполне реальную возможность оказаться в руках немецких следователей, которые вряд ли бы ограничились констатацией факта работы разведчика на «неопределенное государство»... И тогда Корнер «умер». А вместо него, пользуясь неразберихой, которая все больше охватывала разваливающуюся гитлеровскую машину, в лагере появился «полковник Яков Никитович Старостин». Лев Ефимович взял имя того самого товарища, у которого семья Маневичей жила по приезду в Москву.

Изменить фамилию несложно. Гораздо труднее «надеть» на себя чужую жизнь, сочинить себе новую биографию. Особенно человеку, уже 13 лет оторванному от родины, от ее реалий, от той войны, которую более двух лет вел Советский Союз и в которой «полковник Старостин» хоть сколько-нибудь должен был участвовать. «Легенда» должна была звучать убедительно не только для врагов, но и для своих, для советских военнопленных — не только потому, что среди них мог оказаться провокатор, но и потому, что сам Этьен мог попасть под подозрение новых своих товарищей. Трупы заключенных, подозревавшихся в сотрудничестве с лагерной администрацией или гестапо, порой находили в выгребных ямах.

Маневич сумел сделать то, что обычно делает достаточно большой коллектив: создать себе безупречную «легенду». С одной стороны, его новая биография не привлекла к нему интереса гитлеровцев, с другой — обеспечила стопроцентное доверие товарищей. Мол, сотрудник одного из тыловых управлений, попавший в плен в первые дни войны. «Старостин» быстро завоевал высокий авторитет среди узников, вошел в руководство лагерного Сопротивления. Так было и в Маутхаузене, и в Мельке,

и в Эбензее — последнем узилище Этьена... Он был уже смертельно болен, но дух его — как бы это красиво ни звучало, воспаривший над материей, не был сломлен. За несколько дней до смерти он совершил свой последний подвиг.

Когда узников Эбензее отделяли от освобождения уже считанные часы, руководство концлагеря решило замести следы своих преступлений — впрочем, так старались делать и в других лагерях. Спротивлению стало известно, что под предлогом спасения от воздушных налетов союзников охрана лагеря собирается загнать узников в штольню, а затем ее взорвать. Когда тысячи заключенных были собраны на плацу, «полковник Старостин» с помощью товарищей поднялся над толпой и на нескольких языках обратился к людям, предупреждая их об опасности. А ведь на сторожевых вышках еще оставались охранники с пулеметами! Но немцы не рискнули открыть огонь.

Вскоре лагерь был освобожден американскими войсками. Маневич вышел на свободу — через 13 лет заключения! Вышел лишь для того, чтобы умереть свободным: он скончался 11 мая 1945 года в гостинице «Штайнкогель», где были размещены бывшие узники Эбензее. Последними словами его были: «Передайте в Москву, я — Этьен».

В романе «Земля, до востребования» звучит также фраза: «Чтобы семью не оставили...», однако, по свидетельству тех, кто был рядом с умирающим, сказано было совершенно по-иному: «Скажи, чтобы не трогали жену и дочь, я ни в чем не виноват...»

По счастью, Маневича никто и ни в чем не обвинил, репрессии его семьи не коснулись. Жена, Надежда Дмитриевна, служила в военной разведке, ушла в запас в чине подполковника...

Американцы похоронили «полковника Старостина» с воинскими почестями, с ружейным салютом. Через несколько лет прах Этьена перенесли на кладбище Святого

Мартина в городе Линце, а в 1965 году он наконец вновь обрел свое имя — на могильном памятнике... О советском военном разведчике Маневиче-Этьене стало известно всей стране, всему читающему миру. Только тогда о его судьбе узнала и его семья, долго и безнадежно обивавшая в бесплодных поисках пороги больших кабинетов.

Татьяна Львовна Попова-Маневич до сих пор считает несколько дней, проведенных с отцом в Вене, самыми счастливыми в своей жизни. К рассказу о дочери Этьена, свято хранящей память об отце, следует добавить, что во время Великой Отечественной она закончила Военный институт иностранных языков, работала по линии разведки. В конце войны ей довелось переводить на русский язык не только гитлеровский план «Барбаросса», который наши разведчики обнаружили в сейфах руководства рейха, но и надписи на немецких знаменах — отбирали из них самые значимые, — которые во время Парада Победы 24 июня 1945 года были брошены на брусчатку Красной площади.

Более чем за десять лет до начала Великой Отечественной войны военный разведчик Лев Ефимович Маневич помогал своей стране готовиться к грядущим испытаниям. Его дочь помогла поставить в этой войне последнюю точку.

Часть 3

Закат империи

ИОСИФ СТАЛИН: ГОДЫ ОДИНОЧЕСТВА

5 марта 1953 года, как свидетельствуют исторические хроники, скончался Иосиф Сталин — четвертый руководитель советского правительства и первый генеральный секретарь ЦК КПСС. По своей роли в истории Российского государства и влиянию на ход человеческого развития он ставится исследователями в один ряд с Иваном Грозным, Петром Великим, Владимиром Лениным.

Этот человек, достигший в земной жизни самых высоких вершин власти, на склоне лет был трагически одинок. Сына Якова отобрала у него война, неудачное начало которой он не сумел предотвратить, дети от второго брака — Василий и Светлана доставляли отцу в основном неприятности и огорчения. Один пьянствовал и позорил семью своим поведением, другая никак не могла устроить личную жизнь. Близких друзей у постаревшего вождя уже не осталось. Сергея Кирова сгубили в 1934-м его жизнелюбие и неосмотрительность, чем не замедлили воспользоваться враги Сталина. Серго Орджоникидзе не выдержал накала политической борьбы 1937-го. Климент Ворошилов как-то скромно отошел на вторые роли, будучи оттеснен коварными и более молодыми членами Политбюро.

Этих новых сподвижников или, как их порой называют публицисты, «младотурков» — Георгия Маленкова, Лаврентия Берию, Никиту Хрущева, Николая Булганина — Сталин ценил за работоспособность и личную преданность, готовность выполнить любое его указание. Но они были все же чужие по внутреннему миру, хоть и скрашивали тоскливые вечера одинокого старика в последние годы его жизни веселыми застольями на ближней даче в Кунцево. Правитель не мог не понимать, что при первой возможности они не упустят момента взять власть, к которой он, выходец с Кавказа, шел столько лет и пролил на пути к ней столько крови, чтобы возродить на просторах северо-западной Евразии мощную империю.

Не было у руководителя Советской державы иллюзий и относительно оставшихся представителей «старой гвардии» — Вячеслава Молотова, Лазаря Кагановича, Анастаса Микояна, внешне сохранявших лояльность, но в начале 1950-х больше думающих о своей судьбе в послесталинский период. Жестокая жизнь во власти научила Сталина не доверять никому, видеть в каждом из членов Политбюро потенциального претендента на первую роль в государстве. Собственно говоря, эта осторожность, перерастающая нередко в мнительность, обеспечила Сталину политическое долголетие, позволив переиграть сильных соперников и оппонентов — Троцкого, Зиновьева и Каменева, Бухарина и Рыкова.

Впрочем, и вся послесталинская советская история свидетельствует, что это было оправданно. Утрачивавший бдительность лидер становился жертвой «единомышленников»: кого явно отстраняли от власти, как Хрущева и Горбачева, кто как-то странно заболел и досрочно ушел в мир иной при туманных объяснениях медиков...

О своем преемнике Сталин не раз задумывался после Победы в 1945-м, тем более что старость все более давала о себе знать, мучили приступы резкого повышения кро-

вяного давления. Первый инсульт поразил Сталина уже в октябре 1945-го, но тогда, к счастью для него, не произошло кровоизлияния в мозг.

Первоначально вождь остановил выбор на своем первом заместителе в Совете министров СССР, министре иностранных дел Молотове. Решение было логичным: Вячеславу Михайловичу в 1945 году было 55 лет, имел солидный дореволюционный стаж в партии, с 1921 по 1930 год — секретарь ЦК, затем, почти до самой войны, — председатель Совета народных комиссаров СССР. Огромный политический опыт. Но сгубила жена, с которой он имел обыкновение делиться многим, а та — со своими знакомыми, чем не замедлили воспользоваться конкуренты...

Другим фаворитом Сталина стал после войны секретарь ЦК Андрей Жданов (моложе Молотова на шесть лет), сконцентрировавший в своих руках власть над партийным аппаратом и идеологической линией ВКП(б). Импонировал Иосифу Виссарионовичу и младший Жданов, очень неглупый молодой человек, ставший, конечно, не без протекции отца в 28 лет (!) заведующим отделом науки ЦК. Не случайно Сталин не противился в 1949 году браку молодого и перспективного партийного функционера Юрия Жданова со своей дочерью Светланой, надеясь, что это замужество хоть как-то остепенит ее (как вскоре выяснилось, напрасно).

Сам Андрей Александрович Жданов на свадьбе сына не присутствовал. Как говорят, человек предполагает, а Господь располагает. 31 августа 1948 года 52-летний секретарь ЦК неожиданно умер от инфаркта миокарда, который кремлевские врачи не сумели вовремя обнаружить, не поверив тревожной кардиограмме (соответствующие приборы только появились в «кремлевке», и мэтры не очень доверяли техническим новшествам). Умер он своей смертью или ему помогли, история умалчивает. Спекулятивных версий хватает, но утверждать что-либо однозначно сегодня невозможно.

Кончина Жданова нарушила баланс сил в Политбюро. Начался новый раунд соперничества за близость к вождю. А при жизни Жданова к 1948 году расклад сил на кремлевском олимпе выглядел так. С одной стороны, мощная «ленинградская группа», в которую входили член Политбюро, заместитель председателя Совета министров и председатель Госплана Николай Вознесенский (1903 г. р.), секретарь ЦК, начальник управления кадров ЦК ВКП(б) Алексей Кузнецов (1905 г. р.), член Политбюро, заместитель председателя Совета министров СССР Алексей Косыгин, курировавший легкую промышленность и финансы (1904 г. р.), первый секретарь Ленинградского обкома партии Петр Попков (1903 г. р.). К ним примыкал выходец из Горького Михаил Родионов, возглавлявший Совет министров РСФСР (1907 г. р.).

Этой группе противостояла коалиция секретаря ЦК Георгия Маленкова и наркома внутренних дел Лаврентия Берии. Лаврентия Павловича, проявившего в годы войны не только большой организаторский талант и сильную волю, но и властолюбивые наклонности, Сталин перед самым Новым, 1946 годом рассудительно снял с должности наркома внутренних дел. Ему было поручено заниматься на посту заместителя председателя Совета Министров реализацией атомного проекта и курировать топливно-энергетический комплекс, где в больших масштабах использовался труд узников ГУЛАГа. На время Берия вышел из «ближнего круга» вождя, хотя по-прежнему считался в стране его доверенным лицом.

Приближенного к Берии министра государственной безопасности Всеволода Меркулова в 1946 году на всякий случай тоже освободили от должности в силовых структурах, поручив руководить Главным управлением советского имущества за границей (Меркулов был человеком самобытным, не похожим на своих коллег, увлекался драматургией, сам писал пьесы под псевдонимом; одну из них — «Инженер Сергеев» — даже поставили на сцене).

Новым шефом МГБ стал 38-летний Виктор Абакумов, руководивший в годы войны Главным управлением контрразведки Смерш Наркомата обороны СССР. Его тестем был один из сильнейших экстрасенсов того времени московский врач Н. Смирнов, который в 1920-е годы гастролировал по стране с сеансами гипноза под псевдонимом Орнальдо (позднее НКВД привлек его к работе в интересах органов).

Попал в опалу и секретарь ЦК Маленков, возглавлявший одновременно Управление кадров ЦК. Он оказался причастен к «авиационному делу» 1946 года, когда группу руководителей авиационной промышленности и ВВС обвинили в сокрытии фактов выпуска бракованной продукции. Маленков как член Госкомитета обороны курировал в годы войны авиационную промышленность и ему еще повезло, что дело ограничилось изгнанием из аппарата ЦК (на его место взяли из Ленинграда Кузнецова) и назначением заместителем председателя Совета министров СССР. Георгию Максимилиановичу, видимо, пригодился огромный аппаратный опыт, когда он работал в середине 1930-х годов в аппарате ЦК под руководством небезызвестного Николая Ежова.

«Старики» Молотов, Ворошилов, Каганович благодушно наблюдали со стороны, а сражались между собой молодые «ленинградцы» и тандем Маленков — Берия. Шансы выходцев из города на Неве казались поначалу предпочтительнее. Даже после смерти Жданова и возвращения летом 1948-го на пост секретаря ЦК Маленкова они располагали более значительными аппаратными возможностями. Было, в частности, немаловажным, что Кузнецов курировал кадровую политику и правоохранительные органы, в том числе МГБ. У него сложились с Абакумовым хорошие отношения, перераставшие не раз в дружеские застолья.

«Ленинградцев» убаюкало внимание к ним Сталина, который в частных разговорах давал понять, что Воз-

несенский и Кузнецов могут рассчитывать принять из его рук эстафету управления страной: один — как глава правительства, а второй — во главе партии. Но, лишенные поддержки умершего Жданова, его питомцы стали совершать аппаратные ошибки. Не остались незамеченными Сталиным заносчивость и высокомерие Вознесенского, его неосторожные высказывания, позволяющие упрекать председателя Госплана в великорусском шовинизме. Можно предположить, что творилось в душе выходца с Кавказа Сталина, когда ему сообщали о националистических высказываниях его фаворита.

Тем временем Маленков и Берия обрели новых союзников. К ним примкнули заместитель председателя Совета министров СССР Максим Сабуров и министр химической промышленности Михаил Первухин, в 1950 году ставший заместителем председателя Совета министров СССР.

К несчастью для «ленинградцев», в 1949 году возникло обвинение второго секретаря Ленинградского горкома партии Якова Капустина в «связях с английской разведкой» (в 1935–1936 годах после окончания индустриального института он проходил стажировку на английских предприятиях). Как возникло это тяжкое обвинение, до сих пор неясно, так как соответствующие архивы закрыты для исследователей. Был это донос или оперативная информация МГБ, а может быть, как нередко бывало в те времена, вымысел следователя, выполнявшего заказ сверху? Нельзя исключать, что фальшивку подбросила сама английская разведка, расчищавшая дорогу кому-то из «своих». Впрочем, без архивных документов это только предположение.

Летом 1949-го Вознесенского и Кузнецова арестовали, а 1 октября 1950 года по приговору военной коллегии Верховного суда СССР они были расстреляны. Интересно, что казнь представителей «ленинградской группы» проходила в отсутствие Сталина, который слег с высоким давлением в начале августа 1950-го и не появлялся в кремлевском

кабинете до середины декабря. Это было уже не первое вынужденное «затворничество» вождя, который проболел почти пять месяцев во второй половине 1947 года.

Но если тогда страной управляли «ленинградцы» во главе со Ждановым и Вознесенским, то теперь у руля встали Маленков и Берия, заручившиеся поддержкой зампредсовмина Булганина, курировавшего вооруженные силы, и возвращенного в декабре 1949-го в столицу из Украины Хрущева, ставшего секретарем ЦК КПСС и одновременно первым секретарем Московского горкома партии. Новые визири не замедлили свести счеты со своими поверженными соперниками. После выздоровления «хозяин» мог и пощадить Вознесенского, санкцию на арест которого он дал не без колебаний.

В 1950 году вновь стало возрастать влияние Берии, который сумел доказать Сталину свою полезность в качестве куратора атомного проекта. Благоприятное впечатление на Сталина произвели успешные испытания ядерного оружия, в чем несомненна и заслуга Лаврентия Павловича, сумевшего наладить нормальные рабочие отношения с большинством ученых. В специальном постановлении ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР Берии была выражена благодарность «за организацию дела производства атомной энергии и успешное завершение испытания атомного оружия». Ему присвоили звание лауреата Сталинской премии первой степени. Понятно, что это были знаки внимания правителя, который вновь приближал своего земляка, умевшего быть полезным.

Образовавшийся «квартет» (Маленков, Берия, Булганин, Хрущев) добился в феврале 1951 года принятия двух важных решений Политбюро ЦК, закреплявших их доминирующее положение на олимпе власти (причем решения принимались опросом, без проведения заседания). Во-первых, председательствование на заседаниях президиума Совета министров СССР и бюро президиума было воз-

ложено поочередно на заместителей председателя Совета министров СССР Булганина, Берию и Маленкова (такая очередность устанавливалась постановлением Политбюро ЦК). Им поручалось также рассмотрение и решение текущих вопросов. Постановления и распоряжения Совета министров СССР предписывалось издавать за подписью председателя Совета министров СССР Сталина.

Но фактически больной вождь самоустраивался (устраивался?) от решения оперативных вопросов управления страной. Молотов, Микоян и Каганович были выведены из бюро президиума Совмина, и тем самым они утрачивали возможность влиять на формирование государственной политики. «Триумvirат» (Булганин, Берия и Маленков) де-факто переносил решение основных вопросов из ЦК в Совмин, оставляя за партийным аппаратом идеологические вопросы, связь с зарубежными коммунистическими партиями, подбор (совместно с органами госбезопасности) кадров для партийной и государственной работы.

Во-вторых, Булганин вернул себе руководство военно-промышленным комплексом. В Совмине было создано бюро по военно-промышленным и военным вопросам, призванное координировать деятельность четырех министерств (авиационной промышленности, вооружения, вооруженных сил и военно-морского флота).

Важнейшее значение для дальнейшего развития событий имело отстранение от дел министра госбезопасности Абакумова. И у Маленкова, и у Берии были личные основания ненавидеть шефа МГБ. Абакумов имел непосредственное отношение к «авиационному делу» 1946 года, стоившему Маленкову как куратору авиационной промышленности должности секретаря ЦК. А Берия не мог простить ему изгнания из министерства приближенных к нему высокопоставленных чекистов и ареста в ноябре 1950-го своего личного врача Я. Этингера, умершего в тюрьме от пыток через четыре месяца.

Маленкову удалось скомпрометировать преданного Сталину министра. На стол в кабинете вождя легло письмо никому не известного офицера МГБ Михаила Рюмина, работавшего одним из следователей следственной части по особо важным делам. В докладе Абакумов обвинялся во многих грехах, утрате бдительности, бытовом разложении, а главное — в попустительстве «террористическим замыслам» кремлевских врачей.

Играя на болезненной мнительности теряющего физические и эмоциональные силы вождя, Маленков уговорил его в августе 1951 года назначить новым шефом МГБ «своего человека» — заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) Семена Игнатъева, прибывшего на Старую площадь с поста уполномоченного ЦК по Узбекистану. Абакумова же в духе «лучших традиций» того времени в июле 1951-го взяли под стражу, нещадно пытали, чтобы добиться признаний в измене (расстреляли его только в декабре 1954-го, когда власть уже перешла к Хрущеву). Первым же замом у Игнатъева стал грузин по национальности генерал Гоглидзе...

Складывающаяся в государственном руководстве кадровая ситуация не устраивала Сталина. Он никак не мог определиться, кого после расправы с «ленинградцами» можно назвать «кронпринцем». Судя по всему, никто из имеющихся членов Политбюро не устраивал его в роли нового лидера мощной державы, созданной по истине «железом и кровью».

Вождь давно размышлял над оптимальной моделью государственного управления. Роль партийного аппарата он никогда не абсолютизировал и подходил к ней сугубо прагматически, рассматривая его как один из элементов государственного механизма управления, как важный, но не единственный инструмент социального управления. Тем более вождь был хорошо осведомлен по каналам МГБ об истинном лице представителей высшей партийной номенкла-

туры, случаях ее нравственного перерождения. Присвоение трофейного имущества, ставшее довольно распространенным явлением, было лишь верхушкой айсберга.

Сталин, хотя номинально и являлся генеральным секретарем ЦК, но предпочитал подписывать партийные документы как просто секретарь ЦК. Приоритет он отдавал, как и Ленин, работе на должности руководителя правительства, поручая вести партийные дела одному из секретарей ЦК, который был вторым человеку в аппарате ЦК. Эту функцию выполняли Каганович, Жданов, Маленков.

Еще в 1936 году Сталин затевал радикальную перестройку модели управления страной. Видение им модели управления Советским Союзом, который в географических границах представлял в общем и целом Романовскую империю (за исключением некоторых периферийных территорий), нашло отражение в Конституции 1936 года. В ее создании принимал непосредственное участие сам вождь, лично написавший девятую главу «Избирательная система».

В новом основном законе страны Сталин постарался четко очертить место партии в механизме государственного управления. Партия в «сталинской» Конституции определялась как «ядро общественных организаций». Иосиф Виссарионович не считал целесообразным законодательно фиксировать руководящую роль компартии. Положение о ее руководящей роли было, как известно, введено в основной закон СССР при Л. И. Брежневе по настоянию партийных идеологов, не способных уже в середине 1970-х годов обеспечить лидерство партии в советском обществе только методами разъяснительной и организаторской работы.

Свои взгляды на систему управления страной Сталин в 1930-е годы в полной мере так и не сумел реализовать. Сказались и скрытое неприятие новой избирательной системы со стороны руководителей региональных партийных комитетов, и необходимость сконцентрировать усилия на

подготовке страны к новой мировой войне в связи резким возрастанием агрессивности нацистской Германии. Государственную власть так и не удалось сконцентрировать в Совете министров. Партийные комитеты продолжали во многом дублировать органы исполнительной власти, занимаясь несвойственными политической партии функциями, а с началом войны обстановка заставила фактически интегрировать аппарат ЦК и Государственный комитет обороны в единый механизм.

Дублирование органов партийными комитетами было оправданно в 1920-е годы, когда речь шла о контроле за старорежимными чиновниками со стороны правящей партии, но в 1940-е социальный состав интеллигенции сильно изменился: выросло ее «красное» поколение, воспитанное на идеях марксизма-ленинизма.

В послевоенные годы Сталин уже не вернулся к идее реформирования политической системы СССР. Завершив победой одну великую войну, страна была вынуждена вступить в не менее судьбоносную конфронтацию, получившую название «холодная война». Ее исход известен. Конечно, поживи еще Франклин Рузвельт, у которого установились со Сталиным хорошие межличностные отношения, несмотря на радикальную несхожесть идеологических убеждений, развитие наших отношений пошло бы, возможно, по другому, более благоприятному для СССР пути. К сожалению, во внешней политике США верх взяла группа «ястребов» во главе с новым президентом Гарри Трумэном, нацелившаяся на достижение американской гегемонии в мире...

С августа 1951 по февраль 1952 года Сталин ни разу не приезжал на работу в Кремль. Видимо, вновь дало о себе знать повышенное давление. В отсутствие вождя в декабре 1951-го было принято решение о созыве осенью 1952 года XIX съезда партии (откладывался пять лет). Выступление с отчетным докладом поручалось Маленкову, о директивах по новому пятилетнему плану — ставшему

председателем Госплана Сабурову, об изменениях в уставе партии — Хрущеву.

Поправившись и появившись в Кремле после полугодового отсутствия, вождь, судя по его дальнейшим действиям, решил навести порядок в верхнем эшелоне власти, переформировать его так, чтобы и после него было обеспечено надежное, в его понимании, государственное управление. Сталина, как вспоминал Молотов, угнетало, например, что в советском руководстве никто глубоко не разбирался в оборонных вопросах. Он как-то сказал соратникам по Политбюро: «Что с вами будет без меня, если война? Вы не интересуетесь военным делом. Никто не интересуется, не знает военного дела. Что с вами будет? Империалисты вас передушат».

Да и специалистов в стратегии экономического развития после расстрела Вознесенского в верхах явно не хватало. Поэтому в последний год жизни правитель упорно работал над брошюрой «Экономические проблемы социализма в СССР», где он пытался изложить свое видение приоритетов экономической политики СССР на ближайший период. Но, к его огорчению, членов Политбюро, видевших медленное угасание вождя, больше занимали аппаратные интриги, чем разработка теоретических проблем экономической стратегии. Собственно говоря, Сталин был последним руководителем нашей страны (за исключением Юрия Андропова), понимавшим роль теории в жизни общества и важности выработки стратегической линии развития страны, к тому же имевший «вкус» к самостоятельной интеллектуальной работе.

В последние годы жизни Сталина в поле его внимания оставались вооруженные силы, расстановка ключевых фигур в военном ведомстве. В июле 1951 года, незадолго до нового приступа болезни, он вернул на должность военно-морского министра адмирала Николая Кузнецова. Не менее удачным было и назначение в 1949 году воен-

ным министром начальника Генерального штаба маршала Александра Василевского, одного из самых выдающихся военачальников того времени. В их лояльности Сталин мог не сомневаться: все они были людьми дела, предпочитающими интригам служение государству.

Трагедия Сталина, как и многих других государственных деятелей его масштаба, заключалась в том, что ему так и не удалось создать систему преемственности власти. Его кадровые решения послевоенного времени так и не позволили найти человека в тогдашней советской элите, способного мудро управлять в новой исторической обстановке, когда требовалась хорошо продуманная модернизация страны, отказ от жестокой внутренней политики, закрепощавшей созидательные силы народа, прекращение массовых репрессий.

Но Сталин, как, впрочем, и другие правители его уровня, видел в людях только «человеческий материал», время от времени сильными мира сего подбрасываемый в топку истории. Это видно и по его отношению к земляку Берии, сделавшему очень много, чтобы Иосиф Виссарионович удержался у власти в конце 1930-х годов. В начале 1950-х вождь вроде бы вновь впустил Лаврентия в свой «узкий круг». Но Сталин не был бы Сталиным, если бы стал доверять бывшему шефу госбезопасности, постигшему многие секреты подлинного механизма власти. Тем более вождь в глубине души глубоко обиделся, что Лаврентий Павлович и его жена воспротивились браку их сына со Светланой после ее развода с сыном Жданова. А личных обид Иосиф Виссарионович никому не прощал.

Внешне Лаврентий Павлович вновь пользовался доверием властелина Кремля. Но по его указанию в 1951 году на квартире матери Берии в Грузии были установлены подслушивающие устройства. А поступавшие к Сталину через его земляков на родине и генерала Власика сигналы о распространенном среди грузинских руководителей

взяточничестве предоставили удобный повод начать «операцию Лаврентий». Министр госбезопасности Грузии генерал Н. Рухадзе, у которого давно сложились с Берией неприязненные отношения, получил указание расследовать дело о «мингрельском национализме», в котором обвинялись коррумпированные грузинские функционеры. По линии Политбюро партийную комиссию по расследованию деятельности «мингрельской националистической организации» поручили возглавить... Берии, мингрелу по национальности. Репрессии против его земляков призваны были унижить Берию и подорвать его авторитет на родине.

Советская разведка стала готовить похищение лидеров грузинских меньшевиков в Париже (дядя жены Берии, Нины Гегечкори, был министром иностранных дел в эмигрантском меньшевистском правительстве в Париже). В 1952-м чистки среди мингрелов в Грузии были в разгаре, рано или поздно кто-то из арестованных мог бы дать и нужные показания против Берии. Рассчитывать на чью-либо помощь ему не приходилось. Маленков безучастно наблюдал за тем, как его союзника загоняют в угол... Сталин же злорадно наблюдал, как намертво затягивается петля на шее слишком много знающего и не в меру «шустрого» Лаврентия...

Внутренний мир Иосифа Виссарионовича вообще остается большой загадкой для исследователей. О нем можно судить лишь отчасти по пометкам на страницах книг, подбору библиотеки (только личная библиотека Сталина на его кунцевской даче насчитывала 20 тысяч книг!), письмам родным, где Сталин чуть-чуть приоткрывался. Подлинная суть его личности, как представляется, до сих пор так и не понята.

Остаются загадкой его отношения с крупным мистиком XX века Георгием Гурджиевым, оказавшим влияние на мировоззрение молодого Иосифа Джугашвили. Оба

учились в одной и той же Тбилисской духовной семинарии, Иосиф позднее посещал квартиру своего старшего товарища и «наставника». Известно, что одну из глав своей книги «Встречи с выдающимися людьми» Гурджиев назвал «Князь Нижарадзе» (этим псевдонимом Сталин пользовался в годы первой русской революции 1905–1906 годов), но затем уничтожил этот раздел по чьему-то совету.

Гурджиев, как известно, основал в Петрограде уже после Октябрьской революции эзотерическую организацию «Единое трудовое содружество». После отъезда мистика в Турцию его «ученики» создали «Единое трудовое братство», в которое вошли высокопоставленный чекист Глеб Бокий (заместитель председателя Петроградской ЧК, а позднее руководитель одного из отделов НКВД), художник Николай Рерих и его сын востоковед Юрий Рерих, а также Иван Москвин. Последний позднее стал заведующим отделом распределения административно-хозяйственных кадров ЦК ВКП(б), давшим путевку в «большую жизнь» молодым партийным работникам Николаю Ежову и Георгию Маленкову. Так что второй человек в партии (к марту 1953-го) Георгий Максимилианович был более чем «не прост», как и его выдвиженцы Сергей Круглов (министр внутренних дел) и Николай Шаталин (в последние годы жизни Сталина заведующий планово-финансово-торговым отделом ЦК).

Свои последние кадровые замыслы вождь попытался реализовать, воспользовавшись политическим опытом Ленина, предложившим незадолго до смерти значительно расширить состав ЦК. Этот же прием Сталин применил, воспользовавшись решением о созыве партийного съезда. На партийном форуме он добился замены малочисленного Политбюро Президиумом ЦК в составе 25 членов и расширения состава секретариата ЦК до 10 человек. Во вновь сформированные высшие органы КПСС была влита «свежая кровь». Так, членами Президиума ЦК стали министр

судостроительной промышленности Вячеслав Малышев, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Николай Михайлов, секретарь ЦК Пантелеймон Пономаренко, главный редактор журнала «Вопросы философии» Дмитрий Чесноков; секретарями ЦК — Аверкий Аристов, Леонид Брежнев, Николай Игнатов, Николай Пегов. И что интересно, этих «новичков» переместили на другие должности уже в первый месяц после смерти Сталина.

На организационном пленуме, состоявшемся сразу же после съезда, Сталин озадачил своих соратников двумя поступками. Во-первых, он предложил освободить его от должностей генерального секретаря ЦК и председателя Совета министров СССР в связи с преклонным возрастом. Предложение, хотя и было отвергнуто по инициативе Маленкова (по некоторым свидетельствам, Георгий Максимилианович был испуган словами вождя — он явно не ожидал этого хода), вызвало шок у участников пленума. У исследователей до сих пор нет единого мнения, что означал этот поступок Сталина: прощупать настроения соратников или искреннее желание снять с себя тяжелую ношу правителя великой державы? К сожалению, отсутствие доступных ученым материалов пленума (по официальной версии, стенограмма пленума почему-то не велась) не позволяет сделать однозначных выводов.

Во-вторых, Сталин публично обрушился на пленуме с критикой на двух партийных «аксакалов» — Молотова и Микояна. Обоих, хотя и избрали в состав Президиума, не ввели в состав его бюро. Многие историки рассматривают это событие как «черную метку» этим партийным деятелям. Но думается, это не совсем так. И после пленума опальные Молотов и Микоян имели возможность напрямую общаться с вождем, в том числе в неформальной обстановке. Скорее, Сталин затевал более сложную аппаратную интригу, жертвой которой должны были пасть некоторые другие члены государственного руководства...

Необычное поведение Сталина на съезде не могло не встревожить высшую советскую элиту. Становилось ясно, что правитель что-то замышляет. Эту догадку подтвердили позднее воспоминания посла Индии в СССР К. Менона, который обратил внимание, что в ходе их беседы в Кремле 17 февраля 1953 года Сталин рисовал на листках блокнота волков и как бы невзначай, отвлекаясь от темы дипломатической беседы, заметил, думая о чем-то своем, что крестьяне поступают мудро, уничтожая бешеных волков. Кремлевский руководитель, по словам индийца, выглядел в день встречи вполне здоровым.

Правда, побывавший спустя всего несколько дней на докладе у Сталина заместитель начальника разведки МГБ Павел Судоплатов несколько иначе нарисовал облик вождя: «Я увидел уставшего старика. Сталин очень изменился. Его волосы сильно поредели, и хотя он всегда говорил медленно, теперь он явно произносил слова как бы через силу, а паузы между словами стали длиннее. Видимо, слухи о двух инсультах были верны...»

А в один из последних дней февраля (еще до 28 февраля) Сталин предложил собравшимся у него на даче соратникам посмотреть голливудский фильм, название которого, по некоторым воспоминаниям, было что-то вроде «Возмездия». Его сюжет должен был послужить гостям намеком: пиратская шхуна XVIII века, подозрительный и жестокий капитан постепенно уничтожает членов своей команды, заподозренных в предательстве и намерении сдать корабль властям. Последним он убивает своего помощника и в помешательстве направляет корабль на скалы, чтобы он не достался врагу. Членам Политбюро пришлось по настоянию Сталина смотреть фильм дважды. Намек, разумеется, они поняли...

Следует отметить, что еще в 1952 году в ближайшем окружении Сталина стали происходить странные события. В апреле вождь дал согласие на отстранение от должности, а

затем и арест (в декабре) многолетнего руководителя своей личной охраны Николая Власика — начальника Главного управления охраны МГБ СССР, которого больше всего в Политбюро ненавидел Берия за его провоцирование «мингрельского дела». Грешки за генералом, пользовавшимся полным доверием своего патрона, бесспорно, водились (перерасход средств на обслуживание государственного руководства, несанкционированные контакты с нежелательными персонами, развлечение с дамами).

Но много ли было на Руси вельмож, не злоупотреблявших своим положением? Да и прегрешения Власика никак не «тянули» на государственные преступления. Тем не менее Иосиф Виссарионович, подначиваемый Маленковым и Берией, не ограничился взбучкой генералу. Ему показалось недостаточным назначение высокопоставленного чекиста заместителем начальника управления лагеря в Свердловской области.

Вскоре в опалу попал и заведующий особым сектором ЦК Александр Поскребышев, через которого проходили все документы, поступающие к Сталину. Именно Поскребышев, руководивший личной канцелярией вождя, регулировал доступ посетителей в его кремлевский кабинет. А в середине февраля 1953 года неожиданно умирает достаточно молодой (около пятидесяти) генерал Петр Косынкин — комендант Кремля, назначенный на эту должность из охраны вождя.

Руководство Главным управлением охраны и комендатурой Кремля перешло непосредственно к Игнатьеву. К началу 1953 года сложилось положение, когда только два человека — Игнатьев и Маленков — владели всей информацией о личных встречах и перемещениях Сталина. Ни Берия, ни Хрущев с Булганиным не могли попасть к вождю без их ведома. Сталин фактически терял контроль над органами государственной безопасности.

Еще одним вольным или невольным ударом по самому Сталину стали чистки в лечебно-санаторном управлении

Кремля. В сентябре 1952 года его начальником стал выходец из административно-хозяйственного управления МГБ. Сменили и министра здравоохранения СССР. Несколько ранее новое руководство МГБ начало раскрывать «дело врачей» — обвинение группы видных медицинских специалистов, допущенных к лечению высших советских сановников, во вредительстве. По указанию министра Игнатьева к арестованным медикам применяли физические меры воздействия.

В круг «вредителей» был зачислен и академик Владимир Виноградов — личный врач Сталина, что фактически лишило вождя квалифицированного медицинского обслуживания. Новых врачей мнительный Иосиф Виссарионович к себе не подпускал, предпочитая самолечение народными средствами и лекарствами из обычной аптеки, которые по его просьбе покупали личные охранники.

Так что события на даче Сталина, произошедшие 1–5 марта 1953 года, рано или поздно должны были произойти. Конечно, все люди смертны, и этой участи не мог избежать даже правитель одной шестой части земной суши. Да и преклонный возраст вождя, изношенность его организма, психологическая усталость от непрекращающейся борьбы за удержание власти делали кончину человека, находившегося на восьмом десятке лет, неизбежной. Но запутанность и недомолвки очевидцев тех событий, оставивших воспоминания о драме Сталина, порождают до сих пор немало слухов и домыслов...

Далее ход событий в общем-то известен. Власть в стране перешла к четвертке: Маленков — председатель Совмина, Берия — шеф МВД, куда включили и органы госбезопасности, Хрущев — секретарь ЦК, руководящий работой всего партийного аппарата, Булганин — министр обороны. Чистка в государственном руководстве и... продолжение борьбы за власть, очередной раунд которой завершился 26 июня 1953 года арестом Берии.

ОПЕРАЦИЯ «ПРЕЕМНИК»

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко — один из ярких представителей советского поколения государственного руководства. О нем сегодня мало кто помнит в России и Белоруссии, а между тем Пономаренко при определенном стечении обстоятельств мог бы стать преемником Сталина. Возможно, он уже и стал таковым в сознании самого Иосифа Виссарионовича, но не хватило буквально нескольких дней, чтобы решение сильно постаревшего вождя было оформлено постановлением Президиума ЦК КПСС с последующим формальным голосованием в Верховном Совете СССР. К счастью для нашего поколения, свидетельства современников Пономаренко и результаты кропотливой работы ряда исследователей позволяют рассказать об этом человеке.

Родом с Кубани

Вначале приведем основные биографические данные Пономаренко, чтобы читателям не разыскивать их в энциклопедических словарях. Изначально его жизненный путь схож с биографиями очень многих людей того времени.

Он родился 9 августа (27 июля по старому стилю) 1902 года на Кубани, на хуторе Шелковском, в семье крестьянина — это Белореченский район Краснодарского края. С 12 лет работал подмастерьем в швейной мастерской. В 1918 году был призван в Красную армию и принял участие в Гражданской войне, обороняя от вооруженных формирований белых Екатеринодар (нынешний Краснодар). С 1919 года он работал на нефтепромыслах, затем на железнодорожном транспорте. С 1922 года — на комсомольской работе, спустя три года был принят в партию. Первое образование получил на Краснодарском рабфаке (1927). В возрасте 30 лет окончил Московский институт инженеров транспорта. Затем четыре года кадровой

службы в армии: там тогда очень требовались технические специалисты. С 1936-го вновь на «гражданке» — инженер Всесоюзного электротехнического института.

В общем, довольно типичная биография обычного советского человека, и ничто не предвещало стремительного карьерного взлета Пономаренко. Особых заслуг в годы Гражданской войны он не имел, в партию вступил по тем временам более чем поздно, когда окончательно стало ясно, что советская власть «всерьез и надолго». К этому времени его будущие соперники в борьбе за «кремлевский трон» — Никита Хрущев, Лаврентий Берия, Георгий Маленков — были уже крупными партийными руководителями, известными Сталину.

Так бы и остался Пантелеймон Кондратьевич скромным советским инженером или преподавателем столичного вуза, если бы наверху не разгорелась ожесточенная борьба за власть. Точнее говоря, если бы она не вступила в стадию окончательного сведения счетов между представителями «ленинской гвардии», в результате которой «верными продолжателями бессмертного дела» остались лишь Иосиф Сталин и Вячеслав Молотов, а также «примкнувший к ним» Анастас Микоян. В ходе многочисленных чисток партийный аппарат был избавлен от участников всевозможных правых и левых «уклонов», «фашистских заговоров» и т. п., т. е. фактически от всех людей, принимавших участие в Октябрьской революции и защите советской власти в годы Гражданской войны (прав был знаменитый деятель Великой французской революции Жорж Жак Дантон, с горечью сказавший членам судившего его революционного трибунала: «Революция пожирает своих детей»).

Тут оказались востребованными люди, никак не связанные с прежней партийной элитой. Стала всходить и звезда Пономаренко, только что избранного секретарем парткома института. Ключевую роль в его судьбе сыграло

знакомство по комсомольской работе на Кубани с Алексеем Семеновичем Чуяновым, который вошел в советскую историю как первый секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) периода знаменитой битвы на Волге (он руководил Сталинградской партийной организацией с 1938 по 1946 год).

В 1937 году Чуянов стал инструктором организационно-распределительного отдела ЦК партии, который занимался подбором кадров в руководящие партийные органы. В своих воспоминаниях «На стремнине века. Записки секретаря обкома», изданных уже в 1970-е годы, он так описывает свою встречу с Пономаренко — судьбоносную для последнего:

«Знакомясь с кадрами Московского электротехнического института, я обнаружил, что на посту секретаря парткома этого института работает П. К. Пономаренко. Кажется, знакомый по Корневскому району товарищ, вместе работали. Пригласил его в ЦК для знакомства. И не ошибся. Это был Пантелей Пономаренко с Кубани. Теперь научный работник института и секретарь парткома. Вспомнили дела и дни кубанских комсомольцев, работу среди казачьей молодежи. Не отпуская Пантелея из ЦК, я решил «показать» его руководству: М. А. Бурмистренко (Михаил Бурмистренко, 1902 г. р., — заместитель заведующего организационно-распределительным отделом ЦК партии; с 1938 года — второй секретарь ЦК КП(б) Украины; в августе — сентябре 1941 года — член военного совета Юго-Западного фронта, погиб в бою) заинтересовался им и представил секретарю ЦК Андрею Андреевичу Андрееву с рекомендацией использовать П. К. Пономаренко на работе в аппарате ЦК.

Предложение было принято. В подборе кадров в аппарат ЦК, в республиканские, краевые и областные органы был сделан крен в сторону молодых кадров, имеющих образование и хотя бы небольшой опыт работы на местах.

Как-то я встретил Пономаренко в приемной А. А. Андреева. Ожидая приема, мы разговорились.

— Видимо, неожиданный вызов связан с горячим делом, — сказал Пономаренко.

У Андрея Андреевича находились работники Наркомзема и ЦК. Мы сидели в ожидании. Наконец совещание кончилось, и Андрей Андреевич пригласил Пономаренко. Прошло минут тридцать, и Пантелей вышел из кабинета задумчивый и строгий. Он тихо сказал мне:

— Еду в ЦК компартии Белоруссии. — И ушел, не задерживаясь...»

Так началось восхождение Пономаренко на партийный олимп. В 1937 году он стал инструктором, а вскоре заместителем заведующего отделом ЦК, которым тогда руководил Георгий Маленков. То был период разгара «партийных чисток» в столице и в регионах. Пономаренко пришлось много бывать на местах и совместно с органами НКВД и прокуратурой вершить судьбы людей. Понятно, что «остаться в белом», когда шла волна массовых арестов, Пономаренко не мог, но, судя по сохранившимся свидетельствам очевидцев тех трагических событий, вел он себя «без фанатизма».

В аппарате ЦК партии Пономаренко проработал очень недолго, но успел хорошо зарекомендовать себя в глазах Георгия Маленкова и секретаря ЦК Андрея Андреева, а возможно, и самого Сталина. Без благосклонности вождя вряд ли бы Пантелеймон Кондратьевич сумел в 1938 году сразу «прыгнуть» на пост первого секретаря ЦК компартии Белоруссии (республику он возглавлял до 1947 года).

По мнению помощника Пономаренко Виктора Николаева, Сталин обратил внимание на Пантелеймона Кондратьевича на совещании в ЦК, когда тот не побоялся выступить против предложения одного из руководящих партработников не издавать учебник по механике для

технических вузов ввиду его «непонятного» названия. «Любой инженер это название поймет, — будто бы возразил с места Пономаренко. — Не издать эту книгу — значит лишить десятки тысяч инженеров главного учебника». И вождь согласился с мнением молодого сотрудника. Документальных подтверждений смелого по тем временам поступка, правда, не сохранилось.

Но, так или иначе, учебник Пономаренко отстоял, а вскоре, 18 июня 1938 года, его самого привез в Минск на «княжение» секретарь ЦК Андреев. Так получилось, что они прибыли в Минск, когда фактически завершился очередной съезд республиканской компартии. Более того, делегаты уже избрали состав ЦК и результаты голосования должны были быть объявлены на завершающем заседании съезда. Но это не смутило Андреева.

Сам Пономаренко так вспоминал тот эпизод своей биографии: «Нас встретил первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии А. А. Волков. Оказалось, съезд уже закончил работу. Новый состав ЦК и ревизионная комиссия избраны, но объявление результатов голосования отложено до вечернего заседания. Вечером на этом заседании с короткой речью выступил А. А. Андреев: «Центральный комитет ВКП(б) считает, что Волков не справляется со своими обязанностями. Товарищ Волков человек честный, ему не предъявляется никаких обвинений, но ЦК считает необходимым его заменить. ЦК ВКП(б) рекомендует вам ввести в состав ЦК партии Белоруссии товарища Пономаренко П. К., молодого работника, хорошо зарекомендовавшего себя на работе в отделе руководящих органов ЦК ВКП(б). Если есть к нему вопросы, он на них ответит».

Разумеется, желающих расспрашивать будущего нового лидера не нашлось. Открытым голосованием Пономаренко избрали членом ЦК, а 19 июня на пленуме ЦК — первым секретарем.

«Дураков у нас еще много»

В 1938 году, после постановления январского (1938) пленума ЦК «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляции исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков», «чистки» в партийном и государственном аппарате постепенно пошли на убыль. Однако, как вспоминал вышеупомянутый Чуянов, тогда во многих местах продолжались репрессии под девизом борьбы с «неразоружившимися врагами партии и народа». В хозяйственных и партийных органах по-прежнему царила удушливая атмосфера клеветы, нащептывания и доносов, чем умело пользовались разного рода карьеристы, авантюристы и прочие негодяи, стремившиеся устранить конкурентов и сделать себе карьеру на репрессиях.

Сталин, решив задачу устранения своих политических противников в партийном руководстве, был заинтересован в свертывании репрессий, которые стали мешать ритмичной работе партийно-государственного аппарата, но запущенную им самим машину репрессий остановить уже было крайне сложно, особенно в регионах.

В подтверждение этого суждения можно сослаться на воспоминания Артема Сергеева, воспитанного в семье Сталина (его отец трагически погиб вскоре после Гражданской войны). Он утверждает в своих воспоминаниях «Беседы о Сталине», что направление Пономаренко в Белоруссию было напрямую связано с обеспокоенностью вождя бесконтрольностью местных органов НКВД, которые все больше действовали автономно. Кстати, в мае, за месяц до прибытия в Минск Пономаренко, там заменили главу республиканского НКВД — вместо Бориса Бермана им стал Алексей Наседкин, призванный «оптимизировать» аресты.

В трактовке Артема Федоровича Сергеева это выглядело так: «Это было в 1938 году. Иосиф Виссарионович дал ему четкие указания: прекратить репрессии. Сталин сказал: «Чего они добиваются? Что им нужно? Там так много людей пострадало, и до сих пор репрессии продолжаются. Уже был пленум ЦК партии по этому вопросу (пленум проходил в январе 1938 года). А они не унимаются. По-езжайте, наведите порядок — остановите репрессии».

Пономаренко спросил: «А как это сделать?» Сталин посоветовал: «Идите в тюрьму. Берите дела, знакомьтесь с ними, вызывайте осужденного, выслушайте его и если считаете, что он осужден незаслуженно, то открывайте двери, и пусть идет домой».

Пономаренко ответил: «Но, товарищ Сталин, там местные органы и разные ведомства могут быть недовольны моими действиями и воспротивиться». Сталин подтвердил, что, конечно, не для того они сажали, чтобы кто-то пришел и выпустил. Но ведомств много, а первый секретарь ЦК один. И если не поймут, поясните им это. От того, как вы себя поставите, будут зависеть ваш авторитет и успешность работы.

Пантелеймон Кондратьевич по прибытии на место, как и посоветовал Сталин, пошел в тюрьму, запросил дела. И стал осужденных вызывать к себе по одному. Ну вот такие, например, были заключенные. В деле одного говорится: «Неоднократно нелегально переходил государственную границу». Да, формально — действительно. Поскольку, когда в 1920 году произошел передел границ, белорусское местечко оказалось разделенным на польскую и нашу части. Семьи некоторые даже оказались разделены. Этот в то время осужденный гражданин гнал хороший самогон. А на польской стороне — сухой закон. За самогоном к нему приходят с польской стороны...

Пономаренко, выслушав, ему говорит: «Иди домой. Прямо из кабинета — свободен». А мужик отказывается:

«Как это иди? До дома далеко, мне надо сначала свою пайку получить. А это будет завтра утром. Что я, до деревни голодным должен добираться? Нет, я подожду пайку».

Ушел, когда получил свою пайку.

Еще один сиделец. Поэт. Написал поэму «Сталин». Начинается первая строка со слова на букву «В», вторая — на «О», третья — на «Ш». В результате — акrostих, получается: «Сталин — вош». Пономаренко отпускает его и говорит посадившим: «Вы — неграмотные люди. «Вошь» пишется с мягким знаком».

В итоге почти всех отпустил. Конечно, в местных органах и ведомствах были недовольные — это была их работа. Но Пантелеймон Кондратьевич сказал: «Решайте, по какую сторону тюремной стены вам больше нравится». Недовольные, видимо, быстро поняли, что это не остроловие, а предупреждение, и все пошло как надо.

Когда Пономаренко докладывал об этом на Политбюро, Сталин сказал: «Передайте товарищам наше сочувствие, а поэту скажите, пусть и о тараканах не забывает. Дураков у нас еще много».

Время было жестокое

Истины ради следует сказать, что аресты в Белоруссии при Пономаренко не прекратились. Но, как справедливо указал один из исследователей жизненного пути Пономаренко, если бы в то время в Белоруссии не «приходили» за другими, то «пришли» бы за самим Пантелеймоном Кондратьевичем, который в меру возможности пытался уменьшить масштаб репрессий.

Из справки, подготовленной республиканским НКВД для Пономаренко, следует, что с 1 июня по 1 сентября 1938 года в Белоруссии было арестовано 6530 «врагов народа». Любопытно название самого документа «Статистические данные репрессированных шпионов, диверсантов и повстанцев польской, латвийской и немецкой

разведок». Интересен социальный статус арестованных: среди них кулаков — 1844, колхозников — 1762, единоличников — 640, служащих — 1268, инженеров и научных работников — 16, рабочих — 424, рабочих совхозов, МТС и МТМ — 50, техников и мастеров — 20, кустарей — 227, служителей культа — 7, домохозяек — 48, без определенных занятий — 192, домработниц — 32. Арестовано было также перебежчиков — 610, дезертиров польской армии — 84, бывших царских офицеров — 163, добровольцев белых армий — 118, бывших контрабандистов — 579, членов «католического костельного актива» — 778.

Пономаренко, безусловно, понимал, что большинство арестованных никакими «врагами народа», а тем более латвийскими или иными шпионами не являются. В июле 1939 года в письме заведующему отделом ЦК ВКП(б) Георгию Маленкову Пантелеймон Кондратьевич откровенно указал: «Особенно массовый характер имело создание провокационных дел против советских и партийных руководителей в конце 1937 года и начале 1938 года. Были исключены из партии и по провокационным материалам арестованы руководители парторганизаций Бельничского, Руденского, Сенненского, Березинского, Червенского, Сиротинского, Кормянского и ряда других районов. В течение второй половины 1937 года и начала 1938 года по прямому заданию руководства ЦК КП(б) в Белоруссии широко развернулись так называемые показательные процессы над районными руководителями. Арестовывались агрономы, директора МТС, заведующие райзо, райуполнаркомзаги, научные работники. Всякая ошибка или неудача в практической работе влекла за собой обвинение во вредительстве, шпионаже, диверсии и вызывала репрессии...»

Время было жестокое, и идти против его течения было бы самоубийственным. Поэтому неудивительно, что Пономаренко был вынужден играть по не им установленным правилам. Приходилось и ему ставить свою подпись на

«расстрельных списках». В августе 1938-го он даже направил Сталину телеграмму с просьбой увеличить для Белорусской ССР квоту по «первой категории» (расстрел) на две тысячи человек, по «второй» (тюрьма или лагерь) — на три тысячи. Известно и его выступление в Гомеле 8 июля 1938 года, в котором он требовал решительно решать задачу по «выкорчевыванию врагов».

Но, повторим, имеющиеся факты позволяют утверждать, что Пономаренко пытался ограничить масштабы «чисток». Так, он потребовал от руководителя республиканского НКВД Наседкина — о чем тот позднее письменно доложил новому главе НКВД СССР Берии — отстранить от выполнения служебных обязанностей всех работников, которые принимали участие в избиениях арестованных. Но от этой идеи пришлось отказаться: Наседкин объяснил первому секретарю ЦК, что «если пойти по этому пути, то надо 80 процентов всего аппарата НКВД БССР снять с работы и отдать под суд».

К концу 1939 года Сталин и сам все больше понимал, что с репрессиями он «перегнул палку». В декабре, как вспоминал позднее Пономаренко, он докладывал вождю в Москве о ситуации в Белоруссии и затронул вопрос о «нарушениях социалистической законности». Сталин подошел к нему и вдруг сказал с горечью, как бы оправдываясь: *«Люди на руководящие посты попадают случайные, выслуживаются как могут. А партия — единственное ведомство, которое должно наблюдать за работой всех, не допускать нарушений. Вы представляете в Белоруссии силу, выше которой ничего нет. Вы можете в любое время поднять трубку телефона и сказать мне, с чем или с кем вы не согласны. У вас неограниченные полномочия. Надеюсь, вы меня правильно поняли?»*

В 1939 году Пономаренко избрали членом ЦК ВКП(б), тогда же ему по должности пришлось стать членом военного совета Белорусского военного округа и принимать

участие в руководстве войсками, вошедшими на территорию Западной Белоруссии. А в июне 1941 года он вместе с командованием округа испил до дна горькую чашу жестокого поражения советских войск. Но в отличие от военачальников, попавших под расстрел, судьба его хранила. Очевидно, Сталин считал, что за разгром войск и сожженные на белорусских аэродромах самолеты должны ответить военачальники, не сумевшие организовать отпор агрессору.

В годы Великой Отечественной войны Пономаренко был членом военных советов 3-й ударной армии, Западного, Центрального и Брянского фронтов. С 1942 по 1944 год он руководил Центральным штабом партизанского движения при Ставке ВГК. В 1943 году ему было присвоено звание генерал-лейтенанта, а в 1944-м Пономаренко возглавил Совет народных комиссаров (затем Совет министров) Белоруссии.

Москва слезам не верит

Новой ступенькой восхождения Пантелеймона Кондратьевича на олимп власти стала должность секретаря ЦК ВКП(б), которым он был избран 1 июля 1948 года. Одновременно, с октября 1950 по декабрь 1952 года, он работал на посту министра заготовок СССР, пока не стал одним из заместителей Сталина по Совмину СССР.

Это были нелегкие годы для тех, кто находился на вершине власти. Страна постепенно приходила в себя после тяжелейшей войны, но в кругах высшей номенклатуры напряжение по-прежнему не спадало. Было ясно, что Сталин все заметнее теряет жизненные силы, а значит, впереди схватка за «трон».

Многие годы ожесточенной борьбы за власть и ее удержание не прошли бесследно для здоровья вождя. После Победы, в достижении которой несомненна и его немалая личная заслуга, он не раз тяжело болел, перенес

два инсульта. По утверждению генерал-лейтенанта Павла Судоплатова, один — после Ялтинской конференции, другой — накануне семидесятилетия, в 1949 году.

Сталин, судя по некоторым свидетельствам современников, еще в конце 1940-х годов стал задумываться о своем преемнике. Наиболее близким человеком для него был секретарь ЦК Андрей Жданов, руководивший работой Секретариата ЦК. Его сын Юрий был даже женат на дочери вождя Светлане. Но когда Жданов умер от сердечного приступа в августе 1948 года, то Иосифу Виссарионовичу пришлось выбирать новую опору из оставшегося окружения.

В конце 1940-х годов Сталин ввел в Секретариат ЦК нескольких «молодых» — Алексея Кузнецова, руководителя Ленинградской партийной организации (1946), Михаила Суслова из аппарата ЦК (1947) и Пономаренко (июль 1948). Пантелеймон Кондратьевич стал курировать по партийной линии вопросы государственного планирования, финансов, торговли и транспорта. В некоторых публикациях на эту тему утверждается, что на заседании Политбюро при обсуждении кандидатов на посты секретарей ЦК Сталин так обосновал необходимость привлечь молодых руководителей из партийных и республиканских организаций на работу в аппарат ЦК: «Пусть перенимают опыт у нас, пока мы еще живы, и приучаются к центральной руководящей работе».

В том же 1948 году вождь во время встречи с представителями высшего партийного руководства на озере Рица в Абхазии вновь завел разговор на тему преемничества. В воспоминаниях Анастаса Микояна (правда, надо учесть, что они были подготовлены к печати уже после его смерти) в деталях описывается этот эпизод: «Кажется, это был уже 1948 год. Как-то Сталин позвал всех, кто отдыхал на Черном море в тех краях, к себе на дачу на озере Рица. Там при всех он объявил, что члены Политбюро стареют

(хотя большинству было немногим больше 50 лет и все были значительно младше Сталина, лет на 15–17, кроме Молотова, да и того отделяло от Сталина 11 лет). Показав на Кузнецова, Сталин сказал, что будущие руководители должны быть молодыми (ему было 42–43 года), и вообще вот такой человек может когда-нибудь стать его преемником по руководству партией и ЦК. Это, конечно, было очень плохой услугой Кузнецову, имея в виду тех, кто втайне мог мечтать о такой роли.

Все понимали, что преемник будет русским, и вообще Молотов был очевидной фигурой. Но Сталину это не нравилось, он где-то опасался Молотова: обычно держал его у себя в кабинете по многу часов, чтобы все видели как бы важность Молотова и внимание к нему Сталина. На самом же деле Сталин старался не давать ему работать самостоятельно и изолировать от других, не давать общаться с кем бы то ни было без своего присутствия. Потом, как я говорил, он сделал ставку на Вознесенского в Совмине. Что касается Жданова, то Сталин, особенно перед войной, стал к нему хорошо относиться. Жданов вообще был хорошим человеком, но слишком слабым. В руках Сталина он мог играть любую роль. Выдвигая Кузнецова, Сталин никак не ущемлял Жданова, наоборот, усиливал его позиции — ведь Жданов сам рекомендовал его в секретари ЦК и, скорее всего, советовал отдать ему кадры и МГБ под контроль.

Самый большой карьерист и интриган был Берия. Он стремился к власти, но ему нужна была русская фигура в качестве номинального лидера. Жданов его не любил. А Маленков идеально подходил для такой роли: сам тщеславный, абсолютно безвольный, привыкший исполнять чужие приказы, к тому же в этот период задвинутый Сталиным в Совмин и замененный в ЦК Ждановым и Кузнецовым. Поэтому Берия стал развивать дружбу с Маленковым, уезжать на одной машине, проявлять внимание.

В начале сентября 1948 года неожиданно для нас во время отдыха на Валдае умирает Жданов. Мы знали о его нездоровом сердце, но не думали, что он так плох. Немедленно оживился Маленков — Сталин вернул его в Секретариат ЦК из Совмина. И если Жданов чувствовал себя спокойно, когда Кузнецов управлял кадрами, то Маленков, наверняка сговорившись с Берией, стал интриговать. Они как-то сумели убедить Сталина отправить Кузнецова на Дальний Восток, для чего придумали идею создать Дальневосточное бюро ЦК, хотя от практики региональных бюро ЦК отказался много лет назад. Как и Среднеазиатское бюро ЦК для Вознесенского, это было придумано специально как некая ступенька на случай, если Сталин не согласится на более суровые меры».

В воспоминаниях Хрущева также есть фрагмент, посвященный этой теме. Правда, точку зрения вождя на свою смену он представляет иначе: «Последние годы Сталин порой заводил речь о своем преемнике. Помню, как Сталин при нас рассуждал на этот счет: «Кого после меня назначим председателем Совета министров СССР? Берию? Нет, он не русский, а грузин. Хрущева? Нет, он рабочий, нужно кого-нибудь поинтеллигентнее. Маленкова? Нет, он умеет только ходить на чужом поводке. Кагановича? Нет, он не русский, а еврей. Молотова? Нет, уже устарел, не потянет. Ворошилова? Нет, стар и по масштабу слаб. Сабуров? Первухин? Эти годятся на вторые роли. Остается один Булганин».

«Ленинградцы» — заместитель председателя Совмина и по совместительству глава Госплана Николай Вознесенский, секретарь ЦК партии Алексей Кузнецов и председатель Совета министров РСФСР Михаил Родионов — надежд правителя, видимо, не оправдали. Только этим можно объяснить тот факт, что он не стал препятствовать интригам их конкурентов — «четверки» (Маленков, Хрущев, Берия, Булганин), которая инициировала

разгром «ленинградской группы», воспользовавшись ее служебными ошибками и просчетами.

Но и представителей «четверки» Сталин, как думается, все же не видел во главе государства, хотя и предпочитал коротать поздние вечера именно с ними. «Старой гвардии» — Молотову, Микояну и Кагановичу — вождь не верил. Быть может, он знал о них «слишком много», чтобы доверить им власть над ядерной державой.

Сюрпризы XIX съезда

В октябре 1952 года Сталин решил собрать очередной съезд партии, который не собирался с 1939 года. На этом XIX партийном форуме вождь радикально изменил соотношение сил на олимпе власти. Вместо Политбюро (в составе 12 членов и одного кандидата в члены) был создан Президиум ЦК в составе 36 (1) человек: 25 членов и 11 кандидатов в члены Президиума. В его состав вошло много «новых людей» из второго и даже третьего эшелонов советской номенклатуры.

Был заметно расширен и состав Секретариата ЦК, куда дополнительно ввели руководителей ряда крупных областных партийных организаций: Аверкия Аристовая из Челябинской области, Леонида Брежнева из Молдавии, Николая Игнатова из Краснодарского края. Если до съезда в нем было пять человек — Сталин, Маленков, Пономаренко, Сулов и Хрущев, то после съезда секретарей стало ровно в два раза больше. Выглядело это так, что Сталин собрался готовить каждому «дублера»...

Еще одним новшеством стало создание бюро Президиума ЦК, которое не предусматривалось уставом партии. Это было, по сути, «новое Политбюро» (9 человек), в рамках которого Сталин намеревался обсуждать ключевые политические вопросы. Состав бюро Президиума выглядел так: Сталин, Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров, Хрущев. В него не были

включены Молотов и Микоян, подвергнутые вождем жесткой критике на пленуме.

Ключевым стало изменение состава «головки» Совета министров СССР, куда еще с военной поры Сталин постепенно передал основные функции экономического и социального управления страной. ЦК партии он созывал все реже, да и Политбюро ЦК собиралось эпизодически, так как ключевые вопросы Иосиф Виссарионович предпочитал решать полуофициально в своем кремлевском кабинете или во время вечерних застолий на ближней даче в Кунцево. К тому же, как известно, начиная с 1934 года, т. е. с XVII съезда партии, Сталин не избирался генеральным секретарем ЦК, занимая пост одного из «простых» секретарей (хотя часто сам вел заседания Секретариата ЦК).

К марту 1953-го в правительстве все более заметную роль начали играть ставшие членами Президиума ЦК на XIX партийном съезде молодые заместители председателя Совмина СССР — Вячеслав Малышев (до этого министр машиностроения и судостроительной промышленности СССР), Михаил Первухин (ранее министр химической промышленности СССР), Пантелеймон Пономаренко, Максим Сабуров (председатель Госплана СССР). Они постепенно превращались в фактических руководителей всего «экономического блока» правительства, значению которого в управлении страной «послевоенный» Сталин придавал все большее значение.

Известно его высказывание, сделанное в то время в беседе с руководителем венгерских коммунистов М. Ракоши, которого он предупреждал об опасности левацкого отрыва партийного аппарата от основной массы беспартийного населения: *«Товарищи забывают, что коммунистическая партия, какой бы она ни была популярной, является лишь маленькой частицей народа. Подавляющее большинство населения, народ считает своим представительным органом правительство, поскольку оно избрано депутатами,*

за которых проголосовал народ». Это недвусмысленная рекомендация делать ставку при выстраивании модели государственного руководства на правительство, а не на аппарат ЦК партии.

Некоторые историки утверждают, что уже на XIX съезде партии уставший от бремени власти Сталин собирался уйти со всех постов. Действительно, правитель с трибуны съезда поставил вопрос о своей замене. Но реально передавать управление другому он еще не был готов. Съезд должен был стать лишь первым этапом в операции «Преемник». Однако не дремали и «старожилы Кремля».

«Просим взять свою просьбу обратно!»

К XIX съезду партии Сталин подошел очень уставшим человеком. Внутренний надлом у него, видимо, начался после смерти Андрея Жданова в августе 1948 года. Секретарь ЦК ВКП(б) Жданов, к тому времени второй человек в партии, был очень близок к вождю. Его утрата привела к душевному дискомфорту Сталина, круг общения которого вынужденно сузился до «четверки»: Маленков — Берия — Булганин — Хрущев. Они были хороши для вечерних застолий в Кремле и на ближней даче в Кунцево, но не более. Правитель утратил своего последнего друга, с кем он мог быть более или менее откровенным. А внешне лояльные «старики» Молотов, Микоян, Ворошилов начали его все больше раздражать.

Не все ладилось и в политике. Война на Корейском полуострове затягивалась. Американцы показали себя сильными и цепкими противниками, да и южнокорейское население не очень-то стремилось воссоединиться с «братьями на Севере» под красными знаменами. Китай с многомиллионным населением собрался «идти своей дорогой», и его руководство не горело желанием строго следовать директивам из Московского Кремля. Не так уж благополучно обстояли дела в советской экономике, требовалось

совершенствовать механизм хозяйственного управления, но для этого нужна была проработка многих теоретических вопросов. Сталину пришлось самому браться за политэкономиику социализма, но силы были уже не те, да и постоянно отвлекали дразги между членами Политбюро.

Не лучшим образом на настроениях населения сказалось знакомство с жизнью в европейских странах. Побежденные жили комфортнее и сытнее победителей. Вновь развязались языки у представителей творческой интеллигенции. Номенклатуру, ее жен и детей одолевал мещанский быт. Поставленный на идеологию секретарь ЦК Михаил Суслов очень старался (вождь видел в нем перспективную фигуру), но был еще слаб, чтобы нормализовать — в сталинском понимании — духовную жизнь общества.

Вождю докладывали, что осмелели и почувствовали силу прошедшие фронт генералы. В своем кругу они вели «крамольные разговоры» и ставили под сомнение заслуги Сталина в годы войны как Верховного главнокомандующего. Некоторых, в том числе предвоенного замнаркома обороны Григория Кулика, пришлось расстрелять, чтобы припугнуть остальных. Помогло, но ненадолго...

Не все было благополучно было даже в МГБ. Виктор Абакумов, которого Сталин поднял до заоблачных высот, вроде и был лично предан, но начал проявлять самостоятельность, постепенно разбираясь в сложном механизме высшей власти. Берия, хоть и оставался по-прежнему весьма эффективен, доверия тоже не внушал. Кто-кто, а Коба душу кавказца знал хорошо. Лаврентий Павлович в конце 1940-х годов расслабился, сбросив с себя груз ответственности за госбезопасность и политический сыск, его личная охрана хватала на улицах смазливых женщин и привозила на аудиенцию к своему шефу. Но не это беспокоило вождя: Лаврентий Павлович постоянно был в контакте с Маленковым и Хрущевым, и их доверительные отношения не могли не настораживать.

На ум Сталину не могла не приходиться и мысль о смерти, и он, посвятивший всю свою жизнь созданию «красной империи», географически во многом совпадавшей с империей Романовых, искал того, кто мог бы заменить его, продолжить дело «собираения земель». Эксперимент с Булганиным в качестве человека, который бы замещал вождя в Совете министров СССР на время его длительных отлучек из-за прогрессирующей слабости, фактически не удался.

Как вспоминал Павел Судоплатов, в то время ответственный работник Министерства госбезопасности, «Булганин всеми средствами старался избегать ответственности за принятие решений. Письма, требующие немедленной реакции, месяцами оставались без подписи. Весь секретариат Совета министров был в ужасе от такого стиля работы, особенно когда Сталин, уехав на Кавказ в отпуск, возложил исполнение обязанностей председателя Совета министров на Булганина. Берия лично обратился к Сталину с просьбой ускорить прохождение через Булганина документов по атомной бомбе, находившихся в секретариате Булганина. Сталин разрешил своим заместителям подписывать самые важные постановления в обход Булганина. Так в Совете министров возник прецедент создания бюро по различным направлениям работы правительства».

В начале 1950-х Сталин решил провести и другой эксперимент — он обязал руководителей ряда министерств и ведомств подготовить себе «дублеров» из более молодых работников. Начинание вызвало у министров недовольство и скрытое сопротивление. На практике выполнение рекомендации найти достойную замену привело к профанации хорошей задумки вождя. Ушлые «номенклатурщики» преднамеренно предлагали себе на замену заведомо недалеких подчиненных. Сталинский министр сельского хозяйства Иван Александрович Бенедиктов,

как представляется, очень правильно заметил по этому поводу: «Пожалуй, главным просчетом Сталина и было то, что он не сумел, а может быть, не успел подготовить себе достойную смену».

Действительно, Сталину не хватило очень немного, чтобы «разобраться» с образовавшейся номенклатурной кастой, которая в конце 1980-х все-таки загубила Советскую державу, разменяв величие страны на личное благополучие, обретенное в ходе так называемой приватизации (общенародный скарб растащили сами «сторожа»).

На XIX съезде, на котором Сталин держал себя особняком по отношению к членам Политбюро, вождь дал понять собравшимся, что всех их ждут большие перемены. Об этом довольно подробно написал Константин Симонов, присутствовавший как на съезде, так и на организационном пленуме ЦК 16 октября 1952 года: «Главное в его речи сводилось к тому (если не текстуально, то по ходу мысли), что он стар, приближается время, когда другим придется продолжать делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжелая и что самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать. Это и было самым главным, что он хотел не просто сказать, а внедрить в присутствующих, что, в свою очередь, было связано с темой собственной старости и возможного ухода из жизни. Говорилось все это жестко, а местами более чем жестко, почти свирепо. Может быть, в каких-то моментах его речи и были как составные части элементы игры и расчета, но за всем этим чувствовалась тревога истинная и не лишенная трагической подоплеки».

Далее Сталин, согласно Симонову, заявил, ссылаясь на свою старость, что «он не в состоянии исполнять все те обязанности, которые ему поручены». Он может продолжать исполнять обязанности председателя Совета министров и вести заседания Политбюро, но он больше

не в состоянии вести еще и заседания Секретариата ЦК. Поэтому от этой обязанности он просит его освободить.

На пленуме эта просьба вызвала шок собравшейся высшей партийной номенклатуры. Первым опомнился Маленков, который вел заседание и своими жестами и выразительно воздетыми руками фактически сигнализировал членам ЦК: вождю надо отказать в его просьбе. И зал загудел: «Нет, просим остаться!», «Нет! Нельзя! Просим взять свою просьбу обратно!»

Сталин не стал настаивать на своей просьбе. В отставку он уходить еще не собирался. Ему надо было успеть создать аппаратные условия для замены себя преемниками в Совмине и Секретариате ЦК. Скорее всего, на съезде правитель осуществил лишь зондаж настроений своих сподвижников, дав понять о предстоящих тектонических подвижках в Кремле. Решающий шаг он, вероятно, наметал на весну 1953 года.

Изменения в настроениях и расположении правителя не могли не остаться незамеченными его ближайшим окружением. Для «четверки», как и для «старой гвардии» (Молотов, Микоян и т. п.), выдвижение Малышева, Первухина, Пономаренко, Сабурова на первый план означало их собственный отход на вторые роли в управлении страной и утрату надежд на вожделенный статус преемника.

Роковая ошибка вождя

На излете жизни Сталин (надо заметить, очень тяжелый по своему характеру и болезненно подозрительный человек) допустил ряд непростительных аппаратных ошибок, которые не позволили реализовать его намерения. Главная из них — изгнание группы «преторианцев». Личная безопасность правителя в конце 1940-х годов зависела от нескольких лиц. Это Власик, Поскребышев, Кузьмичев и Абакумов. Виктора Абакумова, министра госбезопасности СССР, арестовали в июле 1951 года. Генерал-лейте-

нант Николай Власик, в 1946–1952 годах начальник Главного управления охраны МГБ СССР, в 1952 году был переведен на должность заместителя начальника лагеря в Асбесте в Свердловской области, а спустя несколько месяцев арестован. Генерал-майора Сергея Кузьмичева, одного из руководителей Главного управления охраны МГБ СССР, в 1950 году отправили служить в Брянск и там арестовали. Александра Поскребышева, заведующего Особым сектором ЦК и личным секретариатом Сталина, тоже сняли с работы незадолго до смерти правителя.

Это были лично преданные вождю люди, хранившие ему верность, хотя и не без личных грехов. Но всех их Сталин позволил «четверке» (Маленков — Берия — Булганин — Хрущев), образно выражаясь, «затоптать». В довершение всего в середине февраля 1953-го как-то очень внезапно умер 50-летний генерал-майор госбезопасности Петр Косынкин, комендант Кремля, не жаловавшийся до этого на здоровье.

Вместо Абакумова, находившегося отнюдь не в дружественных отношениях с «четверкой», Маленков и Хрущев рекомендовали партийного работника Семена Денисовича Игнатьева. Он занимал должность заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК партии (его перевели в Москву в 1950 году из Ташкента, где он работал секретарем Среднеазиатского бюро ЦК и одновременно уполномоченным ЦК по Узбекистану). В 1951 году он стал главой МГБ, а на следующий год — после падения Власика — возглавил также Управление охраны, обеспечивающее личную безопасность Сталина.

Надо заметить, что для органов госбезопасности Игнатьев не был таким уж чужим, как это принято представлять. Свою служебную карьеру Семен Денисович начинал в 1921 году сотрудником военного отдела Всебухарской ЧК (Николай Александрович Булганин, к сведению, тоже начинал восхождение на олимп власти в органах госбезо-

пасности: в 1918–1919 годах он был заместителем председателя Московско-Нижегородской железнодорожной ЧК, затем работал в Особом отделе ВЧК на Туркестанском фронте).

Вместо Поскребышева руководить личным секретариатом Сталина стал практически неизвестный вождю Владимир Малин, бывший первым секретарь Ленинградского горкома партии. Так постепенно «четверка» обкладывала вождя. Используя Игнатьева, Маленков и Хрущев привели в МГБ немало своих людей. Особенно преуспел Никита Сергеевич, который как секретарь ЦК мог влиять на назначения на номенклатурные должности в силовых ведомствах. Он продвинул на должности заместителей министра госбезопасности аж четырех своих знакомых: Ивана Серова, Василия Рясного, Сергея Савченко, которые работали вместе с Хрущевым на Украине, а также Алексея Епишева (до этого — первый секретарь Одесского обкома партии).

В 1952 году в опалу попал начальник лечебно-санаторного управления Кремля профессор П. И. Егоров, 1 сентября его заменил начальник медицинско-санитарного отдела АХУ МГБ генерал-майор медицинской службы Крупинин. Арестовали и личного врача Сталина профессора В. Н. Виноградова.

Все это происходило на фоне прогрессирующего ухудшения не только здоровья Сталина, но и его отношений с другими кремлевскими «небожителями», для которых он стал после XIX съезда партии просто опасен. Большинство членов ЦК восприняли упреки в адрес Молотова и Микояна как незаслуженные. Даже высоко оценивающий вождя Бенедиктов признавал, что Сталин напрасно упрекнул Молотова и Микояна, которых многие прочили в его преемники, за то, что они не обладали достаточной твердостью и самостоятельностью: «Этот упрек, особенно в отношении В. М. Молотова, мне и сейчас кажется несправедливым».

Масла в огонь подливали указания Сталина организовать судебный процесс по делу врачей, якобы причастных к смерти ряда партийных руководителей (в том числе Щербакова и Жданова). Суд должен был быть сопряжен с раскрытием «сионистского заговора» в МГБ СССР. Но следствие шло медленно, реальных улик не было. Скрытое сопротивление намерению вождя оказывалось даже в центральном аппарате МГБ, где хорошо знали арестованного Абакумова и других незаслуженно пострадавших сотрудников, имевших большие заслуги в контрразведывательном обеспечении боевых действий в годы войны.

Гнев Сталина обрушился даже на нового министра госбезопасности Игнатьева, который, по его мнению, затягивал завершение следствия по «делу врачей». Зимой 1952 года правитель заявил главе МГБ, что если тот не выявит террористов и американских агентов среди врачей, «то окажется там же, где Абакумов». После очередного разговора в Кремле у Игнатьева случился тяжелый сердечный приступ, и он слег, отойдя на какое-то время от дел, что еще более оттянуло требуемый Сталиным громкий процесс. Новым начальником следственной части по особо важным делам в МГБ (вместо дискредитировавшего себя «выскочки» М. Д. Рюмина) стал первый заместитель министра госбезопасности С. А. Гоглидзе.

В воздухе вновь «запахло» массовыми репрессиями, но «второго издания 1937 года» советская элита допустить была не намерена. После победы в Великой Отечественной войне в партийном и государственном аппарате изменился психологический настрой не в пользу физически слабеющего Сталина, который не мог уже рассчитывать на безоговорочную «слепую» поддержку своих начинаний со стороны ключевых представителей государственного руководства.

К некоторой самостоятельности номенклатурную элиту приучил и неоднократный отход Сталина от дел в связи с систематическими старческими недомоганиями. Так,

во второй половине 1950 года имело место 24-недельное «затворничество» Сталина — со 2 августа до 22 декабря, именно в этот период был «решен вопрос» с группой «ленинградцев» (расстреляны Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, П. С. Попков, М. И. Родионов). Через год Сталин вновь исчез почти на полгода из Кремля — с 9 августа 1951 по 12 февраля 1952 года. Кстати, именно в этот промежуток Игнатъева назначили министром госбезопасности (возникает естественный вопрос: кто тогда принимал в Кремле решения?).

Еще до второго исчезновения Сталина «в неизвестном направлении» на 25 недель Политбюро ЦК приняло 16 февраля 1951 года весьма многозначительное решение (притом опросом, без проведения протокольного заседания): *«Председательствование на заседаниях Президиума Совета министров СССР и Бюро Президиума Совета министров СССР возложить поочередно на заместителей председателя Совета министров СССР гг. Булганина, Берию и Маленкова, поручив им также рассмотрение и решение текущих вопросов. Постановления и распоряжения Совета министров СССР издавать за подписью председателя Совета министров СССР Сталина И. В.»*

И еще два любопытных примера, свидетельствующие о том, что члены Политбюро все меньше боялись Сталина перед его кончиной. Проект Отчетного доклада ЦК XIX съезду, подготовленный Маленковым, предварительно читал Сталин и вычеркнул непонравившиеся полторы страницы текста, но эту «руководящую правку» Георгий Максимилианович попросту проигнорировал.

А после съезда, как свидетельствует Хрущев, опальные Микоян и Молотов продолжали без приглашения (!) приходить к Сталину, когда у того собиралась «четверка». По словам Никиты Сергеевича, они узнавали, что Сталин в Кремле, и приходили. Приезжали «провинившиеся» к вождю и на ближнюю дачу. Охрана их пропускала. И что

Сталин? Он, если Хрущев не лукавит, попросил «четверку»: «Вы нас не сводите, не сводничайте!» В 1937-м разговор, несомненно, был бы иной.

При знакомстве с подобного рода свидетельствами невольно закрадывается мысль, что ослабший физически и морально Сталин все более утрачивал рычаги реального управления страной, и Советской державой в 1951–1953 годах руководил «квартет» (Маленков, Хрущев, Берия, Булганин). Поэтому вождь запоздал со своей попыткой изменить соотношение сил в руководстве страной, введя в состав Президиума и Секретариата ЦК «свежую кровь».

Хотя, подчеркнем, Сталин до последнего продолжал бороться за будущий курс державы и искал, на кого бы опереться. Примечательно, что он стал, по некоторым признакам, задумываться и о возвращении из опалы маршала Жукова, известного ему своими волевыми качествами и жесткостью. Еще в июле 1951 года неожиданно для многих советских руководителей в «Правде» появилось информационное сообщение о том, что в составе правительственной делегации СССР на праздновании Дня возрождения Польши входил помимо первого заместителя председателя Совета министров СССР В. М. Молотова маршал Жуков (в то время командующий войсками второразрядного Уральского военного округа), и был опубликован текст выступления Георгия Константиновича в Варшаве. До этого же на упоминание имени Жукова было наложено табу.

Несколько раньше на встрече с группой писателей, когда обсуждался роман Эммануила Казакевича «Весна на Одере», Сталин, согласно воспоминаниям Константина Симонова, поразил собравшихся репликой: *«Не все там верно изображено: показан Рокоссовский, показан Конев, но главным фронтом там, на Одере, командовал Жуков. У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте, но надо сказать, что он воевал лучше*

Конева и не хуже Рокоссовского. Вот эта сторона в романе товарища Казакевича неверная. Есть в романе член военного совета Сизокрылов, который делает там то, что должен делать командующий, заменяет его по всем вопросам. И получается пропуск, нет Жукова, как будто его и не было. Это неправильно».

В октябре 1952-го на съезде Жукова избрали кандидатом в члены ЦК партии, что стало еще одним шагом к его возвращению на «высокую орбиту».

Что случилось 28 февраля?

По некоторым свидетельствам, к концу февраля 1953 года Сталин окончательно решил для себя отойти от управления державой. Уже упомянутый Иван Бенедиктов утверждает, что в феврале члены Президиума ЦК партии получили для согласования проект постановления Президиума ЦК о назначении нового председателя Совета министров СССР. Речь шла о том, что на очередной сессии Верховного Совета СССР им должен быть избран заместитель председателя Совмина Пантелеймон Пономаренко.

В некоторых исторических исследованиях даже утверждается, что проект постановления будто бы был уже завизирован частью членов Президиума ЦК. Основной свидетель по этому вопросу, повторим, Бенедиктов, который в одном из своих интервью заявил: Сталин «достойного, с его точки зрения, преемника по крайней мере на один из высших постов подобрал. Я имею в виду Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии, который во время войны возглавлял штаб партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования. Обладая твердым и самостоятельным характером, Пантелеймон Кондратьевич одновременно был коллективистом и демократом до мозга костей, умел располагать к себе, организовывать дружную работу широкого круга людей. Сталин, видимо, учитывал

и то, что Пономаренко не входил в его ближайшее окружение, имел собственную позицию и никогда не старался переложить ответственность на чужие плечи. Документ о назначении П. К. Пономаренко председателем Совета министров СССР был завизирован уже несколькими членами Политбюро, и только смерть Сталина помешала выполнению его воли».

Как вспоминала дочь Сталина Светлана, отец неожиданно пригласил ее и сына Василия на обед в воскресенье 1 марта вместе со своими ближайшими членами Президиума ЦК. Он тогда крайне редко виделся с детьми, будучи недовольным их поведением, и не исключено, как предполагает ряд исследователей, что именно на этом обеде вождь намеревался сказать о чем-то очень важном для своей семьи и государственного руководства.

Так это или нет — об этом мы уже никогда не узнаем. В ночь с 28 февраля на 1 марта Сталину стало очень плохо, и он потерял сознание. Официальная версия дальнейшего развития событий известна. Но даже из этой тщательно дозированной информации следует, что контроль над органами госбезопасности посредством Игнатьева позволил Маленкову и Хрущеву быстро и самозванно взять инициативу в свои руки, пользуясь аппаратной неопытностью молодых членов Президиума ЦК партии.

Еще при неумершем правителе «четверка» договорилась между собой и быстро поделила посты. Основные решения были приняты в ночь с 4 на 5 марта, когда прошли встречи ведущих членов бюро Президиума ЦК Берии, Булганина, Ворошилова, Кагановича, Маленкова, Хрущева. Именно они с участием Молотова и Микояна поделили власть между собой. Фактически это был бескровный «дворцовый переворот», навязавший членам ЦК партии новое государственное руководство.

5 марта 1953 года на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета министров и Президиума Верховного

Совета СССР состав Президиума и Секретариата ЦК был откорректирован: из них удалили большинство выдвинутых XIX съезда партии. Совет министров СССР возглавил Маленков, а первыми замами у него стали Берия (он же глава Министерства внутренних дел, куда включили и МГБ), Молотов (министр иностранных дел), Булганин (министр обороны) и Каганович. Ворошилов возглавил Президиум Верховного Совета СССР. Хрущев как секретарь ЦК сосредоточился на руководстве работой всего партийного аппарата.

Изменения произошли и в военном ведомстве. Считавшегося человеком Сталина маршала А. М. Василевского незаслуженно понизили в должности до первого заместителя министра обороны. Другим первым заместителем министра обороны (видимо, в противовес Александру Михайловичу) сделали маршала Жукова.

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко потерял пост секретаря ЦК, его к тому же перевели из членов в кандидаты в члены Президиума ЦК и назначили на второстепенную должность министра культуры СССР. В феврале 1954 года он убыл в Казахстан первым секретарем ЦК компартии республики (вторым секретарем ЦК в Алма-Ате Хрущев и Маленков сделали Леонида Брежнева, также лишившегося поста секретаря ЦК КПСС).

Но это было только начало конца карьеры Пономаренко. В 1955 году Пантелеймона Кондратьевича отправили послом в Польшу. В 1956 году его вывели из состава Президиума ЦК, а в 1961-м на XXII съезде партии даже не избрали членом ЦК. К тому времени он побывал послом СССР в Индии и Непале (1957–1959), Нидерландах (1959–1961), представителем СССР в Международном агентстве по атомной энергии (1961–1962). С 1962 года Пономаренко преподавал в Институте общественных наук при ЦК КПСС и в возрасте 76 лет ушел на пенсию. Умер он 18 января 1984 года в Москве.

На этом в повествовании о Пантелеймоне Кондратьевиче Пономаренко можно было бы поставить точку. Но в заключение следует все же сказать о гуляющей в последнее время по страницам газет и журналов версии об отравлении Сталина. Первым высказал предположение, что вождя отравили, еще в марте 1953-го его сын Василий. К словам «любителя выпить» можно было бы и не прислушаться, принимая во внимание душевное состояние сына около постели умирающего отца. Но на эту тему после развала СССР стали размышлять отечественные исследователи. Еще раньше об этом заговорил на Западе А. Авторханов («Загадка смерти Сталина» и т. д.).

Рицин, дикумарин...

Обычно организатором «убийства» Сталина называют Лаврентия Берию, хотя историкам хорошо известно, что этот деятель советской эпохи хотя и руководил органами госбезопасности с 1938 по 1945 год, к весне 1953-го никакого влияния на МГБ не имел. Он, как заместитель председателя Совета министров СССР, руководил топливно-энергетическим комплексом и Специальным комитетом, отвечающим за развитие в СССР ядерного оружия. К работе спецслужб Берия имел отношение только в части, касающейся получения и анализа информации по атомной тематике.

Хорошо знавший изнутри органы госбезопасности Павел Судоплатов, безусловно, был прав, когда обращал внимание на то, что увольнение Власика вовсе не означало, что Берия теперь мог менять людей в личной охране Сталина. В 1952 году, после ареста Власика, Игнатьев лично возглавил Управление охраны МГБ, совмещая эту обязанность с постом министра госбезопасности. Поэтому, по мнению Судоплатова, *«все сплетни о том, что Сталина убили люди Берии, голословны. Без ведома Игнатьева и Маленкова получить выход на Сталина никто из сталин-*

ского окружения не мог. Это был старый, больной человек с прогрессирующей паранойей, но до своего последнего дня он оставался всесильным правителем».

Разумеется, нельзя полностью исключать, что Сталина могли отравить. Чисто гипотетически это могло случиться. Но только гипотетически. Все остальное — спекуляции. Если такая акция и имела место, то все участники и организаторы давно мертвы, а улики уничтожены.

Нельзя строить доказательства только на том основании, что в арсенале спецслужб есть яды. Конечно, сегодня для историков не секрет, что исследовательские работы по использованию ядов стали проводиться в 1920-е годы при руководителе ОГПУ Вячеславе Менжинском. Как следует из публикаций на эту тему, специальная лаборатория была частью группы Якова Серебрянского, предназначенной для ликвидации врагов советской власти за границей. При наркоме внутренних дел Генрихе Ягоде — он сам был по образованию фармацевт — исследования продолжились, а в 1946 году в рамках отдела оперативной техники МГБ СССР стала функционировать лаборатория № 1, которой какое-то время руководил врач-фармаколог Григорий Моисеевич Майрановский. Доступ к лаборатории имели только министр государственной безопасности С. Д. Игнатьев, его первый заместитель С. И. Огольцов и еще несколько высших офицеров из руководства. Майрановский, в частности, проводил исследования по рицину — растительному белку, содержащемуся в семенах клещевины. В лаборатории существовал строжайший контроль, и без разрешения первого заместителя министра спецсредства никто выдать не имел право.

Опять же из публикаций СМИ известно, что по решению Политбюро ЦК от 9 октября 1950 года в МГБ СССР были созданы специальные бюро № 1 и № 2. Задачей первого бюро были подготовка и осуществление «диверсий на важных военно-стратегических объектах и коммуникаци-

ях на территории главных агрессивных государств — США и Англии, а также на территории других капиталистических стран, используемых главными агрессорами против СССР», проведение «активных действий (актов террора) в отношении наиболее активных и злобных врагов Советского Союза из числа деятелей капиталистических стран, особо опасных иностранных разведчиков, главарей антисоветских эмигрантских организаций и изменников Родины»; задачей второго бюро — «выполнение специальных заданий внутри Советского Союза по пресечению особыми способами вражеской деятельности, проводимой отдельными лицами, а также подбор, воспитание, обучение и тренировка работников и агентуры».

Разумеется, для операций такого рода требовались и спецсредства. Начальником спецбюро № 1 в 1950–1953 годах являлся генерал Судоплатов, а спецбюро № 2 — генерал Дроздов, переведенный с должности заместителя министра госбезопасности Украины. На его долю и выпали наиболее щекотливые операции того периода на советской территории. Из рассекреченных архивных документов известно, что тогда были несколько раз востребованы и яды. Как свидетельствовал Судоплатов, по указанию члена Политбюро ЦК ВКП(б), первого секретаря ЦК Украины Н. С. Хрущева и по плану, разработанному МГБ Украины, в городе Мукачево после войны был убит глава местной греко-католической церкви Ромжа, симпатизировавший участникам антисоветского подполья.

Акция проводилась под руководством первого заместителя министра госбезопасности СССР С. И. Огольцова и министра госбезопасности Украины С. Р. Савченко. Следовательно, Хрущев один из очень немногих в высшем руководстве страны был осведомлен о наличии в МГБ спецподразделения, отвечающего за яды, и о том, что этот участок курирует Огольцов, с которым он был, естественно, знаком.

Но опять же это не повод кого-либо обвинять и домысливать, кто мог бы поставить вождю на стол бутылку отравленной минеральной воды или сока. А сегодня находятся исследователи, которые ухитряются спустя полвека выяснить, что на столе у Сталина на даче стояло четыре бутылки, одна из которых таинственным образом исчезла. Именно в эту бутылку, по их мнению, и был впрыснут яд. Другие ведут речь о лекарстве дикумарин (снижает свертываемость крови), которое могло быть изготовлено специально с передозировкой, чтобы его прием вызвал у вождя инсульт и внутреннее кровотечение...

Особо подчеркнем для любителей сенсаций, что существование в рамках МГБ специального подразделения, занимающегося ядами, не было чем-то из ряда вон выходящим. Яды с глубокой древности использовались во всех государствах для борьбы с политическими противниками или конкурентами в борьбе за престол. Таких примеров масса в истории Византии, Венеции и Генуи, Великобритании и Франции. Да и на Руси князья и бояре многократно прибегали к смертоносному зелью для устранения неугодных. И даже если допустить, что вождя сумели отравить, то это отнюдь не означает, что яд был обязательно отечественного производства. «Отравителей» надо искать среди тех, кому эта смерть была выгодна, в том числе и за пределами СССР.

Возвращаясь к роли Берии в смерти Сталина, следует отметить, что он, встав в марте 1953-го во главе МВД, распорядился об аресте Огольцова и начал собирать компромат на Игнатьева, который к тому времени стал секретарем ЦК, курирующим органы госбезопасности. Незадолго до своего ареста Берия направил в ЦК записку с предложением об освобождении Игнатьева с должности секретаря и привлечении его к ответственности за необоснованные аресты начала 1950-х годов. Вряд ли Берия стал бы так

поступать с Огольцовым и Игнатьевым, будь он с ними в сговоре против Сталина.

В истории любой страны можно найти немало загадок. Особенно это касается судьбы государственных лидеров, обстоятельства смерти которых со временем обрастают все большим количеством мифов. Петр I, Александр I, Николай I, Александр III, Ленин...

Но в нашем случае не столь важно, как умер Сталин, а важно, кто пришел ему на смену и к чему это привело. На трон взгромоздились пигмеи, ловко втершиеся в доверие к титану, не разглядевшему в них, несмотря на всю свою пронизательность, будущих могильщиков державы. Возможно, злую шутку с великим правителем сыграли и подозрительность, боязнь своевременно отказаться от власти, возможности которой, как говорят, может оценить только ее приобретший.

СЕКРЕТНАЯ КОМАНДИРОВКА

(Рассказ контрразведчика)

События 1962 года — Карибский кризис, поставивший мир на грань ядерной войны, — давно уже рассекречены и написано о них немало. Известно, как четко и скрытно были осуществлены все этапы операции «Анадырь», в результате которой совершенно неожиданно для американцев на Кубе появились советские ракеты и прикрывающие их войска. Гораздо меньше, разумеется, известно о том, как эта работа проводилась непосредственно, особенно — на низовом, практическом уровне ее выполнения...

Наш собеседник был именно рядовым, хотя и достаточно информированным, участником этих событий. Его рассказ поможет увидеть их изнутри — с непарадной, так сказать, стороны.

В 1962 году я работал в Прибалтике, в одном из подразделений КГБ. Однажды совершенно неожиданно меня вызвали к высокому начальству. Предупредили, то, что мне говорят — это не для посторонних ушей, и сказали,

что мне доверяется очень серьезное задание. Если я его выполню, то можно будет «сверлить дырку», если же все обернется неудачно, то моя семья получит хорошую пенсию... Проводится спецоперация — наши войска переправляются на Кубу, и мне предстоит сопровождать один из пароходов. Задача: его контрразведывательное обеспечение. То есть я должен отвечать за команду и за пароход, чтобы не было никаких эксцессов — попыток сбежать с судна, предательства или чего подобного. За это я отвечал головой. Притом никакой связи со своими у меня не будет, мне придется действовать в автономном плавании в полном смысле этого слова.

После того как я дал свое согласие, которого, естественно, никто у меня реально не спрашивал, меня отправили в распоряжение республиканского Водного отдела КГБ. Там мне вручили уже готовую «мореходку» — морскую книжку, в которой было записано, что мое звание — «штурманский ученик». Свидетельства об окончании мореходного училища у меня, конечно, не было...

Все делалось очень спонтанно и спешно, никакой нормальной подготовки. Поэтому, когда в пароходстве заполняли мою книжку, там спросили: сколько ему лет? «Наверное, лет 35–36», — сказал кадровик, который меня никогда не видел. Мне записали «1928 года рождения», и я получился одного возраста с капитаном! А мне тогда было 30, год в год, да я еще и выглядел моложе своих лет, так что на пароходе все смеялись: такой старый, а выглядишь так молодо!

Что смеялись — ладно, но это в какой-то мере меня расшифровывало. Если бы американцы нас захватили, то меня бы сразу заподозрили... Скажу честно: наше «верховное командование» все делало совершенно непродуманно. Поэтому ни ориентировок никаких, ни подготовки, ни обучения — не было ничего!

В нашем главном порту я пришел на пароход — к сожалению, его название я позабыл за давностью лет, великолепное

новое судно, 150 метров длины, четыре трюма. На пароходе оказалась в основном молодежь — даже капитан был немного старше меня, кроме двоих: первого помощника — помполита и «деда» — старшего механика, который плавал еще в Испанию. К сожалению, я тогда был еще молодым и глупым, поэтому ничего не записал. А какие байки там тогда рассказывались! Сейчас ничего подобного не услышишь.

Капитан все отлично понимал, мужик прошел огни и воду, поплавал по всему миру — так что с ним мы жили душа в душу. О том, кто я такой, знали только капитан и, думаю, по своей линии, помполит. Для остальных я был «штурманский ученик», считался обычным членом экипажа, а потому в полной мере выполнял соответствующие этому званию обязанности. Если же еще кто чего понимал, то все были умные, все молчали.

Началось с погрузки, причем погрузки велись по ночам.

В первый трюм загрузили тысячу тонн боеприпасов — артиллерийские снаряды, мины, реактивные снаряды. Второй трюм был для всего оборудования — туда грузили полевые кухни, кровати и все такое прочее... В третий — грузили танки, которые были полностью обеспечены горючим и с полным боекомплектом, что в нормальных условиях вообще не представляется возможным. Как мне потом говорили офицеры: мы сойдем на берег, и прямо с корабля — 600-километровый марш.

Погрузка для команды была очень тяжелая: мы грузили 60-тонные танки, у нас был тяжеловес — это кран на судне, огромная такая бульба, которая все поднимала, поэтому нам танки и давали.

Четвертый трюм — для солдат. Это был твиндек, то есть, попросту говоря, два этажа, там сделали двойные нары, и получилось четыре этажа спальных мест. Офицеров же разместили по каютам, вместе с экипажем: где-то койка свободная была, где-то раскладушку ставили.

На палубе с каждого борта поставили перед надстройкой два огромных ящика — как палубный груз. В одном ящике были сделаны сортиры и умывальники, во втором стояли кухни, чтобы кормить солдат.

Увидев эти ящики, я сообразил: «Палубный груз обязательно должен иметь всякую маркировку! Пока мы в порту, набейте все, что надо: «Не кантовать!», какой-нибудь «Тяжэкспорт» — и всякое такое». Сделали.

Потом, правда, на Кубе, когда я подошел к нашему борту, то чуть не упал: весь борт, извините, был засран — в прямом смысле слова, так что любому нормальному человеку было понятно, что находилось в этих ящиках...

Никто из военнослужащих — ни солдаты, ни офицеры — ничего не знал, никакого инструктажа для них не было. Просто, как им сказали, будет учение... Но для конспирации, чтобы никто не соображал, куда идем, один из пароходов был нагружен полушубками, шапками-ушанками и валенками, чтобы думали, что идем куда-то на север. Недаром же — операция «Анадырь»!

С военными был сотрудник Особого отдела, который в период нахождения на борту был подчинен мне по части контрразведывательной работы. Я же с военными не общался — это был не мой контингент.

Но был еще так называемый «начальник гарнизона», подполковник — из десантников, прекрасный мужик! Он моментально собрал себе команду из таких же здоровых молодых ребятшек. Спросил капитана: «А где у вас устроить гауптвахту?» Его отговорили, сказав, что сидеть в твиндеке — это хуже гауптвахты.

К сожалению, нас провожали и следили за погрузкой разные генералы, которые обязательно считали своим долгом соваться во все дела, уверенные, что без их недреманного ока никто ничего сделать не может.

Один вдруг спросил капитана: «У вас есть пистолет? Нет? Возьмите!»

— А зачем? — смутился «мастер». — Я стрелять не умею!

— Возьмите! — сурово потребовал генерал, суя ему в руки «Макаров».

— И что мне с ним делать? — спросил потом капитан.

— Ты за него не расписывался? Нет? Ну и выброси за борт, от греха подальше! — посоветовали ему.

А как-то приходит один из генералов в одну прекрасную ночь, явно поддатый, и говорит: «Это что, кровати? Вы туда что, спать едете? Вы туда воевать едете! К едреней матери — все убрать!»

Каюсь, у меня не было тогда, как говорится, опыта, поэтому я это пропустил. А потом узнал, что этот танковый батальон поместили в болото, сантиметров 80 воды было, так что солдаты могли спать только сидя. Потом, в конце концов, все привели в порядок, но в первые дни для них было что-то жуткое!

Поначалу личный состав был обмундирован в обыкновенную военную форму — на время, пока они будут сидеть в трюме. Когда же ушли в море, то всех переодели. Все получили брюки, полуботинки, рубашки-«бобочки». Солдатам, чтобы не было солнечного удара, выдали кепки, офицерам — шляпы. Это был идиотизм! Кто когда на пароходе видел матроса в кепочке и в «бобочке»?! Настоящие матросы от них испугано шарахались.

Ушли мы нормально, все тихо-спокойно.

Прошли по Бельтам, по Большому и Малому — это датские проливы, даже не выходили в Зунд, потом — по «Английскому каналу», Ла-Маншу... Было сказано, что пока идем в виду берегов Европы, никому из солдат и офицеров в дневное время не выходить, чтобы не было излишка болтания людей. Когда вышли за мыс Лизард — это крайняя юго-западная точка Англии, то вызвали всех офицеров и вскрыли пакет. В нем было написано: «Вы отправляетесь на Кубу, в город Сантьяго-де-Куба, где

должны выгрузить груз и военный контингент. После этого вы должны сразу же вернуться в Россию». Ну и далее, что провокациям не поддаваться, в случае нападения на судно — отстреливаться, а если кораблю будет угрожать захват — уничтожить его, чтобы он не достался врагу.

Кстати, для этого в первый трюм были проведены провода, у «начальника гарнизона» находился выключатель. В случае нападения на судно подполковник был обязан, до того как его убьют, повернуть ключ и взорвать пароход. Потом в Гаване я видел памятник знаменитому французскому пароходу «Ля-Кувре», который взорвали контрреволюционеры. На пароходе было пять тысяч тонн боеприпасов, поэтому от него остались один зубчатый штырь и два покореженных куска железа. Но так как у нас была тысяча тонн боеприпасов, то от нас осталось бы пять штырей и десять кусков железа...

Ну а когда мы уже были в океане, «начальник гарнизона» проводил тренировки: включал сирену — его команда выбежала с автоматами, пряталась за переборками, за бортом — на случай нападения. Как профессионал он был великолепен! Он сам ходил в беретике и комбинезоне — таком полуморском, полурбочем, — поэтому мог в любое время выходить на палубу, и никто на него не обратил бы внимания...

После ознакомления с пакетом офицеры, в свою очередь, предупредили всех солдат, что идем выполнять важное задание на Кубу, но ничего более конкретного. Мол, выгрузимся — там нам все объяснят.

Конечно, для многих это был шок! Так, одну из ракетных частей ПВО, откуда-то из Сибири, подняли посреди дня по тревоге и никому ничего не объяснив, усадили в эшелон, повезли в порт, где погрузили на пароход — не на наш. А там оказалась одна машинистка, которая оставила ребеночка в детском саду... Жуть, что было! Нарушив все и вся, связывались с берегом и объясняли, что нужно делать, потому что она действительно бы за борт бросилась!

Итак, мы вышли в океан. Поначалу все было идеально: океан — как зеркало. Солдатам разрешили выходить даже днем. По палубе бегали офицеры с «матюгальничками», натянув шляпы на самые уши, чтобы они не улетели, и гоняли солдат...

Шли мы в режиме молчания: принимали все наши радио из пароходства, а сами ничего не отвечали.

Как я сказал, я выполнял обязанности «штурманского ученика», а потому нес вахту как вахтенный матрос. Так как в океане пароход шел на автопилоте, то я просто вел наблюдение. Но в один прекрасный день капитан вдруг говорит:

— Ты ведь штурманский ученик?

— Да!

— Ну, так давай и учись! Океан спокойный, поэтому легко научиться.

И снимает управление с автопилота:

— Вот, курс 120 градусов. Держи!

Беру — а там же электрический руль, и он начинает двигаться. Беру вправо. Корабль у нас — 150 метров, причем забит только четвертый трюм, а так фактически идем в балласте... То есть управляемость хуже. Смотрю — он у меня продолжает валиться! Я опять направо — он останавливается. Только остановился, я руль поставил прямо, но он все равно идет направо. Но уже с большим колебанием... Я — налево. Опять также! И вот пока я приспособился... Потом капитан мне показал: я на 20 градусов уходил в обычную погоду.

Но это был первый день, а на второй день стало уже нормальнее: я понял, потом мне и ребята сказали, что нажал немножко — останови, посмотри. Если он продолжает валиться — опять немножко нажми. Пока не остановится. И все. Но не пережимай! Уже потом, когда мы шли через штормовое Северное море и Балтику, я вел совершенно спокойно, даже на градус не отходил от курса...

Когда мы стали подходить к островам Кайкос, появился первый американский разведчик: двухмоторный самолет с баками на концах крыльев. Подходит с кормы, буквально чуть не цепляя за мачты, пролетает рядом с пароходом, затем, пройдя дальше, огибает пароход, и проходит над ним. В открытом люке сидит, привязанный ремнем, некто с киноаппаратом или фотоаппаратом, издали не видно, и снимает пароход, снимает осадку. Как я сказал, это был далеко не такой тяжелый груз, пароход шел как полупустой, это было видно. А так как пустой торговый пароход за границу не ходит, то значит, там что-то непонятное...

Стали появляться американские военные корабли, которые издали сигналили: «Остановитесь, сообщите свои позывные, кто вы и куда идете?» Но мы шли, не обращая на них внимания.

Когда мы подошли к Сантьяго, то встали на рейде и дали портовым властям сигнал, что мы находимся возле них — пришлите лоцмана. Вскоре подходит лоцманский катер, оттуда здоровенный детина в «бобочке» и брюках орет: «Какого хрена вы сюда пришли? Чего вам здесь надо?» — «Кто ты такой?» — отвечает наш подполковник. «Я — представитель Генерального штаба! Давайте уходите отсюда!» — «А ну, давай иди сюда — узнаем, кто ты такой на самом деле!»

Спустили штурмтрап, он поднялся. Подполковник говорит: «Документы!» — «Какие документы, у меня никаких документов нет!» — «А откуда я знаю, что ты не американец? Вот сейчас я тебя посажу — и пойдем в Гавану!» — «Сажай! С удовольствием пойду в Гавану вместе с вами, на фиг мне тут сидеть!»

В конце концов, мы ему поверили, и он нам сказал идти выгружать танки в одну из бухт по южному берегу. Заходим в бухту, выгружаем танки — фактически, на голый берег, — и действительно, они своим ходом пошли

куда надо, а мы последовали дальше, чтобы выгрузить вооружение и боеприпасы.

Заходим в Гаванский порт в самый тропический ливень. Поэтому мы никого не видим, и нас никто не видит. Мы заходим *без лоцмана* в бухту Гаваны и останавливаемся. Опять появляется такой же «кубинец», который орет: «Мотайте отсюда скорее, вам нельзя здесь оставаться, идите дальше в Мариель, там кубинская военная база, там будете!» Мы развернулись под этим диким дождем и отправились в Мариель, куда, кстати, привезли и часть танков.

Маленький совершенно городишко, там мы разгрузились. Начинаем выгружать ящики, кубинцы, которых тут же набежала целая куча — а это военный порт, огороженный, — открывают первый: пистолеты Макарова! Отпихивая друг друга, они начинают хватать эти пистолеты, запикивает каждый, куда может, все страшно довольны... Вскрывают следующий ящик — а там ТТ. Увидев ТТ, который намного больше и массивнее, они побросали «Макаровых» — кто обратно в ящики, кто за борт — и стали хватать эти ТТ. Они им очень понравились.

Порядка у них вообще не было. Вот, стоит возле трапа их часовой с карабином. Форма американская, белая каска опущена чуть ли не на глаза, изнывает от жары. Подъезжает какой-то грузовик, останавливается, шофер уходит — часовой забирается под грузовик и дрыхнет, ему плевать на все.

Никто из кубинцев ни по-русски, ни по-английски не говорил. На меня нашла какая-то стихия, и буквально через два-три дня я уже с ними объяснялся, что куда и что надо делать. Так как у меня была модная тогда стрижка «ежиком», они меня так и прозвали, делая ладонью выразительный жест над головой: «А где этот?» — и жест. Покоя мне не было ни днем, ни ночью.

Удалось выйти в город — мальчишки бежали толпой, клячили сигареты. «Ты же маленький!» — говорю. В от-

вет: «Для сестры, для мамы!» Увидел большой плакат — красный фон, черные фигуры: кубинский революционер в берете, с автоматом, а за ним — русский солдат, тоже с автоматом и в ушанке, протягивает руку: «Стойте, мистер Кеннеди! Куба не одинока!»

Хотел содрать на память, но побоялся, что не поймут и расстреляют как контрреволюционера. А так бы до сих пор на него с удовольствием смотрел...

В общем, первый рейс прошел спокойно. Ушли с Кубы, оставив там всех, и получили приказ идти в Черное море. Туда-обратно шли по две-три недели, точно уже и не скажу...

Идем через Средиземное море — теперь над нами французы летают. Сначала англичане летали, потом — французы, но мы, ни на что не отвечая, спокойно шли в Черное море. По пути сообщили, что нам требуется бункер — топливо, ведь мы уже прошли туда и обратно Атлантику, так что взяли курс на Одессу, самое ближнее. Но нам в ответ ни согласия, ничего. Хотя если бы наши были нормальными людьми, то нас вообще могли бы забункеровать в Болгарии или Румынии... Подходим к Одессе — только тут нам говорят: «У нас чересчур маленький диаметр трубы, вам не подходит. Идите в Батуми». А до Батуми пилить неделю, через все Черное море, где-то тысяча с лишком миль! Приходим в Батуми, там нас никто не ждет, поэтому начинаются переговоры между батумскими бункеровщиками, Министерством морского флота и нашим пароходством... При этом нам говорят: мы вас потеряли, вы ничего не говорите, в министерстве — паника.

Ладно, мы загрузились — говорят, идите в Николаев. То есть почти к той же самой Одессе! Приходим, начинаем загружаться. Теперь наши «пассажиры» — зенитные ракетчики. Тоже погрузка только по ночам, полная секретность, никому ничего не говорится... Первый трюм — боеприпасы, та же тысяча, второй трюм — опять все снабжение,

третий трюм — зенитные ракеты. У нас трюм — 40 метров, поэтому опускаются и ставятся они хорошо. К сожалению, без травмы не обходится: вынимали бимс — и переломили ногу одному стивидору. Бедолага лежит, матерится: столько лет работаю, а тут — зазевался... Все остальное так, нормально.

Опять особист, опять «начальник гарнизона», но здесь он какой-то идиот оказался...

Первая ночь в море. Я выхожу на палубу — и обалдел! Ящик, где кухни, освещен изнутри электричеством, и понятно, что это никакой не палубный груз. Я к нему: «Вы что, с ума сошли?» — «А что? Мне надо, чтобы солдаты были сытые!» — «А тебе не надо, чтобы нам торпеду в бок или чтоб пароход расстреляли? Ты понимаешь, что это делается?» Вызвал я особиста, тот аж ногами затопал — немедленно вырубить, немедленно потушить! И до выхода в океан кормить сухим пайком. «А как у меня солдаты воевать будут?» — все-таки продолжал возмущаться «начальник гарнизона». Да какого хрена воевать, когда неизвестно, чего там и как?!

Да, еще у нас второй помощник сменился — пришел москвич из министерства, начала выпендриваться: «Ребята, а кто у вас там стукач, кто из КГБ?» Ему говорят: «А тебе что?» — «Ну, надо же знать, как себя вести...» — «Не нужно знать, — советуют ему. — Успокойся!» Но он не успокоился и продолжал выделываться. А так как у меня агентура, естественно, была, то я был в курсе всего и попросил аккуратно ему передать, что ему будет не очень хорошо...

Когда вернулись, я действительно сразу же дал рапортчику — время-то было серьезное, 1962 год, — и он у нас больше не появился. Не знаю, остался ли он работать в министерстве? Как понимаете, в каждой «игре» есть свои правила.

На этот раз мы шли через Босфор. Когда пришел соответствующий чиновник, ему сразу же вручили несколько

бутылок водки, икры, еще чего-то — в общем, задобрили, сказали, что у нас ничего запретного нет... Он ушел, мы спокойно прошли дальше.

Причем когда шли через Босфор, то мы — я, особист и «начальник гарнизона» — вышли на корму с пистолетами, потому что понимали: сигани любой за борт — и ничего иного сделать не успеешь... Тем более что за нами, пока мы не ушли в Мраморное море, шел катер — конечно, я его сфотографировал. Так что было стопроцентное указание: не раздумывая стрелять в любого, кто бы прыгнул за борт — чтоб никакого следа не осталось. Ведь если бы кто-то спрыгнул и его захватили, то нам бы действительно светил Анадырь, без всяких кавычек...

Но, по-моему, никаких подобных ЧП не было ни на одном пароходе. Тогда еще силен был советский патриотизм, а Куба, которая только что обрела народную власть, вызывала всеобщую горячую симпатию. К тому же солдат сразу же закрывали в трюм. Тяжко им там, бедолагам, было — особенно в штормягу, — тем более лето, и жара была...

К тому же в Бискайском заливе нас традиционно хватанул приличный шторм...

Только когда вышли из Средиземки в Атлантику, то всех офицеров собрали и сообщили, что идем на Кубу, в порт Мариель.

А потом опять то же самое: острова Кайкос, облеты американских самолетов, американские корабли дают сигналы флагами: «Остановитесь, а то будем стрелять!» Не отвечаем, не обращаем внимания — и они не подходят и не стреляют.

На этот раз мы сразу пришли в Мариель. Остановились. Я встретился со своими коллегами, которые на Кубе находились. Они сказали, что обстановка напряженная, потому как американцы понимают, что мы затеваем здесь какую-то аферу, и дали задание кубинским контрреволюционерам

кого-нибудь захватить и доставить в Америку, чтобы сразу вытащить на трибуну ООН и показать всем, чем занимаются русские. Рассказали, что с предыдущего парохода увидели возле базы мужика с фотоаппаратом. Сказали кубинцам, те выскочили, задержали его, поговорили минут пять, потом расстреляли его — и ушли абсолютно спокойно...

А у нас вдруг поломался наш тяжеловес. Мне сказали, что неподалеку — советская военно-морская база, правда, где она, точно никто не знает, но ты поезжай туда и привези ремонтников. Без тяжеловеса ракеты не выгрузить.

Соответственно, сел на джип. У джипа переднее стекло опущено, сзади тоже все убрано, плоский такой. Водила — здоровенный симпатичный парень, блондин, по пояс голый, Луис, как сейчас помню. Он положил карабин на колени, руль у него вообще был где-то между колен... Выезжаем с базы, я понемножку начинаю с ним разговаривать. «Кто ты?» — «Я Луис, шофер, работаю здесь, на базе». — «А родители у тебя кто?» — «О! Мать — домохозяйка, а отец — офицер у Батисты...»

Батиста, напомню, это свергнутый кубинский диктатор. Тут у меня сразу... А едем мы между густых зарослей сахарного тростника. Я думаю: сейчас машина остановится, выйдут какие-нибудь бородатые дядьки, меня скрутят — и окажусь я в ООН. Заодно и Нью-Йорк посмотрю... Хотя вроде бы никто не знает, что я — чекист, считаюсь матросом, но им все равно, им главное, чтоб человек был хороший! Я говорю: «А ты?» — «Революсионарио! Вива Куба! Вива Фидель!»

Слава тебе, Господи! Надеюсь, что это так...

Подъезжаем к базе. Стоит мальчишка — та же американская форма, белые гетры, белая каска, опущенная прямо на нос. Луис орет издали: «Руссо компаньеро!» Солдат открывает ворота, проезжаем. Подъезжаем к другим воротам. Луис опять кричит: «Руссо компаньеро!» — к воротам подходит мужичок в штатском, но это штатское

полувоенного типа... На поясе на двух длинных ремешках висит кобура — как у наших военных моряков.

Спрашивает: «Кто?» Говорю: «Я с парохода, мне нужно кого-нибудь из механиков или ремонтников — у нас поломался тяжеловес, а мы привезли «изделия», нужно выгрузить». — «Документы!» — «Какие документы? Есть только «морские книжки», которые заперты у капитана». — «Ну ладно, — вытаскивает он пистолет. — Пойдем!»

Заходим. Большая комната, посредине стол, на котором лежит брус льда, кувшины — с водой или с чем-то. Встает один, подходит, отрубил кортиком кусок льда, подрубил, закинул в стакан, налил воды — выпил, опять лег.

Говорю: «Ребята, помогите...» — «А откуда мы знаем, что ты не американец или не эмигрант? Хоть по-русски и говоришь, но ничего у тебя нет». — «Поймите, что для вас же привезли все!»

В конце концов, говорят: «Ладно! Давай поезжай вперед, мы поедem за тобой на нашей машине, с автоматами, если что — расстреляем вас в два счета. Так что не надейся, что живым выберешься из этой аферы!»

Садимся мы с Луисом, пилим впереди, а они — за нами. Доехали, все нормально. Они убедились, что мы действительно на базе, что у нас пароход, что нужно отремонтировать — и отремонтировали. Их, естественно, покормили, напоили немножко, чем было — а была бочка технического спирта для ракет, и так как холодильников не было, то он был теплый совершенно. Когда разбавляли его такой же теплой водой, то стакан вообще в руках держать трудно было, но зато селедка была такая вкусная и жирная, что хмель просто даже не брал...

Особист «местный», то есть наш, который постоянно уже на Кубе был, на своем старом «кадиллаке» повез нас в Гавану — меня и нашего особиста. Привез в какую-то кафешку, заказал кофеечку, рому — сидим за стойкой. Он взял пачку «Казбека», достал папирозину, зажал ее

так, так... Подходит хозяин: «Это что?» — «Угощайся!» Он взял — так остороженько, остороженько сжимает... «Нет, не так! Смотри! Берешь — так, так — и так!»

Потом подошли еще человека два — хозяин им начал объяснять, как надо зажимать... Попили мы кофе и рому, выходим — перед кафешкой стоит несколько человек, которые получили по папиросине, вокруг них толпа, и они каждому объясняют, как надо курить русские папиросы...

Позже я вдруг увидел на улице парня, с которым учился в Институте КГБ. Он был из другой группы, сам — из Средней Азии, и у нас его прозвали Мао Цзэдун. А как его звали — я не помню! Не буду же я здесь на улице кричать: «Эй, Мао Цзэдун!» Так и разошлись... Очень жаль было!

Разгрузились, ушли. Идем в балласте. Открыли третий трюм, а так как он 40 метров длиной и 20 метров шириной, то натянули там волейбольную сетку, и ребята стали играть. Я стоял на вахте на мосту. Вдруг, почти не слышно как, сзади подходит самолет. С шелестом пролетел мимо нас, разворачивается, подлетает, потом ложится на крыло и пролетает между мачтами над этим трюмом!

Мы обалдели. Если б он зацепился — тем более что у него были эти баки на концах крыльев, — то рвануло бы как следует! А потом бы американцы расстреляли наш пароход, подумав, что это мы его сбили. Но тут ничего — пилот лихой оказался. Пролетел спокойно. Но у нас штаны были мокрые... Тут наши включили ревун, стали давать прерывистые гудки, чтобы он не повторял — ну, он и не повторял, только еще несколько кругов сделал и улетел. После Кайкоса было уже спокойно.

У нас в трубе был сделан маленький радиокабинетик — там приемники были, я их включал, слушал Америку, западные страны и был хотя бы в курсе того, что происходит в мире. Помню, как я услышал по радио, что умерла Мерилин Монро... А так все было спокойно. Американцы молчали как рыба об лед — до самого выступления

Кеннеди. Кеннеди действительно был молодец, он спас обстановку, потому что дело дошло бы до ядерной войны. Хрущев, конечно, был дурак, который, как большинство наших руководителей, считал, что ему все можно, но молодец в том плане, что он договорился, чтобы американцы убрали ракеты из Турции — в обмен на нашу эвакуацию ракет с Кубы.

Но это будет уже несколько позже. А пока — это был уже сентябрь, если не октябрь — мы опять пришли на Балтику, вновь загрузились ракетами и двинулись в третий рейс.

Но когда дошли до Англии, вдруг получаем приказ: «Срочно разворачивайтесь и идите обратно». Это было после того самого выступления Кеннеди, который приказал обыскивать все наши корабли, а если отказываются — то топить. Естественно, мы не могли бы разрешить, чтобы нас обыскивали...

В то самое время, когда всем был отдан приказ на возвращение, один из наших пароходов был уже неподалеку от Кубы. Наш сотрудник, который был на борту, говорит капитану: «Мы ведь же уже почти в кубинских водах — давай срочно к берегу!» Они быстро свернули и рванули к берегу — пока американцы подошли, наши были уже в территориальных водах Кубы, и те не стали им препятствовать, потому как не хотели входить в эту трехмильную зону.

Этот наш парень, единственный из всех, получил медаль «За боевые заслуги». Больше, насколько я знаю, никто из сотрудников территориальных подразделений КГБ ни орденов, ни медалей не получил. Даже никаких благодарностей никому не было!

Более того, «на местах» по возвращении оценки местного начальства были такие: «Вы там загорали на солнышке, бездельничали — а мы здесь работали, так что теперь давайте работайте как следует!»

В общем, как это нередко у нас бывает, все обещания были забыты.

...Когда же супруга задала мне естественный житейский вопрос: «Ну, показывай, чего же ты привез?» — я снял свой полуботинок и показал, что в подошве была сплошная дыра...

«ЧЕЛОВЕК БРЕЖНЕВА»

Имя Николая Анисимовича Щелокова, который более 16 лет руководил Министерством внутренних дел СССР, окружено, так скажем, легендами негативного свойства. Однако, по свидетельству современников, оснований ставить под сомнение его преданность Родине, умение организовать слаженную работу огромного коллектива — нет. Просто, министр стал жертвой сложных интриг в высшем советском руководстве, не прекращавшейся после смерти Сталина подковерной борьбы за власть между номенклатурными кланами.

Наш собеседник — Максим Брежнев, автор книги «Министр Щелоков», написанной им в содружестве с Анатолием Вячеславовичем Науменко, генерал-лейтенантом милиции Украины, и изданной при поддержке Российского совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск.

— Максим Александрович, простите — у вас это, наверное, все спрашивают, — вы не родственник Леонида Ильича?

— Однофамилец.

— Значит, работая над книгой о человеке, близком к генсеку ЦК КПСС, вы были движимы не родственными чувствами. Тогда чем?

— Приходит время развенчания небезобидных мифов о нашем недавнем прошлом. Старшему поколению это имя знакомо, но, как правило, у большинства на памяти «негатив»: друг Брежнева, после его смерти снятый с поста министра и обвиненный в различных прегрешениях, исключен из партии, покончил жизнь самоубийством. Молодой же читатель о нем практически ничего не знает.

В одной из новых биографий генсека о министре Щелокове, ключевой фигуре в его окружении, я прочитал такие строки: до войны работал в Днепропетровске, во время войны — интендантом, и прямо указывается, что Брежневу нравилась жена Щелокова. Допустим, автор на сто процентов прав. Но все же он обязан был сказать, что Щелоков до войны был председателем Днепропетровского горсовета. А предвоенные годы — это время напряженной работы: уже с 1940 года по приказу Сталина предприятия Днепропетровска переводились на выпуск военной техники.

С началом войны Щелоков организовывал эвакуацию заводов и населения, создание оборонительных сооружений, проводил мобилизацию. Затем — действующая армия. Щелоков был начальником политотдела прославленной 218-й Краснознаменной Ромодано-Киевской стрелковой дивизии — участвовал во многих боях и сражениях.

После Победы как заведующий отделом промышленности ЦК КП Украины вместе с Брежневым руководил восстановлением разрушенного народного хозяйства. Когда Сталин направил Брежнева в Молдавию, туда поехал и Щелоков. Брежнев доверил ему один из самых сложных участков работы: создавать промышленность в республике, где до этого ее не существовало вообще. Затем Брежнев поручил Николаю Анисимовичу заново создать союзное МВД, что и было с успехом сделано. Брежнев не раз убеждался в его возможностях как руководителя, поэтому опирался на него, очень ценил, даже по-братски любил. Вот вам и «жена понравилась».

— *В годы перестройки Щелокова «вычеркнули» из советской истории.*

— Имя его не просто вычеркнуто из истории, оно буквально втоптанно в грязь. Создавались телепередачи, фильмы и книги, писались статьи, в которых бывшего министра называли жуликом, мафиози, взяточником, трусом... Правда, неясно, почему не был доведен до суда хотя бы один

эпизод с его якобы «хищениями»? Почему не говорят, что золота и бриллиантов, приписываемых семье Щелокова, к огорчению следователей, не было найдено вообще?

Казалось бы, за двадцать с лишним лет официальной пропагандой сделано все для его развенчания, но удивительная вещь — почему до сих пор к Щелокову относятся в милиции с уважением и сохраняют о нем добрую память, особенно ветераны МВД? Да и можно ли называть трусом человека, прошедшего всю войну?

По-моему, это несправедливо. Я много беседовал с сослуживцами и соратниками министра и видел, с какой любовью и уважением они рассказывали о Николае Анисимовиче — обычно его называют по имени-отчеству, характеризовали его как работоспособного, нестандартного руководителя, блестящего организатора, прекрасного человека. На посту министра он сделал больше, чем любой из его предшественников. Ветераны просто с ностальгией вспоминают те годы!

Как показало время, реформирование органов внутренних дел, проведенное под его руководством, было наиболее удачным, целесообразным и эффективным за всю историю ведомства. Дружба с Брежневым, доверие и взаимопонимание, существовавшие между ними, помогли сделать многое не просто для МВД, но и для всего дела борьбы с преступностью. Ему, например, принадлежала идея создания Штаба МВД.

— *Штаба?*

— Да, Штаба. Ранее в МВД такой структуры не существовало, но Щелоков везде, где бы ни работал, организовывал штаб. Этому его научила армия: штаб — неотъемлемая управленческая мозговая структура. Как-то в разговоре с министром иностранных дел Андреем Андреевичем Громыко Щелоков удивился: «Как это вы без штаба обходитесь? Это же необходимый орган управления в каждой большой системе».

При Щелокове, управляя таким сложным аппаратом, каким является МВД, руководство, коллегия министерства не принимали ни одного серьезного решения — касалось ли это текущих или перспективных, стратегических вопросов — без большой предварительной, подготовительной работы Штаба министерства.

По приходу в МВД в 1966 году Щелоков сразу начал осуществлять эту свою задумку. Создать Штаб было не просто, потребовалось несколько лет, чтобы пробить идею «наверху». Все решения апробировались на уровне Отдела административных органов ЦК КПСС. В партийных и госорганах не все воспринимали нововведения в МВД с одобрением — было много весьма влиятельных недоброжелателей. Ведь, как известно, добиваясь внедрения нового, нередко осложняешь жизнь не только себе, но и окружающим.

Так, министр обороны СССР Андрей Антонович Гречко решительно высказался против введения генеральских званий для высшего начальствующего состава Министерства охраны общественного порядка (МООП), преобразования Высшей школы МООП в Академию, установления норм денежного довольствия и пенсионного обеспечения личного состава органов внутренних дел на одном уровне с военнослужащими Советской армии.

— *А разве тогда МВД не существовало?*

— В январе 1960 года, при министре Дудорове (Николай Павлович Дудоров — министр внутренних дел СССР в 1956–1960 годах; до этого, в 1954–1956 годах, возглавлял Отдел строительства ЦК КПСС. — *Авт.*), МВД как союзное министерство было упразднено. Это было в русле политики Хрущева, считавшего, что борьбу с преступностью следует вести общенародными силами. «В социалистическом государстве, — говорил Никита Сергеевич, — каждый гражданин — агент милиции». Многочисленные народные дружины стали подменять

деятельность милиции, численность которой из года в год сокращалась.

В результате централизованное руководство борьбой с уголовной преступностью было нарушено, что отрицательно сказалось на работе милиции, исправительно-трудовых учреждений, внутренних войск, пожарной охраны. Республиканские министерства охраны общественного порядка действовали разрозненно, взаимодействие, координация усилий резко ослабли. Это продолжалось около семи лет, понимание пагубности такой разобщенности в борьбе с преступностью становилось все более очевидным и в ЦК КПСС, и в республиках. Все это и привело к решению о создании Министерства охраны общественного порядка — МООП СССР.

— *Вы начали рассказывать о создании Штаба МВД...*

— Программа Щелокова по реформированию ведомства вызвала у многих высокопоставленных лиц, входивших в специально созданную комиссию Политбюро по рассмотрению этих вопросов, резкое неприятие. Поэтому многое из предложенного новым министром реализовывалось не сразу. В принципе, все были заинтересованы в укреплении органов внутренних дел, но не все одобряли новую структуру, особенно возросшие затраты. А Щелоков не устал доказывать: нищая милиция опасна и для общества, и для государства.

Когда организовывался Штаб, Брежнев после доклада заведующего Отделом административных органов ЦК Николая Ивановича Савинкина потребовал от Щелокова объяснений: «Николай, что происходит? — позвонил он ему однажды по телефону. — Мне тут говорили, ты у себя второй Генеральный штаб создаешь...»

Надо сказать, что в советские годы крайне трудно было увеличить численность министерств — особенно в центральном аппарате. В ЦК и правительстве пришлось выдерживать настоящие битвы. Щелокову далеко не

с первого захода удавалось выбивать по 10–15 единиц под новую структуру в центральном аппарате. Да и генеральские звания тогда распределялись очень строго. Заместители союзного министра имели звания генерал-лейтенанта. Некоторые замы закончили карьеру в звании генерал-майора. Главе службы БХСС (по борьбе с хищениями социалистической собственности. — *Авт.*) Павлу Филипповичу Перевознику три раза отказывали в присвоении генеральского звания.

В течение нескольких лет Щелокову пришлось доказывать необходимость образования штабной структуры. Он собирал необходимые бумаги, брал с собой специалистов и шел к партийному руководству убеждать в целесообразности, настоятельной необходимости Штаба.

Изначально это структурное подразделение именовалось Контрольно-инспекторский отдел (КИО) и подчинялось непосредственно министру. В качестве самостоятельного отдела КИО вошел и в состав МВД СССР (25 ноября 1968 года президиум Верховного Совета СССР принял указ «О переименовании Министерства охраны общественного порядка СССР в Министерство внутренних дел СССР». — *Авт.*). В обязанности отдела были вменены планирование, контроль и инспектирование служб и подразделений, то есть совершенствование управления.

Каким Щелоков видел начальника Штаба? Николай Анисимович взял себе на вооружение слова Маршала Советского Союза Сергея Семеновича Бирюзова: «Командующий должен верить в своего начальника штаба, как в самого себя. Без этого работать нельзя. Начальник штаба — это не просто исполнитель. Он — один из самых близких помощников командующего, и непременно с творческим складом ума и характера. Со своим аппаратом на основе общего замысла командующего начальник штаба обдумывает все детали дела и готовит мотивированные предложения. С его помощью осуществляется контроль

за исполнением приказов и обеспечивается управление войсками. Штаб можно сравнить с центральной нервной системой человека».

— *Кому же министр доверил свой штаб?*

— Когда Щелоков подбирал кадры, зампред КГБ Георгий Карпович Цинев порекомендовал ему доцента Высшей школы КГБ Сергея Михайловича Крылова. Щелоков оценил его незаурядное мышление и предложил перейти в МВД, возглавить КИО. В феврале 1969-го на базе этого отдела образовался качественно новый штабной аппарат — Организационно-инспекторское управление МВД СССР.

Одновременно началось образование организационно-инспекторских аппаратов в регионах — в управлениях внутренних дел. В МВД Татарии впервые была создана специальная аналитическая группа, которая обобщала результаты и производила планирование деятельности оперативников. Разработали систему немедленного реагирования на серьезные преступления. Кстати, известный план «Перехват» по розыску и задержанию угнанных автомашин родился в Казани и ее пригородах. После его утверждения провели оперативную игру. На «угнанной» автомашине Виктор Ерин (будущий министр внутренних дел Российской Федерации. — *Авт.*) исколесил весь город, но никто его не остановил. Выводы были сделаны...

Также родилось предложение о создании оперативного отделения в составе штаба республиканского министерства для руководства деятельностью дежурных частей и организации взаимодействия всех сил и средств для реагирования на происшествия любого характера. Затем пришла идея о разработке системы оперативного реагирования для организации взаимодействия служб при раскрытии тяжких преступлений и ликвидации побегов из мест лишения свободы и КПЗ, которую назвали «Сирена». И эта идея нашла поддержку в МВД СССР.

«Сирена» была внедрена в стране и до сих пор действует под своим первоначальным названием. Аналогично было и при разработке оперативных планов «Гром» — по задержанию вооруженных преступников, захвативших заложников и засевших в каких-либо строениях, «Защита» — по предупреждению и ликвидации массовых беспорядков.

Организация штабов республиканских МВД и областных УВД на местах была, конечно, не безболезненным процессом. Особенно остро стоял вопрос комплектования новых подразделений. Оперативные службы неохотно уступали своих квалифицированных работников и перспективных молодых офицеров. Но Щелоков был категоричен: «Пусть недальновидные люди визжат и воют по поводу перестройки и нововведений, — подчеркивал он. — Им не понять, что при рубке большого старого леса иначе нельзя. Тем более в истории еще ни одно глубокое преобразование не обходилось без грязной пены, без такой накипи и наслоений. Других решений в ускорении поставленных задач нет. Так именно кадры, их подбор становятся главным и решающим фактором среди всех прочих в новых условиях».

В сентябре 1971 года Организационно-инспекторское управление было переименовано в Штаб МВД СССР. Это была победа Щелокова! В 1972 году в состав Штаба входили главная инспекция и семь отделов: организационно-аналитический, оперативный (включая дежурную часть МВД СССР), организационно-зональный, организационно-научный, организационно-штатный, нормативно-уставный, внешних сношений. В оперативное подчинение Штабу были переданы Главный научно-исследовательский центр управления и информации (позднее Главный информационный центр) и Организационно-методический центр МВД СССР по передовому опыту.

— Значит, МВД как общесоюзная структура возродилась при Щелокове...

— Именно так. Наследство ему досталось, повторюсь, незавидное. После так называемого реформирования, а фактически — упразднения Хрущевым в 1960 году союзного МВД, на улице оказались многие профессионалы, было ликвидировано союзное Главное управление милиции, координировавшее борьбу с криминальными структурами; разрушено профессиональное милицейское ядро центрального аппарата МВД СССР, накопившего огромный опыт борьбы с бандитизмом. Разрушена оказалась и союзная структура службы БХСС — организатор усиливающейся борьбы с «цеховиками», расхитителями и дельцами экономического подполья. Все это благоприятствовало росту и развитию организованной преступности, теневого бизнеса и коррупции.

Система МВД не пользовалась авторитетом ни у народа, ни у ЦК КПСС. Около половины личного состава милиции были, по сути, неграмотными. Материальное содержание, заработная плата сотрудников были нищенскими, унижительными. Милиция находилась в состоянии приниженности, загнанности, патологической апатии, затяжного синдрома профессионального бескультурья.

В конце пятидесятых годов в разных городах даже возникали волнения, направленные против действий милиции — самоуправства, взяточничества, поборов и т. д. Предыдущий, до Щелокова, министр Тикунов пытался поправить ситуацию, но его начинания успеха не имели и не могли иметь (Вадим Степанович Тикунов с должности заместителя заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС был назначен в 1959 году заместителем председателя КГБ при Совмине СССР; в 1962–1966 годах — министр охраны общественного порядка РСФСР. — *Авт.*).

Неприятие у населения вызвало применение милиционерами резиновой палки, введенной по приказу Тикунова — якобы по требованиям общественности. Слишком

уж необычными для советского милиционера выглядели этот атрибут и его практическое использование. Хотя знали, что в отделениях бьют и без палки, но все же это не публичное действо. Тогда же были введены и взрывпакеты со слезоточивым газом. Распоряжением Щелокова применение дубинки и взрывпакетов было отменено.

— *Вы упомянули о «цеховиках». Не секрет, что во времена Брежнева и Щелокова это явление становилось все более распространенным...*

— Да, с каждым годом проблема становилась все острее, и причина тому не в слабостях в работе милиции. Службой БХСС при Щелокове руководил Павел Филиппович Перевозник, хорошо знакомый министру по работе в Молдавии. Под его руководством служба стала одной из самых эффективных и ведущих в системе МВД. Важнейшей задачей, отведенной Щелоковым службе БХСС, стала именно борьба с теневой экономикой.

В докладах и выступлениях министр не раз защищал работу службы по борьбе с экономическими преступлениями от критики. Особое отношение объяснялось прежде всего тем, что Щелоков, хорошо разбираясь в вопросах экономики и производства, понимал трудности изобличения дельцов, взяточников, расхитителей и особенно их покровителей.

Теневой бизнес «подрос» еще при Хрущеве — в связи с частичной либерализацией экономической политики. Всеобъемлющий дефицит товаров народного потребления привел к созданию подпольного рынка товаров и услуг, разделению сферы торговли на официальную и теневую. Появились лица, так называемые цеховики, сосредоточившие в своих руках значительный капитал. Они сразу вступили в конфликт с законом — частнособственнические тенденции в условиях социалистического способа хозяйствования неизменно приводили к этому. Началось их постепенное сращивание с криминальным сообществом.

Многие должностные лица, занимающиеся распределением материальных средств, стали в те годы выполнять свою работу за дополнительные деньги. Взятничество проникало в сферы хозяйственной и государственной жизни, и у криминалитета появились стойкие связи во властных структурах. Они налаживались не только подкупом, но и методом сбора компрометирующих сведений на того или иного руководителя. Такие «правила игры» негласно существовали и среди партийного советского руководства.

— *Для министра эти «правила», видимо, не были тайной?*

— Николай Анисимович был хорошо знаком с «номенклатурными нравами». Еще когда он был вторым секретарем ЦК Компартии Молдавии, Перевозник информировал его о том, что многие республиканские руководители везут в Москву подарки и подношения для столичного начальства. На что Щелоков сказал ему, что и он, когда едет в Москву, тоже везет с собой так называемый «молдавский привет». И никто ни разу не отказался от него — ни из Госплана, ни из Госснаба.

При Брежневе, по инициативе председателя Совета министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, с середины 1960-х годов началась реформа хозяйственной деятельности на основе хозрасчета. Предприятия должны были строить свои отношения с центром на основе показателя прибыли. Это было одним из принципиальных нововведений. Но попытка ввести элементы рынка в советскую экономику давала не те результаты, которые были запланированы. Ориентация на прибыль, а не на снижение себестоимости продукции, вызвала тенденции к повышению цен даже на товары первой необходимости. При этом товаров на прилавках не хватало, дефицитом было почти все — мебель, холодильник, телевизор, автомобиль.

Для дальнейшего хода реформы необходимы были корректировки, новые решения, но это не нашло поддержки

партийного руководства. Делались попытки по развитию предпринимательства. В частности — создание цехов по переработке сельскохозяйственной продукции, древесины и производству строительных материалов, появлялись небольшие специализированные цеха по производству промышленных товаров. Но опять же это были половинчатые меры. За состоянием борьбы с частнособственническими инициативами зорко следили в ЦК КПСС — прежде всего, секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов, противник всякого отхода от догм марксистско-ленинского учения.

Павлу Филипповичу Перевознику был известен такой случай. Его знакомому, жившему в Грузии, как-то встретился незнакомый грузин, попросивший продать ему свою сорочку — рубашка была японского производства, куплена во Владивостоке. Он предложил большие деньги — 150 рублей. Тот спрашивает: зачем тебе понадобилась рубашка за такую сумму? А вы посмотрите, говорит грузин, какой крой у рубашки, какие карманы, заклепки — разве у нас в магазине купишь такую вещь? За эту рубашку я получу в десятки раз больше от «цеховиков», которые наладят производство такого модного дефицита и заработают тысячи рублей.

Или другой пример, демонстрирующий деловую хватку «теневиков». В Москве по всем отраслям народного хозяйства устраивались международные выставки — для развития и внедрения в производство передового опыта и техники. Со всей страны в столицу приглашались руководители производств — для ознакомления с мировыми новинками.

И вот как происходило это ознакомление по наблюдениям Перевозника: «Приезжает, например, в Москву руководитель предприятия и вместе с ним симпатичная женщина из отдела снабжения. Женщина — понятно, для каких целей, а снабжение — для обеспечения ежедневного застолья. При посещении выставки обычно выносили заключение: все то, что нам здесь показывают, мы произ-

водить не можем. Ниток таких нет, тканей нет, заклепок нет и т. д. Посмотрели, попьанствовали и уехали, ничего для себя не найдя. И все идет по-старому. А как вели себя на таких выставках дельцы, теневые частные предприниматели? Они приезжали за свой счет. С собой неграмотный делец привозил двух-трех мастеров — «золотые руки». Они не просто осматривали экспонаты выставки, а изучали их — и не один день. Причем если речь шла об оборудовании, машинах, то мастера тут же соображали, как можно переоборудовать имеющиеся машины, пополняя их отдельными деталями, которые можно изготовить индивидуально. Если речь шла о материалах, то тут же принимались решения, какие из наших материалов можно использовать и где их заказать. Эти люди после выставки открывали новое производство и выпускали товары, пользующиеся повышенным спросом».

— *«Теневики» тонко улавливали конъюнктуру рынка...*

— В том-то и дело, и их товары всегда находили покупателя. Они оперативно перестраивали производство на выпуск нужных товаров, сколачивали крупные капиталы, не забывая «делиться» с нужными чиновниками... Кстати, Щелоков считал проявление хозяйственной инициативы полезным делом. Разве плохо, если человек налаживает производство дефицитных товаров? Производит продукцию, которую «недовыпускает» государство, благодаря чему рынок пополнялся нужными товарами. Но ведь нужно соответствующее «правовое поле»...

Конечно, министр выступал за разоблачение крупных расхитителей. Но как у бывшего хозяйственника у него было особое отношение к тем людям, которые могут не то что использовать, а «поправить» изъяны советской хозяйственной системы. Еще в довоенном Днепропетровске он, улаживая конфликт с продавцами керосина, дал возможность и им зарабатывать, и не срывать заправку примусов и керосинок с коммунальных кухонь.

По мнению Щелокова, насколько я могу судить по рассказам знавших его людей, страна нуждалась в преобразованиях, и министр был за постепенный переход к рыночной экономике под контролем государства. Однажды Перевозник докладывал министру о ряде дел, связанных с полуподпольными цехами на Кавказе, и рассказал о выпускаемой ими продукции. «Щелоков, — вспоминал Перевозник, — как опытный в хозяйственных делах человек, понимающий цену вопроса, тут же стал звонить во многие инстанции с вопросами, почему государство не использует этот источник выпуска товаров, почему мы не даем этим инициативным людям работать легально, не вводим их деятельность в законные рамки? Ведь это позволило бы развернуть, повсеместно развить мелко-товарное производство. Страна бы таким образом, кроме ликвидации дефицита товаров широкого потребления, получила дополнительный доход в бюджет за счет налогов. И главное, мы сократили бы количество преступлений. У многих он нашел понимание, но... взяться за это дело никто не решался, ссылаясь на то, что при таком повороте дела мы способствовали бы развитию частнособственных тенденций, а это противоречит коммунистической морали. Нас обвинят в том, что мы таким образом подрываем социалистический способ производства, уходим от планового ведения хозяйства, а этим дельцам узаконим возможность всякими обходными путями приобретать оборудование, сырье и материалы, минуя Госплан и другие органы управления».

— *А как относились в Совете министров, в том же Госплане к позиции Щелокова?*

— Он, увы, не нашел поддержки ни в Госплане, ни у министров. Перевознику он поручил продолжить изучение этих вопросов, попытаться найти совместно с министерствами экономического блока аргументы, которые бы могли быть использованы при подготовке этого вопроса в

ЦК партии и правительстве. Однако ни в одном ведомстве не поддержали идеи совместной подготовки предложений в ЦК.

Понимание необходимости экономических реформ в стране было и у других крупных руководителей. Так, первый секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий рассказал Щелокову эпизод из своей биографии. После войны к нему как к секретарю парткома на крупном предприятии обратился секретарь партийной организации с просьбой принять участие в обсуждении вопроса об исключении из партии работника, который не может в своей семье навести порядок.

Оказалось, он — работник милиции, а его жена дома вяжет из шерстяных ниток детские шапочки и продает их на рынке. Комиссия, которая готовила на бюро это дело, даже подсчитала, сколько она заработала на каждой шапочке. Щербицкий поинтересовался составом семьи, зарплатой, квартплатой и другими вопросами. Ответили, что у них трое несовершеннолетних детей, комнату снимают на свою зарплату. Спросил, можно ли на такую скудную зарплату содержать семью, платить за жилье? Что должен делать человек в таком положении? Если не обеспечить квартирой, то, может, хотя бы устроить жену на работу, оказать материальную помощь? Вместо исключения коммунисту была оказана помощь.

— *Не все из «номенклатуры» вели себя, как Щербицкий...*

— Поэтому в СССР все больше и больше обнажались внутренние противоречия. К концу 1970-х годов все отчетливее проявились в социальной системе «теневики» и контролировавшая их уголовная преступность, которая подминала под себя «теневиков», не имевших возможности обращаться за помощью в правоохранительные органы.

Преступный мир сумел приспособиться к реалиям времени. Легендарный «вор в законе» Анатолий Черкасов

(Черкас), участник войны, кавалер двух орденов Славы, разработал новую концепцию воровского сообщества. Суть ее сводилась к тому, чтобы переключиться с государственной и личной собственности граждан на имущество и доходы представителей теневой экономики. При этом брать с них дань следовало «по справедливости», не доводя «клиента» до краха. Использовать как «крышу» государственных служащих и работников правоохранительных органов, щедро оплачивая их услуги.

«В период с 1926 по 1940-е годы НКВД СССР принял ряд закрытых документов, где рассматривались рекомендации по ведению наружной и внутренней разведки в преступных организациях, бандах, воровских шайках, притонах и малинах, порядок работы с негласным аппаратом. Отмечалось, что специфика деятельности бандформирований не предусматривала их взаимодействия. Гораздо большей организованностью и координированностью отличались группы воров-карманников. Они обменивались опытом, распределяли сферы деятельности, чаще попадали и выходили из тюрем. Именно в среде карманников зародилось воровское братство, а позже появились первые «воры в законе».

Взаимовыручка, материальная поддержка, совместная конспирация и другие формы корпоративности помогли вора-профессионалам эффективно противостоять давлению государства как в условиях свободы, так, и это прежде всего, в местах заключения. Образовав достаточно мощную касту, «воры в законе» не только решали задачи самозащиты, но постепенно подчинили себе преступные образования, оставшиеся один на один с правоохранительными органами. «Законники» придерживались жестких традиций и норм поведения, а к желающим попасть в их окружение предъявляли соответствующие требования».

Из аналитической справки МВД

Предложения Черкаса были приняты на сходке «воров в законе» в Киеве в начале 1970-х годов. Они также отменили обязательную для вора регулярную отсидку в зоне, разрешили им контакты с сотрудниками милиции. «Реформа» Черкаса привела к укреплению власти «воров в законе» в криминальном сообществе.

Однако первоначально криминал так зажал «теневи-ков», что те вынуждены были принять меры самообороны, обзавелись телохранителями, и в некоторых случаях бандиты оказались на службе у наиболее сильных «теневи-ков» и торговцев. Это грозило вылиться в большую и ожесточенную войну. Поэтому в 1979 году в Кисловодске состоялся негласный съезд «воров в законе», куда пригласили представителей «теневи-ков». Там после напряженных споров приняли историческое соглашение: «цеховики» должны были выплачивать 10 процентов прибыли, а воры обеспечивать им защиту и охрану. Территория страны была поделена на сферы влияния преступных сообществ. Бандиты также стали принимать участие в реализации продукции и налаживании контактов с представителями государственной власти.

Воры входили в экономику. Равнодушие государства к становлению организованной преступности и ее внедрению в местные элиты было смертельно для советского хозяйства и государства. В дальнейшем, с началом горбачевской перестройки (особенно после принятия закона о кооперации в 1988 году), «теневики» и криминальный мир вышли из подполья.

Надо отметить, что при Щелокове милиция довольно быстро ликвидировала банду в то время известного криминального авторитета Геннадия Корькова (Монгола), специализировавшуюся на вымогательстве у «теневи-ков», наркодельцов, директоров шашлычных и пивных баров. В состав этой группы входил известный ныне Вячеслав Иваньков (Япончик), а по некоторым данным, и Отари

Квантришвили (Шерхан). Та же участь постигла и группу Черкаса, базировавшуюся в Краснопресненском районе Москвы, где у нее была оборудована даже своя пыточная комната.

В ЦК КПСС долго отказывались признавать наличие в стране мафии. Только в конце 1970-х годов там все же поддержали инициативу МВД по созданию в Главном управлении БХСС Оперативно-розыскной части, чтобы наладить эффективную борьбу с организованной преступностью. Такие же подразделения были созданы на местах. В 1982 году для этой же цели в КГБ создали Шестое управление. Правда, к тому времени эти меры не могли принести какого-то ощутимого результата. Было поздно...

— Доводилось слышать, что некоторые из теневой торговой системы обзавелись покровителями даже в высшем государственном руководстве, правоохранительных органах.

— С такими лицами наиболее трудно было бороться. Директора магазинов и торгов контролировали движение дефицита и списывали часть реально проданного продукта по нормам «естественной убыли», предусмотренной в экономике, где многое гнило и усыхало. В результате получалась солидная «доплата». Этой «левой» выручкой дельцы делились с вышестоящим руководством.

По распоряжению Щелокова Главным управлением БХСС был подготовлен меморандум, обобщивший сотни материалов о вопиющей картине разложения торговой отрасли Москвы. Министр поручил проверку этих материалов ГУВД столицы. Но все на этом и заглохло — Москва была «вотчиной» члена Политбюро Гришина, и никто, кроме него, не мог вмешиваться во внутренние дела столицы (Виктор Васильевич Гришин — первый секретарь Московского горкома партии в 1967–1985 годах; был женат на Этери Лаврентьевне Гегечкори — дочери Л. П. Берии; в 1952–1956 годах — второй секретарь Московского област-

ного комитета КПСС, в 1956–1967 годах — председатель ВЦСПС — организации советских профсоюзов. — *Авт.*) без санкции высшего партийного руководства.

Позже, когда потребовалось свалить «хозяина» Москвы, меморандум был затребован. Началось известное громкое дело о торговой мафии столицы, в том числе — директора Елисеевского магазина.

Кстати, благодаря расследованию дел по незаконной деятельности директоров магазинов попутно были пресечены злоупотребления, связанные с выдачей спецталон. Однажды на Рублевском шоссе иномарка одного из крупных столичных дельцов обогнала кортеж (впрочем, всего только две машины. — *Авт.*) председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Пельше, следовавшего на дачу. Возмущенный Пельше приказал сопровождавшим его работникам КГБ разобраться с нарушителем. Иномарку задержали, но водитель предъявил спецталон и поехал дальше. На другой день Пельше позвонил Щелокову, предложил выяснить, кому и за какие заслуги выдают в Москве спецталон. Было установлено, что начальник ГАИ Москвы Ноздряков выдал за сравнительно короткий срок четыреста подобных спецталон, причем половину — директорам столичных магазинов и крупных баз.

В Москве Щелоков не мог назначить руководителя ГУВД без одобрения и согласования с руководителем города Гришиным. Стоит ли говорить о том, что начальники ГУВД краев, областей, республик были ориентированы прежде всего на местное партийное начальство, а не на своего министра? К примеру, тот же Гришин мог не допустить проверки деятельности столичного ГУВД центральным аппаратом МВД СССР.

Бороться с коррупцией в партийной и хозяйственной элите с каждым годом становилось все сложнее и опаснее. Без мощной поддержки из центра действия органов БХСС и даже прокуратуры на местах зачастую были обречены на

неудачу. Так, в 1974 году заместитель начальника Пензенского управления внутренних дел Дидиченко возглавил оперативную группу квалифицированных работников БХСС области по изобличению разветвленной преступной группировки, действовавшей на мясокомбинате, ликероводочном заводе и в центральном ресторане города. Им удалось задокументировать преступную деятельность некоторых высокопоставленных должностных лиц в области. Вскоре с санкции прокурора области был арестован один из организаторов преступления — заместитель заведующего отделом Пензенского обкома КПСС.

Но после этого был освобожден от должности... прокурор! Начались гонения на Дидиченко. Так как официально к его работе не было претензий, в дело вступила уголовная мафия, пригрозив убийством его единственной дочери. Следствие пришлось свернуть, ограничившись арестом рядовых исполнителей. Дидиченко уволился из органов.

Возможности министра Щелокова были несопоставимы с влиянием региональных партийно-хозяйственных кланов, поддерживаемых правящей элитой в Москве.

В расходовании государственных средств и материальных ресурсов всегда можно было найти лазейки, чтобы обойти закон. Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Мжаванадзе при одной из встреч рассказал Перевознику об удивительных возможностях некоторых грузинских чиновников. К нему обратились из Министерства легкой промышленности Грузии с просьбой подписать письмо на имя председателя Госплана Байбакова, чтобы одной из фабрик выделили пряжу. Он подписал письмо и получил ответ, что план на пятилетку уже сверстан и утвержден, поэтому просьбу Мжаванадзе (который был еще и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС) учтут... при разработке плана на следующую пятилетку!

Когда из республиканского Минлегпрома к Мжаванадзе обратились повторно, он отказал в подписи — за-

чем вновь получать отказ? Но его заверили, что на этот раз письмо пересылать не будут, а пошлют гонца и не с пустыми руками. И что же? По второму письму Грузии выделили 28 тонн импортной пряжи и 12 трикотажных станков. Впоследствии было установлено, что пряжа и станки были сняты с некоторых областей России — якобы за то, что они не выбрали фонды — и переданы Грузии...

— А «громкие дела» при министре Щелокове были?

— Сегодня, когда ведут речь о борьбе с злоупотреблениями советских руководителей, с организованной преступностью в те годы, не принято упоминать о вкладе милиции. Между тем МВД предпринимало решительные меры. В разных регионах страны его сотрудниками изобличались бандитские группы, подпольные «цеховики», номенклатурные взяточники. В середине 1970-х работниками ГУБХСС за взятки были арестованы четыре ректора медицинских вузов (пятый, чувствуя приближение ареста, покончил с собой), изобличена большая группа расхитителей и взяточников в Министерстве рыбного хозяйства во главе с заместителем министра Рытовым.

Как-то жена одного из арестованных ректоров приехала в Москву с большими деньгами, чтобы попытаться смягчить вину мужа. «Добрые люди» посоветовали ей обратиться к брату Брежнева Якову, дали его адрес. Не застав Якова Ильича дома, женщина вручила его жене пакет — и быстро исчезла. Та, развернув пакет и увидев крупную сумму денег, тотчас позвонила в МВД. Прибывшие сотрудники изъяли деньги, вскоре была установлена личность женщины, но она не призналась в содеянном, деньги были сданы в доход государству...

В громком «краснодарском деле» милиция также принимала самое активное участие. Сотрудники ОБХСС успешно взаимодействовали с сотрудниками недавно созданного Шестого управления КГБ. Возглавлял хлебороб-

ный Краснодарский край первый секретарь крайкома партии фронтовик Медунов, приближенный к Брежневу.

Хорошие отношения с Медуновым были и у Щелокова. Но вот появились уголовные материалы, доказывающие, что взяточничество и коррупция стали здесь нормой. Особенно это касалось курорта Сочи, где в 1978 году были арестованы директор крупного магазина и его заместители, директора базы мясорыбторга, центрального ресторана и еще несколько человек. Почти все они начали давать показания о процветающей коррупции во всех краевых эшелонах власти.

Систему торговли и местной промышленности контролировал бывший секретарь крайкома партии, а непосредственно перед арестом — заместитель министра мясомолочной промышленности СССР Тарада. При аресте у него были изъяты из тайников 200 тысяч рублей, более сотни сберкнижек на предъявителя, а также ведро золота.

Громкое расследование сильно ударило по репутации Медунова. Чтобы остановить следствие, он встречался с Брежневым и просил оградить Краснодарский край от преследований. С подачи Медунова был снят с работы, а затем исключен из партии прокурор Сочи Костюк, из органов внутренних дел уволен заместитель начальника УВД Сочинского горисполкома Удалов. Сам Щелоков к его снятию с должности не имел отношения, решение исходило «сверху» — со Старой площади.

После того как в Сочинский горисполком за подписью заместителя Генерального прокурора СССР Виктора Васильевича Найденова поступило представление для согласования на привлечение к уголовной ответственности ближайшего соратника Медунова — секретаря крайкома партии по идеологии Мерзлого, был освобожден от должности и сам замгенпрокурора...

— *В Средней Азии тоже казнокрадов было немало...*

— Сотрудники БХСС расследовали немало дел о крупных хищениях в Узбекистане. Взять, к примеру, дело

председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР Насрединовой. За ней тянулся целый шлейф превышения полномочий и фактов взяточничества. Когда в ЦК КПСС перед выборами в Верховный Совет СССР готовилось предложение о переизбрании Насрединовой, в МВД приняли беспрецедентное решение: направить в ЦК КПСС шифровку с изложением некоторых фактов преступлений, совершенных Насрединовой, и просьбу не выдвигать ее кандидатом в депутаты. Шифровку подписали министр внутренних дел Узбекистана, два его заместителя и два начальника управлений. В итоге ее кандидатуру отвели.

Уже упоминавшийся мною Перевозник присутствовал при телефонном разговоре министра Щелокова с председателем Верховного Совета СССР Николаем Викторовичем Подгорным. Тот возмущался действиями милиции: «Мыкола, що там твои подчиненные творят беззаконие? Они поставили меня в дурацкое положение, я им это не прощу...» Щелоков обещал, что изучит это дело, а потом проинформирует Подгорного. Дело-то Щелоков знал хорошо, но хотел выиграть время. Для ареста Насрединовой требовалось решение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Насрединова входила еще и в состав ЦК.

После заседания КПК Насрединова была исключена из партии. Генерал Перевозник был готов произвести ее арест. Но не успел он провести инструктаж группы работников для выезда на задержание, как позвонили из Комитета партийного контроля и сообщили, что решение отменено! Через полчаса после принятия решения оно было отменено тем же составом!

«Впоследствии мне стало известно, что Насрединова тут же после принятия такого драматического для нее решения, используя все свои связи, оказалась у Брежнева, упала на колени перед ним и добилась, чтобы он позвонил в Комитет партийного контроля и попросил пересмотреть решение. Вместо исключения из партии ей объявили

строгий выговор, а это освобождало ее от уголовной ответственности», — вспоминал Перевозник. Возможности МВД СССР в конфликтах с партийными органами были весьма слабы.

Немало сложных дел возникало в Грузии. «Теневики» захватили в этой республике главенствующее положение в легкой, винодельческой промышленности, общественном питании и бытовом обслуживании населения. Надо признать, что тогдашний министр внутренних дел республики Эдуард Шеварднадзе проявил инициативу и настойчивость в раскрытии крупных преступлений. Ему помогали руководители службы БХСС республики Гветадзе и Горгодзе. Впоследствии они были министрами внутренних дел республики, сменяя друг друга.

При первом знакомстве Щелокова с Шеварднадзе Николай Анисимович подробно обсудил с ним вопрос о резком усилении борьбы с мафиозными группировками. В Грузию были командированы из Москвы опытные работники службы БХСС. В скором времени стране стала известна целая серия дел в отношении грузинских миллионеров. Большое количество чиновников было отправлено на пенсию под угрозой уголовного преследования. Бескомпромиссная борьба Шеварднадзе со взяточниками и расхитителями в те годы вызывала у народа уважение к нему.

По воспоминаниям Перевозника, за время работы Шеварднадзе в должности министра против него устраивались разного рода провокации, угрожали членам его семьи. Угрозы были реальными, поэтому ему выделяли дополнительную охрану. Создавались специальные комиссии для проверки его служебной деятельности с тем, чтобы освободить Шеварднадзе от занимаемой должности. И только благодаря поддержке Щелокова он оставался на своем посту.

«Как-то Шеварднадзе позвонил мне и сказал, что в Москве находится группа тбилисцев, которая намерена

подать коллективную заявку, будто их в Министерстве внутренних дел Грузии избивали и требовали дать показания на руководящих работников республики, — вспоминал Перевозник. — Причем кроме заявления они хотят продемонстрировать увечья, которые они якобы получили во время допросов. Все они побиты, на их лицах — следы побоев, есть и другие телесные повреждения, но получены они в пьяной драке. Об этом я доложил Щелокову, полагая, что они обратятся в МВД СССР. Но, как выяснилось позже, они направились в редакцию газеты «Правда», рассчитывая на опубликование в центральной прессе разгромной статьи. По тем временам пресса печатала только проверенные материалы, не то что сейчас. Поэтому в Грузию была направлена комиссия для проверки фактов, и на месте удалось установить, что все эти ходатаи за свой выезд в Москву получали от заинтересованных лиц крупную сумму денег, что ни на каких допросах их никто не избивал».

Доходило до того, что, зная о дружбе Ростроповича с Щелоковым, «теневики» предлагали музыканту чемодан денег за то, чтобы тот уговорил министра убрать Шеварднадзе из Грузии. Ростропович отказался.

В конце 1972 года сорокачетырехлетний Шеварднадзе стал первым секретарем ЦК Компартии Грузии. Надо отдать ему должное: к Щелокову он относился с уважением. И после, когда министра начали «топтать», в этом он не участвовал. Не спорю, при Горбачеве Шеварднадзе на посту министра иностранных дел сделал немало, чтобы ослабить позиции государства в угоду американским «друзьям». Но это совсем другая тема...

А в конце 1970-х чрезмерная активность аппаратов БХСС, в особенности их «покушения» на партийных лидеров, вызывала большое недовольство определенных сил на самых верхах. В 1979 году руководитель Главного управления БХСС Павел Перевозник был неожиданно

отправлен на три года в Чехословакию, где занял должность советника министра внутренних дел.

— Как складывались отношения Щелокова с Горбачевым?

— Официальная биография Михаила Сергеевича хорошо известна. После окончания Московского государственного университета он семь лет отдал Ставропольскому крайкому комсомола, дослужившись до первого секретаря. С молодости он выделялся громкими начинаниями, личным обаянием. Его заметил первый секретарь крайкома Федор Давыдович Кулаков, предложивший перейти на партийную работу. В 1962 году Горбачев стал парторгом колхозно-совхозного управления края, уже в декабре назначен завотделом партийных органов крайкома КПСС. В 1968 году Горбачев — второй секретарь, а с апреля 1970 года — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. Тогда ему было всего 39 лет.

Сам же Кулаков стал секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Одно время он считался наиболее вероятным преемником Брежнева на посту генсека. По одной из версий, «наверху» решено было проводить просившегося на пенсию Брежнева, а на его место избрать бывшего хозяина Ставропольского края. По другому, более позднему варианту за Брежневым планировалось сохранить недавно обретенный им номинальный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а на пост генерального секретаря партии избрать Кулакова.

Отметим, что у Щелокова с Кулаковым были теплые, хорошие отношения. Они были соседями по даче — жили на одной территории. Сын Кулакова, окончив Академию МВД, работал в системе органов внутренних дел.

Известна огромная роль ставропольских курортов в продвижении будущего «архитектора перестройки» в столицу. Кавминводы — одно из излюбленных мест отдыха партийной элиты. Особо важными гостями были

«земляки» Горбачева — Михаил Андреевич Суслов и Юрий Владимирович Андропов. Председатель КГБ из-за болезни почек регулярно приезжал сюда подлечиться. Андропов и Горбачев дружили семьями, вместе проводили отпуск. Юрию Владимировичу импонировал молодой руководитель, со своим видением насущных проблем и путей их решения. Он увидел в нем и лично преданного ему человека. По некоторым свидетельствам, Андропов предполагал взять Горбачева в КГБ и сделать его своим заместителем по кадрам. Но Кулаков ушел в Москву, Михаил Сергеевич стал первым секретарем крайкома, и вопрос о его переходе на Лубянку отпал.

Из тех, кого удалось обаять молодому секретарю крайкома, отметим и редактора сельхозотдела газеты «Правда» Валерия Болдина. Впоследствии он стал помощником Горбачева на посту генерального секретаря. Начинал Горбачев как защитник интересов агропромышленного комплекса. Он заявлял о неэквивалентном обмене с промышленностью и со временем стал выразителем тенденций, направленных на борьбу с бюрократизмом и излишней централизацией.

Говорят, что кандидатура Горбачева, имевшего юридическое образование, рассматривалась и на пост Генерального прокурора СССР. Скорее всего, он им бы и стал, но неожиданно от обострившейся болезни в июне 1978 года умер секретарь ЦК Кулаков. Реальным претендентом на освободившийся пост был ставленник Щербицкого, первоцелинник Федор Трофимович Моргун, первый секретарь Полтавского обкома Компартии Украины. Но Суслов и Андропов добились назначения Горбачева секретарем ЦК по сельскому хозяйству.

Щелоков, конечно, был хорошо осведомлен о реальной ситуации по Ставропольскому краю. В силу занимаемого поста он знал о многих высокопоставленных руководителях гораздо больше, чем им хотелось бы. Специально он

никаких материалов не собирал, но они просто не могли пройти мимо министра внутренних дел. БХСС и другие оперативные службы работали на достаточно высоком уровне. Сегодня уже можно говорить о том, что МВД располагало определенными компрометирующими данными относительно Ставропольского крайкома КПСС, в частности по фактам взяточничества и приписок показателей в сфере сельского хозяйства. Хотя, думаю, реальных доказательств этому уже не сохранилось, все архивы в свое время были «зачищены».

После того как сигналы о неблагополучии в Ставропольском крае поступили в МВД, туда была направлена специальная группа оперработников. О ней знал узкий круг людей. Согласно сохранившимся свидетельствам, оперативникам запретили даже селиться в гостиницах — иначе сразу бы пошел слух о прибытии «москвичей», — и разместились они по частным квартирам. Но когда руководитель группы со всеми добытыми документами возвратился в Москву, ему уже на аэродроме сообщили, что он незамедлительно должен прибыть к секретарю ЦК Суслову. На Старой площади собранные материалы забрали, пообещав, что Политбюро во всем тщательно разберется и примет соответствующие меры. При этом Суслов позвонил Щелокову, попросив не предавать этот факт огласке.

— *Правда ли, что Брежнев рассматривал Щелокова как преемника Косыгина на посту премьера?*

— Такой вариант существовал. Во второй половине 1970-х годов болезнь Брежнева все больше прогрессировала. В нем уже нельзя было узнать того жизнерадостного, деятельного, сильного мужчину. Понимал ли Леонид Ильич, что ему необходимо покинуть занимаемый пост? Совершенно точно известно, что он по крайней мере дважды ставил перед членами Политбюро вопрос о своем уходе в отставку. Но его буквально «уломали» остаться, убедили в незаменимости. Понимали, что с Брежневым

и им придется уйти. «Что ты, Леня! Ты нам нужен, как знамя, за тобой идет народ. Ты должен остаться. Работай гораздо меньше, мы тебе будем во всем помогать...» — такие вели с ним разговоры.

Анатолий Андреевич Громыко, сын министра иностранных дел СССР, в своих воспоминаниях передает рассказ отца о реакции Андропова на раздумчивую фразу Брежнева: «А не уйти ли мне на пенсию? Чувствую себя плохо все чаще. Надо что-то предпринимать». Тот ответил мгновенно и очень эмоционально: «Леонид Ильич, вы только живите и ни о чем не беспокойтесь, только живите. Соратники у вас крепкие, не подведем...»

— *Брежнев, утверждают некоторые современные историки, недолюбливал председателя Совмина.*

— Это сегодня их отношения в основном преподносятся в негативной окраске: мол, недалекий Брежнев завидовал интеллекту и опыту Косыгина. На деле было иначе. Если заглянуть в историю, то между первым и вторым лицами государства неизбежно возникают противоречия и трения — их конфликт предопределен занимаемым положением. Тем не менее Брежнев и Косыгин всегда испытывали друг к другу взаимное уважение. Это были соратники, у них были товарищеские и доверительные отношения.

Время Брежнева и Косыгина, чтобы сегодня не говорили, — период стабильного развития страны. Экономика государства развивалась высокими темпами, росло народное благосостояние. Импульс, заданный народному хозяйству страны начавшейся в 1965 году хозяйственной реформой, благотворно сказался на итогах выполнения 8-й пятилетки 1966–1971 годов: по своим параметрам она оказалась лучшей из советских пятилеток не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

В 1976 году у главы советского правительства Алексея Николаевича Косыгина случился первый инфаркт, в октябре 1979-го премьер вновь попал в больницу. Он ста-

рался сохранять рабочий режим, но болезнь брала свое. По свидетельству внука премьера Алексея Гвишиани, еще до инфаркта Алексей Николаевич дважды подавал заявление об отставке, но Брежнев их не принял.

Бесспорно, со временем негативную роль в отношениях между больными Брежневым и Косыгиным сыграло окружение. Существовало противостояние между Косыгиным и Устиновым, полностью замкнувшим на себе оборонную промышленность. На «оборонку» работали и гражданские министерства, против чего выступал премьер, но сделать ничего не мог — Устинов стал практически самостоятельной фигурой. На оборонную и космическую промышленность выделялись огромные финансовые средства, порой в ущерб остальным отраслям промышленности. Противостояние между двумя сталинскими наркомками, олицетворявшими гражданскую и военную экономики, сыграло свою негативную роль в судьбе хозяйственной реформы 1965 года.

У Косыгина было немало политических противников не только в партийном аппарате. Премьера не раз критиковал и Юрий Андропов. Приведу свидетельство Евгения Чазова: «Андропов не любил Косыгина, а Косыгин не любил Андропова. Может быть, Алексей Николаевич не любил систему госбезопасности. Как-то у него проскользнуло: «Вот, даже меня прослушивают». Поэтому, наверное, и не любил Андропова. У них обнаружилась какая-то личная несовместимость. Они схватывались на заседаниях Политбюро, причем нападал Андропов. Но конфликт между ними имел и явную политическую подоплеку: Андропов говорил помощникам, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования могут привести не просто к опасным последствиям, но и к размытию социально-политического строя».

— *У Юрия Владимировича, как известно, непростыми были отношения и с Николаем Анисимовичем.*

— Между ними имело место соперничество за влияние на генерального секретаря. К сожалению, это не шло на пользу стране. Обвинения, высказывавшиеся в адрес Щелокова уже после смерти Леонида Ильича, так или иначе способствовали подрыву авторитета Советского государства, что объективно совпадало со стратегическими замыслами Запада...

— *Но почему Леонид Ильич решил заменить Косыгина на посту главы правительства именно Тихоновым?*

— Над выбором кандидатуры Брежнев долго раздумывал. Надо полагать, он понимал, что первый заместитель председателя Совета министров Николай Александрович Тихонов не очень подходящая фигура для этой роли. Брежнев предлагал возглавить правительство Щербицкому, но тот отказался, считая кресло премьера опасным.

Генсек предлагал и Щелокову возглавить правительство, а первоначально занять пост заместителя председателя Правительства СССР. Но Щелоков отказывался. Он считал, что по сравнению с министром внутренних дел, зампред — фигура маловлиятельная.

Когда здоровье Косыгина ухудшилось, Брежнев уже предложил Щелокову сразу пост председателя Совмина. Министром внутренних дел СССР должен был стать Юрий Чурбанов, зять Леонида Ильича, занимавший пост первого заместителя главы МВД. Проект решения ЦК КПСС о назначении Чурбанова был уже подготовлен. Николай Анисимович уходил от ответа — не отказывался, но и не соглашался.

В подтверждение приведу рассказ генерал-майора внутренней службы Бориса Константиновича Голикова, свидетеля разговоров Брежнева и Щелокова на эту тему: «У Брежнева было совещание, и Николаю Анисимовичу понадобились некоторые бумаги. Мне позвонили, попросили их подготовить и привезти. Я все сделал и доставил ему, в приемной меня встречает секретарь приемной Брежнева Дебилов. Сказал, чтобы я проходил. За столом беседовали

Косыгин, Новиков, Байбаков, Щелоков и Брежнев. Я передал бумагу и жду разрешения удалиться. Они завершили разговор, выходят. Остаются Брежнев и Щелоков, и я рядом... Леонид Ильич говорит Николаю Анисимовичу: «Я тебе сказал, соглашайся, Коля, соглашайся! Это наше общее мнение. Лучше тебя нет зампреда...» Второй раз разговор происходил на даче у Брежнева. На тот момент Косыгин лежал в больнице, да и сам Леонид Ильич был не в очень хорошем состоянии. Они с Щелоковым разговаривали у машины. Леонид Ильич ему говорит: «Слушай, вопрос решать надо. О чем говорить?.. Четко сказал, ты должен занять пост председателя Совмина». Николай Анисимович промолчал, помялся, не дав никакого ясного ответа, затем они попрощались, и мы уехали».

Почему Щелоков уходил от ответа? Наверное, как и Щербицкий, он понимал, что его ждало на этом посту: борьба с партаппаратом, противостояние с ВПК. С учетом того, что Брежнев был болен — без реальной поддержки в нужную минуту.

Объективно говоря, Щелоков перерос пост министра внутренних дел и вполне мог бы встать во главе правительства. Он знал народное хозяйство, промышленность. К тому же находился в хорошей физической форме.

— *В 1982 году события развивались стремительно...*

— События приняли драматический оборот. Внешние признаки ухудшения здоровья первого лица государства умело использовались против него определенной политической группой, стремящейся к власти. Этому же способствовали нескончаемые славословия в адрес генсека, его награждения. По инициативе ряда членов Политбюро в 1976, 1978 и 1981 годах ему три раза было присвоено звание Героя Советского Союза. Но бесчисленные награды радости ему не приносили.

В обществе о страсти Брежнева к наградам начали ходить злые анекдоты, слухи, сплетни, их особенно и не

пресекали. Вследствие дефекта речи появились насмешки по поводу плохого произношения.

Но причиной дефекта речи стала не немощь Брежнева, а неудобная вставная челюсть. При разговоре она слегка выпадала, и ему приходилось ее подсасывать, вследствие чего появлялся дребезжащий голос и характерные движения губами. Сам Брежнев стеснялся этого дефекта, но сделать ничего не мог. Брежневу предлагали через Щелокова приехать в 3-й Медицинский институт (стоматологический), где ему были готовы исправить дефект. Начальник политуправления Московского военного округа генерал-полковник Константин Степанович Грушевой предлагал услуги военных врачей.

Но рядом с генсеком находился Евгений Чазов. Главный кремлевский доктор нашел известного в Европе немецкого профессора. Тот дефект почему-то не сумел исправить. И насмешки над генсеком продолжились.

Вообще, в период болезни Брежнева Щелокову становилось все труднее с ним встретиться, «медицинским» окружением делались попытки держать министра на расстоянии от генсека, мотивируя это плохим самочувствием, недомоганием...

10 февраля 1982 года не стало одного из самых близких к Брежневу людей — генерала Константина Грушевого. Несмотря на очень плохое состояние здоровья, Брежнев приехал проститься с другом. В буквальном смысле его завели под руки, он не сразу сориентировался в зале: «Где мой Костя?» На похоронах Брежнев не мог сдержать слез. С этого момента Брежневу самому отпущено жизни было немного. 9 ноября 1982 года после праздников он вышел на работу. По воспоминаниям сотрудника его секретариата, Брежнев попросил, чтобы в приемной к его приезду находился Андропов.

Леонид Ильич прибыл в Кремль примерно в 12 часов дня в хорошем настроении, отдохнувший. Они долго

беседовали с Андроповым. О чем они говорили, осталось неизвестным. Возможно, обсуждали предстоящий пленум ЦК. По некоторым сведениям, на нем предполагался переход Брежнева на пост председателя партии, а новым генеральным секретарем будет рекомендован 64-летний Щербицкий. После разговора с Андроповым, генсек переговорил о чем-то по телефону с Щелоковым.

Но утром следующего дня — 10 ноября, в День советской милиции, — Брежнева не стало. Собравшийся 12 ноября 1982 года Пленум ЦК КПСС избрал генеральным секретарем партии Юрия Андропова. После смерти Брежнева Николаю Щелокову советовали защищаться. Он мог поднять дивизию Дзержинского с тем, чтобы поддержать приход к власти другого кандидата — из «днепропетровских». Авторитет министра в МВД был очень высок. Но он сразу же пресек подобного рода разговоры...

— *Вы первый, кто поднимает эту тему.*

— Мы с моим соавтором Анатолием Вячеславовичем Науменко не гнались за сенсациями, нашей целью было написать первую непредвзятую биографию человека, более 16 лет руководившего Министерством внутренних дел. Опирались мы на архивные материалы, свидетельства людей, близких к Николаю Анисимовичу. Конечно, кто-то скажет, что изложение его биографии у нас получилось пристрастным. Возможно, и так — ибо исходили мы из его реальных заслуг перед Родиной, опирались на добрую память, на оценки тех, кто знал министра и работал с ним.

Его жизнь завершилась, как известно, трагически. Слова жены, случайно брошенные перед его назначением на пост министра: «Николай, тебя убьют или ты сам застрелишься», оказались пророческими...

Сегодня наступило новое время, страна стала другой. Сменились ориентиры. Но вычеркнуть из истории ничего и никого нельзя — какие бы попытки и кем бы с этой целью ни предпринимались.

«ЗЕРКАЛО НАШЕЙ МОЩИ ИЛИ НЕМОЩИ»

3 марта 2010 года в Москве после продолжительной болезни скончался Юлий Александрович Квицинский, дипломат, первый заместитель председателя комитета Государственной думы России по международным делам. В свое время он работал в наших посольствах в ГДР и ФРГ, возглавлял советские делегации на переговорах по ограничению и сокращению ядерных вооружений в Женеве, в 1990–1991 годах — заместитель, первый заместитель министра иностранных дел СССР. Нам доводилось встречаться с Юлием Александровичем, беседовать с ним об истории российско-германских отношений, их уроках для нашего времени.

— Германию и Россию издавна связывают тесные, но очень непростые взаимоотношения, а потому тему этого интервью можно сформулировать в нескольких словах: «Германия и Россия — вчера, сегодня, завтра». Разговор мы начинаем с очень болезненного вопроса: можно ли считать приход Гитлера к власти в Германии результатом ошибок советского руководства на немецком направлении?

— Это та идея, которую очень часто пропагандируют на Западе и которую с особым сладострастием обрабатывают наши «новорусские» историки. Мол, ежели бы Сталин не сделал ошибки и не объявил социал-демократов изменниками, предателями и главными врагами коммунистического движения, то все в мировой истории могло бы сложиться иначе...

— Как же именно?

— Тогда, мол, у СДПГ и КПГ была бы возможность договориться и не допустить Гитлера к власти парламентским путем.

— Но этому, дескать, помешал СССР?

— Вот именно! Поскольку Сталин-де запретил немецким коммунистам какие-либо контакты и близкие отношения с социал-демократами и провел это решение через Коминтерн, то он вроде бы косвенно или прямо виноват и в этой политике, и в том, что потом случилось.

— *То есть во всем опять-таки виноват Сталин?*

— Это все домыслы, потому что в истории Веймарской республики ни разу не было такой ситуации — даже в моменты самого большого роста популярности Компартии Германии, когда социал-демократы и коммунисты в рейхстаге могли арифметически создать правительственное большинство.

— *Но разве коммунисты не могли вступить в коалицию с социал-демократами?*

— Нет, конечно! В тот момент социал-демократы открещивались от коммунистов, как могли. Так что единый антигитлеровский фронт коммунистов и социал-демократов в Веймарской республике — это из раздела ненаучной фантастики.

— *Если об истории говорят, что она не терпит сглазительного наклонения, то политология рассматривает все возможные варианты развития событий... Вопрос: если бы социал-демократы создали коалицию с буржуазными партиями, с какими-нибудь центристами, а потом бы коммунисты ее поддержали, тогда Гитлер все-таки не пришел бы к власти?*

— По-моему, совершенно однозначно, что в тот момент, когда социал-демократы, создав такую коалицию, поставили бы себя в зависимое положение от поддержки КПП, из этого правительства тут же ушли бы буржуазные партии. И оно бы просто рухнуло. Гитлер пришел к власти потому, что в том раскладе политических сил, который существовал тогда, он просто не мог не прийти к власти. А придя, он совершил то, чего не мог не совершить, — он побил, разбил и поодиночке ликвидировал и КПП, и СДПГ...

— *Но ведь в Германии были и буржуазные партии. Почему они допустили Гитлера к власти? Разве ситуация не была в тот момент достаточно стабильной?*

— В Германии был острый кризис, она билась в тисках навязанного ей плана Дауэса — Юнга и хотела сделать все, чтобы покончить с Версалем...

— В смысле, пересмотреть решения Версальского мирного договора, которым были подведены итоги Первой мировой войны, а Германия поставлена в унижительное положение?

— Да, конечно. Но буржуазные партии, и прежде всего социал-демократы, не были в состоянии этого сделать — они не хотели ссориться с англосаксонскими державами. Так что в конечном итоге приход Гитлера к власти — результат мирового экономического кризиса и «похабного» Версальского договора, который был навязан Германии западными победителями.

— Можно сказать, что нацизм — реакция населения Германии на национальное унижение?

— Безусловно. Плюс к тому уточним: что это такое — Гитлер? Это ведь продолжение и развитие очень стойкой традиции в германской истории, германской внешней политике и дипломатии.

— Гитлер — это традиция? Как вас понимать?

— Да, это традиция, выраженная пресловутым «Дрангах Остен» — лозунгом «Вперед на Восток». Вот вам типичный пример, что это такое. Когда однажды Бисмарк беседовал с одним из видных немецких колонизаторов — сторонником приобретения колоний в Африке, тот доказывал, как важно было бы для Германии вступить в соревнование за овладение этим континентом. Бисмарк сказал: для нас Африка — это Европа, мы должны действовать здесь... Планы расчленения России были и у кайзера. Кстати, в 1915 году тысяча триста ведущих германских мыслителей и ученых подписали документ, где излагались соответствующим образом сформулированные «требования» в отношении России. По своему содержанию они были очень похожи на те, что потом заложило в своих планах ведения войны против СССР гитлеровское руководство. «Концентрат» этой идеологии — «Майн кампф».

— Гитлер сам писал эту книгу или ему в том помогли? Скажем, Рудольф Гесс или Карл Хаусхофер? Вопрос

не праздный: в нашей «исторической традиции» принято считать фюрера личностью весьма недалекой...

— Ну, то, что Гесс консультировал Гитлера и стучал на машинке, — это правда. Насчет Хаусхофера не знаю. Кстати, мне думается, что Гитлер ни в коем случае не был шизофреником или «недалеким». Это была личность! Демоническая, для нас совершенно неприемлемая, опасная, но ему нельзя не отдать должного: он знал, чего хочет, и сумел воплотить свои устремления в конкретных планах... А то, что у него не получилось, — тут уже Господь нас сберег!

— Кстати, как немецкий народ принял австрийца в качестве национального лидера?

— Немецкий народ, как и всякий народ, принимает тех людей, которые успешны. Разговоры насчет того, что «добропорядочный, высококультурный, работающий, талантливый немецкий народ был оболванен, введен в заблуждение, превращен в стадо послушных баранов» фюрером, который был шизофреником и к тому же австрийцем, — это все ерунда! Фашизм не был «дичком», привитым на здоровое дерево немецкого национального сознания...

— То есть?

— У этого народа есть много традиций, которые полностью соответствовали фашистской идеологии — начиная с пангерманцев, еще в XIX веке исповедовавших шовинистические и расистские идеи и мечтавших о мировом господстве. Поэтому не нужно так уверенно говорить, что Гитлер — случайность, что он был «навязан» немцам. Но мы, кстати, поддерживали именно эту идею, борясь за будущее Германии. Когда Сталин сказал: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается», то это была определенная «реабилитация» немцев. На самом же деле, пока Гитлер одерживал успехи, немецкий народ ему аплодировал и ревел на улицах от восторга.

— Немецкий народ поддерживал фюрера чуть ли не до самого конца...

— Да, немцы начали задумываться только где-то в 1944 году, и то лишь в верхушке немецкого офицерства.

— *«Заговор Штауффенберга» 20 июля 1944 года...*

— Ну, а народ даже на улицах Берлина сражался до последнего патрона, так что не надо никому заблуждаться: немцы защищали нацизм и Гитлера до конца. Нацизм был тогда массовой идеологией. К тому же немцы ни в коем случае не хотели проиграть войну Советскому Союзу.

— *Боялись возмездия? Боялись коммунизма?*

— Потому что русские для многих из них были «недочеловеки». Вообще, в немецком языке само слово «русский» имеет определенное негативное звучание — это нечто второсортное. Помню, когда я работал в Германии, Ульбрихт специально обращал внимание на то, что в документах следует избегать употребления слова «русский», потому что это отталкивает. «Советские люди» — следовало говорить гражданам ГДР, «зовьет меншен».

— *Ну да, ведь слово «немец» и у нас, «на языке родных осин», также имеет достаточно негативное значение... Впрочем, оставим «давние споры». Скажите, как вы считаете, какова роль в приходе к власти Гитлера англосаксов?*

— Англосаксы видели опасность поднимающейся, быстро набирающей силу Германии. «Держать ее в узде» они не могли, но зато вели последовательную линию на то, чтобы эта поднимающаяся Германия помогла разделаться с другим ненавистным им противником и соперником — Советским Союзом. Еще неизвестно, кто им был более ненавистен...

— *Но ведь отнюдь не Россия диктовала Версальский мир. Почему англосаксы думали, что Германия направит свои устремления именно на восток? И почему они разрешили Германии агрессию против других стран Европы?*

— Проанализируйте магистральную линию: Гитлер в «Майн кампф» поставил главной задачей ликвидацию Российского, или Советского государства, расчленение,

обезлюживание и захват для немецкой колонизации этих пространств. Для того чтобы эту задачу решить, ему надо было выйти на границу с Советским Союзом... Это видели и понимали на Западе. И мешать не собирались.

— *Поэтому новая мировая война началась нападением на Польшу.*

— Сначала Гитлер делает аншлюс Австрии, захватывает Чехословакию, привлекает на свою сторону румын, венгров, болгар — это все движение сюда, в нашу сторону. Эти события не только не встречают адекватного сопротивления со стороны англосаксов, наоборот! Гитлеру, скорее, помогают, что особенно ярко проявилось в Мюнхене. В конце концов, осталась одна Польша, и это было самое главное для Гитлера, потому что она лежала на направлении главного удара — через нее проходил самый короткий путь на Москву и к победе. Польша ему мешала. Кстати, фюрер пытался сделать поляков своими союзниками. Между ними были переговоры, когда он говорил: давайте заключим пакт и в случае войны с Советским Союзом пойдем вместе...

— *Антисоветская, антироссийская направленность польской политики известна. Почему же они не пошли на союз с Германией?*

— Из-за одной «мелочи», но «мелочью» это считал только Гитлер, попросивший отдать ему «в награду» за союзничество Данцигский коридор. Тут поляки заупрямились...

— *Неужели не понимали, что Германия и сама может все забрать? Зато взамен Польша могла вернуть себе Львов, а то даже и Вильно — Вильнюс, вошедший в состав СССР?*

— Я думаю, что поляки посоветовались с французами и англичанами, и те, наверное, им нечто такое сказали, что их обнадежило и побудило продолжить торговлю. А Гитлер на это очень рассердился. У него не было больше времени с поляками возиться, он же при разделе Чехословакии специально отдал им Тешинский район, а тут они ведут себя так по-торгашески. Тогда он и принял решение по-

кончить с Польшей, поставить ее в такие же условия, как славянскую Россию — Советский Союз. Тут возникла ситуация, когда и нам надо было определяться...

— Ну да, мы так «определились», что до сих пор говорят о «советской агрессии»!

— Действительно, когда у нас обсуждают этот вопрос, то все время есть такой подтекст: немцы — плохие, Сталин — плохой, англосаксы — плохие, мягкотелые, а в результате пострадала бедная Польша! Но нет, я думаю, что в данной ситуации Сталин проявил себя мастерски! Люди почему-то совершенно забывают, чем была Польша в 1920–1930-е годы. А ведь в то время это была главная военная угроза Советскому Союзу на западной границе. Посмотрите, под Минском все укрепления выстроены были для того, чтобы сдержать польское наступление — о немцах тогда не было и речи! И это было очень ловкое решение — руками немцев вывести из игры их мощного потенциального союзника и даже заставить стать на нашу сторону в случае войны. К тому же мы вернулись на территории, которые исторически принадлежали России и которые сначала, в 1918 году, оттяпали у нас немцы, а затем поляки по Рижскому договору 1922 года.

— Кстати, а почему Германия в общем-то легко уступила нам польские территории?

— Гитлер тогда был очень щедр, потому что считал, что отдает эти земли временно и в самое ближайшее время заберет все назад. Тем не менее на сколько сотен километров была отдалена война от наших центров? Насколько позже она началась? Так что все это имело огромное значение для нашей обороны. Договор 1939 года заложил те результаты, которые мы получили в 1945-м.

— Но почему тогда эта успешная переговорная политика нами не была продолжена? Почему в ноябре 1940 года немцам не удалось договориться с Молотовым? Сталин не хотел? Молотов в чем-то ошибался?

— Это все разговоры. Хотя столько написано — мол, ежели бы Молотов да не так много говорил о Буковине, о Черноморских проливах и так далее, все было бы иначе. Чушь! В тот момент у немцев уже полным ходом шла отработка плана «Барбаросса»: проводились совещания, устанавливались сроки... А переговоры — это так, чтобы усыплять нашу бдительность. Им удалось это сделать — Сталин до конца не хотел верить, что Германия столь быстро уйдет из пакта и начнет войну. Он просчитался. Но на его месте трудно было не просчитаться. Сталину удалось путем заключения договора сделать так, что Гитлер начал войну не против нас, а на Западе. Но кто же знал, что Франция, великая континентальная держава, за две недели развалится? Кто знал, что англичане побегут с континента?

— *Получается, что Сталин переоценил наших будущих союзников?*

— Заключая договор, он, наверное, рассчитывал, что Германия впутается в длительную войну с англо-французами — по примеру Первой мировой, и это обеспечит нам достаточно долгую мирную передышку. Ну а затем можно будет посмотреть на результаты и действовать так, как нам нужно. Не получилось.

— *Не только Сталин пытался «нейтрализовать» потенциального противника. Что произошло в мае 1941-го, во время перелета Гесса в Великобританию? Англичане тогда дали Гитлеру какие-то гарантии? Почему он не стал их давить, но переориентировался и открыл, скажем так, второй фронт?*

— Англия как сухопутная держава, которая играет какую-то роль на европейском театре, после разгрома Франции попросту не существовала, она не могла угрожать безопасности Германии и ее владений. На морях она еще была способна что-то сделать, но не на европейском континенте... Гитлер бомбил англичан и даже говорил Герману Герингу, что перед нападением на Советский

Союз хорошо бы нанести по Англии еще один воздушный удар, чтобы хорошенько ее припугнуть. Но не более того. Если обратиться к истории, англосаксы для немцев — в том числе и для Гитлера — всегда были партнерами предпочтительными, первосортными, и он много за ними ухаживал. А мы для Германии всегда были вторым сортом, жизненным пространством для колонизации.

— *Но ведь в разные исторические периоды между Россией и Германией были и достаточно теплые отношения...*

— Российско-германские отношения всегда были зеркалом мощи или немощи России. Была мощная Россия — они с нами сотрудничали. Доверительно и очень хорошо. Была Россия немощной, была перспектива нас поколотить и ограбить — они всегда этим пользовались.

— *Понятно. Однако вернемся к полету Гесса.*

— Известно, что немцы пытались договориться с тогдашним английским королем, предлагая прекратить конфликт и действовать заодно. Не получилось — и короля убрали, и при дворе победила другая партия, которая считала, что Англия — великая держава и может проводить свою политику, не связывая себе особо рук с Германией.

— *Это было еще до полета Гесса...*

— Гесс, конечно, полетел туда совсем не потому, что разочаровался в Гитлере и решил предупредить Черчилля, что тот затевает войну против СССР. В это я не верю! Когда он в тюрьме сидел, то не покаялся ни в одном своем шаге. Гесс был убежденным нацистом, сторонником Гитлера, и у него на этот счет было совершенно целостное мировоззрение...

— *Тогда почему?*

— Я думаю, чтобы сообщить им: мы уже готовы нанести удар по России, а вы сидите тихо. Если будете сидеть тихо, мы вас особенно не тронем. А там посмотрим. Наверное, англичане сумели как-то передать Гитлеру, что Гесса они не отдадут, иначе бы тогда «все уши наружу вылезли»,

но, вероятно, сидеть тихо они все-таки согласились. Посмотрите, почему же тогда до 1944 года они практически ничего не предпринимали?

— *А бои на Африканском континенте, высадка войск в Италии?*

— Они ж не могли совсем ничего не делать. Но это все не имело решающего значения и не было даже попыткой оказать действительное влияние на ход событий. Они отошли от этой молчаливой договоренности, если она была, только когда увидели, что дальнейшее промедление лишит их возможности воспользоваться плодами разгрома гитлеровской Германии.

— *Побоялись, что наши войска дойдут до Ла-Манша?*

— Этого я не знаю, но чем больше времени проходило, чем дальше мы двигались на запад, тем меньше у них оставалось возможностей претендовать на какие-то большие трофеи в Европе. А они не хотели такой возможности упустить, в том числе и потому, что боялись усиления России. Это моя теория, она, конечно, ничем не подкрепляется, потому что все документы по переговорам с Гессом англичане старательно засекретили... Теперь — до 2017 года.

— *Тогда наконец их откроют?*

— До 2017 года еще много времени — можно и передумать... Кстати, в последние годы жизни Гесса его сын активно обивал пороги наших посольств, говоря, что если бы Советский Союз дал согласие на то, чтобы его отца выпустили на свободу — мол, старый человек, надо проявить снисходительность, — он бы тогда отказался от политической деятельности, и кроме того, от него был бы нам большой интерес и польза. Но почему — не говорил. Видимо, Гесс мог бы что-то и рассказать. Но у нас тогда преобладала точка зрения, что есть нюрнбергский приговор, что Гесс — убежденный нацист, а западные союзники пытаются его обелить и освободить. Я хорошо помню, что такие записки в ЦК КПСС не раз направлялись от имени

Руденко, Громыко, они были против освобождения Гесса. В конце концов, наша точка зрения переменялась, возникли мысли, а может... И тут Гесс каким-то странным способом сумел повеситься в тюрьме Шпандау. Причем в английское дежурство. Возможно, его ликвидировали. Но это недоказуемо!

— *Когда решалась судьба послевоенной Германии — в Ялте, Потсдаме или раньше? Когда мы договорились с англичанами и американцами — ведь были разные взгляды на будущее Германии — о том, как ее делить?*

— Американцы предлагали разделить Германию на шесть, по-моему, государств, и Сталин дал согласие — это даже было записано. Были идеи создания южногерманского государства, северогерманского... Но уже в Ялте мы от этой позиции отошли.

— *Почему?*

— Не знаю, тут можно много разных объяснений давать. Немцы — сильная нация, а потому раздробленная Германия могла на длительное время стать довольно спокойным местом в Европе. Сталин этого не хотел. Но все же в итоге Германия была расколота на две части — восточную и западную.

— *Юлий Александрович, а мы, то есть советское руководство, чего от Германии хотели? Какой ее видели?*

— Наш взгляд на будущее Германии, по-моему, достаточно ясно выражался до 1953 года, до Берлинского восстания. Видимо, очень хотелось, коль не удалось взять под свой контроль всю Германию, иметь Германию нейтральную. Объединенную, но нейтральную. Насколько я знаю, подобное задание было дано Берией нашим представителям — туда послали начальника немецкого отдела внешней разведки Зою Рыбкину. Владимир Семенов с этими инструкциями направился в Берлин в качестве верховного комиссара СССР в Германии.

— *Эти планы разрушил арест Берии?*

— Нет, главное тут, что западники сами все себе испортили. Почувствовав, что мы хотели договориться о слиянии ГДР с ФРГ и образовании нейтрального государства, Запад, видимо, подумал, что мы проявляем слабость, и решил попробовать выкинуть русских из Германии, ничего нам не заплатив, не дав взамен. Эта попытка была сделана в 1953 году. После той попытки, когда мы сообразили, что нас просто нагло хотят лишить тех позиций, которые мы получили в Европе в мае 1945 года, был взят курс на всемерное укрепление ГДР, строительство социализма, консолидацию этого государства. Этот курс сохранялся, несмотря на все кризисы, которые происходили в германских делах, вплоть до 1989 года.

— *Можно сказать так, что в этой проблеме была еще одна, как матрешка в матрешке, — проблема Западного Берлина. Ее был шанс как-то решить?*

— Действительно, она была заложена изначально — кстати, та же самая конструкция, что с Австрией. То есть были четыре оккупационные зоны и столица, находящаяся под четырехсторонним контролем. Но с Австрией, которая согласилась быть нейтральной, все решилось достаточно гармонично. А здесь не получилось, поскольку Запад держался за ФРГ, ни в коем случае не желал уходить оттуда и нейтрализовать Германию. Первоначальная договоренность, что Берлин совместно оккупируется и делится на сектора, была использована для того, чтобы держать в центре ГДР этот «нарыв гнойный». Берлин в значительной степени портил нам все положение и обходился в колоссальные деньги.

— *Только Берлин?*

— Нет, конечно. ГДР через Берлин медленно «истекала кровью» и требовала непрерывной подпитки за счет наших ресурсов — денежных, материальных, продовольственных...

— *Зато натовские базы были далеки от наших границ, а нашу безопасность гарантировала мощная группа войск в центре Европы.*

— Это точно. Кстати, когда в 1961 году Хрущев по просьбе Ульбрихта принял решение о возведении стены, это было великое облегчение. Причем для всех: и для гэдэ-эровских немцев, которые поняли, что нечего ждать чудес, а надо вкалывать, и хорошо вкалывать, и ГДР расцвела, и для западников, потому что кончился германский кризис, а статус-кво разделенной Германии был признан еще раз. Вообще, западникам стена тоже была выгодна, потому что, не желая воссоединения Германии, англичане и французы этого определенно не хотели, американцы — чуть меньше, они как бы возлагали вину за это на СССР и ГДР. Были белыми и пушистыми в глазах немцев за наш счет.

— *То есть союзники по НАТО были против присоединения к ФРГ восточных земель?*

— Да, и эта ситуация сохранялась в течение многих десятилетий. Двойная игра западников вылезла наружу, только когда начался развал ГДР — в 1989 году. Тогда канцлер Гельмут Коль — где-то в ноябре у них был обед глав правительств ЕЭС — процитировал одно из натовских коммюнике, где говорилось, что западные державы всецело поддерживают право немецкого народа на самоопределение и воссоединение в условиях свободы... И тут Маргарет Тэтчер возразила: «Да, но это же мы писали в условиях, когда все мы знали, что ничего такого не будет!»

— *Здорово. Кстати, для англичан объединение Германии было чувствительным ударом?*

— Думаю, что да. Англичане и французы нам даже говорили: что вы делаете, зачем так торопитесь?! Но такова была горбачевская политика...

— *Один из близких к Андропову людей нам говорил, что Юрий Владимирович называл Горбачева «торопыгой».*

— Думаю, Горбачев вообще не очень понимал, куда идет в Германии дело. Тот же «главный идеолог» Яковлев полагал, что если в ГДР провести «демократическую перестройку», то она останется ГДР и нашим союзником

и будет такой же, как «перестроенный» Советский Союз. И все сохранится.

— *Он искренне в это верил?*

— Когда я был послом в Бонне, Яковлев приезжал однажды на съезд германской компартии — это был 1987 год, кризис в ГДР еще не начинался. Мы ехали в машине по автобану, он постоянно философствовал и вдруг спрашивает: «А нужна ли нам стена?» Я говорю: «Вы вопрос неправильно поставили. Вы тогда лучше спросите, нужна ли нам ГДР?» Он засопел и замолчал. Но то, что у него уже тогда появилась мысль о разрушении стены и он за нее упорно держался, — это совершенно точно.

— *А вы однозначно понимали, к чему это в итоге приведет?*

— Да, я знал, что если снять стену — все развалится. Еще когда начинал работать в ГДР практикантом, меня поставили переводчиком к первому секретарю посольства Павлу Григорьевичу Бушманову, который занимался госорганами ГДР, и, естественно, в первую очередь МВД. А МВД в первую очередь занималось уходом населения на Запад. Я эту проблему, так сказать, ежемесячно и ежедневно наблюдал и описывал. Мне было ясно, что если вернуться к ситуации до 1961 года, когда в месяц бежало по тридцать тысяч человек, то ГДР не простоит и нескольких месяцев.

— *Вы рассказали о наших прекраснородушных «перестройщиках». А как относилось к происходящему в конце 1980-х годов руководство ГДР?*

— Эгон Кренц и все его окружение находились в полном замешательстве, поскольку они видели, что давление из-за рубежа усиливается, что идет активнейшая работа по подготовке восстания или массовых выступлений. Впрочем, эта работа еще не была доведена до конца, до восстания Западу и гэдээровским диссидентам еще было долго-долго «пыхтеть» — все эти демонстрации были весьма слабенькими.

— *Власти ГДР могли их подавить?*

— Безусловно. Но я думаю, такой вопрос не стоял: они бастовали и ходили на демонстрации с зажженными свечами только по субботам и воскресеньям, во вне рабочее время, то есть оппозиция была хилой и действовала с большой опаской. А вот коллапс наступил после того, как сняли стену. Это был ноябрь 1989 года.

— *По нашим рекомендациям?*

— Нет, наши сделали вид, что это внутреннее гэдэровское дело. Мол, как хотите, так и решайте!

— *Ну, эти и решили «радикальным образом»...*

— Сейчас у них идут споры — на самом деле, кажется, вообще не было никакого решения. Просто Шабовский заявил на пресс-конференции в Берлине, что граница должна быть открыта и что она открывается. После этого наступило всеобщее смятение — в том числе в МГБ и в других местах, и все поползло...

— *Какова была реакция на это наших «верхов»?*

— Некоторое время в ЦК КПСС составлялись разные бумаги, на мой взгляд, достаточно глупые, насчет того, что если продолжить перестройку в ГДР, и если СЕПГ станет на позиции реформизма, то мы ГДР сохраним и там все будет «атиньки-атиньки»... Это была полная чепуха! Полное непонимание того, что происходит. Непонимание того, что СЕПГ, после того как она в достаточной степени сама подорвала свои позиции, дискредитировала себя, уже ничего не может сделать.

— *То есть вообще ничего сделать было нельзя? ГДР мы теряли напрочь?*

— Этого я не сказал. Но если хотели что-то делать, то надо было сразу. Причем сделав ставку на существовавшие в ГДР буржуазно-демократические партии, которые выступили бы с новой программой. Скажем, объединение с ФРГ на основе конфедерации. Мы бы это поддержали и тогда, может быть, могли бы что-нибудь и сделать. Как

понимаете, это все в сослагательном наклонении — сейчас ничего не переиграешь. Но совершенно очевидно, что ГДР сама по себе не готова была к созданию какой-то альтернативной, «демократической», как сейчас говорят, структуры. При первых же выборах в марте 1990 года гэдээровские немцы проголосовали за западногерманские партии. Думали: если уж соединяться — то принимать западногерманскую власть, нам тогда будут давать такую же зарплату, как на Западе, обретем счастье...

— *Обрели?*

— Получили... фигуру из трех пальцев! Процесс «вхождения» Восточной Германии в Западную далеко еще не закончен. Хотя он обошелся и обходится в огромные деньги, жизненный уровень в ГДР, который после воссоединения составлял процентов 60 от западногерманского, теперь, как говорят, поднялся лишь до 77–75 процентов. Совершенно очевидная разница есть не только в уровне жизни населения, но и в проблемах, которые волнуют общество. Даже западногерманские газеты в «гэдээровской глубинке» мало кто читает, потому что они пишут не о том, что происходит в Восточной Германии.

— *Получается страна в стране?*

— Вот именно. Скажем, почему Партия демократического социализма, левые имеют в ГДР такой успех? Потому что ПДС — это действительно коренная восточногерманская партия, которая говорит про их проблемы, действительно существующие, и отстаивает их интересы. Другие же партии — скажем, СДПГ, ХДС ХСС, зеленые — они на самом деле являются партиями западногерманскими. Они не могут стать на точку зрения жителей ГДР, так, чтобы это порадовало восточных немцев, потому что это поссорит их с коренным западногерманским электоратом. Поэтому их позиция среди гэдээровской публики всегда оказывается слабее по сравнению с теми же пэдээсниками.

— *Как вы считаете, процесс воссоединения немецких земель завершен или они на этом не остановятся? Вот та же Калининградская область — Восточная Пруссия...*

— Я бы сказал, что сейчас нет ни одного признака, что они как-то официально на нее претендуют. Но если на то будет установка, будет соответствующее соотношение сил, они, конечно, свою позицию могут и поменять. Хотя вопрос о будущем Калининградской области — это прежде всего вопрос нашей политики. Ежели будем разевать рот, то попадем на сковородку, как тот самый карп из анекдота. И сами будем виноваты!

— *Вы сказали — «официально». Значит, неофициально, так сказать, что-то в этом направлении делается?*

— Да, в этом плане у них, — особенно у «реваншистских землячеств», как мы их раньше называли мысль работает на то, что надо делать ставку на развитие особых связей с этой областью, экономически ее поддерживать, внушать калининградским властям и партийным структурам идею «особенности» этой области, ее близости с Евросоюзом, возможность стать неким связующим звеном между странами Евросоюза и Россией. Сразу после 1991 года американцы вообще планировали вести дело к тому, чтобы Калининградская область обрела самостоятельные органы внешней торговли, собственный внешнеполитический орган, а ее представители выступали в Москве как бы «ходатаями» ЕС и НАТО перед российским правительством. Все это пока достаточно диффузно, хотя признаки, если приглядеться, увидишь.

— *И что же предполагается в итоге?*

— Замысел, видимо, состоит в том, что ежели обстановка будет развиваться в таком благоприятном смысле, то Калининград станет яблочком, которое само собой отсохнет от яблони и отвалится. Хотя пока что все те, кто хочет отнять у нас Калининград, — немцы, поляки и литовцы, которые действуют поглубе, — понимают, что никто им

эту область не отдаст. Однако надежда, затаенная надежда, как говорится, умирает последней.

— *Вернемся к Германии, входящей в ЕС. Насколько искренне ее стремление к европейскому единству? Или же в Евросоюзе она видит исключительно инструмент восстановления своих лидирующих позиций в Европе и, соответственно, вытеснения отсюда США?*

— Мысль о том, что Германия вместе с Францией начнет выдавливать из Европы Соединенные Штаты, англосаксов, я думаю, по крайней мере преждевременна. В настоящее время все они — и немцы, и французы — входят в предводимое США воинство «крестоносцев», которое устремило свои взоры на европейский Восток. Сейчас пытаются в условиях рыночных отношений поставить под свой прямой или косвенный контроль стратегически важные для их будущего источники энергоресурсов в России...

— *Прибалтика уже под ними, на повестке дня — Грузия, Молдавия...*

— Да, и пока продвижение продолжается я не вижу никаких оснований для тех же немцев ссориться с США. Ради чего?! В толпе «крестоносцев» им легче реализовывать свои многовековые планы. Они прекрасно понимают, что удобнее делать свои дела в той же постсоветской Прибалтике, если она входит в Евросоюз и НАТО, — свобода рук фактически полная. Все остальное — вопрос экономического и политического соревнования с конкурентами. Они думают, что в длительном плане это соревнование они выиграют.

НАШ ПОСЛЕДНИЙ ГЛАВКОМ В ГЕРМАНИИ

Имя генерал-полковника Матвея Прокопьевича Бурлакова прежде всего ассоциируется с выводом наших войск из Западной группы — бывшей Группы советских войск в Германии. Помнится,

сколько вокруг этого события ходило слухов, было разговоров и споров — и лишь потом стало ясно, что это прежде всего была «дымовая завеса» для общественного мнения, под прикрытием которой в России происходил грабительский «передел собственности», приведший страну к сегодняшнему ее состоянию... Но речь не о том — ведь теперь, к сожалению, многие уже вообще позабыли, что такое ГСВГ — ЗГВ (впрочем, забвению предано большинство достижений нашего государства, поставивших его в ряд мировых лидеров XX века). Потому разговор с Матвеем Прокотьевичем мы начинаем с вопроса: зачем на немецкой земле была создана Группа наших войск?

— Группа советских оккупационных войск в Германии была создана 9 июня 1945 года, сразу после войны. Первым главкомом был маршал Жуков. Начиналась «холодная война», и недавние наши союзники, оставаясь в Германии, уже стали действовать против Советского Союза. Поэтому Группа войск осталась на территории Германии как противовес и 49 лет стояла на страже мира в Европе и в мире. Мы тогда говорили: «На страже мира и социализма». Думаю, именно так оно и было.

— *Что представляла собой ЗГВ в количественном измерении?*

— Это была мощная группировка: почти миллион военнослужащих, огромное количество техники. Вот я вывел 112 тысяч единиц техники и вооружения, вывез 3 миллиона тонн материальных запасов. И если бы мы там до сих пор оставались — неизвестно, где был бы блок НАТО, который сейчас стоит у наших границ, а это, согласитесь, не совсем комфортно. Так что группа сохраняла наше спокойствие, и эту свою историческую миссию она выполнила.

— *Насколько знаю, вы служили в группе не только главкомом...*

— Да, я прибыл в Германию в 1956 году, после училища — был командиром взвода, роты... Во время событий 1961 года мы перекрывали границу, ждали провокаций со

стороны западных немцев. Там были факельные шествия, разные выкрики вдоль границы, но мы демонстративно не обращали на это внимания. У нас ведь была хорошая техника: у меня рота была на БТР-50П — это надежные гусеничные машины, со мной был танковый взвод, артиллерийская батарея — и мы так ходили вдоль границы... Наверное, в связи с этими событиями нас, ротных, своевременно не заменили, так что в первый раз я отслужил в Группе почти семь лет, а в общей сложности получилось десять.

— *Во второй раз вы вернулись в Группу почти через 30 лет. Она сильно изменилась за это время?*

— Да, но неизменным осталось главное: служба всегда была поставлена очень хорошо. Там была в полном смысле боевая служба — учеба проходила день и ночь, с полным охватом людей, со стопроцентным выполнением всех существовавших тогда программ. Отрабатывалось все: от одиночной подготовки солдата до армейских учений. И так было с начала и до самого конца. Вот когда я выводил Группу, то если бы только приостановил боевую подготовку — представляете, сколько было бы безобразий?

— *Старинная пословица: «Праздность — мать всех пороков»...*

— Правильно. Поэтому занимались боевой подготовкой до конца. Ведь боевая подготовка — элемент не только боеготовности, но и дисциплинированности. Лишь за полгода до вывода я снимал дивизию с боевой подготовки — то есть прекращались стрельбы и вождение, но проводили политическую подготовку, строевую, физическую... Это поддерживало нормальные условия жизнедеятельности войск. Однако еще в мае 1994-го — за три месяца до окончательного вывода войск! — я провел фронтовое КШУ с управлением Группы и штабом 20-й армии, которая оставалась там последней.

— *А в это время в СМИ писали, что наша армия чуть ли не бежит из Германии... Хорошо, вопрос более приземленный: как за 30 лет изменились бытовые условия размещения наших войск?*

— Когда я был командиром взвода, роты, то жил прямо в полку, в казарме. Из казармы сделали помещения, нам выделили комнаты. Кухня была одна на шесть семей, один туалет, ванны не было — ходили в баню в городке. Так примерно все жили. Хотя некоторые начальники служб, которые для боевой готовности были не очень важными фигурами, жили за пределами части, в немецких домах, но тоже с большим подселением. Обычно в трехкомнатных квартирах жили если не три семьи, то уж две — это точно. В то время нам разгуляться не давали... Но постепенно, конечно, обустроились, условия жизни стали гораздо лучше. Вот все, кто в Вюнсдорфе служил, имели свои двух-трехкомнатные квартиры, да и в частях в основном все тоже имели свои квартиры. Вообще, за советские, российские деньги на территории Германии было построено 21 111 зданий и сооружений. Конечно, это было не только жилье, не только школы, больницы — это и гаражи, склады, другие помещения... Строили нам жилье гэдээровцы, оплату гасили за счет получения наших энергоресурсов. Так что жилищные условия на этапе завершения Группы войск были хорошие.

— *Как вы относитесь к рассуждениям о том, что нам надо было строить жилье не в Группе войск, а в России?*

— Конечно, задним умом мы все сильны. Но я скажу — то, что делалось, было правильно. Все-таки советские люди 49 лет жили в тех условиях. Не будешь же, служа в Германии, жить в России! Другое дело, когда подводились итоги, надо было рассчитывать достойно, чего мы не сделали. Мы все отдали за бесценок, в чем виноваты наши тогдашние руководители. За нашу собственность немцы дали нам 15 миллиардов марок, хотя Коль был готов и на

большую сумму, парламент ему на это «добро» давал. Но наши руководители, увидев эти небольшие деньги, уже были довольны...

— *А что теперь делается в наших бывших военных городках?*

— Они в основном пустуют. Я недавно был в Потсдаме, где у нас стояла артиллерийская дивизия, еще в старых немецких казармах. Часть их сейчас приведена в порядок, но основная часть стоит разбитой — нет окон и дверей, прохудились крыши... Даже дом главкома, в котором я жил — это был еще дом главкома сухопутных войск при Гитлере, — добротный такой, большой, сейчас стоит совершенно неухоженный. Крыша протекает, все приходит в негодность... Если не продать, так хоть бы отдали кому-то! Пусть люди живут и сохраняется память.

— *Мне кажется, кое-кому вообще хотелось бы лишить людей памяти. Вот кто сейчас вспоминает о том, что между народами социалистических стран была настоящая дружба?*

— Действительно, если в начале 1950-х годов мы еще с опаской смотрели на немцев, то уже в конце 1950-х — начале 1960-х с ГДР была полная ясность. Мы были уверены, что это не просто наши союзники — это наши друзья. Мы сообща крепили боеготовность, вместе занимались боевой учебкой, и все у нас получалось нормально, мы успешно решали все свои задачи...

— *К сожалению, бездарная политика наших тогдашних лидеров отразилась на всем социалистическом блоке...*

— Да, примерно уже с конца 1960-х годов в ГДР тоже стала ослабевать экономическая база, и самое главное — появилась большая запущенность. Города стали грязными, начало рушиться то, что было построено. Я, когда главкомом приехал, посмотрел — просто многого не узнал, многое было потеряно. Хотя отношение к нам было хорошее, но все равно...

— *Насколько известно, с объединением Германии далеко не все оказалось так просто, как декларировалось...*

— Ну, Коль — политик хитрый, он сразу убрал из всех городов Восточной Германии все службы быта, даже мусор не убирался, и месяца за три-четыре эти города просто загадили. Я приехал в Дрезден — как по мусорной яме ходил! И как раз в это время было нашествие журналистов со всего мира: они увидели, какой неухоженный участок принял на себя Коль.

— *А также — до чего якобы довели Германию коммунисты...*

— Да, была такая «демонстрация». Конечно, потом немцы все вновь начали убирать, всем заниматься, много сил и средств израсходовали на улучшение внешнего вида, строительство дорог, домов, понастроили много различных магазинов. Однако производство на восточных землях они не очень развивали... Зато Берлин, который стал столицей, теперь во многом отстроился заново — великолепными зданиями министерств, разных больших фирм, и смотрится он значительно лучше.

— *К сожалению, даже в самых внешне красивых городах «постсоциалистических» стран большинству людей лучше жить не стало... Впрочем, это другая тема. Обратимся к выводу войск Группы из Германии — к тем его аспектам, которые называются «малоизвестными страницами». В Группе ведь было ядерное оружие?*

— Да, было.

— *Как же оно возвратилось в Россию? Обычно любое перемещение каких-либо ядерных компонентов по Европе вызывает огромную истерику. А тут — такой повод...*

— Мы ядерное оружие очень быстро вывезли — еще когда они все спали. Так что когда 5 марта 1991 года я проводил пресс-конференцию и мне задали вопрос по ядерному оружию, я спокойно отвечал: «Не беспокойтесь, мы его уже вывезли». Но тут министр иностранных дел

Бессмертных вдруг говорит: «Есть, есть ядерное оружие!» Действительно, кое-что еще оставалось... Я был вынужден сказать, что это не мое оружие, а центрального подчинения — Москва его держит.

— *И все-таки как это производилось технически?*

— Ядерного оружия было много, мы вывозили его скрытно — под различной маскировкой. Делали, например, отвлекающие маневры: вывозили мусор с большой охраной и подчеркнутыми мерами предосторожности... А ядерное оружие могли вывозить и без охраны.

— ?!

— Охрана, конечно, была, но скрытая. Так мы его и вывезли...

— *Немцы не пытались своими силами получить более точную информацию?*

— Было, конечно, и такое. Вот была у нас одна база, где хранилось ядерное оружие, но к этому времени оно уже было вывезено. Стоит на посту часовой... А надо сказать, что в 1992 году у нас уволились 50 тысяч человек — это когда два и полтора года служившие одновременно увольнялись. Грачев тогда не дал ни одного человека, и некого было уже на посты ставить. Ну, я обратился к министру обороны Узбекистана Ахмедову: «Слушай, друг, тебе надо подготовить армию? Давай мне десять тысяч, я тебе их подготовлю!» Президент Каримов дал «добро», и мы семь тысяч оттуда самолетами привезли. Договорились на восемь, но у нас не хватило сил перевозить их... Немножко подучили узбеков и поставили на посты, а наши ребята тем временем занимались подготовкой техники к выводу. И вот подъезжают к ограждению три немецких майора. Там все было написано на немецком языке: и «Стой!», и «Стой, стрелять буду!». Тем не менее они подошли к ограждению, один развернулся — и туда. Солдат стрельнул в воздух, немец никак не реагировал, тогда он выстрелил в него и попал в плечо, ранил... Я возмутился —

министр обороны ФРГ принес извинения: мол, это было хулиганство. Но это были разведчики, они дозиметром измеряли уровень радиации... И больше попыток проникновения не было.

— *Насколько известно, вы принимали участие в вывозе из Германии Хонеккера, лидера ГДР, впоследствии откровенно преданного нашими политиками...*

— Да, были силы, которые хотели воспрепятствовать вывозу Хонеккера в Москву, — за ним следили... Вокруг всего аэродрома немцы сидели, ждали. Мой самолет был готов, еще один пришел из Москвы. Привезли мы Хонеккера на аэродром скрытно, потом к моему самолету подъехали автобусы, машины — раз, и он быстро взлетел! Тем временем без всяких машин подвели к другому самолету одного Хонеккера, посадили — и он улетел... Думаю, могла быть попытка его захвата или какая-нибудь провокация, но мы бы его в обиду не дали! Видимости не было, но люди сидели в засаде, в готовности к драчке...

— *Матвей Прокопьевич, а как лично вы убывали из Германии?*

— Я уходил оттуда практически последним — вылетел 1 сентября. Оставалась там одна бригада — помните те проводы, когда наши пели песни, проходили торжественным маршем... С ней я оставил своего начальника штаба и группу человек десять, которые потом погрузили личный состав и забрали оставшееся имущество. Эта группа вышла через неделю. А я, уезжая, снял в Шперинберге — на аэродроме, который был как бы воротами Группы войск, — наш российский флаг как главный символ... Бригаду мы уже встречали в Москве.

— *Где же этот флаг теперь находится?*

— Вот он (генерал-полковник Бурлаков показывает в угол своего кабинета). Мы его привезли оттуда. И вся эта мебель, которую вы видите в кабинете президента Союза ветеранов ГСВГ, — она из кабинета главкома, а раньше

стояла в штабе германских сухопутных войск. Когда в марте 1994 года мы создали Союз ветеранов, то приняли решение взять эту обстановку — так что я и сейчас продолжаю находиться в «главкомовской атмосфере».

— *Для чего был создан Союз ветеранов ГСВГ?*

— Прежде всего это память о Группе, через которую прошли 8 миллионов человек. Уверен, что из этого числа 99 процентов вспоминают службу в ГСВГ — ЗГВ как хорошую школу не только боевого мастерства, но и мужания, своего становления как человека, как мужчины, военного профессионала... Мы стараемся продолжать наши славные традиции. Собираем своих ветеранов раза три-четыре в год — подводим итоги, говорим о планах, кто что может сделать, кто как живет, кому нужно помочь... Иногда удается помочь по медицинским делам, иногда — организовать юридическую консультацию, у нас юристы есть. В чем-то спонсоры нам помогают... Сейчас вот один товарищ изъявил желание помочь семьям, отцы которых погибли в Чечне... У нас в Нахабино живут четыре такие семьи: из ЗГВ их полк отправили в Забайкалье, оттуда — в Чечню. Двое ребят посмертно были удостоены звания Героя России. Мы этим семьям помогали, потом не было такой возможности, а вот сейчас опять появилась.

— *Вы также являетесь членом правления Комитета ветеранов войны и Вооруженных сил...*

— Да, и там хватает работы: в эти годы было много юбилеев, начиная с юбилея Победы. Юбилей Группы войск был в этом году, а в прошлом — десять лет вывода войск из Германии. Так что есть над чем трудиться. Ну, а как пенсионер я больше всего работаю у себя по дому — то листья убираю, то снег, так что все время в движении. Это в квартире не всегда есть чем заниматься, а в загородном доме работа всегда найдется.

— *А как насчет литературной работы? Ваша первая книга «Возвращение» вызвала читательский интерес.*

— Эту книгу я написал еще до окончания вывода — и действительно хотел ее продолжить... Но вот пописал-пописал, потом думаю: наверное, вряд ли кому она теперь нужна. Остановился, написав примерно одну треть. Пока остановился.

— *Что же должно было быть в этой книге?*

— Хотел рассказать о выводе до конца — о его результатах; подвести итоги взаимодействия с немецкой стороной — они нам очень много помогали, надо отдать должное и Министерству транспорта, и руководству Германии, и руководству земель, на которых располагалась Группа войск... Мне очень бы хотелось сказать об обустройстве войск на родине. Мы ж вышли в никуда — в чистое поле, в тайгу, в болота...

— *А ведь это были самые боеготовные и боеспособные наши войска, которые, по идее, нужно было прежде всего сохранить...*

— Вот именно! Как главком Сухопутных войск, я летал по новым местам дислокации и потом с возмущением докладывал министру обороны об увиденном... Так, в Самаре дивизию посадили на полигон в 30 километрах от города. Здесь надо было все строить — от ларька, от аптечного киоска. Или, допустим, в Чайковском, городе со 100 тысячами населения. Построили красивый современный городок — в 30 километрах от населенного пункта! Надо было самим тянуть туда все свои коммуникации, но это еще полбеды. Сейчас, когда дивизию сократили, оказалось, что ни мужу, ни жене вокруг нет работы. Люди вынуждены бросать свои добротные, прекрасные квартиры и куда-то ехать, где можно устроиться на работу. Разве нельзя было предусмотреть этого заранее?! К сожалению, я тогда не был услышан, и мне хотелось бы в книге еще раз об этом сообщить. Рассказать о тех ребятах, кто остался не у дел после прекрасной службы в прекрасных условиях Германии...

ЗАГАДКИ РЕЙСА KAL-007

Менее 30 лет назад на Дальнем Востоке погиб южнокорейский самолет «боинг», атакованный в воздушном пространстве СССР истребителем Су-15. На эту тему появились многочисленные публикации, теле- и радиопередачи, но они так и не дали ответа на загадки рейса KAL-007. Нам не раз приходилось беседовать на эту тему с российским историком Александром Колесником, встречавшимся с ключевыми с советской стороны участниками тех событий. Его вывод совпал с нашим: исследователи как отечественные, так и иностранные сумели только приблизиться к истине, но не постичь ее.

31 августа 1983 года. Пассажирский реактивный самолет «Боинг-747» компании «Кориэн эйрлайнз», следовавший рейсом 007 по маршруту Нью-Йорк — Сеул, совершает посадку на промежуточном аэродроме Анкоридж (Аляска). С опозданием в 40 минут он покидает аэропорт и берет курс на Южную Корею, имея на борту 269 человек. Перед вылетом в самолет почему-то дополнительно загружают около 4 тонн горючего, которые ему не требовались, следуй он строго по установленному маршруту.

Южнокорейская компания к тому времени уже известна тем, что ее самолеты всегда летают кратчайшим маршрутом в целях экономии горючего. Маршрут R-20, по которому летит «Боинг-747», — самый северный и короткий из пяти маршрутов над северной частью Тихого океана. Он проложен всего в 50 километрах от советского воздушного пространства. Это было довольно легкомысленно, если принимать во внимание опасность болезненной реакции советской стороны на приближение иностранных самолетов к ее военным объектам на Дальнем Востоке в условиях нового витка «холодной войны» после избрания президентом США Дональда Рейгана. В Москве имеют все основания предполагать, что американцев не могут не интересовать базирование атомных подводных лодок, полигон межконтинентальных баллистических ракет, организация противовоздушной обороны.

Капитан авиалайнера — опытнейший 46-летний пилот, полковник резерва южнокорейских ВВС, налетавший более десяти тысяч часов. Август выдался для него нелегким: пришлось пересечь одиннадцать часовых поясов, налетать 80 часов, почти достигнув предела, допускаемого нормами компании. Но руководство «Кориэн эйрлайнз», чтобы выдержать конкуренцию с американскими и японскими авиакомпаниями, экипажи не щадит. На пределе нормы находится физическое и психологическое состояние и второго пилота, тоже офицера резерва ВВС, и бортинженера.

Через две минуты после взлета из Анкориджа капитан включает автопилот, но не подсоединяет его ни к одной из трех инерционных навигационных систем, которые дают возможность постоянно придерживаться заданного курса. Автопилот ведет рейс KAL-007 на Сеул, но без учета маршрута R-20, предполагающего обход советских запретных зон. На крыльях и фюзеляже самолета горят аэронавигационные огни и предупредительные маяки.

«Боинг» минует контрольную точку «Neeva» и начинает постепенно отклоняться от международной трассы в сторону государственной границы СССР. В этот момент к нему вплотную приближается американский разведывательный самолет RC-135 и пересекает его маршрут. Южнокорейский «боинг» вторгается в воздушное пространство СССР и начинает уходить в глубь советской территории в районе полуострова Камчатка. Бортовая навигационная система сигнализирует экипажу об отклонении от установленного маршрута, но он не реагирует на ее предупреждения. Капитан передает наземной станции слежения ложные координаты полета (хотя на борту находятся три современных компьютера, одновременный сбой в работе которых труднообъясним).

Советские радиотехнические подразделения обнаруживают приближающуюся к государственной границе СССР воздушную цель около 20.00 31 августа (время

московское). За неопознанным иностранным самолетом устанавливается наблюдение. Поначалу считается, что это очередной RC-135. На перехват поднимаются два дежурных истребителя авиационного полка ВВС Дальневосточного военного округа, но им не удается обнаружить нарушителя.

Из заявления советского правительства

«Самолет-нарушитель вошел в воздушное пространство над Камчаткой в районе, где размещена важнейшая база стратегических ядерных сил СССР. В то же время — что теперь признано американской стороной — в этом районе близ советской границы на той же высоте находился другой подобный ему самолет-разведчик ВВС США «RC-135».

В воздух были подняты несколько самолетов-перехватчиков. Один из них контролировал действия американского самолета — «RC-135». Второй вышел в район нахождения самолета-нарушителя, сигнализируя ему, что он вторгся в воздушное пространство СССР. Предупреждение игнорировалось».

«Известия», 7 сентября 1983 года

«Боинг» беспрепятственно пересекает Камчатку и в районе 21.00 выходит в Охотское море. Он продолжает держать курс на Сеул. Советские радиотехнические подразделения теряют самолет, но через 40 минут РЛС на острове Сахалин обнаруживает его. В воздух срочно поднимаются дежурные истребители. Тем временем рейс KAL-007 пересекает северо-восточнее города Долинска государственную границу и летит над южной частью Сахалина.

Из воспоминаний Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда генерала армии Ивана Мои-

сеевича Третьяка, в 1983 году командующего войсками Дальневосточного военного округа

«Рано утром мне на квартиру раздался звонок от начальника штаба округа, доложившего, что в наше воздушное пространство в районе Камчатки вторгся иностранный самолет. Он летел по необычному маршруту. Это нас насторожило. Части ОСНАЗа установили, что экипаж доложил радиограммой об успешном выполнении задачи по наблюдению за нашими подводными лодками, находящимися в Охотском море.

Исходя из такой обстановки, я был вынужден доложить начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза Николаю Васильевичу Огаркову, который дал команду заставить самолет сесть, а если он не будет выполнять наших команд, уничтожить его».

Организовывать реализацию решения начальника Генштаба пришлось командиру дислоцированной на Сахалине 40-й истребительной авиационной дивизии ДВО генерал-майору Анатолию Корнукову, уже после распада СССР ставшему генералом армии, главкомом ВВС России. Его разбудил в 4.15 по местному времени звонок оперативного дежурного: РС-135 вошел в воздушное пространство СССР и направляется в сторону Сахалина. Комдив вызывает машину, чтобы прибыть на командный пункт.

И тут чуть было не происходит конфуз, который мог стоить молодому генералу карьеры. Дело в том, что по приказанию командующего войсками ДВО он жил в недостроенном доме, чтобы быть ближе к КП, а заодно подгонять строителей. Но в ту злополучное утро двери подъезда оказались заперты. Чтобы ночью не охранять подъезд от воров, солдаты повесили на входную дверь замок. Комдиву с трудом с пятого или шестого раза удалось выбить дверь плечом. Можно представить, в каком психологическом состоянии прибыл он на командный пункт.

Из заявления советского правительства

«На подходе к о. Сахалин самолет-нарушитель вновь был перехвачен истребителями ПВО. И здесь с ним попытались войти в контакт, в том числе и с помощью известной сигнализации общего вызова на международной аварийной частоте 121,5 мгц.

Советские истребители ПВО оснащены средствами связи, на которых эта частота фиксирована.

На самолете-нарушителе эти сигналы должны были быть приняты, но он на них не отвечал, в том числе и на другие сигналы и действия советских истребителей.

Советскими службами радиоконтроля засекались периодически передаваемые короткие кодированные радиосигналы, обычно применяемые при передачах разведывательной информации.

Командование ПВО района, тщательно проанализировав действия самолета-нарушителя, его маршрут, пролежавший и в районе Сахалина над военными базами, окончательно пришло к выводу, что в воздушном пространстве СССР находится разведывательный самолет, выполняющий специальные задачи. Самолет шел курсом через стратегически важные районы СССР».

«Известия», 7 сентября 1983 года

К сентябрю 1983-го военная обстановка на Дальнем Востоке была крайне напряженной. Американцы постоянно провоцировали советское военное командование на поспешные ответные меры. В конце марта 1983 года три ударные авианосные группы появились в районе Алеутских островов недалеко от советской Камчатки, где провели многодневные учения. 4 апреля шесть самолетов А-7 взлетели с ударных авианосцев «Мидуэй» и «Энтерпрайз», находившихся в то время южнее японского острова Хоккайдо. В районе острова Зеленый Малой Курильской гряды они вошли в воздушное пространство СССР

на глубину от 2 до 30 км над нашими территориальными водами и провели условное бомбометание по территории острова, сделав несколько заходов для атаки по наземным целям. Из-за сильной облачности, а также недостаточной подготовленности летного состава командир истребительной авиадивизии не рискнул поднимать самолеты на перехват нарушителей. Американцы пользовались и тем, что у советских истребителей, базирующихся на Сахалине, не хватило бы топлива для возвращения на аэродром при воздушном бое в районе Южных Курил. Янки же взлетали с ударных авианосцев.

Осторожность генералов на Дальнем Востоке в Кремле не понравилась. Крепко досталось комдиву 40-й иад, встал даже вопрос о его соответствии занимаемой должности. Сверхдержава, дабы сохранить лицо, должна была проявлять твердость в защите своих воздушных границ. Тем более что 1 марта 1983 года в действие вступил закон СССР «О государственной границе СССР» (принят Верховным Советом СССР в ноябре 1982 года). Его статья 36 гласила: «Войска противовоздушной обороны, осуществляя охрану государственной границы СССР... в случаях, когда прекращение нарушения или задержание нарушителей не может быть осуществлено другими средствами, применяют оружие и боевую технику...»

После американской провокации над островом Зеленый Москва приказала впредь жестко пресекать провокации подобного рода. Поэтому перед летчиками истребительных авиачастей на Сахалине командование поставило задачу в случае нового появления американских военных самолетов над южнокурильскими островами вступать с ними в воздушный бой, а затем на остатке горючего идти на землю и катапультироваться над ней.

В этой обстановке заместитель командира истребительного авиаполка Геннадий Осипович и поразил южнокорейский «боинг» двумя ракетами. Перед этим,

по его рассказу историку Александру Колеснику, он выпустил несколькими очередями около 200 снарядов из 23-миллиметровой бортовой пушки по курсу движения авиалайнера. После открытия огня советским истребителем пилот рейса KAL-007 действовал как-то странно — больно уж по-военному. Он резко сбросил скорость до 400 километров в час, словно знал, что советский истребитель Су-15 при скорости меньше 450 километров в час может свалиться в штопор, а «боинг» способен продолжать горизонтальный полет и при 350. Осипович был вынужден обогнать его, совершить маневр и поставить «точку» в летной биографии южнокорейских пилотов...

Во всяком случае так считали в Москве, хотя у самих советских генералов на Дальнем Востоке такой уверенности не было. Генерал армии Иван Моисеевич Третьяк рассказывал московскому историку Александру Колеснику, что радиотехнические подразделения ДВО потеряли пораженный ракетами южнокорейский самолет. Когда поврежденный «боинг» стал резко терять высоту, возникла угроза его столкновения с истребителем МиГ-23, подстраховывавшим Су-15 Осиповича. МиГ стал пикировать, и локаторщики ошибочно приняли его за самолет-нарушитель. Момент его падения они не наблюдали. Генералы опирались на доклад Осиповича, доложившего, что первая ракета попала в хвост «боинга», вторая — поразила один из четырех двигателей и снесла половину левого крыла. Посчитали, что с такими повреждениями самолет не мог не упасть.

До момента визуального контакта Су-15 с «боингом» советские военные были уверены, что имеют дело с RC-135. Сомнения у Осиповича возникли только тогда, когда он уже атаковал южнокорейский самолет. «На расстоянии пяти километров от цели, — рассказывал он позднее журналистам, — я получил команду на уничтожение и выпустил первую ракету. Только теперь я смог по-настоящему рассмотреть нарушителя. Он был больше

Ил-76, а по очертаниям чем-то напоминал Ту-16. Я знал все военные самолеты противника, все разведывательные, но этот не был похож ни на один из них. Я видел, что передо мной большой самолет с включенными огнями и мигалками». Впрочем, если бы нарушитель своевременно и был идентифицирован как «Боинг-747», это мало что меняло. Вооруженные силы США практиковали тогда использование «Боингов-747», летавших без опознавательных знаков, в качестве самолетов-разведчиков.

Времени размышлять у пилота реактивного истребителя тоже не было, еще немного — и «боинг» покинул бы воздушное пространство СССР. Командный пункт потопил Осиповича. Как он признавался недавно одному из авторов этого материала: «В воздухе некогда думать. Летчик один сидит. Истребитель этот довольно сложный, третьего поколения. Надо работать ручкой управления, следить за двигателем, в то же время прицел перед тобой. Тут некогда рассуждать, партийные собрания проводить. Только действия. Поэтому летчики отрабатывают все на земле до автоматизма».

По мнению бывших советских военачальников, советская сторона первой установила место падения «боинга». Пограничные катера обнаружили маслянистое пятно в Татарском проливе. Туда оперативно направили группу кораблей и водолазов. А чтобы обмануть американцев, большую группу кораблей направили во вторую точку в Охотском море и сбросили с воздуха два радиобуя, имитировавших работу «черных ящиков» южнокорейского самолета. Американцы, как до сего дня убеждены наши ветераны, «клюнули», что позволило достаточно спокойно провести поисковые работы и поднять со дна Татарского пролива оба «черных ящика».

В частной беседе Иван Моисеевич Третьяк признался историку Александру Колеснику: командование ДВО было убеждено тогда, что южнокорейский самолет был

подготовлен для разведывательных целей. На его борту находились аппаратура по наблюдению за подводными объектами и группа инженеров во главе с конструктором. На самолете была заложена взрывчатка на случай, если советским истребителям удастся посадить его на своем аэродроме. В случае же сбития взрывчатка должна была также помочь уничтожить секретную разведывательную аппаратуру. Когда советские специалисты обследовали на дне пролива обломки «боинга», характер их расположения однозначно свидетельствовал о произошедшем на борту взрыве в момент удара о воду.

И если советские военные структуры сработали оперативно в рамках тогдашнего правового поля (требования закона о госгранице), то аппарат ЦК КПСС продемонстрировал свою прогрессирующую неспособность адекватно отвечать на вызовы времени. В распоряжение высших советских властей Генеральный штаб предоставил немало фактов, которые можно было умело обыграть во внешне-политической пропаганде в своих интересах. Осипович с горечью сказал недавно в телеинтервью: «Наши сразу неправильно повели себя. Чего испугались какую-то Америку? Подумаешь... Что ее пугаться, ведь тогда Советский Союз был...»

Фактов, дающих основания подозревать американские разведслужбы в использовании южнокорейского «боинга» в своей специальной операции, было достаточно. Их, кстати, американская и южнокорейская стороны так и не опровергли или не попытались объяснить. Советские военные специалисты обратили внимание, в частности, на то, что с полетом «Боинга-747» были согласованы орбиты спутника «Феррет-Д» и запущенного накануне челночного космического корабля «Челленджер». Каждый этап действий южнокорейского самолета совпадал с появлением в данной зоне спутника-шпиона. Когда он покинул международный коридор, «Феррет» прослушивал радиоэлектронные сред-

ства на Чукотке и Камчатке, работавшие в обычном режиме боевого дежурства. На следующем витке «Феррет» был над Камчаткой в тот момент, когда самолет пролетал над военными объектами южной части полуострова и фиксировал увеличение интенсивности работы радиолокационных средств. Третий виток «Феррета» совпал с полетом «боинга» над Сахалином и позволил ему следить за работой дополнительно включенных средств противовоздушной обороны на Сахалине и Курильских островах.

Маршрут полета погибшего «боинга» позволяет предположить, что он пытался совершать маневры уклонения от радаров советской системы ПВО, не отвечал на ее запросы, обменивался сигналами с самолетом радиоэлектронной разведки RC-135 ВВС США, подошедшим к советскому воздушному пространству с восточной стороны Курильских островов. Южнокорейские пилоты, говорившие по радио на английском языке, при сближении с барражирующим в районе Камчатского полуострова американским самолетом-разведчиком вдруг перешли на телеграфный ключ, отбивая некое шифрованное сообщение. В начале седьмого, когда «боинг» направился к Сахалину, с его борта была передана радиограмма: «Мы благополучно прошли юг Камчатки», а через час — «Пересекаем южную часть Сахалина».

По очень странному стечению обстоятельств «боинг» ни разу не вошел ни над Камчаткой, ни над Сахалином в зоны поражения советских зенитно-ракетных подразделений. Он обходил позиции и пусковых установок С-200, и дежурной батареи зенитно-ракетной бригады, вооруженной комплексами «Круг».

Отклонение самолета от международной трассы более чем на 200 морских миль не могли не заметить американские службы управления воздушным движением. Рейс KAL-007 непрерывно находился в зоне контроля американской радионавигационной системы «Лоран-С». Однако американцы не сделали ни одной попытки предупредить

южнокорейский экипаж об отклонении от международной трассы, хотя не могли не понимать, чем грозит вторжение в воздушное пространство СССР.

Можно было парировать и американские заявления о том, что рейс KAL-007 находился за пределами досягаемости радиолокационных систем наземных диспетчерских служб. Сами американские газеты сообщали, что между Федеральным авиационным управлением США и Пентагоном была договоренность об использовании военного радара на Аляске для отслеживания полетов пассажирских самолетов и их предупреждения об отклонении от курса при перелете вдоль советского побережья от Аляски в азиатские страны. Аналогичные договоренности существовали между диспетчерской службой гражданской авиации Японии и ее военными. Так что крайне маловероятно, что все прозевали «ошибку» экипажа южнокорейского «боинга».

Но все эти факты советская пропаганда не сумела или не захотела наступательно использовать в своих интересах. Аппарат ЦК КПСС проявил традиционную в эти годы неповоротливость и медлительность. Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов, по свидетельству заместителя министра иностранных дел Г. М. Корниенко, колебался — надо ли признавать факт сбития южнокорейского самолета. МИД выступал за, но возражал министр обороны Дмитрий Устинов. Глава военного ведомства в телефонном разговоре с генсеком посоветовал ему не беспокоиться, заявив: «Все будет в порядке, никто никогда ничего не узнает».

2 сентября советские газеты опубликовали сообщение ТАСС: *«В ночь с 31-го августа на 1-е сентября с. г. самолет неустановленной принадлежности со стороны Тихого океана вошел в воздушное пространство над полуостровом Камчатка, затем вторично нарушил воздушное пространство СССР над о. Сахалин. При этом самолет летел без аэронавигационных огней, на запросы не отвечал и в связи с радиодиспетчерской службой не вступал. Поднятые на-*

встречу самолету-нарушителю истребители ПВО пытались оказать помощь в выводе его на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря».

В администрации США быстро поняли, что из гибели «боинга» можно извлечь политическую выгоду и дискредитировать Советский Союз перед всей мировой общественностью. Американцы первыми обнародовали радиопереговоры Осиповича с командным пунктом. При переводе на английский язык они пошли на выгодные им сокращения и неточности. В Кремле вместо того, чтобы обнародовать полный текст переговоров с качественным переводом, пошли на примитивный подлог. Наверху кому-то не понравились слова Осиповича о том, что он видел аэронавигационные огни «боинга», опознавательную мигалку. Поэтому решили подстраховаться, и перед отправкой маршалу Огаркову пленки с записью радиопереговоров Осиповича с КП в Хабаровске... переделали. Летчика заставили говорить под шум электробритвы, что он не видит горящей мигалки. Мелкая и бессмысленная ложь. Американцы сразу же разоблачили ее. И в глазах зарубежной общественности советские руководители в очередной раз выглядели лгунами и фальсификаторами.

2 сентября Политбюро собралось на свое заседание. Его вел из-за обострявшейся тяжелой болезни Андропова Константин Черненко. Приведем некоторые фрагменты протокольной записи, чтобы понять ход мыслей кремлевских небожителей. Министр обороны Дмитрий Устинов в начале заседания пытался оправдать действия своих подчиненных: «Могу заверить Политбюро, что наши летчики действовали в полном соответствии с требованиями военного долга... Наши действия были абсолютно правильными, поскольку южнокорейский самолет американского производства углубился на нашу территорию до 500 ки-

лометров. Отличить этот самолет по контурам от разведывательного самолета чрезвычайно трудно. У советских военных летчиков есть запрет стрелять по пассажирским самолетам. Но в данном случае их действия были вполне оправданы, потому что самолету в соответствии с международными правилами неоднократно давались указания пойти на посадку на наш аэродром».

Секретарь ЦК по сельскому хозяйству Михаил Горбачев со «знанием дела» добавляет: «Самолет долго находился над нашей территорией. Если он сбился с курса, американцы могли поставить нас в известность, но они этого не сделали».

Поддержанный Горбачевым глава военного ведомства продолжает: «Наши летчики давали им многочисленные предупреждения и над Камчаткой, и над Сахалином. Самолет шел без предупредительных огней (в действительности аэронавигационные огни горели, и Осипович докладывал о них на КП. — *Авт.*). В окнах самолета света не было. Были произведены предупредительные выстрелы трассирующими снарядами, что предусмотрено международными правилами (на самом деле укладка снарядов, как рассказал генерал Анатолий Корнуков историку Александру Колеснику, была такая: 30% — бронебойные, 70% — осколочно-фугасные. — *Авт.*). Затем летчик сообщил на землю, что самолет боевой и его надо поразить. Мое мнение состоит в том, что нам надо в этой ситуации сделать необходимые сообщения в нашей печати. Но дрогнуть нам нельзя».

Как видим, Устинов вольно или невольно вводит в заблуждение своих соратников по Политбюро: то ли стремясь по старой цэковской привычке снять с себя ответственность, то ли сам введенный в заблуждение своими подчиненными.

Члены Политбюро продолжают обмен мнениями:

Председатель Совета министров СССР Николай ТИХОНОВ: «Мне непонятно, на что рассчитывал сеульский

летчик. Он же понимал, что идет на верную смерть. Он ведь видел и сигналы наших самолетов, и их требования приземлиться. На мой взгляд, это продуманная, сознательная провокация, рассчитанная на осложнение и обострение международной обстановки».

УСТИНОВ: «О том, что думали южнокорейцы, трудно сказать. Но то, что это осознанная провокация, вполне возможно. Вопрос состоит в том, как лучше сообщить о наших выстрелах».

Министр иностранных дел Андрей ГРОМЫКО: «Отрицать то, что наш самолет стрелял, нельзя».

Министр культуры Петр ДЕМИЧЕВ: «Они, конечно, знают, что это был боевой выстрел».

Первый секретарь Московского горкома КПСС Виктор ГРИШИН: «А что говорил южнокорейский летчик?»

УСТИНОВ: «Мы ничего не слышали».

Председатель Совета министров РСФСР Виталий ВОРОТНИКОВ: «Не была ли нарушена связь у южнокорейского самолета?»

УСТИНОВ: «Об этом никто не может сказать».

Начальник Генерального штаба Вооруженных сил Николай ОГАРКОВ, дезавуируя министра, вступает в разговор: «У нас есть сведения, что южнокорейский самолет разговаривал с землей». Но на его замечание не реагируют...

Михаила ГОРБАЧЕВА интересует: «А зафиксировали они боевой выстрел?»

Председатель КГБ Виктор ЧЕБРИКОВ, видимо, опираясь на доклады советской внешней разведки (Первое главное управление КГБ), успокаивает членов Политбюро: «Нет, не зафиксировали».

Знакомство со стенограммой заседания Политбюро оставляет удручающее впечатление. Интеллектом и осведомленностью кремлевские руководители того периода явно не отличались. Поэтому неудивительно, что они

проиграли Соединенным Штатам «холодную войну». Министр обороны не совсем в курсе деталей событий, разыгравшихся в небе над Сахалином. Руководитель госбезопасности, которому положено по должности руководить внешней разведкой, не знает, что американцы в состоянии прослушивать радиопереговоры советской авиации с наземными командными пунктами...

7 сентября под градом обвинений с американской стороны Кремль в официальном заявлении советского правительства признает ответственность за произошедшее и выражает сожаление «по поводу гибели ни в чем не повинных людей». Но это не позволяет перехватить инициативу в пропагандистском поединке с американцами. Перелом не наступает и после показанной 8 сентября по советскому телевидению пресс-конференции начальника Генерального штаба. Инициативу прочно удерживали дипломаты и пропагандистские службы США, грамотно использовавшие промахи советского политического руководства в целях дискредитации нашего государства и обоснования своих новых военных программ.

Под впечатлением происшествия с «Боингом-747» советское руководство вскоре изменило порядок применения силы в отношении иностранных самолетов, нарушивших воздушное пространство СССР. Разрешалось открывать огонь только по военным самолетам капиталистических стран, да и то на применение оружия накладывалось немало ограничений. В боекомплекты истребителей приказано было включить трассирующие снаряды. Бюрократическая казуистика связывала «по рукам и ногам» командиров соединений Войск ПВО страны.

Позднее именно такой перестраховочный подход Кремля позволил немецкому летчику-авантюристу Матиасу Русту безнаказанно совершить полет на легкомоторном самолете «Цессна-172» до Москвы и сесть на Красной площади. Кстати, вполне вероятно, что это мог-

ло быть продолжением специальной операции западных спецслужб в отношении СССР. Уже после распада СССР Сергей Мельников, 28 мая 1987 года дежурный генерал на центральном пункте Войск ПВО, выступил с сенсационным признанием на одном из центральных телеканалов. По его словам, бывший председатель КГБ Владимир Крючков в разговоре с ним в доверительной форме сообщил, что «лично готовил эту операцию по указанию Горбачева»...

В 1990-е годы российские власти, к сожалению, фактически присоединились к общепринятой на Западе трактовке событий. Во время визита в ноябре 1992 года в Сеул Президент России Борис Ельцин признал ошибочными действия советского военного командования.

Справедливости ради надо отметить, что прямых доказательств шпионской миссии «боинга» советская сторона так и не добыла — по крайней мере по официальной советской версии. Среди обломков сбитого южнокорейского самолета детали разведывательной аппаратуры обнаружены не были. Ничего не дала и расшифровка «черных ящиков», поднятых нашими водолазами с океанского дна. В декабре 1983 года в докладной записке на имя генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова министр обороны Дмитрий Устинов и председатель КГБ Виктор Чебриков сообщали: *«При расшифровке данных регистрирующей аппаратуры обнаружить достоверность преднамеренного вторжения в наше воздушное пространство нам не удалось. Мы не получили также прямых доказательств того, что самолет летел с разведывательной целью. С учетом того, что данные «черных ящиков» могут быть использованы не только Советским Союзом, но и западными странами для обоснования своих противоположных точек зрения о целях полета «боинга», рекомендуем эти данные засекретить».*

После распада СССР южнокорейцам «черные ящики» вернули — но без их содержимого! Это, кстати, стало поводом для скандала в Кремле. Борис Ельцин, как расска-

зывал начальник его службы охраны Александр Коржаков, крайне возмутился, когда выяснилось, что в «черных ящиках», переданных им в торжественной обстановке руководству Южной Кореи, пленки отсутствовали. Кто и почему изъяс пленки и куда они исчезли, люди Коржакова так и не установили. По мнению Коржакова, дипломатический конфуз с «черными ящиками» стал одним из поводов к увольнению главы президентской администрации Юрия Петрова, по инициативе которого Борис Ельцин и преподнес Сеулу «подарок».

Спустя 30 лет после трагедии существуют несколько альтернативных точек зрения, в основе которых результаты независимых расследований. По мнению некоторых российских журналистов и отставных офицеров, пытавшихся самостоятельно разобраться в обстоятельствах трагедии, вина за гибель пассажирского «боинга» лежит все же на южнокорейских властях, которые санкционировали его участие в специальной операции американской разведки. Системный анализ ставших достоянием гласности некоторых подробностей полета южнокорейского самолета выявил ряд фактов, позволяющих подозревать официальных представителей США и Южной Кореи в неискренности. Но подчеркнем, чтобы избежать обвинений в необъективности, — все это только косвенные доказательства.

Американский журнал «Сайенс дифенс мэгэзин» писал еще в 1983 году — вскоре после трагедии: *«Южнокорейский самолет незадолго до инцидента — 11–14 августа 1983 года побывал на американской военно-воздушной базе Эндрус, где был оснащен специальным оборудованием. При этой операции присутствовали представители не только Агентства национальной безопасности и ЦРУ, но и специалисты разведуправления ВВС США, Управления национальной разведки и других ведомств. В самолете было установлено совершенно секретное устройство, предназначенное для связи с самолетом-разведчиком RC-135».*

Дэвид Пирсон, которого считают одним из наиболее серьезных на Западе исследователей сахалинской трагедии, писал по этому вопросу: *«11 августа в 10.30 утра на базу ВВС Эндрюс под Вашингтоном прибыл, как говорят, самолет авиакомпании КАЛ, сопровождаемый разведывательным самолетом RC-135. Сразу же после прибытия он был отбуксирован в дальний конец аэродрома к зданию номер 1752. Там управляет делами фирма «И-Системс». Это — базирующийся в Далласе, штат Техас, подрядчик Пентагона и ЦРУ. Ее специализация — электронное оборудование. Полагают, что корейский самолет был оснащен там электронным оборудованием, тип которого не уточняется. 14 августа в 6.40 вечера самолет вылетел с Эндрюс, опять-таки в компании RC-135».*

Видимо, необходимостью обслуживать это спецоборудование и объясняется тот факт, что экипаж рейса KAL-007 был увеличен с 18 до 29 человек, в то время как в японской авиакомпании самолет такого же типа на трассе Нью-Йорк — Сеул обслуживали 15 человек, а в компании «Пан-Американ» — 12 человек. В пользу версии о шпионской миссии KAL-007 говорит и заминка на сорок минут с вылетом из аэропорта в Анкоридже. По странному стечению обстоятельств благодаря этим сорока минутам «Боинг-747» оказался у границы СССР именно тогда, когда над Камчаткой должен был проходить по орбите американский разведывательный спутник «Феррет-Д».

Российские журналисты, проводившие свои независимые расследования, нашли немало интересных фактов, позволяющих сомневаться в неискренности американских должностных лиц, которые отрицали причастность спецслужб к полету южнокорейского «боинга» 1 сентября 1983 года.

Командир экипажа (по оплошности? или стремясь дать подсказку на случай своей гибели?) оставил в Анкоридже план перелета в Сеул со своими рукописными

заметками. В них немало зацепок, дающих право предполагать, что отклонение «боинга» от маршрута не было случайным и пилот готовился к нему еще до взлета из аэропорта на Аляске.

Радиосвязь между центром диспетчерской службы Анкориджа и рейсом KAL-007, по американской версии, прервалась сразу же после набора самолетом высоты из-за выхода из строя всех пяти установленных на «Боинге-747» радиопередатчиков. Но когда самолет вошел в зону обслуживания токийской авиадиспетчерской службы, радиообмен вдруг восстановился, и до момента гибели самолет выходил на связь с Токио двадцать раз.

Над Сахалином пассажирский лайнер попал в зону действия ПВО Японии. Будучи захваченным лучом радара с военной базы в Вакканае, ответчик южнокорейского «боинга» передал сигнал, которым обозначали себя обычно американские самолеты-разведчики.

В пользу версии о выполнении сбитым южнокорейским «боингом» некоего задания американских спецслужб говорит и немало других свидетельств. Так, шпионский характер миссии KAL-007 признал в книге «Правда о полете KAL-007» отставной сотрудник японской военной разведки Иосиро Танака, руководивший до своего выхода на пенсию электронным прослушиванием военных объектов СССР со станции слежения в Вакканае на самом севере острова Хоккайдо. Именно она зафиксировала переговоры пилотов советских истребителей 1 сентября 1983 года. Южнокорейский самолет, утверждал японский разведчик, преднамеренно вошел в воздушное пространство СССР, чтобы привести в действие систему противовоздушной обороны и позволить американским средствам радиоэлектронной разведки засечь советские радары, зафиксировать параметры их работы.

Из истории «холодной войны» известно и немало других свидетельств использования западными разведками

гражданских самолетов для сбора разведанных в СССР. Например, бывший шеф французской контрразведки полковник М. Ле Руа-Финвиль в своей книге откровенно рассказал о том, как пилоты авиакомпании Air France, осуществляя во времена существования СССР полеты на линии Париж — Москва, иногда уходили из разрешенного воздушного коридора и производили фотосъемку советских военных объектов, для чего на некоторых самолетах компании были тайно установлены специальные фотокамеры.

В инциденте с южнокорейским «боингом» обращает на себя внимание поведение американских властей. Японские службы гражданской авиации передали в распоряжение Международной организации гражданской авиации оригиналы всех магнитофонных записей своих переговоров с рейсом KAL-007. Правительства США и Японии опубликовали полностью записи подслушанных телефонных разговоров и радиопереговоров советских военных. Но американцы не предоставили в распоряжение комиссии международных экспертов оригиналы магнитофонных пленок, на которых были записаны радиопереговоры их наземной станции на Аляске, под предлогом их уничтожения. Власти США скрывают до сих пор и план полета своего RC-135, данные о радиолокационном наблюдении за этим самолетом-разведчиком, находившимся в районе событий. Информация якобы тоже не сохранилась.

Без этих сведений получить объективную картину произошедшего 1 сентября очень сложно. Для специалистов очевидно, что приблизиться к истине возможно только при системном анализе по крайней мере четырех записей: радиообмена Осиповича с командным пунктом, разговоров между членами экипажа южнокорейского «боинга», их переговоров со следовавшим за ними с интервалом в четверть часа по этой же трассе пилотом рейса KAL-015, а также американскими и японскими наземными службами.

В истории с «боингом» странно и то, что расследованием гибели южнокорейского самолета, вылетевшего из американского аэропорта, должно было заняться — по сложившейся практике — Национальное управление безопасности на транспорте США. Но ему было рекомендовано сверху не приступать к расследованию. Делом почему-то занялся государственный департамент США, хотя это не входит в его функциональные задачи, да и необходимыми в таких случаях специалистами он не располагал. Словом, оснований для подозрений в адрес американских спецслужб немало.

Наиболее сенсационную версию событий выдвинул Мишель Брюн, французский эксперт, проводивший исследование инцидента по заказу частной американской организации «Фонд в поддержку конституционного правительства». Возможно, Брюна кто-то умело дезинформировал, чтобы навести на ложный след. Версия француза носит явно антиамериканский характер.

Южнокорейский лайнер, считает француз, не был сбит советским истребителем у Сахалина, а потерпел катастрофу несколько позднее — в районе Сангарского пролива у японских берегов. Приблизительно в 400 милях к югу от Сахалина, неподалеку от японского города Ниигата. Это якобы подтверждает полученная Брюном по японским каналам подлинная копия переговоров, которые вел пилот южнокорейского «боинга». Из ее анализа следует, что самолет находился в воздухе еще около 50 минут после того, как его поразили две ракеты с советского истребителя. С диспетчером в городе Ниигата второй пилот погибшего «боинга» вел обычный радиообмен через сорок минут после официально признанного времени гибели самолета. Брюн, побывавший в Ниигате, выяснил, что к его побережью море прибило осенью 1983 года обломки конструкции салона пассажирского авиалайнера.

По мнению сторонников этой версии, советские и американские власти по взаимной договоренности скры-

вают, что 1 сентября 1983 года в воздушном пространстве СССР в районе Сахалина произошел воздушный бой, в ходе которого советские истребители сбили три американских военных самолета. В подтверждение своей точки зрения Брюн указывает на то, что некоторые из обломков, прибитых морем к японским берегам, оказались останками не пассажирского «Боинга-747», а военных самолетов. Так, обломок номер 31 — кусок закрылка с прямоугольной передней кромкой. Единственный самолет, у которого закрылки имеют такую кромку — американский истребитель F-111 или EF-111, — самолет, оснащенный средствами радиоэлектронной борьбы. Другой обломок тоже мог принадлежать только военному самолету США. Это сиденье с номером 34 катапульты пилота от «МакДоннелл-Дуглас ACES II Zero Zero» или похожей модели с отстрелянными пороховыми зарядами. В Вакканай на Хоккайдо вместе с обломками самолета прибило останки оперения боевой ракеты (стабилизатор) с инфракрасным наведением с маркировкой на английском языке. находка хранилась в управлении морской безопасности в Вакканае.

Брюн заинтересовался в связи с этим направленностью морских течений в этом районе и с удивлением установил, что обломки «боинга», сбитого у Сахалина, никак не могло прибить к берегам Хоккайдо через девять дней — поперек течения и против господствующих ветров. В сентябре в районе островов Монерон и Сахалина течение гонит волны с юга на север, то есть в сторону материка.

Советской стороной, утверждал Брюн, в числе плавающих обломков самолета рейса KAL-007 были переданы представителям Южной Кореи два спасательных плотика (один на десять человек, другой одноместный), пилон для подкрыльного оружия, какая-то часть конструкции сверхзвукового истребителя и куски фюзеляжа, окрашенные в белый, голубой и золотой цвета (цвета самолетов амери-

канских ВМС). Пассажирский «Боинг-747» спасательных плотиков на борту не имел.

Близка к версии Брюна точка зрения бывшего сотрудника госдепартамента США Джона Кеппела, также располагавшего сведениями о боестолкновении между советскими и американскими самолетами 1 сентября 1983 года. Кеппел утверждал, что в тот день средствами советской ПВО было сбито два самолета ВВС США: один, вероятнее всего, — RC-135, а другой — самолет разведки и РЭБ EF-111A Raven. Смелость утверждения отставного дипломата настораживает. Известно, что американские власти не церемонятся с теми отставниками, кто начинает «много говорить»: можно лишиться не только хорошей пенсии...

Что касается причин падения южнокорейского пассажирского авиалайнера, то Брюн и некоторые другие эксперты склоняются к мнению, что он стал жертвой трагической случайности. Пораженный двумя ракетами советского истребителя, он продолжал тянуть к аэропорту Японии или Южной Кореи и был добит кем-то спустя 50 минут после официальной гибели. У советских истребителей не было технической возможности догнать его у берегов Японии.

Альтернативные версии случившегося так и не стали предметом серьезного разбирательства. Мишель Брюн еще в августе 1989 года представил в ИКАО — Международную организацию гражданской авиации — свою версию в виде официального доклада. Но ответа оттуда до сих пор не получил.

Проигнорировано также предположение некоторых независимых исследователей относительно того, что южнокорейский пассажирский авиалайнер, возможно, лежит у японского острова Кюрокусима недалеко от острова Садо. Именно туда 1 сентября 1983 года, в далекий от Монерона квадрат Японского моря, был направлен специальный самолет американских ВМС, использующийся

обычно в спасательных операциях. Этот полет был зафиксирован японскими радарными.

Много странного и в частных рассказах наших водолазов, работавших на месте, по советской официальной версии, падения южнокорейского «боинга» — в нейтральных водах у острова Монерон. Кстати, советский ВМФ начал там поиск обломков самолетов только спустя неделю, а глубоководные аппараты для съемки дна и поднятия тел и обломков были доставлены к месту трагедии только через месяц. Все это время по этой акватории моря свободно ходили американские и японские суда и корабли, которые могли — гипотетически — сбросить на дно Татарского пролива все что угодно. Еще быстрее это можно было сделать самолетами ВМС.

Среди обломков не было найдено ни одной обгорелой вещи. Да и по составу находок у водолазов складывалось впечатление, что самолет был кем-то загружен случайными, уже ненужными вещами. Тела погибших пассажиров найти не удалось, хотя в других аналогичных случаях морских падений самолетов останки людей, как правило, находились.

Один из водолазов рассказывал журналистам «Известий», проводшим свое собственное и, пожалуй, самое обстоятельное в России расследование: «У меня совершенно четкое впечатление: самолет был начинен мусором, и людей, скорее всего, не было там. Почему? Ну, вот если разбивается самолет, даже маленький. Как правило, должны оставаться чемоданы, сумочки, хотя бы ручки от чемоданов... А там было такое, что, я считаю, не должны везти в самолете нормальные люди. Ну, скажем, рулон амальгамы — как с помойки... Одежда вся, как со свалки — из нее вырваны куски. Или как будто простреленная — пробита во многих местах. Я лично никаких останков не встречал. Мы же месяц почти работали! И практически ничего. Мало было и носильных вещей — курток там, плащей, туфель, — очень мало. А то, что находили, — какое-то рва-

нье! Вот нашли, скажем, россыпь пудрениц. Они остались целыми, открывались. Но, что странно, у всех — разбитые внутри зеркальца. Пластмассовые корпуса абсолютно целые, а зеркальца все разбитые. Или зонты: все в чехлах, в целых чехлах, даже не надорванных. А сами — измятые, нерабочие... Ножи, вилки покореженные. Это какой же силы удар должен был быть?!»

Не менее интересен рассказ корреспонденту «Известий» начальника водолазной службы производственного объединения «Арктиморнефтегазразведка» Владимира Захарченко: «Глубина там был 174 метра. Грунт ровный, плотный — песок и мелкая ракушка. Безо всяких перепадов глубины. И буквально на третий день мы нашли самолет. У меня было представление такое, что он будет целый. Ну, может, чуть покореженный. Водолазы зайдут внутрь этого самолета и все увидят, что там есть. Но на самом деле он был очень сильно разрушен — разнесен, что называется, в щепки. Самое крупное, что мы увидели, — несущие конструкции, особо прочные: длина полтора два метра, ширина — 50–60 сантиметров. А остальное — разбито на мелкие кусочки... Но самое главное — это не то, что мы там видели, а чего не видели — водолазы практически не обнаружили человеческих трупов, останков...»

Отсутствие тел — это одна из основных загадок гибели «боинга». У нее может быть два объяснения. Первое — на борту не находилось пассажиров. Но его легко опровергнуть, так как сохранилось немало свидетелей, способных подтвердить наличие пассажиров на борту рейса KAL-007. Второе — опытным южнокорейским пилотам удалось все же посадить «боинг», и пассажиры были эвакуированы. Это предположение легло в основу еще одной версии событий в районе Сахалина. На наш взгляд, это самая правдоподобная и логически стройная гипотеза.

Согласно ей пассажирский самолет, незадолго до этого оснащенный в США специальным радиоэлектронным

оборудованием, участвовал — с согласия южнокорейского руководства — в американской разведывательной операции. Пассажиры «боинга», разумеется, об этом и не подозревали. Знал только экипаж самолета. Этим, возможно, и объясняется подавленное состояние пилота накануне рейса. Незадолго до полета, как сообщалось в СМИ, он неожиданно застраховал свою жизнь на большую сумму и вышел в свой последний рейс в плохом настроении.

После поражения «боинга» двумя ракетами с истребителя Осиповича он не рухнул в океан, а некоторое время еще находился в воздухе. Этим и объясняется тот факт, что имеются записи переговоров его экипажа с наземными службами спустя несколько десятков минут после попадания ракет. Советские радиотехнические подразделения в эти минуты «вели» по ошибке МиГ-23, потеряв на своих экранах южнокорейский самолет.

После приводнения «боинга» американцы скрытно эвакуировали экипаж и пассажиров, а нашим военным оперативно подбросили заранее подготовленную — на крайний случай — «обманку»: масляное пятно, мелкие обломки старого пассажирского самолета, неношенная обувь, кроссовки, пачка связанных паспортов, пустые женские косметички, несколько фрагментов трупов из морга... Далее дело было за американскими дипломатами и специалистами из внешнепропагандистских структур, которые мастерски переиграли слабеющий аппарат ЦК КПСС.

Подобной версии придерживается, в частности, представитель Международного комитета по спасению жертв рейса KAL-007 Бен Торри: «Мы, — утверждает он, — проанализировали записи переговоров пилотов и диспетчеров... и эти данные подтверждают показания информаторов и свидетелей о том, что в то утро какой-то самолет сел неподалеку от острова Монерон».

Английская радиоккомпания Би-Би-Си, всегда очень осмотрительная и осторожная в своих суждениях, в

передаче 1 сентября 2003 года, ссылаясь на мнение Бен Торри, признала, что в истории с «боингом» далеко не все так просто. Прочитируем фрагмент передачи: «Отсюда — и появляющиеся все чаще сообщения о том, что после ракетной атаки самолет вовсе не потерял управление, и летчики контролировали его еще как минимум 12 минут. В теории, этого времени вполне достаточно на аварийную посадку — был бы аэродром. Представитель Международного комитета по спасению жертв рейса KAL-007 Бен Торри почти уверен: такой аэродром рядом с местом трагедии был... В то утро какой-то самолет сел неподалеку от острова Монерон. Бен Торри и его единомышленники уверены, что этот самолет и был тем самым корейским «боингом». По его словам, пассажиров рейса сняли с борта лайнера и увезли в неизвестном направлении, а саму машину взорвали, разложив потом осколки по морскому дну».

Но это тоже только версия, пока американские спецслужбы не откроют свои архивы — а это произойдет, по законам США, не ранее 2033 года.

Прошло 30 лет. Основные участники событий — кто на пенсии, кто умер. Подполковник Геннадий Николаевич Осипович давно уже не служит в авиации. Вскоре после истории с «боингом» его решили перевести служить на родину, в город Майкоп. Опасались провокации со стороны местных корейцев, тем более что угрозы были. На Сахалине выходцев из Кореи жило немало. Интересно, что они раньше всех узнали о гибели «боинга». Как вспоминали офицеры, служившие в то время на острове, первую информацию о случившемся они получили не из советских СМИ, а от сахалинских корейцев. Им уже было известно, что с аэродрома около поселка Сокол взлетал истребитель, сбивший южнокорейский самолет. Поэтому корейцы из поселка Гастелло двинулись к военному аэродрому и организовали там митинг протеста.

На новом месте службы с Осиповичем случился несчастный случай. Он перегонял истребитель с авиационного завода в Ташкенте, где работало много корейцев. У самолета в полете неожиданно остановился двигатель. Внизу — склады боеприпасов. Офицер успел отвернуть самолет в сторону. Но катапультироваться пришлось уже с малой высоты. При приземлении Геннадий Николаевич повредил позвоночник. Летать по здоровью он не мог и решил уйти в запас.

По факту катастрофы истребителя проводилось расследование. В числе причин аварии отработывали и «корейский след», но затем все спустили на тормозах. Так «корейский фактор», возможно, дважды сыграл свою роковую роль в судьбе военного летчика.

Родина «щедро» отблагодарила офицера за честное и самоотверженное выполнение воинского долга. Геннадию Осиповичу с Сахалина переслали на новое место службы в качестве награды за уничтожение нарушителя государственной границы 196 рублей! Должны были двести, но на почте четыре рубля удержали за пересылку.

Однако боевой летчик не в обиде. «Не только ко мне такое отношение, — сказал он с грустью в глазах историку Александру Колеснику при встрече. — Это было в советское время ко всем, сплошь и рядом. Но и демократию эту я не признаю до сих пор, не понимаю ее. Непонятно, где правда, где неправда. Посмотришь, человек — вор, а он считается уважаемым человеком. Его уважать надо, «взять» нельзя». Впрочем, о смысле произошедшего с нами в последние десятилетия задумывается не только он...

«Я СИДЕЛ В КАМЕРЕ СМЕРТНИКОВ»

Наш собеседник — Алексей Михайлович Козлов — родился 21 декабря 1934 года в селе Опарино Кировской области, жил в Вологде. После окончания в 1959 году Московского института международных отношений был приглашен на работу в Первое

главное управление (внешняя разведка) КГБ СССР, с 1962 года — разведчик-нелегал. В 1980 году из-за предательства арестован службой контрразведки ЮАР, находился в заключении; через два года был возвращен на родину по обмену. С 1986 по 1997 год продолжил работать за границей. В 2000 году полковнику в отставке Козлову присвоено звание Героя Российской Федерации.

— *Алексей Михайлович, как и почему вы стали разведчиком?*

— Я сам, честно говоря, был страшно удивлен, как попал туда. Дело в том, что это было в 1959 году, я оканчивал МГИМО, приехал только что из Дании...

— *Тогда еще вопрос: как парень из северной глубинки стал студентом МГИМО?*

— В те времена это было совсем несложно — главное, чтобы знания были. Школу я окончил с серебряной медалью. Но хоть у меня пятерки и были, я ненавидел все такие предметы, как физика, математика... Зато очень любил немецкий язык. У меня был очень хороший преподаватель — польский еврей, который в 1939 году, когда в Польшу пришли немцы, переплыл через Буг на нашу сторону. В конце концов, он оказался в Вологде и обучал немецкому языку детишек. Он очень любил немецкий язык, был буквально влюблен в него, цитировал Шиллера, Гете, Лессинга и требовал, чтобы мы их в подлиннике читали. От меня, во всяком случае, требовал и называл меня «бэздэльник». Он жив и сейчас, ему около 90 лет, проживает в Вологде, в очень хорошей квартире... Его родственники были уничтожены гитлеровцами, но брат сумел бежать на Запад, живет в Канаде, миллионер.

— *Повезло! И брату, и ему, и, конечно, вам — с таким учителем!*

— Так вот, вызвали меня трое людей, одетых в штатское, и предложили мне пойти работать в разведку. Я им сказал, что с удовольствием пойду, но ни в коем случае не буду заниматься писаниной — только оперативной работой.

— *Вы что, тогда уже имели некоторое представление о разведывательной работе?*

— Никакого! Потому и подумал: раз я в оперативной работе ничего не понимаю, то наверняка меня за писанину посадят...

— *Не посадили?*

— Вот эта шишка, видите, на этом пальце — у меня как раз от оперативной работы и выросла. Потому что без писанины никак не обойдешься, особенно когда приедешь из командировки. Там только сиди и пиши!

Прошло некоторое время, и меня вызвали на Лубянку. Кстати, я там был один-единственный раз за все время моей работы в разведке. В кадрах спросили: «Ты читал «И один в поле воин»?»

Это была очень известная книжка.

— Да, — говорю.

— Хочешь так же работать?

— Хочу.

И все!

Правда, на медкомиссии мне сказали, что я негоден, поскольку у меня правый глаз где-то минус 0,5... Но в кадрах заявили: «Это наше дело — поставить тебя туда, куда мы хотим». Таким образом я пришел на подготовку.

— *Насколько знаю, она у вас довольно быстро прошла...*

— Ровно три года. Пришел 1 августа 1959 года, а выехал на боевую работу уже 2 октября 1962-го.

— *Вы тогда сколько языков знали?*

— Два: немецкий, основной, и датский. Ни английского, ни какого другого языка я не знал.

— *Как вас выводили?*

— Сначала я выехал в Данию, где получил диплом технического чертежника...

— *Это при вашей-то нелюбви к точным наукам?!*

— Я эту профессию ненавидел всеми фибрами своей души! Сначала у меня линии какие-то кривые получались,

меня часто ругали за недотепство... Но потом ничего, научился. В Дании я окончил институт технических ассистентов: там нужно было учиться три года, но я сказал, что это мне не подходит — три месяца лучше. В результате три месяца я и учился: проводил там почти целые сутки, заплатил положенную сумму за трехлетнее обучение — 800 западногерманских марок, ну и вкальвал. В конечном счете даже получил диплом с отличием. Профессия эта была очень востребованная во многих странах мира. Ну, где вы в том же Ливане найдете технических чертежников?

— *Легенда у вас какая была?*

— Самая простая: тогда молодые немцы болтались по всему белу свету, лишь бы где-то раздобыть денег, хорошо устроиться...

— *А документы?*

— Первые два года я ездил с липовым западногерманским паспортом. Кстати, по качеству изготовления он был гораздо лучше, чем те настоящие, которые я потом получал. Там или фотокарточка была приклеена криво, поскольку полицейский, который мне этот паспорт выдавал, был пьян, либо неправильно прошит — вечно у меня были какие-то истории на КПП. А вот с нашим липовым паспортом у меня никаких проблем никогда не было, абсолютно!

— *Итак, «получив профессию», вы оказались в Ливане...*

— Да, приплыл из Неаполя в Бейрут. Кстати, там я сразу же стал изучать английский язык. У меня был очень хороший преподаватель — одна девчонка, с которой я познакомился на пароходе. Она окончила американский университет в Бейруте, получила степень бакалавра.

— *Вы не побоялись, что это может быть подстава?*

— Нет, она ехала с братом, они учились в музыкальной академии в Вене, я немножко эту академию знал... Они плоховато, но говорили по-немецки. Когда я приехал в Ливан, снимал комнату у их тети.

— *Ну а с работой у вас как было?*

— Без проблем! Мне сказали, что Германия — это хорошо... Мол, лучше людей нам и не нужно. Потом спросили: «Что такое Дания? Где она находится?» Предложили подписать контракт на год, но я отказался, потому что нужно было разрешение Центра, а Центр его не дал: было решено послать меня в Алжир на длительное время...

— *Чем же Алжир был для нас так интересен?*

— Алжир ранее был французской колонией, а как раз в тот день, когда я приехал туда, принимал присягу президент Алжирской Республики Ахмед Бен Белла. Вообще, тут тогда много было разных чудес и странностей. Так, хотя Бен Белла был истый мусульманин и запретил продавать алжирцам спиртные напитки, но очень «левого ума» человек. У него был тайный «политический совет» — только троцкисты, больше никого.

В первые два года своего правления он оставил в Алжире дислоцировавшиеся там части французской армии, в том числе Иностраннный легион. Это очень интересное формирование. В основном немцы. Поэтому даже офицеры легиона, французы, вынуждены были учить немецкий язык, чтобы с ними там как-то совладать.

— *В то время, очевидно, там еще было немало гитлеровских вояк — эсэсовцев и прочих?*

— Нет, это был 1962 год, 17 лет после войны прошло... Больше уголовников было: скажем, если какой-нибудь убийца или вор бежал во Францию и его схватили где-нибудь в темных улочках Марсея, то первое, куда его приводили, — это вербовочный пункт Иностранного легиона. Говорили: тюрьмы здесь гораздо хуже, чем в Германии, почему бы тебе не пойти и не повоевать? Подписывался контракт на семь лет, как правило, и они воевали. Типы там были самые интересные, дальше и ехать некуда!

— *Кто из этих легионеров вам особенно запомнился?*

— Ну, если даже кто и запомнился, то я все равно не расскажу! Вы понимаете... Там самые разные люди были.

— *Вы сами тогда были «немцем» — ни у кого из ваших «соотечественников» никаких сомнений не возникло?*

— Единственное сомнение было, когда я только что выехал «за кордон» и проезжал через немецкий Брауншвейг. Когда я выезжал, мне дали австрийский паспорт, но подготовку-то я проходил в Саксонии. И вот в Брауншвейге я зашел в одно кафе, сел за столик. Потом ко мне присоединился еще один молодой человек, мы разговорились. Спрашиваю, где он работает. «Я — инспектор уголовной полиции, мы проводили облаву на проституток и сутенеров на вокзале, и я так устал, что решил потанцевать и пришел сюда. А вы сами откуда?» — «Я австриец». — «Австриец?! — поразился он. — Я бы дал голову на отсечение, что вы саксонец!»

Акцент-то у меня оставался из Лейпцига — города, где я проходил подготовку. По счастью, его очень интересовали девицы, которые вокруг сидели, так что он про меня скоро забыл... А так сомнений у немцев не было.

— *Еще вопрос на ту же лингвистическую тему: на каком языке вы разговаривали в Алжире?*

— Пришлось срочно изучать французский. Там все говорили на французском языке, даже арабы по-арабски не говорили, а только по-французски, и я ничего не понимал! Самое обидное, что английский язык я в Ливане выучил, а на французский плюнул, хотя там и его можно было выучить. Хорошо, что я быстро устроился на работу в одно архитектурное ателье техническим чертежником, где моими шефами, инженерами, были швейцарцы. Они одинаково хорошо говорили и по-французски, и по-немецки — в этом отношении мне повезло.

— *В Алжире вы начали и свою оперативную работу?*

— Как я сказал, в тайном «политическом совете» президента Бен Беллы были троцкисты, в основном швейцарцы. А мои швейцарцы были с ними знакомы и

рассказывали мне все о его заседаниях. Там очень много интересного было!

— *Получилось, что вы работали по высшему политическому руководству Алжира?*

— Я не работал по высшему руководству! И вообще мы работаем не для того, чтобы, скажем так, сделать пакость какому-то руководству какой-то страны. Не для этого, отнюдь и отнюдь нет. Другое дело, что мне удавалось получать интересную политическую информацию. Источники, как я сказал, у меня были очень хорошие — тут какой-то случай, очевидно... Думаю, в том, что Ахмед Бен Белла через год после того, как стал президентом, стал Героем Советского Союза — как и Гамаль Абдель Насер, — есть и какая-то моя заслуга. Очевидно, я тут посодействовал...

В Алжире я был один, наверное, месяцев восемь, а потом приехала моя супруга.

— *Почему она так задержалась?*

— Она была на подготовке. У нас есть техническая работа: тайнопись, шифрование, прием радиogramм — все это она могла теперь делать... Зарабатывал я хорошо, был устроен, но потом моя супруга забеременела, и я написал в Центр, что Татьяне тяжело — там было жарко и страшно влажно. А в Центре, очевидно, спохватились, что нам пора получать настоящие паспорта — мол, выезжайте в Германию.

— *И вы поехали...*

— Но не прямым путем, разумеется, а через соседние страны. Было принято решение, что жена останется во Франции, а я один выеду в Штутгарт, неподалеку от французской границы. Ведь было неизвестно, чем закончится мой въезд в Германию с фальшивым немецким паспортом. В Штутгарте мне нужно было найти работу, чтобы моя жена, по легенде ставшая моей невестой, могла приехать ко мне...

— *Работу, понятно, ту же самую — технического чертежника?*

— Да, но тут произошел прокол. Был август, в Германии это «запрещенный месяц» — летние отпуска, все закрыто, вообще не найдешь ничего! Даже каждый второй магазин закрыт.

— *И этого в Центре не знали?*

— Дело вот в чем... Когда я находился на подготовке, моими кураторами были бывшие военные — офицеры нашей Советской армии, контрразведчики... Изумительный народ с богатым боевым опытом, но многих вещей они не знали. Не могли знать. А в результате найти работу технического чертежника я не смог. Что мне оставалось делать? Устроился, в конце концов, чернорабочим в химчистку «Феникс». Надо же было как-то получать деньги...

— *Тяжелая работа была?*

— Непростая. Начинал в 6 утра, заканчивал в 8 вечера. Обслуживал шесть машин... Прошло два месяца, я стал уже квалифицированным рабочим, мной были очень довольны, и зарабатывал я, кстати говоря, неплохо. Тогда я позвонил жене — она приехала, поселилась неподалеку от Штутгарта, и вскоре мы вновь поженились. Но квартиру в Штутгарте было найти очень трудно, мне предложили переехать в другой город — мы поселились в пригороде Мюнхена. В скором времени Татьяна родила мне сына... Жили мы там втроем очень неплохо.

— *А что с работой было?*

— Работу я опять нашел в химчистке, в Мюнхене, — очень неплохую, очень неплохо оплачиваемую, и это стало моей второй и основной профессией. Но дело в том, что, как мне мой отец потом написал: «видно, вы там времени не теряете», — в скором времени у меня родилась дочь. Она родилась в том же 1965 году, что и сын. Он — 29 января, дочь — 30 декабря.

— *И стали они маленькими немчиками...*

— Конечно! С нами они говорили только по-немецки, а потом, когда в Бельгии стали ходить в детский сад, за-

говорили между собой по-французски. И до 1970 года, пока не приехали в Россию, они и не догадывались, что русские.

— *Вы не рассказали, как удалось сменить документы.*

— Моим основным делом в Германии было закрепить свою легенду и получить настоящий паспорт. Но подавала прошение на паспорт супруга. Взяла обоих детей в одной коляске, поехала в полицию, там сидел добродушный такой полицейский, он сказал ей, что нужно делать, и предложил посидеть с детьми... Он играл с ними в погремушки, а Татьяна пошла и заполнила все эти бумаги. Таким образом мы легализовались...

— *Но в Германии вы не остались?*

— Там я, по сути, пробыл где-то год, а потом я получил очередное задание — выехать в Бельгию. Почему именно туда? Потому что туда переехал штаб НАТО. Де Голль вышвырнул их из Франции, и они приехали в Бельгию, в местечко Касто, неподалеку от Шарлеруа. Одновременно в Бельгии обосновался Совет министров Общего рынка. Короче говоря, и экономика, и военные дела — все было там, в Бельгии, вот меня туда и послали. Поехал я сначала один, без семьи, устроился в химчистке гостиницы «Хилтон» — гостиница была самой лучшей, самой дорогой.

— *А кем вы устроились?*

— Заведующим химчисткой. Химчистка и прачечная были вместе, я отвечал за химчистку, а кто-то — за прачечную. Я ею не занимался — только дома пеленки стирал... А уже примерно через год я получил предложение стать директором самой крупной химчистки Бельгии. Я им стал.

— *Как вам удалось сделать такую карьеру?*

— Когда я еще работал в «Хилтоне», туда приходили представители различных фирм, которые поставляют машины и станки для химчистки — гладильные станки, например, и «Хилтон» имел возможность их купить, хотя продавали они очень много и очень дорого. Они видели,

как я работаю, ну и рассказали обо мне тому миллионеру, который был владельцем этих химчисток — мол, есть такой толковый человек. Вдобавок ко всему — немец. Ему это больше всего понравилось: раз немец — значит, человек может работать и будет работать. Бельгийцы, я их неплохо знаю, тоже могут работать, но не хотят. Так он и предложил мне эту работу.

— *Алексей Михайлович, такой вопрос: каким образом наши советские граждане — Лонсдейл, он же Конон Молодой, Геворк Андреевич Вартамян, вы — вдруг становились успешными бизнесменами?*

— Я не знаю... Я-то сам бизнесменом не был. Когда я стал генеральным директором этой химчистки, я сказал владельцу, что не хочу иметь к деньгам, к прибыли никакого отношения — это его дело, а я считать ничего не буду. Я ему прямо сказал: если он с этим согласен, то я пойду работать. Это ему даже понравилось...

По своему опыту я скажу, что прежде всего нужно быть честным. И второе, нужно уметь работать, обращаться с людьми. Я уважал своих рабочих, они это чувствовали. Но я был требовательным и не стеснялся этого...

— *И в таких условиях у вас хватало времени на разведывательную работу?!*

— Действительно, это мне очень мешало — я был постоянно занят: у меня были рабочие, были филиалы в различных городах Бельгии. По сути, той работой, которая была нужна Центру, мне приходилось меньше заниматься, чем этой чертовой химчисткой. Мне, кстати, потом было указано на это — мол, дурака валять нечего! Хотя я дурака и не валял...

— *А чем вы, как разведчик-нелегал, занимались?*

— Понимаете, когда я начинал работать в разведке, нас тогда посылали с такой задачей: легализуйся, сиди и жди, пока тебе скажут, что ты конкретно должен сделать... Но когда председателем КГБ стал Юрий Владимирович Ан-

дропов — тогда все очень здорово переменялось. Началась перестройка в разведке — действительная перестройка, которая была необходима.

— *Объясните, пожалуйста, подробнее!*

— Раньше все в основном упиралось в военное дело. На подготовке меня учили стрелять из всех видов оружия, я закладывал мины, поджигал бикфордовы шнуры... Но мы же не возили с собой ни пистолетов, ни ножей — ничего, никогда в жизни. И убийствами не занимались — все это чепуха, самая настоящая, хотя нас самих могли спокойно где-нибудь прикончить.

Вы учтите, когда я пришел работать, война еще только 14 лет как закончилась, а «холодная война» была в полном разгаре. Помните Карибский кризис? Поэтому многое было направлено именно на защиту военной безопасности нашей родины. Это было в работе у Абея, у Лонсдейла, у всех других... Андропов поставил задачу, что надо думать не только о военных вещах, но и о том, как мы можем построить свои отношения с различными странами в экономическом, культурном плане, вообще наши отношения — чтобы они по-другому выглядели. То есть нужна общая информация!

— *Можно понять, задача оказалась очень непростой...*

— Да, эта перестройка многим товарищам далась тогда с большим трудом... Хотя нас вообще немного. Считаете, в разведке тысячи какие-то работают? Нет, гораздо меньше. Но даже из того небольшого количества многим пришлось уйти — не смогли. Переход был очень сложный, не все мы могли сразу все понять.

— *Ясно. Подробности вы не расскажете... Но вы сказали, что вас спокойно могли где-нибудь прикончить — это когда?*

— Например, в Пакистане. Наши войска только-только ввели в Афганистан, а я был в Исламабаде. Могли прикончить запросто, если б знали, кто я такой. А в 1970-е годы

мне пришлось поработать на Ближнем Востоке — собирать информацию и по Израилю, и по арабским странам. Кстати, вот пример перестройки в разведке: мы давали развернутую информацию по обеим сторонам конфликта. Ведь одно дело, когда был Насер, другое — Анвар Садат, который хоть и воевал с Израилем, но больше хотел с ним дружить. Кстати, именно тогда я понял: человек, который не может преодолеть свои предубеждения к какой-то расе, национальности, не может уважать культуры и обычаев какой-то страны — не может быть нелегалом, никогда!

— *Если б каждый человек так относился к чужим обычаям, особенно в местах своего проживания, межнациональные конфликты уменьшились бы в разы... Но вернемся на Ближний Восток. Под бомбежки вам попадать приходилось?*

— Там подо что только не приходилось попадать! Хотя, конечно, на фронт меня никто не посылал. Но опасных ситуаций мне хватило и потом — они могут быть везде, в любых странах.

— *Вы побывали примерно в 80 странах. Велик соблазн расспросить про каждую, но... А как у вас это получилось?*

— Когда я был в Бельгии, у меня жена тяжело заболела. В 1970 году мы возвратились на родину. Супругу мою положили в больницу, а мне сказали: ты езжай, работай...

— *Не зря говорят: «солдаты невидимого фронта». Человек не принадлежит самому себе — воистину по-солдатски.*

— Я прописался в Италии, в Риме. Паспорт был тот же самый. По легенде я развелся с женой, которая теперь где-то в Швейцарии со своим любовником. Когда я оставлял работу в Бельгии, мне сказали: «Ты будешь нашим представителем. Хотя в Риме представительство для Италии дать мы тебе не можем, там итальянский представитель уже сидит, но для всех остальных стран — можем... Захочешь где-то продать машину — продашь, получишь очень

хорошие коммиссионные». То есть легенда у меня была хорошая: я представитель фирмы, с этим я везде ездил. Приезжал в разные страны, обязательно ходил по нашим химчисткам, смотрел, как работают, ругался на владельцев... А сам собирал информацию для службы — кстати говоря, информацию хорошую.

— *Как же вы оказались в роковой для вас Южной Африке?*

— Честно говоря, это было для меня как снег на голову. Впервые я съездил туда для сбора информации в 1977 году, а официально — продавать машины, так что познакомился со многими химчистками. Это была не та Южная Африка, которую вы сейчас видите! Это была страна жесткого апартеида — пять миллионов белых держали рабами 26 миллионов черных! Заходишь в магазин какой-то частный — большие универмаги были общие — написано: «Только для белых»; на скамейках в парках — «Только для белых». Черные не имели права оставаться в крупных городах позже шести вечера. Если после шести обнаруживали какого-нибудь черного в Кейптауне или в Дурбане — его можно было убить.

Тогда не существовало таких независимых стран, как Намибия, Зимбабве... Была Южная Родезия. Хотя это было то же самое, что и Южная Африка — может быть, немножко помягче, но ее в свое время даже выгнали из Содружества наций. Для поездки в Южную Родезию нужно было получить визу в Южной Африке — ни какая другая страна ее не признавала, как ни одна африканская страна не признавала Южную Африку, кроме Малави. Но информацию, повторю, там можно было получить хорошую.

— *Как понимаю, вы там побывали не единожды?*

— Да, я там был и в 1977 году, и в 1978-м. Затем, в 1979-м мне пришлось ездить в «прифронтовые государства» — Ботсвану, Замбию, Малави, а в 1980 году черти меня опять туда послали... Не черти, конечно, а Центр.

Причем так вышло: я до конца 1979 года — а приехал где-то в сентябре — находился в Москве, потому что Юрий Иванович Дроздов, новый начальник Управления «С»...

— *То есть нелегальной разведки...*

— ...был в Афганистане и приказал, чтобы меня задержали до его приезда. Он приехал, и 15 января я выехал с его новым заданием: он потребовал, чтобы я прервал свою командировку в Индию и побывал в Пакистане. Зачем, сначала я не понял...

— *Ну да, это сейчас все до предела ясно — Афганистан!*

— Итак, я сначала вылетел в Европу, потом — в Сингапур, оттуда — в Бомбей, из Бомбея — в Карачи, из Карачи — в Исламабад. Интересно там было: жил я почти один в новой, хорошей гостинице «Холидей-Инн», и вдруг стали приезжать американцы, какие-то штатские, вернее, полуштатские люди, в тяжелых ботинках, иногда у них были полувоенные рубашки.

Кое с кем я познакомился, они мне указали на беженцев из Афганистана: мол, посмотри на эту шваль — они здесь спекулируют, вместо того чтобы зарабатывать деньги на другом поприще. «Но, — сказал мой собеседник, — я здесь собрал большую группу диверсантов и послал их в Афганистан». Он даже сказал куда.

— *То есть американцы сразу же начали готовить душманов — «непримиримую оппозицию»?*

— Да, стали штамповать тех самых талибов, против которых они сейчас сами и борются! Я посмотрел на это дело, передал информацию в Центр, а потом, как мне и было положено, выехал в Гонконг, на Тайвань, вернулся в Европу — и вылетел в ЮАР. Кстати, все это не так просто: у меня были, во-первых, различные шифры, во-вторых — различные волны для приема радиопередач Центра, потому что те же Гонконг и ЮАР — различные часовые пояса, две большие разницы. Многое пришлось

записывать, делать себе заметки — это хреново было, но без этого не обойдешься. В ЮАР я был очень коротко, потому что почти сразу вылетел в Намибию, а там я заметил за собой наружное наблюдение...

— *Ничего подобного раньше не было?*

— Никогда! Но тут проверился — и увидел. Этого я никак не ожидал! Кстати, для наружного наблюдения спецслужбы там используют и черных... «Наружку» я увидел, но бежать мне было некуда — из Намибии можно было вернуться только в ЮАР. Разве что идти до Анголы пешком, через пустыню — 3,5 тысячи километров. Но я не знал этой дороги, да и со львами и змеями мне как-то не хотелось встречаться. Вот и вылетел в Йоханнесбург.

— *Возникает тот вопрос, который вы, нет сомнения, тогда же сразу задали самому себе: почему?*

— Ответа на этот вопрос никто не знал до 1985 года — хотя меня и обменяли в 1982 году, когда сбежал господин Гордиевский, наш резидент в Англии. Я с этой сволочью в свое время учился в МГИМО, мы с ним вместе работали в комитете комсомола. Кстати, он такой идейный был — любил выступить...

— *Почему вы уверены, что это именно он вас выдал?*

— Все сомнения он сам разрешил в своих книжках. Из всех, кого он знал по институту, он упомянул только меня. Больше никого! Он был на два курса моложе и, кстати, проходил практику в той же Дании — на два года позже меня.

— *Где его, как теперь известно, и завербовали...*

— Да. О том, что я стал нелегалом и выехал, он, видимо, узнал позже — ведь после того как он окончил институт, его взяли к нам в «С», в документальный отдел...

Так вот, когда самолет прилетел в Йоханнесбург, я увидел в иллюминатор, как к нам направляется черная машина типа «Волги» с синим «маячком». И я сразу понял, что это за мной — так или иначе есть у человека «шестое

чувство». К тому же наружное наблюдение... Из машины вышел, как я потом узнал, генерал Бродерик, заместитель директора контрразведки ЮАР. Неплохой, интеллигентный мужик такой был. Он показал мне свое удостоверение и сказал, что я арестован.

— *Ваша реакция?*

— Конечно, я потребовал, чтобы меня связали с западногерманским посольством — но они на это просто плюнули. Там ведь все было, как в нацистской Германии в точности! У моего следователя полковника Глоя в кабинете висел такой красивый портрет Гитлера — будь здоров! Глой был самый настоящий нацист, поклонник Эрнста Кальтенбруннера... Кстати, уже потом, когда он со мной прощался, он мне сказал: «Извини за все то, что с тобой здесь произошло. Мы просто не знали, с кем имеем дело. Сейчас мы знаем, что ты — нормальный мужик и настоящий парень». Он крепко пожал мне руку, и я в своей ладони что-то твердое почувствовал. Оказалось — значок контрразведки ЮАР с правом ареста. Но это потом было, через два года...

— *А тогда, сразу, что было?*

— Меня привезли в тюрьму контрразведки, начались бесконечные допросы, которые продолжались и днем, и ночью. Я не спал ни одной минуты — целую неделю! При чем про меня южноафриканцы ни хрена не знали. Даже когда они меня били, то не понимали, зачем это делают. Уже потом, через неделю, приехали немцы из ведомства по охране конституции и из разведки ФРГ и показали мне фотографии. Я смотрю: эти фотокарточки только из института могли выйти, я там еще совсем молодой был.

— *Первая зацепка на Олега Гордиевского?*

— Это я потом понял... Они мне не сказали, что я не должен переворачивать — и я перевернул одну фотокарточку, а там латинскими буквами: «А. М. Kozlov». Ну и что, доказывать, что я не верблюд? Я сказал, что являюсь

советским гражданином, разведчиком. Больше я им не сказал ни хрена — это доказано.

— *А допросы продолжались?*

— Да, меня допрашивали немцы и англичане, получившие информацию от Гордиевского. Англичане — народ довольно культурный, никакого насилия с их стороны не было. Они вежливо со мной разговаривали. Потом еще появились почему-то французы, эти оказались самыми паскудными. А ведь в свое время Франция для меня — это было все!

— *Конечно, все мы воспитывались на «Трех мушкетерах» и романтике Великой Французской революции...*

— Вот и я думал, что французы — это «свобода, равенство, братство»! То еще братство! Скоты такие, что дальше некуда! Вот они мне задавали какой-либо вопрос — я им не отвечал. Так потом этот же вопрос мне задавали южноафриканцы, которые били. Таким образом — ты нам не хочешь отвечать, так попробуй, не ответь им...

— *А как отреагировал на произошедшее Центр?*

— Примерно шесть месяцев в Центре обо мне ничего не знали. И самое главное, что они посылали телеграммы! В контрразведке пару телеграмм приняли — говорят: на, расшифровывай. Заявляю: «Я потерял шифроблокнот. Уничтожил его». — «Как уничтожил?!» — «А вот когда вы в аэропорту меня арестовали — вы же меня в трусах оставили, так?» — «Да». — «Вот, пожалуйста, вы сами и виноваты. Я его в трусы спрятал».

— *Импровизировали вариант?*

— Нет. Они попросили меня продемонстрировать, как я приклеивал к трусам — я продемонстрировал, потому что делал подобное когда-то в других странах. Опасность везде была, а где точно — не знаешь. Идешь через таможню, ну, на всякий случай... Вот я и показал, и рассказал, как я якобы взял эту пленку с шифром, разжевал, опустил ее в унитаз, воду включил — и ее не стало. У меня в камере

туалет был свой. Нажмешь на кнопку — вода, бывало, лилась по 10 минут. Это я и рассказал.

Они говорят: «Не может быть!» — «Идите, проверьте сами!» Проверили. Зато, когда я потом нажал на кнопку, еле-еле полилась вода. Но уничтожить мне уже нечего было, да у меня ничего и раньше не было, я все наврал.

А знаете, что там самое страшное для меня было?

— *Что?*

— Два месяца мне курить не давали! Потом меня перевели в другую тюрьму — только для белых. Там тоже был апартеид! В той-то тюрьме, которая контрразведки, там и белые, и черные сидели...

— *Создается впечатление, что контрразведка в ЮАР была самой демократичной организацией — черные и в «наружке» работали, и в тюрьме с белыми наравне...*

— Ну, не совсем наравне... А в ту тюрьму, где я потом был, черных привозили казнить. Я там сидел в камере смертников, в одиночке, там было три отсека, в каждом почему-то по 13 камер. По пятницам туда привозили черных из тюрьмы для черных — и вешали вместе с белыми. Хотя разница даже тут! Последний завтрак: для белого — целый жареный цыпленок, для черного — только половинка. Это такое средневековье — через 20 минут оба будут висеть на одной веревке! И что, при этом белый будет свысока смотреть на черного?! Мол, я целую курицу съел?!

— *Вы что, видели, как там казнили?*

— Да, и зрелище это малоприятное — меня два раза водили посмотреть на казнь. Это было как спектакль — зрительный зал настоящий, зрители. Причем в основном попы — и католики, и протестанты, и англиканцы... Даже мусульмане были, в таких шикарных шелковых халатах.

И еще один очень неприятный момент. Заслонка, которая снаружи закрывала глазок в моей камере, была оторвана — и я мог видеть, как по коридору проносили

трупы повешенных. Их вешали на втором этаже, они падали через люк на первый этаж, там стоял величайший мерзавец в мире доктор Майхэбо, и он их добивал — делал последний укол воздуха в сердце... Это так каждую пятницу было, в 5 часов утра.

— *А вы разве с этим доктором лично были знакомы?*

— Конечно. Помню, однажды он меня прослушивал.

Говорит: «Дыши!» Дышу. «Громче!» Я сильнее. «Ну, все нормально, все в порядке у тебя». Я говорю: «Доктор, как же все в порядке — вы же меня не слышите!»

У него стетоскоп просто висел на шее. Он возмутился, начал орать...

— *Итак, два года вы никого фактически, кроме тюремщиков, не видели, ни с кем не общались?*

— Не совсем так. Когда через шесть месяцев меня впервые вывели на прогулку во двор тюрьмы, со всех сторон вдруг раздалось: «Парень, держись! Мы слышали, мы читали, что тебя скоро обменяют!» Да ничего они не слышали и не читали, нигде об этом не было написано, но для меня это такая моральная поддержка была! Колоссальнейшая!

— *Там что, политические заключенные были? Борцы против апартеида, так сказать?*

— Никаких политических: убийцы, насильники, ворье всякое, бандиты... Откуда у них это сочувствие — не знаю! Кстати, через надзирателей они мне даже передали подарок — машинку для свертывания сигарет. В тюрьме я провел ровно два года...

— *Что же произошло потом?*

— В конце мая 1982 года ко мне вдруг приходит начальник тюрьмы и заявляет: «Ну-ка, примерь костюм, подойдет тебе или нет, — и подает совершенно не мой костюм. — Поедешь на аэродром, тебя обменяют». Костюм не подошел — купили и принесли новый. Кстати, хороший костюм был, я потом подарил его сыну. Принесли новую рубашку, галстук — только ботинки мои были. А старые

мои вещи мне не подходили: когда меня арестовали, я весил 85 килограммов, а когда выпускали — 57...

Деньги, кстати, тоже не отдали, а у меня было около 8 тысяч марок, да еще и доллары. Наши из отдела безопасности рассказали, что на вопрос, почему деньги не отдали, юаровцы ответили, что у них «нет обыкновения отдавать вещи арестованных их родственникам».

— *С чем же вы вышли из тюрьмы?*

— Мне сказали, чтобы ничего я с собой не брал — только какой-то целлофановый пакетик мог унести... Я взял машинку, которую мне заключенные подарили, потом почему-то кусок зеленого мыла, страшно вонявшего карболкой, и брезентовый пояс от тюремных штанов — зачем, тоже не знаю! Свернул и положил туда. Вот и все, что у меня было...

Меня повезли в контрразведку. Там генерал-майор Бродерик сказал: «Слушай, Алексей! Мы тебя сейчас передаем службе разведки ЮАР, они тебя повезут в Германию, где тебя обменяют. Не знаю, что они тебе будут говорить, что будут делать, но учти, если ты скажешь, что знаешь об обмене, то пеняй на себя — тебя никогда не обменяют. И я тебе ничего не говорил!»

Почему-то разведка у них там была гораздо пакостнее, чем контрразведка...

— *Странно, разведка ведь всегда считается элитой...*

— Полковник Глой снял с меня наручники, и меня передали сотрудникам разведки ЮАР. Там было двое: Мартин Баннерт, страшный мерзавец, второй был Сенекал — высокий офицер, но мерзавец тоже великий. Они повезли меня сначала к памятнику бурам — первопроходцам ЮАР, а потом подвели к большому обрыву. Внизу была Претория, где находилась моя тюрьма. Мне сказали: «Если мы тебя кокнем, ты как раз упадешь туда, на город». Я промолчал.

Потом меня привезли в аэропорт. Полетели мы на самолете «Боинг-747», так называемый «Джамбо», на триста

мест, но в нем всего девять человек летели. Спутники мои начали выпивать — предложили мне, я не отказался...

— *И таким образом вас доставили прямо к месту обмена?*

— Нет, мы приземлились во Франкфурте-на-Майне, где пересели на вертолет западногерманской пограничной службы и летели еще 300 километров до КПП Херлишхаузе. Там ко мне привезли восточногерманского адвоката доктора Фогеля, который спросил, согласен ли я перейти на территорию ГДР. Говорю: «Естественно! Для чего же я сюда приехал?!» Он говорит: «Нет, вы мне скажите: да или нет!» «Ну да, да!» — говорю. «Ладно, десять минут!» — и ушел. Какое там десять минут — час ждал!

— *На кого же вас обменивали?*

— На десять западногерманских шпионов и одного офицера ЮАР, который попал в плен в Анголе. Там были очень интересные люди... Кстати, привезли их на двух автобусах. В одном ехали эти 11 человек, а другой был набит чемоданами и рюкзаками с их вещами. А у меня в руке — маленький целлофановый пакетик.

— *Как проходил обмен?*

— Очень просто, там не было ничего похожего на фильм «Мертвый сезон». Приехала легковая машина, за рулем сидел пограничник ГДР — потом я узнал, что это был подполковник восточногерманской контрразведки.

Мне сказали: «Иди к нему, он тебя перевезет». Я подошел: «Можно мне сесть впереди, рядом с вами?» — «Конечно, можно!» В это время западногерманский охранник говорит: «Нет, вам лучше сесть сзади». Контрразведчик повернулся: «Это еще почему?» Охранник стал чего-то объяснять, тот говорит: «Да пошел ты! Давай, садись!»

Я сел рядом с ним. Переехали... Как оказалось, я абсолютно ничего вокруг не видел! Когда в 1984 году я был в ГДР по приглашению министра госбезопасности ГДР Эриха Мильке, то попросил, чтобы меня свозили на КПП

Херлисхаузе... Приехали. Смотрю: шоссе в несколько полос, шлагбаумы, овчарки бегают, какая-то техника...

Я спрашиваю у начальника КПП: «А что, вы это все недавно сделали? В последние два года?» — «Да нет, лет пятнадцать уже». Я ничего этого не видел! В полной прострации был, абсолютно!

— *А как вас встретили наши товарищи?*

— Когда меня перевезли, подвезли к одному зданию — смотрю, там две фигуры знакомые стоят. Мы обнялись, расцеловались, сели в машину, поехали... Первые тридцать минут пути, до Готы, мы абсолютно ничего не говорили. Гробовое молчание было — и я молчу, и они молчат, и водитель молчит. Едем. Приезжаем в Готу.

И тут я говорю: «Мужики! Я же ведь вернулся домой!» Один из встретивших говорит: «Да, а чего?» — «Обмыть-то это дело надо!» Тот шлепнул себя по лысине: «А я-то думаю, чего мы все молчим! — и водителю: — Давай к первой харчевне!»

Заехали — по 100 граммов, по кружке пива, и после того уже до самого Берлина — а там 500 километров — мы не молчали. Ехали, трепались — будь здоров! Вот так был произведен обмен... Я возвратился на родину.

— *О том, что было в Москве в первые месяцы, вы все равно не расскажете... Но ведь на этом, насколько известно, ваша нелегальная «одиссея» не завершилась?*

— Да, я горжусь тем, что я единственный, кто после заключения опять пошел на нелегальную работу. В Москве меня сначала поселили в одном доме на окраине. Кормили на убой, поили на упой, отношение было хорошее, но куда меня не выпускали. Кстати, если бы было по-другому, я был бы удивлен...

Через полтора месяца хозяйка говорит: «Алексей Михайлович, а почему вы не съездите в центр, Кремль посмотреть?» Думаю: «Ничего себе!» Надел костюм, галстук и поехал... Но, проехав на метро две остановки, сел во

встречный поезд и вернулся обратно. Объяснил: «Громко разговаривают люди. Не привык я к этому». Вскоре меня перевели на квартиру в центре Москвы — там уже громче разговаривали...

Потом Юрий Иванович Дроздов предложил мне работать в Управлении «С» в Москве, но я категорически отказался. Дроздов был страшно удивлен, но я ответил: «Если работать в Управлении «С» — то только быть нелегалом!»

Тогда меня назначили в один институт. Работали хорошо, все нормально... А потом, года через два, мне стало тоскливо. Была осень, дождь шел. Я поднял трубку, набрал дроздовский номер: «Юрий Иванович, мне нужно с вами поговорить». — «А ты далеко? Десять минут тебе хватит дойти до меня?» — «Хватит».

Прихожу. Он говорит: «Я знаю, зачем ты пришел. Но что я с тобой буду делать? Ты отсидел, тебя все знают... Чего ты, в конце концов, хочешь?» Говорю: «Я хочу обратно на нелегальную работу. Никуда отсюда не уйду, пока вы меня обратно не возьмете».

И вот мы сидели с ним и молчали. Гробовое молчание было. Потом он говорит: «Слушай, Лешка! А чего нам не рискнуть? Ты здесь уже четыре года. Тебя они нам отдали, ты нигде в розыске не значишься. Ну и все! За четыре года ты располнел, совсем изменился. Можно! Но сначала пошлем тебя в страну с менее жестким режимом...» Туда и послали.

— Известно, что Юрий Иванович — человек рискованный, даже азартный. Вам с таким начальником повезло...

— Согласен! Так вот, три года я там отработал, вернулся — и тогда уже были хорошие задания Центра. Очень хорошие, очень сильные. Кстати, я опять ездил по тем же самым европейским странам... Но об этом я вам расскажу в другой раз — когда будет можно. Хотя сразу предупреждаю, что будет это очень нескоро!

Содержание

Предисловие	5

Часть 1. Революция пожирает своих детей

Судьба разведчика	8
«Дело Тухачевского»: факты и размышления	31
Посеешь ветер... ..	98
Кто правит миром	124
Тайные планы и маршал Тухачевский	149

Часть 2. Великая война

Случай под Мценском	158
Бессменная вахта Этьена	186

Часть 3. Закат империи

Иосиф Сталин: годы одиночества	205
Операция «Преемник»	224
Секретная командировка (Рассказ контрразведчика)	257
«Человек Брежнева»	273
«Зеркало нашей мощи или немощи»	307
Наш последний Главком в Германии	324
Загадки рейса KAL-007	334
«Я сидел в камере смертников»	361

Бондаренко Александр Юльевич, Ефимов Николай Николаевич

УТАЕННЫЕ СТРАНИЦЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Книга 2

Редактор *Е. И. Рычкова*

Художественное оформление *А. П. Зарубин*

Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*

Корректор *Е. Р. Ароян*

Издательство «Кучково поле»

123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.

Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.

E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Подписано в печать 22.12.10. Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 20,16.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 7081.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ОАО «Дом печати—ВЯТКА».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>

e-mail: pto@gipp.kirov.ru

Это издание является продолжением книги «Утаенные страницы советской истории».

Читатель снова сможет перелистать малоизвестные страницы истории Советского государства.

Свидетельства очевидцев и участников событий, эксперты, архивные материалы помогают авторам воссоздать картины прошлого. Размышления авторов позволяют лучше представить скрытый от масс механизм формирования реальной политики, причины взлета и падения СССР, распад которого стал величайшей катастрофой XX столетия.

ISBN 978-5-9950-0149-2

9 785995 001492 >